М. ВЯТКИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ С.С.Р.

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КАЗАХСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

941к EB_1941_OFO_83
(2446-1)

М. ВЯТКИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ ССР

32040

ТОМ ПЕРВЫЙ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ПО 1870 г.

ОГИЗ. ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1941

БИБЛИОТЕКА

(9 C55)
B—99

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Октябрьская революция пробудила интерес к истории народов, входящих в состав СССР. До революции народности колоний Российской империи рассматривались господствующими классами как низшие, неполноценные национальности, не имеющие или почти не имеющие своей истории. Лишь немногие исследователи интересовались историей этих народностей и стремились к изучению их прошлого, и то в большинстве случаев с точки зрения колониальных интересов империи.

Литература, относящаяся к прошлому Казахстана, довольно обширна. На основных этапах изучения прошлого Казахстана мы останавливаемся во введении; здесь лишь отметим, что ценность этой литературы в настоящее время заключается в собранном в ней фактическом материале. Но построение исторического процесса не может удовлетворить требованиям современной исторической науки, и даже с точки зрения простого собирания материала литературные источники далеко недостаточны, чтобы дать общий очерк по истории Казахской ССР. Совершенно необходимо использование архивных материалов, нарративных восточных памятников и данных археологии.

Настоящие «Очерки» представляют собою попытку дать общую картину исторического развития Казахской ССР с древнейших времен до ликвидации последних остатков политической независимости казахского народа, т. е. до реформы 21 октября 1868 г.

Работа в большей своей части построена на архивных документах и других первоисточниках. Помимо источников и литературы, указанных во введении и библиографическом указателе, автор использовал также три статьи из 1 тома, подготовляемой к печати ИИМК «Истории народов СССР» (статьи А. Н. Бернштама, М. П. Грязнова и С. П. Толстова). В рукописи автор имел возможность ознакомиться с материалами археологических экспедиций в Казахстане 1939 и 1940 гг. с разрешения руководителя экспедиций А. Н. Берн-

штама. В транскрипции имен и терминов мы придерживались следующего принципа. Все имена и термины, кроме казахских, мы давали в общепринятой транскрипции, т. е., например, писали Чурас, а не Шорас. В отношении же казахских терминов и имен мы придерживались казахского произношения: например, писали журт вместо общепринятого юрт; жуз вместо юз; Жаныш вместо Джаныш и т. п. Но в немногих случаях, там, где определенное произношение прочно укрепилось в исторической литературе, мы сочли целесообразным и для казахских имен сохранить обычную транскрипцию, чтобы не затруднять чтение книги; так, повсюду мы писали Айчувак вместо казахского Айшуак; Ишим вместо Есим.

Автор приносит искреннюю благодарность за оказанную в работе помощь П. П. Иванову, В. И. Лебедеву и А. Н. Бернштаму, а также всем товарищам, ознакомившимся с настоящей книгой в рукописи и сообщившим автору свои замечания.

ВВЕДЕНИЕ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Изучение прошлого Казахстана началось еще в XVIII в., но и до настоящего времени не все стороны исторического прошлого этой страны изучены достаточно удовлетворительно. Даже такой актуальный вопрос, как история колониальной политики царизма в Казахстане, освещен весьма недостаточно. Очень неполно до настоящего времени изучено археологическое прошлое Казахстана, несмотря на большую важность такого изучения. Изучение археологического прошлого Казахстана не выходило за рамки случайных находок и не менее беглого и случайного их описания. Лишь с 80-х годов XIX в. началось специальное изучение археологии Казахстана, в котором принял участие ряд научных обществ, но и тогда значительное число археологических раскопок не было в достаточной мере научно организовано.

Раскопки производились в районе Илецкой защиты, озера Убалы-куль, близ Акмолинска, Кокчетава, Атбасара, Петропавловска, в районе урочища Кара-Агач Акмолинского уезда, а также в Семипалатинской области, в Аулие-Атинском уезде (ныне район города Джамбула) и, наконец, в Семиречье. Данные раскопок до 1910 г. приведены в работе А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» (Оренбург, 1910 г.). Не всегда работу поручалось производить специалистам, выбор районов раскопок носил случайный характер, в результате чего собранные данные дают отрывочный и далеко не всегда научно-проверенный материал для суждения о далеком прошлом современного Казахстана.

После Великой Октябрьской Социалистической революции, с подъемом культуры ранее отсталых национальностей, оживился и интерес к изучению археологического прошлого Казахстана.

Большую роль в освещении отдаленного прошлого Казахстана сыграли раскопки М. П. Грязнова, давшего впервые описание памятников медно-бронзового века так называемой Андроновской культуры.[1] Имеют значение также раскопки Б. Гракова, определившие характер так называемой срубно-хвалынской культуры на территории Западного Казахстана. Крупную роль играют археологические экспедиции, организованные Институтом материальной культуры им. Марра и Казахстанским филиалом Академии Наук СССР под руководством А. Н. Бернштама. Две экспедиции были посвящены археологическому прошлому Таласской долины и одна — изучению района реки Или. Все экспедиции дали богатый материал о прошлом долины реки Талас, в частности, о древнем «городе купцов» Таразе (ныне Джамбул). Большое значение имеют и предварительные данные экспедиции 1939 г., обследовавшей Алма-Атинскую область, главным образом район реки Или.

Для изучения прошлого Казахстана в период средневековья имеют совершенно исключительное значение работы акад. В. В. Бартольда. В ряде работ, непосредственно связанных с историей Казахстана, и в других своих работах по истории Средней Азии[2] Бартольд подробно освещает культурные и внешнеполитические связи племен и народов, населявших степи Казахстана до появления на исторической сцене казахов, а также внутреннюю борьбу этих народностей. В меньшей степени в работах Бартольда нашли отражение социально-классовые отношения и хозяйственный быт народностей Казахстана, хотя и при изучении этих вопросов совершенно невозможно обойтись без работ Бартольда.

Исследования В. В. Бартольда относятся в большей части к периоду не позднее XVIII в., но отдельные замечания касаются и политики царского правительства XIX —

---

[1] Сб. «Казахи», Антропологические очерки, изд. Ак. Наук СССР, 1927.

[2] В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья; Памятная книжка Семиреченской обл. за 1898 г.; Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг., СПб., 1897; О христианстве в Туркестане в домонгольский период, Записки Вост. отд. Русск. Археол. общества, т. VIII; История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925; Киргизы, исторический очерк, Фрунзе, 1927; История культурной жизни Туркестана, Л., 1927; История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928; Туркестан в эпоху монгольского завоевания, ч. II, СПб., 1900, и др.

начала XX в., в частности, вопроса переселенческой политики царизма и ее влияния на хозяйство казахов.

Для знакомства с прошлым района низовьев реки Сырдарьи имеют большое значение работа П. Лерха [1] и для более северных районов Казахстана — работы В. В. Радлова. [2]

Большую роль в изучении общественного быта народов Казахстана в период монгольского завоевания (XIII в.) сыграла работа акад. Б. Владимирцова «Общественный строй монголов». Эта работа важна не только потому, что она освещает общественные отношения среди монгольских племен, часть из которых была вытеснена в начале XIII в. в пределы Казахстана, но и потому, что в ней акад. Владимирцов заострил внимание на своеобразных чертах кочевого феодализма у монголов и тем помог изучению общественных отношений у кочевых народностей Казахстана. Большое значение для понимания общественного быта населения Казахстана имеет изучение социальных отношений в Золотой Орде, в состав которой входила значительная часть современного Казахстана. В этом смысле для изучения прошлого Казахстана важна прежде всего работа Тизенгаузена, положившего начало научному изучению Золотой Орды. [3]

Из новых работ должны быть указаны исследования А. Ю. Якубовского. [4] Следует все же отметить, что до сих пор мы не имеем, к сожалению, ни одной работы, систематически освещающей на основе всех современных данных историю кочевых районов Средней Азии до образования казахской народности.

Изучение исторического прошлого собственно казахов в русской литературе началось вскоре же после принятия ханом Абулхаиром русского подданства в первой по-

---

[1] П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870.

[2] В. Радлов. Сибирские древности, т. I, СПб., 1894, и т. II, СПб., 1902. К вопросу об уйгурах, СПб., 1893; Предварит. отчет о результатах снаряженной Ак. Наук экспедиции для археологического исследования реки Орхона, СПб., 1892 и др.

[3] В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, т. II (в печати).

[4] А. Ю. Якубовский и Б. Греков, Золотая Орда, Ленинград, 1938; его же «Развалины Ургенча», Л., 1930, «Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.». Материалы по истории народов СССР, в. 3, изд. Ин-та ист. Ак. Наук, 1933; К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке, изв. ГАИМК, т. VIII; Столица Золотой Орды — Сарай-Берке, Л., 1932.

ловине XVIII в. Мы остановимся лишь на основных этапах развития историографии Казахстана.

Здесь должны быть отмечены прежде всего работы П. И. Рычкова.[1] П. И. Рычков не углубляется в далекое прошлое казахов, но он подробно останавливается на истории принятия казахами русского подданства, на деятельности первых оренбургских администраторов, вскрывает цели колониальной политики и меры, какие применял царизм в первое время своего господства на границе казахских степей, довольно подробно останавливается на взаимоотношениях между отдельными казахскими владельцами, по преимуществу Младшей Орды, сообщает очень ценные сведения историко-географического характера о местах кочевий отдельных казахских родов, внешних отношениях казахских владельцев и о народах, граничащих с Казахстаном. Вопрос об этногенезисе казахов и внутренних социальных отношениях казахского общества почти не нашел отражения в работах Рычкова. П. И. Рычков пользовался при составлении своих работ не только письменными источниками в виде архивных материалов Оренбургской губернской канцелярии, но и устными расспросами приезжавших в Оренбург старшин. Его работа насыщена большим количеством конкретных исторических фактов и не потеряла своего значения как исторический источник до нашего времени.

Следующим крупным этапом в развитии историографии Казахстана явилась работа А. Левшина.[2] Во второй части своего труда А. Левшин с исключительной добросовестностью излагает историю Младшей, Средней и Старшей Орд. Характер используемых им источников — русские материалы Оренбургской губернской канцелярии, Пограничной комиссии и Коллегии иностранных дел — позволили ему с большой полнотой осветить историю Младшей Орды, с меньшей подробностью историю Средней и наименее полно историю Старшей Орды. А. Левшин не останавливался в изложении истории Казахстана на принятии казахами русского подданства, а стремился осветить и более ранние периоды истории Казахстана; но его источники—сведения

---

[1] П. И. Рычков, История Оренбургская (1730—1750 гг.), журнал «Ежемесячные сочинения и переводы», СПб., 1759. Переиздана в Оренбурге в 1896 г.; его же, Топография Оренбургской губернии, в том же журнале за 1762 г., а также отдельное изд., СПб., 1762.

[2] А. Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I—III, СПб., 1832.

А. Тевкелева,[1] собранные в беседах с казахскими старшинами, — не позволили ему разрешить эту задачу. Все сообщения Левшина о древнейшей истории казахов сводились к отрывочным сведениям об отдельных казахских ханах и к установлению их генеалогии. Большим достоинством изложения Левшина является исключительная точность в передаче им содержания источников XVIII—первой четверти XIX в.

Большой интерес представляет I и III части сочинения Левшина. Первая часть посвящена «Известиям географическим», третья часть носит по преимуществу этнографический характер. Ценными являются страницы, посвященные описанию быта казахов. По богатству своего фактического материала работа Левшина не утратила своего значения до наших дней.

Крупнейшим шагом вперед в изучении прошлого Казахстана являлись работы акад. В. В. Вельяминова-Зернова.[2] Вельяминов-Зернов собрал большой и исключительно ценный материал по истории казахов XV — начала XVIII в. Значение его работ заключается прежде всего в том, что он привлек к изучению прошлого казахов восточные нарративные памятники. В его работе впервые был освещен ранний период в истории казахов, начиная с середины XV в. с выделения из Узбекского союза особого политического образования во главе с султаном Жанибеком и Гиреем и кончая сведениями о хане Тауке. Однако В. В. Вельяминов-Зернов касается прошлого казахов лишь попутно, в связи с основной задачей его труда — выяснением происхождения одного из касимовских царевичей. Он опубликовал в подлиннике и снабдил русским переводом ряд свидетельств восточных авторов о казахах, вследствие чего его работа до сих пор имеет весьма важное значение для выяснения политической истории Казахского союза, хотя дает очень мало материала по социально-экономическому быту казахского народа.

Вторая работа В. В. Вельяминова-Зернова — «Исторические известия о киргиз-кайсаках» написана на основании

---

[1] А. И. Тевкелев (он же мурза Кутлу Мухаммед) — переводчик Коллегии ин. дел, затем полковник, ездил в Младшую Орду в 1731—1732 гг. в связи с принятием ханом Абулхаиром русского подданства. Впоследствии неоднократно посылался в Орду с официальными поручениями.

[2] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864; его же, Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Абулхаира-хана, т. I, Уфа, 1853, и т. II, 1855.

русских источников — фонда Оренбургской губернской канцелярии и Коллегии иностранных дел («Сношения России с киргиз-кайсаками»). Эта работа сообщает много интересных данных о внешних отношениях казахских владений, о торговле казахов, о царской колониальной политике в Казахстане, но и она не восполняет пробела в изучении социального прошлого казахского народа.

В середине XIX в., в связи с активизацией колониальной политики царизма, появились почти одновременно две работы — Мейера[1] и Красовского.[2] Обе они содержат ряд исторических сведений; из них наибольший интерес представляют те, которые относятся к середине XIX в. Исторический очерк Мейера посвящен Младшей Орде. Л. Мейер впервые поставил вопрос о национально-освободительных движениях в Младшей Орде середины XIX в., изложение которых интересно не анализом движущих сил, причин восстаний и оценкой, а фактическими сведениями. Особенно это следует сказать о движениях Жан-Хожи и Исета Котибарова. Огромный географический и этнографический материал, описание экономического быта казахов, освещение целей и методов колониальной политики царизма в Казахстане в обоих сочинениях представляют большую ценность для историка и в настоящее время.

В изучении национально-освободительных движений в Казахстане много нового дали работы Н. Середы.[3] До Великой Октябрьской Социалистической революции работы Н. Середы представляли собой лучшее изложение истории движения Кенисары Касимова и восстания 1869—1870 гг. Знакомство с его работами необходимо и теперь для каждого, кто интересуется вопросами национально-освободительной борьбы в Казахстане.

Большое значение для изучения не только истории, но и этнографии Казахстана, имеют работы Ч. Ч. Валиханова, первого казахского интеллигента и ученого.[4]

---

[1] Л. Мейер, Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб., 1865.

[2] М. Красовский, Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов, СПб., 1868.

[3] Н. И. Середа, Бунт киргизского султана Кенисары Касимова, журнал «Вестник Европы» 1870 и 1871 гг.; его же, Из истории волнений в Оренбургском крае, журнал «Русская мысль», 1891 и 1892 гг.

[4] Ч. Валиханов, Сочинения, Записки Русского географического общества по отдел. этнографии, т. XXIX, СПб., 1904, под ред. Н. И. Веселовского. Статья «Очерки Джунгарии» была впервые напечатана в Записках Русского географич. общества в 1861 г.

Из дореволюционной литературы по истории Казахстана следует также отметить работы В. Н. Витевского [1] и И. Крафта. [2] Большая монография В. Н. Витевского интересна лишь собранием большого фактического материала, относящегося к деятельности в Оренбурге И. И. Неплюева, но подбор материала тенденциозен, вся работа в целом носит типично апологетический великодержавный характер.

Главная заслуга И. Крафта заключается в том, что он опубликовал ряд новых исторических материалов. Его статьи, собранные в книге «Из киргизской старины», интересны рядом фактических данных по истории быта и политической истории казахов.

Большее значение, чем работы Витевского и Крафта, имеют исторические труды и публикации документов Добросмыслова. [3] Изложение Добросмыслова является наиболее подробным изложением истории Младшей и части Средней Орды, входившей в введение оренбургского губернатора. Изложение прошлого казахов начинается с принятия ханом Абулхаиром русского подданства и доводится до конца XIX в. Однако и изложение Добросмыслова ограничивается по преимуществу вопросами политической истории. Его освещение национально-освободительных движений в Казахстане нуждается в существенных поправках.

В конце XIX в. появились две работы Н. Аристова, [4] впервые поставившие вопрос об этногенезисе казахов. Несмотря на ряд исключительно важных сведений о происхождении казахских родов, сведений, которые нуждаются лишь в частичных исправлениях, все же в работах Н. Ари-

---

[1] В. Н. Витевский, И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань, 1897.

[2] И. Крафт, Из киргизской старины, Оренбург, 1905; его же, Сборник узаконений о киргизах степных областей, Оренбург, 1898; его же, Тургайский областной архив, СПб., 1901.

[3] А. И. Добросмыслов, Тургайская область. Исторический очерк, «Изв. Оренб. отд. РГО», вып. 15—19, также отдельное издание; его же, Материалы по истории России, Оренбург, 1900, 2 тт.

[4] Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов, журнал «Живая старина», 1894, вып. III—IV; его же, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, журнал «Живая старина», 1896, вып. III—IV.

стова вопрос об этногенезисе казахов лишь поставлен, но не разрешен. Остаются не решенными такие вопросы, как историческая связь казахских родов с населением Моголистана, Ногайской Орды, Узбекского союза, не выяснен вопрос и о формировании казахов, как особой, отличной от других тюрок, народности и т. д. Все же данные, сообщаемые Н. Аристовым, исключительно важны, и мимо них пройти невозможно при выяснении вопроса этногенезиса казахов.

Для изучения антропологического типа казахов важной является работа А. Харузина.[1] В этой же работе собраны интересные сведения по истории Букеевской Орды.

Старая дореволюционная историография ввела в научный оборот много нового фактического материала — в этом ее значение в научной разработке истории Казахстана. Однако казахский народ выступает в этой литературе скорее как объект колониальной политики царизма, а не как субъект исторического процесса. Хозяйственному быту казахского народа, своеобразию его социального строя в дореволюционной историографии уделяется очень небольшое место, не говоря уже об истории национально-освободительных движений и крестьянских войн, которые нередко характеризуются как грабежи или набеги отважных джигитов.

История Казахстана освещалась по преимуществу с точки зрения колониальных интересов царизма. Нередко в этой литературе слышится пренебрежение к казахам, как отсталой народности. Великая Октябрьская Социалистическая революция пробудила интерес к истории народностей бывших колоний Российской империи; в частности, возрос интерес к социально-экономическим вопросам и к истории освободительной борьбы. Из работ послереволюционного периода, помимо вышеуказанных работ акад. Бартольда, следует указать на работы ряда сотрудников Академии Наук СССР. Очень важными для изучения истории Казахстана являются работы П. П. Иванова, особенно для выявления взаимоотношений казахов со среднеазиатскими ханствами.[2] Представляют интерес статьи

---

[1] А. Харузин, Киргизы Букеевской Орды, М., 1889, вып. I.

[2] П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, Л., 1940; его же, Казахи и Кокандское ханство, «Записки Ин-та востоковед. Ак. Наук», т. VII, 1940; его же, Очерк истории Кара-Калпаков, «Труды Ин-та востоковед. Ак. Наук», т. VII, 1935.

А. П. Чулошникова.[1] Следует также отметить научный аппарат и введения к публикациям по истории народов СССР, издаваемым Институтом истории и Институтом востоковедения Академии Наук.[2] В Казахстане много работал по истории казахов А. Ф. Рязанов.[3] Рязанов писал почти исключительно на основании местных оренбургских архивных данных. Материал архивов Москвы и Ленинграда остался ему неизвестен. Будучи оторван от центра, он не мог использовать многое и из литературных источников, в чем он сам признается. Большой заслугой А. Ф. Рязанова является то, что он ввел в научный оборот большое количество нового свежего фактического материала. Однако Рязанов нередко в изложении событий пользовался производными материалами — например, экстрактами из дел, а не подлинными их оригиналами. Изложение источников не всегда точное. Все же работы А. Ф. Рязанова явились крупным шагом в разработке ряда вопросов социальной истории Казахстана.

Этого нельзя сказать о довольно многочисленной литературе, исходившей из лагеря местных буржуазных националистов, на перечислении работ которых нет нужды оста-

---

[1] А. П. Чулошников, К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. «Известия Ак. Наук СССР» № 3, 1936 г.; его же, Киргиз-кайсацкие кочевые орды и пугачевщина, журнал «Новый Восток», 1929, № 5; его же, Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. «Материалы по истории народов СССР», вып. 3. Большая сводная работа А. П. Чулошникова (Очерки по истории казах-киргизского народа, ч. I, Оренбург, 1924) требует в настоящее время пересмотра по ряду основных вопросов.

[2] Материалы по истории кара-калпаков, изд. Ин-та востоковед. Ак. Наук; Материалы по истории туркмен и Туркмении, в том же изд. т. II; Материалы по истории Казахской ССР, изд. Ин-та истории Ак. Наук, т. IV; Материалы по истории Башкирской АССР, в том же изд., ч. I.

[3] А. Ф. Рязанов, Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838 гг.), Кзыл Орда, 1926; его же, Прошлое Кзыл Орды, журнал «Советская Киргизия», 1925, № 5—7; его же, Отголоски пугачевского восстания в киргиз-кайсацкой Малой Орде, журнал «Советская Киргизия», 1925, № 1; его же, Батыр Сырым Датов, журнал «Советская Киргизия», 1924, № 10; его же, Восстание Исетая Тайманова, Ташкент, 1927.

Кроме А. Ф. Рязанова в Казахстане работает также Е. Г. Федоров, но его работы, относящиеся к истории Казахстана до XIX в., нуждаются в серьезном пересмотре. Что касается его работ, касающихся периода конца XIX—XX вв. и представляющих несомненный интерес, мы о них не упоминаем, как выходящих за хронологические рамки настоящей работы.

навливаться. Однако полезно будет указать на ряд особенностей этого направления в историографии Казахстана. Для него характерно полное пренебрежение к историческим источникам и стремление строить широкие обобщения на основании случайно выхваченных фактов. Иной раз эти факты даже не относятся к истории Казахстана, а берутся из истории смежных с Казахстаном народностей, например, башкир и др.

Пренебрежение к источникам и, следовательно, к историческим фактам приводит построения буржуазных националистов к крайнему схематизму: не только конкретные исторические личности, но и существенные события выпадают из их поля зрения. В схемах этого направления ярко сказывается влияние «школы» Покровского. Это влияние проявляется в преувеличенной оценке в истории Казахстана роли торгового капитала.

При пренебрежительном отношении к историческим источникам буржуазно-националистическое направление в историографии Казахстана не только не могло обогатить науку новым фактическим материалом, но оказало вредное методологическое влияние на общий ход исторических исследований в Казахстане. Полное игнорирование методологических указаний классиков марксизма привело эту «школу» к ряду глубоко ошибочных выводов и антимарксистских извращений. Так, например, на основе того, что в состав казахского народа входят племена усунь, дулат и т. д., делались попытки отожествить казахскую народность с древними племенами усуней и дулу, совершенно игнорируя то, что в образовании казахской народности участвовали осколки других более поздних племен (кипчаки, найманы, алчины и др.) и что сами древние племена прошли длительную историю, и поэтому отожествление казахов, например, с усунями является вполне произвольным. Искажая факты и фальсифицируя исторические данные, буржуазные националисты пытались навязать читателю свои выводы о древнем происхождении казахской народности.

Особенно необходимо отметить националистическое извращение в основном вопросе казахской истории — классовой структуры казахского общества. Товарищ Сталин в тезисах к X съезду партии «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», говоря, в частности, о казахах, отнес их к группе народностей, «. . .не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших

в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт. ...». [1]

Между тем в буржуазно-националистической литературе произвольно отожествляется патриархально-родовой быт с понятием бесклассового общества, несмотря на то, что товарищ Сталин несколькими строками ниже, говоря об основных задачах коммунистов в отношении народностей Советского востока, в том числе и казахов, указывал, что эти задачи заключаются в том, «. . .чтобы помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений и приобщиться к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских советов», [2] — следовательно, подчеркивал наличие у казахов классовых отношений.

Но чаще в буржуазно-националистической литературе допускалось иное искажение классовой структуры казахского общества: правильно указывается на классовый феодальный характер казахского общества, но в то же время игнорируются патриархально-родовые формы быта. Эти формы рассматриваются только как пережиток, без всякой попытки выяснить, в чем же заключается активная общественная роль этих пережитков. Этим путем закрывалась возможность добраться до корней классовой борьбы в Казахстане, разглядеть за формами патриархальщины наиболее своеобразные формы феодальной эксплоатации, понять патриархально-феодальный характер общественных отношений в Казахстане.

Не останавливаясь на других извращениях буржуазно-националистической литературы, отметим те вопросы прошлого Казахстана, разрешение которых составляет задачи современной марксистской историографии. К числу такого рода проблем исторического прошлого Казахстана относятся, в частности:

1. Вопросы этногенезиса казахского народа, связь истории казахов с предшествующим доказахским прошлым истории Казахстана.

2. Вопрос о социально-экономических отношениях казахского общества, особенно для XVI—XVIII вв. В частности, остается неразработанным вопрос о роли патриархально-родовой казахской общины на различных этапах истории казахского общества.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939, стр. 93—94.

[2] Там же, стр. 94.

3. Вопрос о внешних отношениях казахского общества, в частности, кардинальный вопрос о значении принятия русского подданства.

4. Вопрос об оценке освободительных движений в Казахстане.

5. Вопросы истории культуры казахского общества и ряд других.

Разрешение этих кардинальных вопросов невозможно без использования первоисточников.

Остановимся кратко на обзоре источников по истории Казахстана, причем ограничим нашу задачу обзором источников, относящихся только к истории казахов, не затрагивая доказахского прошлого Средней Азии.

Из восточных источников важнейшими являются:

1. «Тарих-и-Рашиди» Мухаммед Хайдера на персидском языке. Труд закончен в 40-х годах XVI в. Извлечения из этого труда приведены на русском языке в указанном выше сочинении Вельяминова-Зернова. Имеется также полный английский перевод труда Мухаммед Хайдера.

2. «Михман-намэ-и-Бухара», соч. Рузбехана на персидском языке, написано в первых десятилетиях XVI в. [1]

3. «Шейбани-намэ» неизвестного автора на джагатайском языке. [2]

4. «Абдулла-намэ» Хафизи Таныша, написанная в конце XVI в. на персидском языке. [3]

5. «Родословное древо тюрков», соч. Абулгази-хана, написанное в 60-х годах XVII в. на узбекском языке. [4]

6. Хивинская история «Фирдаус-уль-Икбаль» и другие сочинения Муниса и Агехи на узбекском языке, написанные в Хиве в XIX в. [5]

Сведения о казахах из китайских источников собраны

---

[1] Единственная рукопись в СССР хранится в Ташкенте в Публичной библиотеке Узб. ССР. В Ин-те востоковед. Ак. Наук имеется фотокопия этой рукописи.

Отрывки на русском языке в недостаточно точном переводе приведены в сборнике «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», Алма-Ата, М., 1935, ч. I.

[2] Русский перевод: Шейбаниада, История монголо-тюрок на джагатайском наречии, изд. Н. Березиным, Казань, 1849.

[3] Отрывки на русском языке приведены у В. Вельяминова-Зернова, цит. соч.

[4] Русский перевод: Абул-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906; имеется также французский перевод.

[5] Обширные отрывки на русском языке приведены в «Материалах по истории туркмен и Туркмении», т. II, Л., 1938.

в работах Бичурина [1] и отрывки из Сиюй-вынь-цзянь-лу у Тимковского. [2]

Отрывочные сведения о ранней истории казахов встречаются у западноевропейских авторов Иовия, Герберштейна, Дженкинсона, причем только один Дженкинсон, ездивший в 1558 г. в Хиву и Бухару, передает сведения о казахах как очевидец. Остальные передают сведения из вторых рук. Работа Дженкинсона издана на русском языке. [3]

Русские источники по истории казахов до начала XVIII в. носят отрывочный характер. Такие сведения содержатся в «Краткой сибирской летописи», в Строгановской и Есиповской летописи, в книге «Большого чертежа», составленной в 1627 г., [4] в отписках и статейных списках царских послов к ногайским мурзам, грамотах ногайских мурз, жалованных грамотах царей, расспросных речах, отобранных у лиц, бывших в Орде, и т. д. Из этих материалов следует отметить «Путешествие и журнал» Избранда Идеса Эбергарда, [5] отписку русского посла в Ногаи Данила Губина, [6] речи князя Никиты Ромодановского, [7] статейный список Бориса Доможирова, [8] запись частной беседы казахского султана Ураз-Мухаммеда с Кул-Мухаммедом, [9] отписка Вельямина Степанова, посла в Казачью Орду, [10] отписка князя Дм. Пожарского, [11] статейный список послов к хану Тауке Ф. Скибина и М. Трошина, [12] расспросные речи Ф. Скибина и М. Трошина [13] и др.

---

[1] Иакинф (Бичурин), Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии, СПб., 1829, ч. I и II; «Историческое обозрение ойротов или калмыков с XV ст. до настоящего времени», СПб., 1834. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I и II, СПб., 1851, и др.

[2] Тимковский, Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., СПб., 1824, ч. I.

[3] Сборник «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», 1938; имеются русские переводы Герберштейна, Иовия, принадлежащие А. Малеину.

[4] Книга, глаголемая «Большой чертеж», М., 1826.

[5] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. Н. Новиковым, 2 изд., 1789, ч. VIII.

[6] Продолж. Древней Российской Вивлиофики, ч. VII, СПб., 1791.

[7] Акты исторические, т. I, № 179.

[8] Продолж. Древней Российской Вивлиофики, ч. XI, СПб., 1801.

[9] Материалы по истории народов СССР, вып. 3, ч. I, Л., 1932, изд. Ак. Наук.

[10] Там же.

[11] Акты исторические, т. III, № 254.

[12] Дополн. к актам историческим, т. X, № 80.

[13] Материалы по истории народов СССР, вып. 3, ч. I, Л., 1932, изд. Ак. Наук.

БИБЛИОТЕКА Академии Наук СССР

Опубликован ряд материалов, относящихся к истории Казахстана XVIII—XIX вв. Они напечатаны в Памятниках Сибирской истории,[1] Полн. собр. законов,[2] у Рычкова,[3] у Крафта[4] и в Архиве Гос. Совета.[5] Из предпринятого Институтом истории Академии Наук СССР многотомного издания материалов по истории Казахской ССР вышел из печати пока один том.[6] Из отдельных опубликованных памятников следует отметить следующие: Журнал геодезиста Муравина (1740 г.),[7] Показание поручика Дм. Гладышева (1741 г.),[8] «Объяснение А. О. Игельстрома» (1789),[9] Журнал муфтия Мехаммеджана Хусаинова,[10] отчет о поездке в Ташкент Поспелова и Бурнашева,[11] Записки И. И. Неплюева,[12] Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды Броневского,[13] отрывки из путешествия Г. Бурнашева в 1794—1795 гг.,[14] Записки Мейендорфа,[15] Путевые заметки Бланкенагеля о Хиве в 1793—1794 гг.[16] и др.

Характер исторического источника носят и сочинения Георги, Палласа и Фалька.[17]

Но огромное, подавляющее количество исторического документального материала о казахах остается до настоя-

---

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., СПб., 1882, кн. I и 1895, кн. II.

[2] Ряд законодательных материалов, не вошедших в Полн. собр. законов, собранных в материалах по истории России, под ред. А. Добросмыслова, Оренбург, 1900, т. I и II.

[3] П. И. Рычков, История Оренбургская, Оренбург, 1897.

[4] И. Крафт, Собрание узаконений о киргизах степных областей, Оренбург, 1898. (Изложение содержания указов).

[5] Архив Гос. Совета, СПб., 1869, т. I, ч. II.

[6] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, М.—Л., 1940.

[7] Географические известия 1850 г. Октябрь — декабрь.

[8] Там же.

[9] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, М. — Л., 1940.

[10] Исторический архив, т. II, М. — Л., 1940.

[11] Вестник Русского географического общества, 1851, ч. I, кн. I, отд. VI.

[12] Русский архив, 1871, № 4—5.

[13] Отечественные записки, СПб., 1830, ч. 41, № 112; ч. 42, № 120, 121; ч. 43, № 123, 124.

[14] Санктпетербургский Вестник, 1818, ч. II и III.

[15] Meyendorff G., Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, Paris, 1826.

[16] Вестник Русского географического общества 1858 г., ч. 22, № 3.

[17] Георги И., Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб., 1776; Паллас П., Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, СПб., 1773; Фальк И., Записки путешествия, ч. I, Полное собрание ученых путешествий по России, СПб., 1824, т. VI; его же, Известия о Казацкой и Киргизской степи, там же, т. VII.

щего времени не опубликованным. Эти материалы очень неравноценны по своему историческому значению. Назовем лишь главнейшие фонды, содержащие материалы по истории Казахстана. Фонд Пограничной комиссии — хранится в Историческом архиве ЦАУ Алма-Ата; фонды Оренбургской губернской канцелярии и Экспедиции пограничных дел — хранятся в областном архиве города Чкалова (Оренбург). Из фондов, хранящихся в Москве, главнейшим является фонд Коллегии иностранных дел — Сношения России с киргиз-кайсаками.

Следует также упомянуть о фондах Ногайских дел и Калмыцких дел, хотя сведения о казахах во второй половине XVI и в XVII в. носят в этих фондах отрывочный характер. То же самое следует сказать о фонде Сибирского приказа. Все три фонда хранятся в ГАФКЭ (Москва). Много исторического материала можно найти в Центральном военно-историческом архиве в Москве (ЦВИА), в фондах Общего архива Главного штаба. Очень интересные дела имеются в фонде 68, Пугачевской экспедиции Государственного архива (ГАФКЭ, Москва). То же следует сказать о материалах Министерства иностранных дел (Москва). Из Ленинградских архивных фондов следует назвать следующие: Секретной экспедиции Правительствующего сената, 8-го делопроизводства земского отдела Министерства внутренних дел, переданные из Азиатского департамента МИД, Комитета министров, I Сибирского комитета, Департамента полиции исполнит., Государственного совета, Непременного совета, Канцелярии генерал-прокурора (архив Внутренней политики, культуры и быта), Коммерц-коллегии, Комиссии о коммерции, Учреждений, предшествовавших Министерству государственных имуществ, лит. А и др. (Архив народного хозяйства). Эти материалы являются исключительно важными не только для изучения колониальной политики царизма в Казахстане, но и для истории внешних сношений Казахских Орд и их социальной истории. Хронологически, за весьма немногими исключениями, эти материалы не восходят далее второй половины XVII в.

Для древнейшей истории казахов единственным материалом остаются восточные источники, в значительной своей части не опубликованные и не переведенные на русский язык, а также данные археологии.

*

ГЛАВА I

ДОКЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Первое достоверное упоминание о казахах относится к середине XV в. Формирование казахской народности следует отнести к несколько более позднему времени, так как нужно было, чтобы часть кочевых общин под влиянием особых политических и экономических условий сформировалась и определилась как особая народность, отличная от других тюркских народностей. Задача советского историка заключается в том, чтобы изучить процесс формирования казахской народности с ее своеобразным общественно-экономическим укладом. Но чтобы правильно понять общественный и хозяйственный строй казахов, необходимо заглянуть в глубокую древность Казахстана. Казахская народность сложилась из осколков различных общин — племен и родов, которые до выделения ядра казахов из Узбекского союза прошли длинную и сложную историю. Богатое экономическое, политическое и культурное прошлое наложило свой отпечаток и на общественно-экономический строй казахов в период формирования казахской народности.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

В основу периодизации истории Казахстана должно быть положено марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях. Учитывая конкретные исторические особенности общественных формаций, мы можем, примерно, наметить следующие основные этапы исторического прошлого Казахстана: 1-й период — от первых следов человека до I в. н. э. — время господства первобытно-общинного строя на территории Казахстана; 2-й период — с I в. н. э. до упадка государства саманидов, т. е. до конца X в. н. э.,

когда на территории Казахстана складывались крупные государственные объединения на племенной основе, для которых характерны явные следы рабовладельческих отношений; 3-й период — с конца X в. до XV в. и далее, когда казахи уже появились на исторической арене. Это был период развития феодальных отношений. Феодализм в своеобразной форме патриархально-феодальных отношений господствовал в Казахстане вплоть до Великой Октябрьской Социалистической революции.

Как отмечалось выше, казахи не прошли капиталистического развития. Это, конечно, не значит, что в Казахстане не было ростков капиталистической экономики, но эти элементы не стали здесь господствующими, не превратились в капиталистическую формацию.

Развитие отдельных районов Казахстана шло неравномерно. В древний период и в эпоху средневековья наиболее передовыми были южные районы, испытавшие на себе влияние мощных культур Ирана, Средней Азии (Согдиана), а в более позднее время — Китая и Арабского востока. Северные районы значительно отставали в своем развитии. Например, в X в., когда на юге уже намечалось преобладание элементов феодальной экономики, на севере, в стране кимаков, господствовали первобытно-общинные отношения, хотя и находившиеся в стадии разложения. Намеченные выше примерные хронологические рамки общественно-экономических формаций относятся к наиболее передовым районам Казахстана. В настоящей главе мы остановимся на первом из трех периодов — первобытно-общинном строе.

ПАЛЕОЛИТ В КАЗАХСТАНЕ

О периоде первобытно-общинного строя сохранились преимущественно археологические памятники. Вероятно, человек не жил на территории Казахстана в период низшей ступени дикости. Но если взять средний палеолит, эпоху мустье, то возможно, что тогда стоянки в Казахстане уже были. Стоянка эпохи мустье найдена лишь в южной части Узбекской ССР, в отрогах Гиссарского хребта. Это была стоянка неандертальца. Он оставил после себя остатки расколотых костей животных и орудия, сделанные из кремневого известняка, яшмы, кварцита: рубила, скребла, наконечники. Найдены кости диких животных. Неандерталец был охотником.

В период верхнего палеолита в северной Азии, в областях, смежных с Казахстаном, существовало уже немало стоянок человека. Они находились в тех же геологических условиях, которые характерны для Казахстана. Поэтому трудно допустить, что в это время человек не жил на территории Казахстана.

Прямые указания о поселениях человека в Казахстане в период верхнего палеолита имеются лишь для Восточного Казахстана, где найдены стоянки палеолитического человека.

Вероятно, человек жил в степях Казахстана и в последний период палеолита, в так называемое тарденуазское время. Следы стоянок тарденуазцев встречаются от Каспийского моря до Монголии. Это были охотничьи орды, занимавшиеся охотой на зверя и птицу, ловлей рыбы и собирательством. Орудия изготовлялись не только путем отбивки, но и при помощи так называемой отжимной техники, т. е. путем скалывания пластинок каменным или костяным отжимником. Стоянки человека тарденуазского периода по периодизации Моргана-Энгельса соответствуют высшей ступени дикости и относятся ко времени 12 тысяч лет до н. э.

МИКРОЛИТ И НЕОЛИТ

Мало изучены в Казахстане и стоянки эпохи микролита и неолита. Среди микролитических орудий встречаются наконечники стрел, скребки и вкладыши разнообразной формы, которые укреплялись на деревянных рукоятках. Орудия сделаны из кремня и кварцита. По своему возрасту эти орудия относятся к 10—8 тысячелетиям до н. э. Большинство микролитических находок относится уже к эпохе неолита.

Стоянки неолитического человека на территории Казахстана найдены по берегам реки Урала, в Актюбинском районе, в окрестностях городов Казалинска и Туркестана в Караганде и в низовьях рек Чу и Таласа.

Особенностью неолита в Казахстане является изобретение гончарства. Микролит с керамикой и представляет собой неолит Казахстана. Находки шлифованных орудий — топоров и мотыг, характерных для земледельческого варианта неолита, — здесь отсутствуют. Это были небольшие стоянки охотничьих племен. Помимо охоты человек неолита занимался также рыбной ловлей. Зарождалось скотовод-

ство, но развито оно не было. Хронологически эти стоянки должны быть отнесены ко времени около 2000 лет до н. э.

Период неолита был временем господства первобытно-общинных отношений. «При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов». [1]

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Если история племен периода господства каменных орудий известна очень мало, то гораздо лучше изучено время бронзы и железа.

Археологические памятники так называемой Афанасьевской культуры, к которой относятся наиболее древние находки периода бронзы (2000—1500 лет до н. э.) на территории Казахстана не встречаются.

Следующий период, так называемой Андроновской культуры (1500—1000 лет до н. э.), [2] представлен в Казахстане многочисленными находками. Андроновские могильники найдены в большом количестве в северной половине Казахстана, от Мугоджарских гор до города Чкалова и отсюда на восток через Акмолинскую область до Семипалатинска.

Погребения Андроновской культуры встречаются обычно в виде земляных насыпей, окруженных кольцом камней;

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 119.

[2] Названия культур: Андроновская, Афанасьевская и т. д. связаны с местом первых или наиболее крупных находок остатков данной культуры.

реже каменные ограды имеют вид четырехугольника. Покойника хоронили в неглубокой яме, обычно укрепленной в виде небольшого сруба с бревенчатым потолком. Иногда ямы были выложены внутри и покрыты сверху толстыми каменными плитами. Такие могильники встречаются группами, в 10—12 могил, нередко вплотную примыкающими друг к другу. Погребения Андроновского типа — парные, т. е. погребались вдвоем мужчина и женщина. Единичные мужские погребения, как это имело место в период Афанасьевской культуры, в Андроновских погребениях не встречаются, но нередки единичные погребения женщин. Костяк женщины встречается вместе с костяком младенца.

Человек Андроновской культуры обладал сравнительно развитой техникой и жил в условиях относительно сложных форм хозяйства. Многочисленные медные копи, с разработкой глубоких залеганий руды (до 30 метров глубины), свидетельствуют о развитой технике разработки меди. Из рудников часто извлекалось огромное количество руды. Так, на Успенском руднике в Каркаралинских горах в древности было добыто много тысяч тонн медной руды. Наиболее часто эти медные разработки встречаются в Западном Алтае, в районе Коунрада, в Каркаралинских горах и в Джезказгане. Помимо меди добывали олово и золото. Оловянные рудники найдены в Калбинских горах; там же, а также в районе Кокчетавских гор, найдены следы древних разработок золота.

Орудия делались не из меди, а из бронзы. Сравнительно редко обработка металла производилась путем ковки — преобладало литье металла; об этом изменении, по сравнению с более ранней Афанасьевской культурой, свидетельствуют прежде всего формы бронзовых орудий и затем многочисленные каменные формы для литья металла, найденные в весьма распространенных так называемых Чудских разработках. Из металлических изделий в большом числе найдены кинжалы (обоюдоострые ножи), серпы, шилья, массивные топоры (около 27 сантиметров в длину) с большим гребнем на обухе, плоские топоры, кирки. Бронзовые кельты богато орнаментировались и, вероятно, были боевым орудием. Из боевых металлических орудий в большом количестве находятся наконечники копий. Помимо изделий из бронзы найдены каменные зернотерки, костяные мотыги и т. д. Кроме предметов, служивших орудиями производства, найдено большое количество бытовых предметов, в том числе предметов украшения из бронзы и золота:

бусы, подвески, браслеты, бляшки, височные кольца и т. д. Украшения делались также из кости (зубов животных) и из раковин. Высоко стояла техника обработки шерсти, из которой производили одежду, в частности, вязаные изделия.

Андроновские могильники и найденные случайно в степи бронзовые изделия свидетельствуют о сложных формах хозяйства. Наличие костей диких животных (косули, сайги, волка и т. д.) и рыб показывает, что в хозяйстве андроновского человека известную роль играли охота и рыболовство. Но эти формы хозяйства уже не были преобладающими. Господствующими отраслями хозяйства являлись скотоводство и примитивное мотыжное земледелие. Андроновский человек жил оседло. Потребность в удобной пахотной земле и в лугах объясняет нам, почему стоянки человека в этот период встречаются на берегах рек и озер с богатыми луговыми землями. Преобладающей формой хозяйства было скотоводство. Это подтверждается тем, что большинство костей животных, находимых в стоянках человека Андроновской культуры, является костями домашних животных — лошади, быка, овцы. Наличие же примитивного земледелия доказывается находкой не только сельскохозяйственных орудий, но и зерен. У села Алексеевского на Тоболе найдены жилища в виде землянок, т. е. жилища оседлого человека, и жертвенное место, на котором имелся ряд глиняных сосудов. В некоторых из этих сосудов найдены зерна пшеницы и других злаков.

Таким образом, во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. в степях Казахстана имело место первое крупное общественное разделение труда: скотоводческие племена выделялись из общей массы окружающих охотничьих племен.

Широко развитое скотоводство как основная отрасль хозяйства заставляет предполагать значительную роль мужчины в хозяйстве Андроновской культуры. К мужчине постепенно переходило господство и в области хозяйства, и в области общественных отношений, и в семье. Развивалась патриархальная семья. Ее появление вызывалось тем, что развитие скотоводства, которое было уделом мужчин, заставляло сохранять мужскую силу внутри семьи. Если в условиях матриархального рода мужчины уходили из своей общины и искали себе жену в другом роде, то теперь это становилось невозможным. Пришлым элементом в семье становится женщина. Этим и объясняется отсутствие

единичных погребений мужчин в могильниках Андроновской культуры. Наличие парных погребений свидетельствует о том, что групповой брак уже не существовал, что не устраняло, конечно, и теперь, как и много позже, его пережитков в виде полигамии (многоженства). Парные погребения соответствуют тому этапу в развитии семьи, когда парная семья переходит в семью моногамную, с ее подчиненным, рабским положением женщины. Семья была не только брачным сожительством, она становилась и хозяйственной ячейкой.

Переход к моногамной семье и вместе с тем превращение семьи в хозяйственную ячейку неизбежно вели к развитию имущественного неравенства в общине. Этот процесс отразили могильники. Они далеко не все одинаковы по богатству захоронений. Встречаются очень бедные могильники без каких-либо следов роскоши и богатые захоронения. Вместе с развитием первой формы частной собственности — семейной собственности — неизбежно возникло и имущественное неравенство между семьями. Не только в семье, но и в роде господство переходило к мужчине. Сохранились могилы родовых старшин. Они отличались от обычных могил Андроновской культуры своими размерами и насыпались в виде высоких курганов, обложенных по краям камнем.

Первое крупное общественное разделение труда делало возможным появление обмена, а приручение лошади, с помощью которой человек сравнительно легко преодолевал необъятные степные пространства, делало возможным обмен на больших расстояниях. Предметами обмена являлись бронзовые и золотые изделия, а также скот. Наличие обмена подтверждается тем, что на огромных пространствах от Енисея до Оки и Крыма встречаются изделия одинакового типа и оружие сходных форм. Рабство еще не получило широкого развития — оно могло, повидимому, лишь зарождаться.

Таковы основные черты человека Андроновской культуры.

КАРАСУКСКАЯ КУЛЬТУРА

Следующий период в развитии первобытного рода в степях Казахстана относится к эпохе так называемой Карасукской культуры, датируемой X—VIII вв. до н. э. Наиболее исследованы могильники этой культуры в Минусин-

ских степях у реки Карасук. Могильники этой группы находятся также в районе верховьев Оби и у города Томска. Очаги ее встречаются также за пределами СССР, в Северном Китае. В Казахстане могильник, синхронистичный карасукским захоронениям, найден в Карагандинской области, на реке Чурубай-Нура. Если могильники предшествующей Андроновской культуры однородны по своему строению и содержанию на больших расстояниях, то памятники Карасукской культуры вариируются по различным районам. Очевидно, в X—VIII вв. до н. э. жили уже обособленными племенными группами, быть может, отдельными политическими союзами племен. Однако памятники Карасукской культуры все же обнаруживают и ряд сходных черт, что может быть объяснено наличием между союзами племен обмена. Захоронения Карасукской культуры всегда встречаются в виде крупных могильников с большим количеством могил, что свидетельствует не только об увеличении плотности населения, но и об укрупнении родовых групп.

Погребение в Карагандинской области представляет собой большую могилу, расположенную внутри каменной ограды. В минусинских захоронениях Карасукской культуры могилы также ограждались цепочкой вертикально или горизонтально положенных камней. Могила в Карагандинской области имела каменные стены около метра толщиной с бревенчатым потолком, заваленным сверху камнями. Могила относится к богатому погребению. Она была разграблена, очевидно, вскоре после погребения; сохранился лишь ряд сосудов и обломки других предметов. На двух сосудах имеются тамги, т. е. знаки, обозначающие принадлежность данной вещи.

Если патриархальная семья в период Андроновской культуры только начинала складываться, то теперь она уже являлась господствующей формой семьи. Вместе с этим углублялось имущественное неравенство между семьями.

Значительно шагнуло вперед производство бронзовых орудий. Были распространены коленчатые и кривые ножи, ножи с литой рукояткой, кельты, долота, массивные серпы, боевые чеканы. Не только орудия, но и многообразные украшения из бронзы приготовлялись как путем ковки, так и с помощью литья.

Произошли значительные изменения в области хозяйства. Находки большого количества зерен различных зла-

ков и сельскохозяйственных орудий свидетельствуют о прогрессирующей роли земледелия. В области скотоводства преобладали овцы над крупным рогатым скотом, который разводился, повидимому, не для убоя, а как молочный скот. Основным источником мясной пищи становилась овца. Развитие овцеводства позволяло поселениям отодвинуться от берегов озер и рек в область сухих степей. Совершался частичный переход к кочевому скотоводческому хозяйству. При крайне низком уровне развития производительных сил наличие кочевого скотоводства следует признать явлением прогрессивным, так как оно позволило освоить в хозяйственном отношении новые земельные массивы сухих степей и тем самым расширить рамки материального производства.

КУЛЬТУРА АЛТАЯ

(VII в. до н. э. — I в. н. э.)

Дальнейший этап в развитии бронзовой культуры и перехода ее в железный век уже в период высшей ступени варварства отражен в стоянках ранних кочевников Алтая; датируется он с VII в. до н. э. по I в. н. э.

Алтайские памятники бронзы и железа, относящиеся к данному периоду, могут быть разбиты на три группы. Наиболее древние памятники (VII—V вв. до н. э.) относятся к так называемому Майэмирскому периоду. Курганы принадлежали кочевым племенам, но в районе Алтая встречаются курганы, принадлежавшие и оседлым племенам. Хозяйство этих племен было комплексным, т. е. включало в себя ряд занятий: скотоводство, земледелие, охоту и рыболовство. О наличии этих отраслей хозяйства свидетельствуют остатки пищи человека, среди которых встречаются кости как диких, так и домашних животных, а также кости рыб. К числу курганов оседлого населения принадлежит большой Березовский могильник (Березовка I) в районе реки Оби в ее верхнем течении. В нем насчитывается 120 курганов. В могилах сохранились украшения из бронзы: колечки, бусы, бронзовое зеркало; из оружия встречаются бронзовые ножи, наконечники стрел. Бронза же служила материалом и для конской сбруи: для удил, украшений седла, уздечек и т. д.

Следующий период—Пазырыкский—охватывает V—III вв. до н. э. Период так назван потому, что наиболее богатые археологические материалы дали раскопки большого ка-

менного кургана Пазырыка (восточный Алтай, на реке Улаган). Время V—III вв. до н. э. было временем перехода от бронзы к железу. Встречается еще бронзовое оружие того же типа, что и в Майэмирский период, найдены и глиняные формы для отливки бронзовых ножей, стрел и прочих орудий. Но в конце этого периода железо в качестве материала для выделки орудий заметно вытесняет бронзу.

В Пазырыкском кургане захоронение оказалось замороженным, и поэтому как могилы, так и трупы лошадей прекрасно сохранились. Лошади (всего 10), очень крепкие и холеные, сохранились с шерстью, мускулами и внутренностями. Все лошади клейменые, причем клейма разные, — очевидно, лошади принадлежали разным владельцам и были принесены в дар умершему племенному вождю, захороненному в Пазырыкском кургане.

Следующий период относится к так называемой Шибинской культуре (главные находки в Шибе на реке Урсуле). Памятники Шибинской культуры датируются II в. до н. э. и I в. н. э. Если в Пазырыкскую эпоху человек наряду с железными орудиями пользовался еще и бронзовыми, то в Шибинский период железные орудия решительно вытесняют бронзу. Из бронзовых орудий сохранились только наконечники стрел. Железные орудия по форме напоминают бронзовые предыдущего периода. Среди них преобладают орудия боевого назначения: железные чеканы, кинжалы, ножи пластиночной формы.

Для курганов Шибинского периода характерно обязательное захоронение с покойником оседланного коня. Конь являлся неизбежным и неразлучным спутником человека в его воинственных набегах. О воинственности племен свидетельствует характер поселений, среди которых много укрепленных. Они обычно строились на высоких местах, с трех сторон защищенных обрывистыми склонами, а с четвертой — укрепленных валом и рвом. Большинство курганов принадлежит к бедным захоронениям, но встречается и значительное число богатых могил с большим количеством остатков лошадей и украшений, несмотря на то, что все могилы были разграблены или в древности или в XVII—XVIII вв. в поисках золота. Имеются сведения, что в некоторых из курганов находили по пуду и больше золота. Среди богатых курганов встречаются захоронения племенной знати. Эти курганы выделяются как своей величиной, так и сложностью устройства. Возведение их было

доступно лишь большому коллективу. Очевидно, они строились племенем. Трупы часто мумифицировались. Такие захоронения встречены в Шибе на реке Урсуле, на реке Катанде, в верховьях реки Алей и в других местах Алтая и Восточного Казахстана. Имущественное неравенство, отразившееся на характере захоронений, могло расти лишь на основе накопления богатства в руках отдельных патриархальных семей.

Остатки шибинских захоронений позволяют говорить и о дальнейшем развитии первого классового деления общества на свободных и рабов. Наличие рабства обнаруживается в том, что при захоронении членов богатых и знатных семей на могиле убивали не только лошадей, но и людей, которые по верованию должны были сопровождать покойника в загробном мире.

Остатки курганов Шибинской эпохи позволяют проследить и культурные связи племен Алтая и Восточного Казахстана. Через посредство Гуннского союза, образовавшегося во II в. до н. э. у западных границ Китая, шибинские племена получали изделия китайского производства. Богатые одежды, в которых погребалась племенная знать, покрывались китайским шелком. В шибинском кургане найдены чашечки китайской работы; орнамент ряда находок характерен для китайских изделий. Помимо сношений с Китаем экономические связи шли и в западном направлении. Находки золотых бляшек, характерных для сарматских захоронений, говорят о сношениях с сарматами, кочевавшими в западных районах Казахстана и в южных степях Восточной Европы.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ В ЗАХОРОНЕНИЯХ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Культура Алтая VII в. до н. э. — I в. н. э. проникла и в Восточный Казахстан. Однако здесь точных аналогий алтайским могильникам не найдено; поэтому в отношении Восточного Казахстана пока невозможно проследить развитие культуры по отдельным периодам, соответствующим Майэмирскому, Пазырыкскому и Шибинскому этапам Алтая. Но находки в могильниках Восточного Казахстана не оставляют сомнений в том, что основные черты алтайских культур имели место и здесь. Захоронения Восточного Казахстана принадлежали кочевым племенам. Могильников оседлых племен здесь не найдено.

Кочевники Восточного Казахстана жили еще в условиях родового строя. Основной ячейкой общества была попрежнему патриархальная семья. Между патриархальными семьями, как и в более ранний период, наблюдалось значительное имущественное неравенство. Богатые курганы, аналогичные захоронениям Алтая, четко отличаются от захоронений бедных семей. Собственность носила патриархально-семейный характер. Вероятно, существовали и объединения племен в зачаточные формы архаического государства.

Между местными племенами и скифскими племенами Причерноморья существовали экономические связи. Скифские изделия были найдены не только на Алтае, но и в Восточном Казахстане, что может быть объяснено наличием обмена. Обмен существовал также между племенами Восточного Казахстана и Минусинского края. Подчинение Средней Азии в VI в. ахеменидскому Ирану усилило влияние иранской культуры и на племена Восточного Казахстана.

Захоронения Восточного Казахстана показывают, что и здесь, как и на Алтае в V—III вв., совершался переход от бронзы к железу. Из медных и бронзовых предметов найдены жертвенники и котлы. Среди железных изделий встречаются удила, пластинки для украшений, кинжалы и др. Вероятно, все оружие делалось из железа, за исключением стрел, которые выделывались попрежнему из бронзы. Помимо обработки металла большие успехи сделала обработка кожи и шерсти. Умели делать войлоки, веревки, пряжу и тонкие ткани. Помимо лошадей разводили овец, мясо которых служило одним из основных продуктов питания, и быков, служивших для транспорта.

Значительный рост материального производства был связан и с углублением социального неравенства. Структура общества усложнялась. Росло влияние богатых семей, захоронения которых в виде цепочек 5—7 курганов резко выделяются среди могил бедных семей. Частная семейная собственность получила дальнейшее развитие.

Следует отметить, что археологические данные о племенах, населявших степи Казахстана в глубокой древности, не всегда достаточны, чтобы установить преемственную генетическую связь между этими племенами и народностями, населявшими Казахстан в более позднее время. Не

всегда удается также установить тожество племен, оставивших после себя археологические остатки, с древними племенами Казахстана, известными по письменным источникам.

КУЛЬТУРА ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Гораздо менее, чем культура Восточного Казахстана VII в. до н. э. — I в. н. э., изучены другие районы Казахстана. Отрывочные сообщения греческих авторов об исседонах, аримаспах и «стерегущих золото грифах», относящиеся ко времени Майэмирской и ранней поры Пазырыкской культуры, не позволяют составить картину жизни племен Западного Казахстана.

Можно предполагать, что племена Западного Казахстана жили в условиях патриархального рода, что они были кочевниками и сражались на конях и, наконец, по-видимому, добывали золото в районе Кокчетавских гор, где найдены следы древних разработок золота, относящиеся к рассматриваемому периоду. Немногочисленные находки в Оренбургской степи и случайные находки в Тургайской области, а также в курганах южнее Орска, относящиеся ко времени Шибинской культуры, позволяют говорить о развитии среди этих племен скотоводства и мотыжного земледелия. Большое количество лошадей и оружие из бронзы и железа свидетельствуют о воинственности этих племен.

Весьма вероятно, что они принадлежали к сарматам. Для сарматов первых веков н. э. характерны сложные формы хозяйства: наряду с кочевым скотоводством появлялись земледельческие поселки. Имущественное неравенство было выражено исключительно ярко: среди богатых курганов сарматской знати встречается большое число бедных могил без курганов. В какой-то степени все эти черты сарматского типа были присущи и кочевым племенам Западного Казахстана. Дальнейшее изучение археологии Казахстана позволит более конкретно изучить быт племен Западного Казахстана.

ПЛЕМЕНА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Несколько больше, чем о племенах Западного Казахстана в последние столетия до н. э., известно о племенах, кочевавших к югу от нижнего и среднего течения Сырдарьи, и частично о племенах Южного Казахстана. По

сведениям Геродота между Яксартом и Оксом (Аму-дарьей) кочевали массагеты, восточнее, к озеру Иссык-куль и частично в Семиречье, кочевали племена саков.

Покоренные в VI в. до н. э. персами племена Средней Азии вошли в состав четырех податных округов — сатрапий и должны были платить завоевателям дань около 1 100 талантов, или 1 700 000 рублей на современные золотые деньги. Племена Средней Азии не сразу покорились персам. Известно, что Кир вынужден был вести длительную и упорную борьбу с массагетами. По преданию, Кир был убит в борьбе с массагетами, и завоевание Средней Азии завершилось в конце VI в. до н. э. при Дарии I Гистаспе.

В VI—V вв. до н. э. часть массагетов жила еще в условиях примитивного хозяйства — охоты и собирательства. Греческий географ Страбон писал: «Массагеты, живущие на островах, питаются кореньями и дикими плодами, потому что у них нет посевов. Одеваются они в древесную кору, скота у них нет. Пьют сок, выжимаемый из древесных плодов». У них еще сохранялись пережитки группового брака. Геродот (V в. до н. э.) писал: «Обычаи массагетов таковы, хотя каждый из них женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща... если какой-нибудь массагет пожелает иметь общение с женщиной, он вешает колчан свой перед ее повозкой и спокойно с ней сообщается».

Сохранились и следы матриархата: женщина как у саков, так и у массагетов занимала в обществе почетное положение; у саков женщины наравне с мужчинами принимали участие в военных действиях. Однако не подлежит сомнению, что большинство племен массагетов жило уже в условиях патриархального родового строя и скотоводческого хозяйства. Элементы группового брака были не более как пережитками уже умерших форм семьи.

Несомненно также, что персидское завоевание способствовало разложению патриархально-родового строя у племен Средней Азии. Широкое распространение получает труд рабов. Внутри патриархально-родовых общин быстро росло влияние родовой аристократии, которая полностью сохраняла власть над общиной и подчинялась сатрапам лишь в отношении сбора дани. В IV в. до н. э. отпали от персидской монархии хорезмийцы, жившие в низовьях Амударьи; саки из подданных стали союзниками персов.

Во второй половине IV в. до н. э. в истории Средней Азии произошли весьма крупные политические перемены.

Поражения, нанесенные персам Александром Македонским при Иссе (333 г.) и Гавгамеле (331 г.), положили конец могуществу персидской монархии. В течение 330—327 гг. Средняя Азия была завоевана войсками Александра. Это завоевание, которое на место одних поработителей поставило других — греков, вызвало ряд восстаний в Средней Азии.

Свободные кочевые племена Казахстана заняли враждебную позицию по отношению к новым завоевателям. Этим было вызвано укрепление Александром побережья Сыр-дарьи. Им построен ряд крепостей, носивших название Александрий. Среди них следует указать на Александрию-крайнюю (Ходжент, ныне Ленинабад). Чтобы обеспечить себя от нападения с тыла, Александр предпринял поход против кочевников. Но глубоко в степь войска Александра не проникали. Показав силу своего оружия кочевникам, Александр заключил с ними мирное соглашение и вернулся на левый берег Яксарта.

Здесь в районе Согдианы вспыхнуло против него крупное восстание наиболее непримиримого его противника Спитамена. Восстание Спитамена поддерживалось кочевыми племенами. Участие кочевников в восстании против греков побудило Александра искать сближения с вождями кочевых племен. Вожди небольших отрядов этих племен зимой 328 г., вероятно из опасения, что дальнейшее их участие в восстании повлечет перенесение войны в кочевые районы, убили Спитамена и голову его выдали Александру. Весной 327 г. было подавлено восстание среди саков, державшихся в западных районах Киргизии. В этом походе местная знать уже активно поддерживала Александра. Средняя Азия была окончательно покорена македонским завоевателем.

Влияние завоеваний Александра на историю Средней Азии было весьма велико. Положение массы населения не изменилось к лучшему. Как и при господстве персов, население Средней Азии эксплоатировалось новыми завоевателями путем разнообразных поборов. Но положение знати значительно укрепилось. Она сблизилась с греко-македонской знатью. Земельные владения ее выросли. В ее распоряжении находился труд многочисленных рабов. Расширилось и ее влияние на свободные общины. В то же самое время включение Средней Азии в огромную греко-македонскую империю усилило значение местной знати также благодаря доходам, получаемым с торговли. После

Александра здесь начинают расти города. Большое торговое значение приобрела Александрия-крайняя.

После смерти Александра его огромная империя распалась. Средняя Азия вошла в состав государства Селевкидов, названного так по имени родоначальника новой династии, полководца Александра Селевка. Однако уже в 250 г. до н. э. из провинций Средней Азии Бактрии и Согдианы образовалось в результате восстания, возглавленного наместником Бактрии Диододом, новое государство, названное Греко-бактрийским.

В Греко-бактрийском царстве продолжала господствовать рабовладельческая знать, в составе которой преобладала греко-македонская знать над местной. Массы населения попрежнему подвергались многочисленным поборам. Восстание согдийцев против греко-бактрийских правителей, разорявших страну и поборами и бесконечными междоусобными войнами, в которое около 140 г. до н. э. включились и кочевые племена саков, положило конец греческому господству в Средней Азии: греческие правители были вытеснены за Гиндукуш.

Движение кочевых племен во II в. до н. э. было вызвано давлением гуннов. Главными из этих племен были юечжи или кушаны (юечжи — китайская транскрипция — куш). Этническая принадлежность юечжи остается до настоящего времени неясной. Обычно в литературе они рассматриваются как индоевропейцы. Средняя Азия в конце II в. вошла в состав нового государства. Это было так называемое Кушанское царство, включавшее в себя области Средней Азии, часть северо-западной Индии, Бактрию, Афганистан и западные районы Китая. В эпоху Кушанского царства (II в. до н. э. — III в. н. э.) наблюдался особенно быстрый рост городов, в связи с тем, что через территорию Средней Азии прошли транзитные пути в Индию, Фергану и далее на восток в Китай, ныне китайскую провинцию Синь-Цзян.

Но общество Средней Азии первых веков до нашей эры сохраняло еще много родовых пережитков. Многие города являлись не чем иным, как укрепленными усадьбами родовых земледельческих общин, правда, находившихся в стадии разложения.

Греко-бактрийское государство, а затем Кушанское царство оказали значительное культурное влияние на южные области современного Казахстана. В собрании Эрмитажа в Ленинграде хранятся серебряные и золотые со-

суды III—II вв. до н. э., найденные в Южном Казахстане, произведенные в Бактрии или в других местах, но под сильнейшим влиянием греко-бактрийского искусства. В районе реки Талас найдено кочевническое погребение, относящееся ко времени Кушанского царства (I в. до н. э.— Кенгольский могильник). В этом могильнике найдены керамика, костяные орудия, деревянная посуда, одежда из китайского шелка, очень хорошо сохранившаяся. Кроме того, найден деревянный столик на четырех ножках с вогнутой доской. Кенгольский могильник важен как памятник, отражающий быт кочевников эпохи Кушанского царства. Возможно, что в какой-то мере в этом могильнике отражен быт гуннов. Находки Кенгольского могильника непосредственно вводят нас в быт кочевников современного Семиречья.

КУЛЬТУРА СЕМИРЕЧЬЯ

О племенах, населявших Семиречье до II в. до н. э., известны лишь отрывочные сведения. Саки, которые здесь кочевали во время персидского, а затем греческого господства в Средней Азии, были вытеснены отсюда кушанами, но кушаны продвинулись далее на юг, и во II в. до н. э. равнинная часть Семиречья была занята племенами усуней.

Границами расселения усуней были на юге оседлые области Восточного Туркестана, входившие в Гуннский союз, господствовавший на западных границах Китая; на юго-западе к владениям усуней примыкала Фергана, на западе владения усуней доходили до реки Талас. Усуней по китайским источникам насчитывалось около 120 тысяч семей, или 630 тысяч душ; они могли выставить около 188 тысяч вооруженных воинов. Ставка вождя усунского племенного государства, который носил титул гуньмо, находилась на юго-восточном берегу озера Иссык-куль и носила название Чи-Гу.

В конце I в. до н. э. к усуням совершил путешествие посол китайского двора Чжан-цянь. Он предложил усуням вернуться на восток и совместно с Китаем начать борьбу с гуннами. Первоначально план Чжан-цяня не был принят гуньмо, но когда в ставку гуньмо вернулся посол усуней, сопровождавший Чжан-цяня на обратном пути в Китай, и рассказал о могуществе Срединной империи, гуньмо завязал тесные отношения с Китаем, выражавшиеся главным

образом в династических связях. Известны два случая, когда китайские царевны были выданы замуж за усунских гуньмо. В союзе с Китаем усуни вели борьбу с гуннами.

Большого расцвета усуни достигли при гуньмо Унгуйми (умер в конце 60-х годов I в. до н. э.). При нем был совершен победоносный поход на гуннов (71 г. до н. э.). Он активно вмешивался в дела Восточного Туркестана. В зависимости от него находился Яркенд.

В хозяйстве усуней преобладало кочевое скотоводство. Сам гуньмо жил в юрте. Как дополнительные отрасли хозяйства существовали охота и начатки земледелия. Основной пищей были мясо и молоко, что вполне соответствовало скотоводческому характеру хозяйства усуней. Усуни жили в условиях первобытно-общинного строя. Но племенной быт, несомненно, находился в стадии глубокого разложения.

Археологическое изучение курганных могильников Семиречья в бассейне реки Чу и озера Иссык-куль, принадлежавших усуням, позволяет отчасти восстановить картину их социального строя. Среди могильников попадаются захоронения, лишенные каких бы то ни было следов родовой группировки могил. В этих же захоронениях нет оружия. Такие могилы характерны, повидимому, для захоронений рабов. На распространение рабства в усунском союзе указывает сообщение о том, что, когда усуни в 71 г. до н. э. нанесли поражение гуннам, они захватили у побежденных, помимо 70 тысяч голов скота, 40 тысяч пленных.

Среди свободных членов общины преобладали патриархально-родовые формы быта. Но община уже знала деление на богатых и бедных. Вполне возможно, что это деление, как и в оседлых районах Средней Азии, приводило к превращению обедневших свободных членов общины в клиентов богатых семей. Очень важно отметить, что уже в I в. до н. э. при гуньмо Цылими появляются запретные зоны пастбищ, закрытые для всех, кроме гуньмо. Так в условиях еще кочевого хозяйства пробивалась тенденция к превращению общинных земель в частновладельческие. Но этот процесс захвата общинных земель у усуней широкого развития не получил. Патриархально-родовые формы быта сплачивали племена, делали их сильными во внешних столкновениях. Но эти формы уже не отражали прежнего равенства первобытно-общинного строя. В частности, звание гуньмо передавалось по наследству

или захватывалось в процессе вооруженных столкновений отдельных членов правящего дома.

К западу от усуней, в районе реки Сыр-дарьи, во II в. до н. э. существовал сильный племенной союз кангюй или канглы. Границей между усунями и канглы являлся район реки Талас. Канглы были кочевники-скотоводы, но и у них, как и у усуней, существовали охота и земледелие как подсобные отрасли хозяйства.

Для изучения быта племен канглы имеют, отчасти, значение археологические данные экспедиций 1938 и 1939 гг., организованных Институтом истории материальной культуры и Казахстанским филиалом Академии Наук. Эти экспедиции обследовали так называемый Беркаринский могильник (III—I вв. до н. э.), расположенный в Джамбульской области в районе озера Бийли-куль. Раскопки обнаружили большое количество сосудов своеобразной формы, удобных при перекочевках, железные односторонние ножи, прясла от веретен, изделия из бронзы и золота. Эти изделия художественной работы сближают искусство канглы со скифским искусством. Интересна, например, поясная бляха в виде головы животного, вероятно льва, держащего в зубах птицу, клюв которой служил крючком застежки.

Среди курганов встречаются богатые захоронения, принадлежавшие знати (они разграблены еще современниками), курганы воинов, в которых найдены предметы вооружения — трехгранные ножи, костяные стрелы и, кроме предметов вооружения, нефритовая чашечка, носящая следы китайской работы, и другие предметы. Наиболее мелкие и бедные курганы принадлежали захоронениям женщин и детей.

Характер захоронений показывает наличие классового деления общества на свободных и рабов. Из среды свободных выделялась знать, почетное положение занимали воины. Положение женщин было приниженное.

Те же раскопки Беркаринского могильника вскрывают примитивные космогонические представления канглы: поклонение луне, солнцу, звездам и кометам, что нашло отражение в форме характерных выкладок из камней вокруг курганов.

В начале II в. до н. э. канглы находились в зависимости от гуннского государства, но к половине этого же столетия добились независимости. Даже когда в середине I в. (55 г.) до н. э. началось движение гуннов на запад

и здесь, в степях современного Казахстана, появились так называемые северные гунны, — канглы сумели сохранить свою независимость. Одинаково независимую политику кангюйский племенной союз вел и в отношении Китая. Велико было влияние канглы на западе и на северо-западе. Аланы и племена восточного Приуралья платили им дань.

Изучение древнейшего периода в истории Казахстана, несмотря на отрывочное и далеко неполное археологическое обследование территории, все же, как мы видим, весьма важно для изучения истории казахского народа. Археологические памятники показывают нам, что в глубокой древности на территории Казахской ССР существовал первобытно-общинный строй, что древнейшее общество Казахстана прошло до I в. н. э. длинный и сложный путь развития от первобытной каменной техники до сложного производства бронзовых и, далее, железных орудий, от собирательства и примитивной охоты до скотоводства и земледелия.

Вместе с развитием материального производства развивались и усложнялись общественные отношения первобытного общества. Приблизительно до I в. н. э. господствовали первобытно-общинные отношения. Но еще со времени Андроновской культуры начался процесс их разложения. Развивались частная семейная собственность и первое крупное общественное разделение труда, росло имущественное неравенство среди свободных и нарождалось деление общества на классы: свободных и рабов. Вместе с этим выделялась общинная родовая знать, развитие которой так ярко отразилось в различии могильников бронзового и железного веков. «Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и примитивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла, разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством и превращения членов большинства в рабов».[1]

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 119.

Таким образом складывались все условия для образования на территории Казахстана государственной власти. Характерные черты государственного устройства действительно проявляются, как это показано выше, в государственных племенных объединениях начала нашей эры — у канглы и усуней.

ГЛАВА II

ПЛЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

ГУННЫ, УСУНИ, КАНГЛЫ

В середине I в. до н. э. началось движение гуннов — народа в основе тюркского происхождения — на запад. До этого времени они кочевали в Монголии и в пределах Китая, занимая северную часть провинции Ганьси, распространяясь до южного края пустыни Гоби. Это были кочевые племена. Первобытно-общинный родовой строй у гуннов находился в стадии разложения. В состав рода включались члены разбитых на войне общин. Над массой скотоводов господствовала родовая знать, опиравшаяся на свои дружины. Помимо свободных членов общины, большую роль в хозяйстве гуннов играли рабы. Источником рабства служили военные захваты. Рабы находились в распоряжении родоплеменной знати. Господство этой знати обеспечивалось не только военными дружинами, но и ее богатством. Это богатство доставляли ей труд рабов, вооруженный грабеж и дань, платимая покоренными племенами.

Но наличие классов в обществе гуннов, выделение в качестве господствующей группы родоплеменной знати — позволяет говорить о наличии государства раннерабовладельческого типа. Во главе этого государства стоял вождь, носивший название шаньюя (величайший).

Наибольшего расцвета могущество гуннов достигло во II в. до н. э. при шаньюе Модэ (209—174 гг.). При Модэ государственная власть гуннов получила сложное устройство. Государство было разделено на 24 части во главе с племенными вождями. Каждая часть получила военное устройство: она делилась на тьмы (10 000), тысячи, сотни и десятки. Высшую власть Модэ сосредоточил в руках 6 вождей из ханского рода и их 6 помощников. Модэ сумел подчинить окрестные племена и значительно расши-

рить территорию Гуннского союза, но связь между племенами оставалась слабой.

Борьба с Китаем значительно подорвала силы Гуннского союза. В 119 г. до н. э. гунны потерпели сильное поражение от Китая и с этого времени начался быстрый распад Гуннского союза. Около 55 г. до н. э. этот союз распался на северных и южных гуннов. Первые были оттеснены в северную часть Восточного Туркестана, откуда они продвинулись в область Семиречья и далее на запад, в район Аму-дарьи и Аральского моря, вытеснив кочевавших здесь аланов.

Движение гуннов на запад, естественно, столкнуло их с усунями и канглы, но глубоко не задело политического строя этих племен, хотя они временно и должны были признать протекторат гуннов. В 36 г. до н. э. гунны, утвердившиеся в землях канглы, были разбиты китайцами. Это значительно подорвало гуннское господство. Отношения подчинения канглы и усуней гуннам сменились отношениями независимых владений. По словам китайских источников, эти «три владения продолжают взаимную приязнь и попрежнему имеют связь между собою; равно не оставляют и подсматривать друг за другом и при выгодных случаях производят друг на друга нападения».

После разгрома гуннов в южных районах Казахстана и в Семиречье усилилось политическое влияние Китая. Как усуни, так и канглы считались вассалами Китая, и главы этих племенных союзов должны были посылать своих детей в качестве заложников к китайскому двору. Однако реально зависимость от Китая усуней была теснее чем более отдаленных от границ Срединной империи канглы. По словам китайских источников, кангюйский владелец, в противоположность усуньскому гуньмо, «горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонения перед послами. Чиновников, посылаемых к нему от протектора, сажает ниже усуньских послов. Князь и вельможи его прежде едят, а потом уже подают посланному от протектора».

Дело не ограничивалось одной дипломатической неучтивостью. В 84 г. н. э. канглы посылали свои отряды для защиты кашгарского владетеля против китайского наместника. Несмотря на это, ни канглы не порывали вассальных отношений с Китаем ни китайское правительство не отказывалось от сношений с канглы. Канглы были заинтересованы в торговых сношениях с Китаем. Но и Китай был заинтересован в расширении своего господства далеко

на запад от границ Срединной империи: через земли канглы проходил торговый путь, связывавший запад и восток. Этот так называемый шелковый путь шел через Багдад, Хамадан, Нишапур, Мерв, Чарджуй, Бухару, Самарканд, Шаш (близ Ташкента), Тараз (ныне Джамбул), Кулан, Суяб и далее на восток в Китай.

Помимо торговых интересов, Китай преследовал, повидимому, и политические цели: укрепить свои позиции на западе, так как борьба с гуннами продолжалась. Вассальные отношения канглы к Китаю, хотя они и носили фиктивный характер, поднимали политический вес Срединной империи. Поэтому, несмотря на сопротивление части вельмож, китайский двор, «дорожа славою быть известным в отдаленных краях», поддерживал связи с канглы.

Со II в. связи Китая с западными странами, в том числе усунями и канглы, прервались из-за внутренней борьбы в Китае.

СЯНБИЙЦЫ И ЮЕБАНЬ

В том же веке усуням пришлось столкнуться и выдержать длительную борьбу с сянбийцами, поселившимися в Монголии. Этническая принадлежность сянбийцев неясна. В. В. Бартольд считает их народом, вероятно, тунгузского происхождения. Пеллио относит их к тюркам. Борьба с сянбийцами подорвала силы усуней. В начале IV в. сянбийцами были покорены «древние усуньские земли».

В конце IV в. в Средней Азии усилился народ тунгузского происхождения — жужане. Начало каганату жужаней положило восстание рабов в Китае. При поддержке кочевых племен Восточной Монголии восставшие создали обширное, но непрочное государственное объединение. В результате ряда поражений, понесенных жужанями от Китая, они должны были откочевать на север и в сторону Семиречья.

Государство жужаней было построено на основе подчинения разнообразных племен ханскому центру и обложения их тяжелой данью. Именно у жужаней впервые появляется титул хана. Племена, входившие в объединение каганата жужаней, были по преимуществу кочевники-скотоводы. Большую роль в их хозяйстве играла охота. О земледелии у жужаней ничего не известно. Они находились под сильным влиянием Китая, откуда в племена объединения жужаней шли ткани, рис, просо, оружие, одежда.

Во внешнеполитических отношениях жужаней большую роль играли столкновения с тюркскими племенами гаогюй (уйгуры), кочевавшими в северных областях Восточного Туркестана. В начале VI в. часть уйгуров в результате поражений, нанесенных им жужанями, должна была перекочевать на запад. Племена уйгуров заполнили степи Средней Азии и продвинулись даже в пределы Восточной Европы. Другая часть уйгуров оставалась кочевать в Восточном Туркестане.

Под давлением жужаней усуни также должны были покинуть равнинную часть Семиречья и уйти в горы Тянь-Шаня. Но независимость усуней уничтожена не была. В V в. н. э. усуни поддерживали дипломатические сношения с Китаем и ежегодно отправляли в Китай посольства с подарками.

Однако в Семиречье жужане укрепиться не могли: они потерпели поражение от племен юебань. Эти племена, кочевавшие в южном Прибалхашье, потомки гуннов, принадлежали к тюркской группе племен и говорили на языке, близком к уйгурскому.

Таким образом, общественная жизнь Семиречья и Сырдарьинской области складывалась под разнообразными влияниями — тюркских, тунгусских элементов и значительного политического и культурного влияния Китая.

СОГДИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

К периоду III—V вв. относится проникновение на территорию современного Казахстана и согдийских влияний. Именно к этому времени относится согдийская колонизация Семиречья; согдийцы начали основывать на территории современного Казахстана оседлые населенные пункты. В частности, ими был основан г. Тараз. Колонии их были разбросаны от Сайрама до Иссык-куля и далее на восток.

Согдийцы усилили здесь элементы городской, оседлой культуры, основанной отчасти на применении в производстве рабского труда, но они в свою очередь испытывали и обратное влияние местных тюркских народностей. В частности, это влияние сказалось в проникновении в среду согдийцев тюркского языка. Согдийцы, и наряду с ними тюркоязычные племена — аргын, канджак (впоследствии вошли в состав Казахского союза: у казахов было отделение канджигали) говорили на двух языках — согдийском

и тюркском. Проникновение согдийцев в Семиречье расширяло и внешние связи Южного Казахстана в сторону сасанидского Ирана (III—VII вв. н. э.).

ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

Значительные изменения в жизни Казахстана произошли в VI в. в связи с образованием тюркского каганата. Начало образования тюркского каганата относится к 552 г., когда объединение алтайских тюркских племен нанесло удар господству жужаней. Тюркский каганат раскинулся на огромной территории от Тихого океана до Черного моря. Быстрый рост племенного союза, связанный с завоеванием огромных территорий и грабежами побежденных племен, вызвал усиленный рост местной тюркской знати.

Политический и социальный строй тюркского каганата получает сложные формы, на которых необходимо остановиться подробнее, тем более, что в этом строе скрывался ряд весьма существенных черт структуры будущего казахского общества. В тюркском государстве сохранялись патриархально-родовые формы быта. Первичной ячейкой общества была семья. Семейная частная собственность была господствующим видом собственности. В состав семьи входил ее глава (кан), жены, из которых наибольшим почетом пользовалась старшая жена (катун), сыновья как родные, так и приемыши, невестки, зятья, клиенты (огуш или киши), рабы (кул — мужчина и кюнь — женщина), наложницы. Это была типично патриархальная семья, по своему составу напоминающая семью раннего рабовладельческого общества Рима (familia). Совокупность семей составляла род (урук), который являлся подразделением племени. Совокупность же племен составляла государство — эль или иль.

Однако эта стройная родоплеменная организация включала в себя не первобытно-общинные, а классовые, характерные для неразвитого рабовладельческого общества, отношения. Все свободные члены общины (будун) составляли основу общества тюркского каганата. Будун составляли главные вооруженные силы каганата. Но внутри народа (будун) наблюдалось ярко выраженное имущественное расслоение, служившее основой выделения племенной знати, которая у тюрок носила название бегов и тарханов. Но звание бега или тархана не поднимало его в сословном отношении из общей массы будун. Весь народ (будун)

нередко назывался кара-будун, т. е. черный народ, и противопоставлялся элю.

Термин эль — народ, совокупность племен, в тюркском каганате постепенно утрачивал свое прежнее значение и начинал применяться только к членам ханского рода, которые в противоположность кара-будун начинают принимать эпитет кок (голубой) или тенгри (небесный). Таким образом, в тюркском каганате появляются зачатки будущего сословного деления казахского общества на ак-соёк (белая кость) и кара-соёк (черная кость), значительно видоизмененное впоследствии монгольским завоеванием. Во главе ханского рода и всего каганата стоял каган. Его окружали принцы крови, носившие титул тегин. Формально власть кагана не была никем ограничена. Однако при кагане существовал совет, состоявший как из членов рода кагана, так и родоплеменной знати, бегов и тарханов. В совет входили и так называемые огланы, о которых будет сказано ниже. Совет выбирал кагана. Нового кагана при избрании сажали на белую кошму и девять раз кругом обносили по солнцу. При сильных первых каганах совет не играл решающей роли, и очень часто каганы принимали решения, не обращаясь к совету. Далеко не всегда каган и выбирался. Бывали случаи, что каган узурпировал власть, т. е. принимал звание хана, не обращаясь к совету. Но каганы всегда выходили из ханского рода, хотя трудно сказать, было ли это в VI в. уже освящено обычаем или было только фактическим положением дел.

Реальной опорой власти кагана была его дружина, члены которой назывались огланами. Огланы состояли из родичей хана, а также лиц, добровольно вставших под его покровительство. Но войны велись в большинстве с помощью родоплеменных ополчений, состоявших из свободных членов тюркских общин (будун).

В ремесле и в кочевом хозяйстве широко применялся труд рабов. Можно ли говорить о феодальных отношениях в тюркском каганате? Несомненно, что крепостничество здесь отсутствовало. Трудно проследить и более мягкие формы феодальной зависимости членов общины. В основном это была еще свободная масса скотоводов-кочевников, не обязанная платежом феодальной ренты своей родоплеменной знати. Источником обогащения последней являлись военные захваты и труд рабов, применяемый в ее хозяйстве. Однако часть бедных членов общины превращалась в клиентов (огуши) родоплеменной знати. Но если мы вспомним,

что эти клиенты входили в состав большой патриархальной семьи племенной знати, то естественно будет допустить, что зависимость бедных членов приближалась к типу клиентелы патроната, характерного для рабовладельческого общества. Следует отметить, что клиенты назывались «киши», но этот термин нередко применялся и к рабу — кулу. Поэтому мы вправе говорить о наличии в обществе тюркского каганата рабовладельческого уклада. Своеобразие этого уклада заключалось в том, что новые, рабовладельческие отношения развивались в рамках сохраняющихся родоплеменных форм быта, причем эти формы для VI в. мы не можем считать анахронизмом. В VI в. их существование было обусловлено тем, что основная масса членов общины была еще свободной. Следовательно, общество тюркского каганата переживало процесс разложения родоплеменных отношений и развития в рамках этих отношений рабовладельческого уклада.

Каганат объединял множество различных и в этническом и в культурном отношении племен. Система правления была организована по типу удельной системы. Во главе отдельных уделов становились обычно члены рода кагана. Связанные и родством и вассальной зависимостью от кагана, они поддерживали связь с главой всего племенного союза. Но, разумеется, эта связь не могла быть крепкой, что очень скоро и проявилось.

Уже в конце VI в. (588 г.) скороспелое политическое объединение тюрок распалось на два самостоятельных каганата: западный и восточный. История Казахстана связана с историей западного тюркского каганата; поэтому только на ней мы в дальнейшем и остановимся.

Центром западного каганата было Семиречье, столицей — город Суяб на реке Чу. Западные тюрки были по преимуществу кочевниками-скотоводами. По сведениям китайского путешественника Сюань-цзяна, сам каган, носивший титул джабгу, жил в юрте и кочевал со своими сородичами в районе реки Чу. Но в отличие от восточных тюрок, у западных имели место земледелие и оседлые поселения. Такие поселения и следы земледелия действительно найдены археологами в некоторых районах Семиречья. В оседлых поселениях (балык) имелось и ремесло. Известны тюркские ткани. Кроме того, сохранились остатки керамики. Рисунки тканей и формы архитектурных памятников свидетельствуют о сильном влиянии на искусство тюрок художников Ирана

и Китая, что не исключало наличия и местных, тюркских, мотивов.

Из племен, входивших в состав западного тюркского каганата, наиболее крупными были: племя карлуков, занимавшее территорию западного Алтая, Тарбагатая и Восточного Казахстана, и племя тюргеши, занимавшее кочевья к югу от озера Балхаш до Заилийского Ала-тау. Кроме того, большую роль в западном каганате играли племена чигиль, кочевавшие частично у озера Иссык-куль и частично у реки Талас, и племена ягма, занимавшие районы Восточного Туркестана.

В 30-х годах VII в. при кагане Шаболо-Хилиши западные тюрки были разделены на 10 поколений или «стрел». Пять «стрел» к востоку от реки Чу носили название дулу (впоследствии дулаты казахов), пять «стрел» к западу от той же реки до реки Талас назывались нушиби. Все это тюркоязычные племена с характерной заменой начального звука «я» звуком «ч» и «дж». Со времени тюркского каганата, т. е. с VI—VII вв., тюркоязычные племена составили основную массу населения на территории современного Казахстана.

Однако культурная жизнь западного каганата складывалась не только под влиянием тюркской культуры. Весьма заметно было и влияние согдийцев, колонизация которых в начале VII в. в районе Семиречья значительно усилилась. Расширению культурных связей Южного Казахстана содействовало и то, что столица западного каганата являлась центром притяжения купцов различных народностей. Сюда ввозились ткани из Китая и Западной Азии.

Через территорию Семиречья проходил и транзитный путь, связывавший Китай и запад Азии. Этот путь проходил через Самарканд, Ташкент, Тараз, далее по берегу реки Чу к южным берегам озера Иссык-куль и через перевал Бедель на Аксу.

Политического расцвета западный тюркский каганат достиг в начале VII в. при кагане Тун-Ябгу. Как передают китайские источники, тюрки в этот период покорили значительную часть Ирана и развили широкую экспансию на запад. Тюрки закрепили свою власть над многочисленными племенами огоров, кочевавших в степях между Нижней Волгой и Уралом. Хазары признавали верховную власть тюркского кагана. Тюркский каганат находился в дипломатических сношениях с византийским правительством. Известна попытка византийского двора закрепить союзнические

отношения с каганатом путем брака византийской принцессы с каганом западных тюрок. Борьба с сасанидским Ираном велась каганатом в союзе с Византией.

Однако расцвет западно-тюркского каганата оказался недолговременным. Его мощь к середине VII в. упала. Две причины вызвали быстрый упадок могущественного государства тюрок. Это было государство, основанное на военных успехах отдельных каганов. Ни экономических ни крепких политических связей между отдельными частями каганата не существовало. Рост могущества местной племенной знати, сопровождавшийся превращением части членов общин — будун в зависимых от этой знати клиентов-огуши, приводил к крупным восстаниям.

Внутренняя социальная слабость тюркского общества — одна из причин падения каганата. Вторая причина коренилась в почти беспрерывных войнах между вождями отдельных частей каганата. Разорительная для масс борьба велась между пушиби и дулу.

В 658—659 гг. Китай, закрепивший к тому времени свою власть над восточными тюрками, нанес ряд крупных поражений западно-тюркскому каганату, и вожди племен западных тюрок должны были признать протекторат Китая. Однако борьба с тибетцами и восстания восточных тюрок помешали Китаю укрепить свое господство на территории современного Казахстана.

ТЮРГЕШИ И КАРЛУКИ

В междоусобной борьбе, которая не прекращалась в западно-тюркском каганате, начало выделяться племя тюргешей. В 704 г. последний каган Син был убит в Кулане, и господство перешло к тюргешам, кочевавшим между Чу и Или. Главная их орда находилась в Суябе. Обстановка в Средней Азии в период господства тюргешей в Семиречье была весьма сложной.

К 30-м годам VIII в. относится окончательное завоевание Средней Азии арабами. Тюргеши оказали значительную помощь согдийскому населению земледельческих оазисов в их борьбе с арабскими завоевателями. В 712 г. тюргеши заняли значительную часть Средней Азии. Но они не всегда выступали как союзники согдийцев; производя нередко опустошительные набеги на согдийские поселения, тюргеши уносили с собой богатую добычу и уводили большое количество пленных. В то же время тюргеши поддерживали

интенсивные торговые связи с земледельческими районами Средней Азии и принимали участие в транзитной торговле по «шелковому» пути. Торговали здесь не только арабы и согдийцы, но упоминаются и имена купцов-тюрок. На западе, в Сыр-дарьинской области, пролегал караванный путь, который связывал Среднюю Азию с хазарским каганатом в низовьях Волги. В VI—VII вв. по этим путям шла торговля по преимуществу предметами роскоши.

Характерным памятником торговли тюргешей является монета с тюркской надписью и в то же время с четырехугольным отверстием посредине, что характерно для китайских монет.

Господство тюргешей в Семиречье не было продолжительным. После кратковременного расцвета могущества тюргешей при хане Сулу (умер в 738 г.) наступает быстрый упадок их господства. Постоянные междоусобные войны быстро ослабляли их могущество. В 739 г. им был нанесен сильный удар коалицией владетелей Ферганы и Кашгара.

Ослабление тюргешей открывало возможность расширения китайской агрессии в Семиречье. В 748 г. китайский наместник Восточного Туркестана разрушил Суяб, когда-то бывший столицей тюркского каганата. Однако и на этот раз китайцам не удалось прочно установить свое господство в Семиречье. С юга двигались новые завоеватели — арабы, которые в 30—40-х годах VIII в. прочно укрепились в Согде. В 739 г. арабы под предводительством наместника халифа в Согде Наср-ибн-Сейяра захватили в плен тюргешского хана Курсуля на берегу Сыр-дарьи. Курсуль был убит в плену. Тюрки теперь уже не представляли серьезной силы. Но арабы помешали завоеванию Семиречья Китаем. В 751 г. в сражении на реке Таласе китайцы были разбиты арабами. Это поражение имело большое значение не только политическое — Семиречье было избавлено от господства Китая, — но и культурное, в смысле усиления в Семиречье арабского влияния в ущерб китайскому. Однако арабское завоевание севернее Сыр-дарьи не проникало.

В 766 г. среди тюркских племен Семиречья возвышаются карлуки, которым удалось объединить под своим господством тюркские племена Семиречья. Среди этих политических переворотов и потрясений не прерывались политические, экономические и культурные связи Семиречья со Средней Азией.

В период господства арабов в Средней Азии не прекра-

БИБЛИОТЕКА

щались враждебные столкновения между ними и кочевниками Семиречья и Сырь-дарьинской области. Нападения кочевников не представляли серьезной угрозы для господства арабов. Но в соединении с внутренними восстаниями эти нападения становились грозными. В VIII в. вспыхнул ряд крупных крестьянских движений, направленных не только против арабов, но и против собственной знати — дихкан.

Внутренние противоречия, вызывавшие крестьянские движения, оставались неразрешенными. Опасность новых восстаний не была устранена, и поэтому для арабских завоевателей попрежнему оставалась активной проблема защиты от тюрок, вернее, вопрос об изоляции тюрок от земледельческих районов Мавераннахра.

Было решено построить стену, которая бы ограждала Бухарский оазис от кочевых племен. В течение 40 лет шла постройка этой стены, впоследствии известной в народе под именем Кампыр-дувала. Остатки ее сохранились до наших дней, и изучение их позволило сделать интересные выводы о взаимоотношениях оседлого населения Мавераннахра и кочевых племен степи. Стена была не только укреплением. В сложную систему укреплений входили и рабаты, т. е. населенные пункты, центры ремесла и торговли. Здесь шла меновая торговля с кочевниками.

Из степи поставлялось большое количество кожи, которая служила предметом обработки, главным образом, в Ургенче и Ташкентском районе. Выделанные из кожи седла, колчаны находили большой спрос в степи. В степь сбывалось и большое количество хлопчатобумажных тканей. Кроме того, в степь шел хлеб. В свою очередь кочевые племена обменивали в оседлые области Мавераннахра убойный и вьючный скот, меха, кожи и рабов. Обмен происходил в пограничных рабатах, куда кочевники сами пригоняли скот, или караваны из Мавераннахра направлялись в степь, и там происходил обмен, который был весьма интенсивным. В Хорезме этот обмен повел к усиленному развитию производства хлопчатобумажных и шерстяных тканей и обогащал хорезмийских купцов.

УЙГУРЫ

В истории Казахстана VII—VIII вв. существенно отметить события, происходившие в Восточном Туркестане, хотя они и выходят за территориальные пределы современ-

ного Казахстана. В то время как на южных границах Казахских степей происходило возрастание могущества арабов, на востоке росло могущество уйгурского ханства.

В начале VII в. ряд уйгурских племен (юаньхе, пулу, тунло, баегу) добился независимости от тюркского каганата и образовал племенной союз под названием Хойху. В союзе с племенем сеяньбо эти племена нанесли крупное поражение тюркам. Но самостоятельное существование этих племенных объединений было непродолжительно. Уйгуры уже к 630 г. должны были подчиниться Китаю и принять китайское административное устройство.

Новое усиление уйгур произошло в 40—50-х годах VIII в. при кагане Пэй-ло, когда вновь образовалось самостоятельное уйгурское ханство, охватившее огромную территорию от Алтая до Манчжурии и пустыни Гоби на юге. При преемнике Пэй-ло, кагане Моч-ло, уйгурам должны были подчиниться и киргизы. Китайские императоры неоднократно должны были обращаться к уйгурам за помощью во внутренних смутах. Однако внутренние раздоры и нашествия тибетцев уже к 80-м годам VIII в. подорвали силы уйгурского ханства. Хозяйственный кризис начала IX в. — массовый падеж скота в результате ряда исключительно жестоких снежных зим — подорвал и экономическую мощь уйгур. В 840 г. киргизский каган нанес решительное поражение уйгурам. Ставка уйгурского кагана на реке Орхоне была сожжена. Уйгурский каганат распался. Тринадцать родов — аймаков подчинились Китаю, пятнадцать аймаков откочевали на запад в районы кочевий карлуков (Тарбагатай).

Уйгуры, потомки которых составляют в настоящее время значительную группу населения Казахстана, уже в то далекое время выступали как народ, стоящий на высокой ступени культурного развития. Уйгуры знали письменность. Уйгурский алфавит получил широкое распространение среди тюрок и монголов. До VIII в. уйгуры были шаманистами. В конце этого века среди них широкое распространение получило манихейство — религия, в которой соединялись элементы буддизма, христианства и зороастризма.

В хозяйстве уйгур преобладало скотоводство, но уйгурские племена знали и земледелие, производили пшеницу. Из описания дани, которую уйгуры платили Китаю, следует, что в уйгурском каганате было развито и ремесло, конечно, как часть интегрального натурального хозяйства: среди предметов дани наряду с лошадьми, дромадерами китай-

ские источники называют железо, сабли, латы, шелковую ткань и белую ткань бо-де.

Общественные отношения уйгур были аналогичны тем, которыми характеризовалось общество тюркского каганата.

МОНАРХИЯ САМАНИДОВ

В период господства в Средней Азии саманидов (874—999 гг.) обмен между кочевниками степи и оседлыми районами Мавераннахра еще более усилился. Время саманидов в истории Средней Азии — время расцвета господства согдийской иранской знати, небывалого ее могущества как в экономической, так и в политической области. В области социальных отношений государство саманидов еще нельзя считать вполне феодальным. Господствующая роль принадлежала еще дофеодальному городу, а не поместью. Большую роль наряду с дихканами играли крупные купцы. Но наличие крупной собственности на землю и дальнейшее превращение земледельцев в производителей, зависимых от дихкан, говорит о том, что в недрах старого дофеодального общества складывались элементы нового феодального способа производства. В период господства саманидов можно говорить не только о создании материальных предпосылок феодального способа производства, но и о феодальном укладе, хотя этот уклад и не успел еще стать господствующим. Однако это относится лишь к оседлым, а не к кочевым районам Средней Азии. Развитие феодальных отношений в кочевых районах относится к более позднему времени (см. главу III).

Степи Казахстана не входили в состав государства саманидов, кроме долины Таласа. Исмаил Саманид в конце IX в. завоевал главный город Таласской долины Тараз и вернулся в Бухару с богатой добычей. Это завоевание повело к временному упадку Тараза. Но упадок характеризовал только первые годы господства саманидов. Образование в Мавераннахре сильного государства делало невозможными набеги кочевников и в то же время способствовало втягиванию степи в торговые отношения с оседлым Мавераннахром. Теперь в обмен втягивались не только предметы роскоши, но и предметы первой необходимости. Тараз постепенно становился «городом купцов», экономически и политически господствовавшим над Таласской долиной.

Несомненно, было велико и культурное влияние саманидского государства на кочевую степь. В X в. происходит распространение ислама среди тюрок, в том числе и карлуков, господствовавших в долинах рек Чу и Или. Но влияние ислама захватывало лишь верхушку тюркского общества — основная масса кочевников оставалась шаманистами. Распространение ислама у карлуков и тюрок Таласской долины было одним из средств укрепления господства кочевой знати над массами кочевников.

КИМАКИ

Жизнь общин, кочевавших в степях Казахстана в X в., почти не изучена. На севере современной территории Казахстана, у Иртыша, в X—XI вв. кочевали тюркоязычные племена кимаков. Это были племена скотоводов-кочевников. Они разводили лошадей, коров и баранов. Подсобной отраслью хозяйства являлась охота — охотились на соболя и горностая, меха которых служили не только для внутреннего потребления, но и для мены. В частности, иранский географ Гардизи (XI в.) сообщает, что на меха кимаки выменивали соль. О внутреннем общественном строе кимаков известно очень немногое. Несомненно, что община переживала процесс имущественного расслоения. Говоря о пище кимаков, Гардизи писал: «Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом, на зиму они заготовляют сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств». Это общество знало и зачатки деления на классы: свободных и рабов. Во главе племен кимаков стоял вождь с титулом ямал-пейгу.

Западная часть кимаков носила название кипчаков, которые не являлись каким-либо отдельным племенем, — это был союз различных племен.

ОГУЗЫ

Лучше известна жизнь племен огузов, которые в X в. начинают называться в географической литературе туркменами. Они кочевали в районе нижнего течения Сырдарьи, вели кочевое хозяйство, разводили верблюдов, коней, овец, баранов. Эти племена знали глубокое имущественное расслоение. В общине господствовали богачи, беги, владевшие огромными табунами лошадей и овец.

Они фактически распоряжались общественными пастбищами и водопоями. Основная масса кочевников тем самым начинала становиться в зависимые отношения к бегам. Но нет никаких данных, которые позволяли бы говорить о повинностях свободных членов общины бегам. Объектом эксплоатации продолжал оставаться труд рабов: у богатых кочевников было по нескольку десятков рабов. Но основу производства у туркмен составлял все же труд свободных членов общины. Рабство не переросло в рабовладельческую формацию, оставаясь лишь укладом в системе общинного хозяйства. Община носила еще черты родового строя, хотя из того, что выше говорилось о социальном строе туркмен, следует, что этот строй уходил уже в прошлое, переживал процесс глубокого разложения.

В степи, где кочевали туркмены, были и города. Там происходил торг.

Подавляющее большинство туркмен оставалось шаманистами. Ислам слабо проникал в их среду.

Сравнивая быт тюрок VI в. и туркмен, можно с большой степенью вероятности утверждать, что тот самый процесс разложения родовой общины, который переживали туркмены, переживали в той или иной степени и другие кочевые племена. Относительно карлуков это не подлежит никакому сомнению.

ГЛАВА III

КАЗАХСТАН В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (XI—XV вв.)

КАРАХАНИДЫ

В конце X в. в Средней Азии произошли крупные политические перемены: пала династия саманидов, а вместе с этим пало и политическое господство местной иранской знати в Мавераннахре, который перешел во власть караханидов — династии тюркского происхождения. Столицей караханидов, носивших титул илек-ханов, был город Баласагун на реке Чу. В 999 г. Мавераннахр был завоеван илек-ханом Насром. Караханидам были подчинены также Семиречье и Сыр-дарьинская область.

Вместе с утверждением господства караханидов в среде кочевников-тюрок начинает быстро распространяться ислам. Сами илек-ханы приняли ислам еще в середине X в. (по одному из преданий — в 955—956 гг.). В 960 г. ислам

приняли какие-то кочевые тюркские племена, по преданию около 200 тысяч кибиток. В середине XI в. ислам распространился и среди тюрок, кочевавших частью в степях современного Казахстана. Учитывая, что распространение ислама было связано с усилением местной племенной знати, для которой ислам являлся одним из орудий укрепления своего господства, — мы должны допустить дальнейшую диференциацию кочевой тюркской общины.

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Эта диференциация в XI в. начинала протекать в областях, подчиненных караханидам, т. е. в Мавераннахре, Семиречье и в Сыр-дарьинской области, в формах, характерных для феодализирующегося общества. В оседлых областях феодализация проявилась прежде всего в пожаловании земельных участков тюркским военачальникам, которые взимали с населения этих участков поземельную феодальную ренту. Далее процесс феодализации проявлялся в переходе центра хозяйственной жизни из города в сельские округа. Раскопки в долине Таласа отмечают развитие сельских поселений и упадок города. Затем процесс феодализации проявился в разрушении караханидами централизованного бюрократического аппарата, на который опирались саманиды. При караханидах в области политической господствовал удельный порядок, т. е. управление отдельными областями находилось в руках членов ханского рода, которые правили уделами как князья, вассальные илек-хану. Жалованье, которое платилось войску при саманидах, нередко заменялось земельным пожалованием. При господстве удельной системы история государства караханидов естественно заполнена бесконечными феодальными войнами между отдельными представителями властвующей династии.

Несомненно, что и кочевые общины Южного Казахстана были втянуты в процесс феодализации. Раздача икта в оседлых районах Семиречья и Таласской долины носила тот же характер, что и в областях Мавераннахра, т. е. в XI в. являлась земельным пожалованием. Среди кочевых общин пожалование икта могло сохраниться лишь в прежней форме: пожалование ренты с определенных общин, но не закрепление земли в частную собственность.

Менее ясны те изменения социального строя, которые имели место в этот период в центральных и северных ча-

стях Казахстана. Известен ряд походов в XII в. илек-ханов против кочевых племен кипчаков. Выше был описан общественный и политический строй тюрок, в конгломерат племен которых входили и кипчаки. Известен быт западных кипчаков по материалам русских летописей XII в., где кипчаки выступают под именем половцев. Летописи отмечают наличие у половцев племенного строя, который в XII в. выступает как пережиточная бытовая форма прежних первобытно-общинных отношений. По крайней мере, роль половецких общин совершенно заслоняется ролью и значением многочисленных «князей», как их называют летописи.

У половцев сохранялось кочевое хозяйство. Среди половецкого полона все время фигурирует скот: лошади, овцы; кроме того, среди добычи постоянно упоминаются юрты и рабы. Но в том же XII в. наблюдался и процесс перехода половцев к оседлой жизни: летописи начинают от оседлых половцев отличать кочевых, так называемых «диких». В распоряжении половецких племен были и города.

Нет никаких оснований думать, что между социальным строем западных кипчаков, половцев, и кипчакскими племенами, остававшимися в степях Казахстана, существовала значительная разница, тем более, что с чертами социальных отношений, описываемых русскими летописями у половцев, мы встречаемся и в быту тюрок VII—VIII вв. Данные о быте западных кипчаков, правда, весьма отрывочные, все же позволяют говорить о значительной роли местной знати и оттеснении ею общины от влияния на общественную жизнь. Диференциация общины углубилась. Точно так же несомненно распространение труда рабов в кипчакском обществе.

Общество кипчаков характеризовалось, следовательно, эксплоатацией рабов кочевой знатью и глубоким разложением кочевой общины. Значит, здесь уже сложились предпосылки для развития феодальных отношений, т. е. для закабаления свободных членов общины кипчакской знатью в условиях кочевого хозяйства.

КАРА-КИТАИ

Государство караханидов распалось в начале XII в. Раздираемое внутренними феодальными войнами, оно не могло быть крепким. В 1102 г. владелец Тараза и Баласагуна Кадыр-хан потерпел поражение на берегу Аму-

дарьи от сельджукского султана Синджара. Это поражение нанесло непоправимый удар могуществу караханидов. В первой половине XII в. в Семиречье появился новый народ, как полагают, тунгусского происхождения — кара-китаи.

Кара-китаи пришли с востока. В X в. они основали обширную монархию с центром в северном Китае. Во главе этой монархии стояла династия Ляо. В 1125 г. южно-китайские племена в союзе с другим народом тунгусского же происхождения, чжуржени, разгромили кара-китаев. Остатки их должны были переселиться на запад. Владелец Баласагуна, один из представителей караханидов, сделал попытку использовать кара-китаев против теснивших его племен канглы и карлуков. Вмешательство кара-китаев в эту борьбу окончилось захватом ими Баласагуна. Отсюда они распространили свои владения до Таласа, разбили хана Махмуда, владевшего Мавераннахром, а в 1141 г. разгромили войска сельджукского султана Синджара. Одновременно кара-китаи предприняли попытки к завоеванию Хорезма.

Во главе огромного государственного объединения кара-китаев стояли ханы с титулом гурхана. Население подчиненных гурхану районов было обложено податью по динару с дыма, явно заимствованной из податной системы Китая — подворного обложения. Ставка гурхана находилась к западу от Или, около Баласагуна. Области Семиречья к северу от Или остались во владении карлукских ханов, которые должны были признать себя вассалами гурхана. Платил дань гурхану и владетель Хорезма (хорезм-шах), к которому посылались особые сборщики дани.

Однако господство кара-китаев не было продолжительно. Борьба за власть среди отдельных членов династии ослабляла их господство. В то же время злоупотребления и притеснения народа сборщиками дани, высокомерие послов гурхана, оскорблявших тюркскую знать, покровительство гурханов христианству вызвали широкое мусульманское движение, направленное против господства кара-китаев.

Первоначально борьба гурхана с восставшей против него мусульманской знатью была успешна. Но около 1209 г. в Семиречье появился новый народ монгольского происхождения — найманы, вытесненные из степей Монголии Чингис-ханом. Во главе найманов стоял хан Кучлук. Между Кучлуком и хорезм-шахом Мухаммедом был заключен союз против кара-китаев. К союзу примкнул и

карлукский Мамду-хан. Движение против гурхана поддержал и самаркандский хан Осман. Одновременно с этим в 1211 г. в северном Семиречье появились первые отряды Чингис-хана под командой Хубилай-нойона. Карлукский хан признал себя подданным монголов, и наместник гурхана был убит. В 1212 г. гурхан был оставлен даже собственным войском. Власть перешла к Кучлуку, а на западе в районе Сыр-дарьи и в Мавераннахре окончательно укрепилась власть хорезм-шаха Мухаммеда, государство которого включало в себя бо́льшую часть Средней Азии и Хорасана. Это государство становится наиболее крупной политической силой до появления здесь в 1219 г. войск Чингис-хана.

МОНГОЛЫ

Образование империи Чингис-хана внесло ряд крупных перемен в общественную и политическую жизнь Средней Азии и степей Казахстана. Чтобы понять характер этих перемен, нужно коротко остановиться на монгольской империи Чингис-хана.

Темучин (имя Чингис-хана) становится главной силой в восточной Монголии после 1203 г., когда им был разгромлен один из могущественных союзов монголов — Кераитский, а сами кераиты или киреи были вытеснены на запад. В 1206 г. та же участь постигла и другой мощный союз Монголии — Найманский. С этого времени найманы и были оттеснены в Семиречье, сумев здесь под водительством Кучлука достигнуть недолговременного господства. С проникновением в районы Восточного Казахстана и Семиречья киреев и найманов, принадлежавших к группе монгольских племен и впоследствии вошедших в состав Казахского союза, в этногенезисе народностей Средней Азии и Казахстана начинают играть значительную роль монгольские элементы.

В 1206 г. Темучин был провозглашен ханом всех монголов и получил имя Чингис-хана. Мы уже знаем, что в 1211 г. войска Чингис-хана заняли северную часть Семиречья. Однако завоевание степей кипчаков и Мавераннахра было отсрочено вспыхнувшей в 1211 г. войной между империей Чингис-хана и Китаем. В 1215 г. монгольскими войсками был занят Бейпин. Слава и могущество Чингис-хана среди феодалов Востока поднялись на небывалую высоту.

В 1218 г. в пограничный город владений хорезм-шаха Отрар прибыл из Монголии караван в числе 500 верблюдов в сопровождении 450 человек. Все они были задержаны в Отраре наместником хорезм-шаха Инальчиком и затем убиты, обвиненные в шпионаже.

Чингис-хан начал борьбу с хорезм-шахом. В течение 1219—1221 гг. вся Средняя Азия и прилегающая к ней часть Ирана были завоеваны войсками Чингис-хана и вошли в состав его империи. Несмотря на внешний блеск и обширные владения, государство хорезм-шаха, раздираемое внутренними противоречиями и придворной борьбой, не могло оказать мощное сопротивление Чингис-хану. Сам Мухаммед от преследования монголов должен был спасаться бегством и умер в 1220 г. на одном из островков Каспийского моря в безвестности и бедности.

Многие города Средней Азии, по которым прошли полчища монголов, лежали теперь в развалинах. Значительная часть населения была перебита, часть уведена в плен. Потребовалось много лет, прежде чем культурные области Мавераннахра стали оправляться от страшного погрома. Но не все области пострадали в одинаковой мере. Еще до похода на хорезм-шаха войска монголов под командой Чжебе покончили с господством хана найманов Кучлука. Сам Кучлук был убит; мусульманское население Семиречья, недовольное покровительством Кучлука христианам-несторианам, приветствовало монголов как своих избавителей от притеснений, которым мусульмане подвергались при Кучлуке. Столица Семиречья Баласагун сдалась без боя и не была разграблена монголами. Области, расположенные вниз по течению Сыр-дарьи, было поручено покорить старшему сыну Чингис-хана Джучи. Он эту задачу разрешил.

О хозяйственном состоянии земель, расположенных по Сыр-дарье и к северу от нее, сохранились сведения в описании путешествия китайского отшельника Чан-чуня. Дороги были исправлены монголами. Через реку Чу был наведен деревянный мост, через Талас — каменный. Степи к северу от Сыр-дарьи, опустошенные хорезм-шахом Мухаммедом, были снова населены. Власть оставалась в руках местной знати. Чан-чунь нигде не встретил начальников из монголов. Среди городов Чан-чунь упоминает о Сайраме, как богатом и большом городе, и еще о двух городах. Однако данные, приводимые Чан-чунем, нельзя считать характерными для всего Семиречья и Сыр-дарьинской области. Данные археологических раскопок показы-

вают, что ряд крупных культурных центров в южной части современного Казахстана был превращен монголами в развалины. К ним относился Тараз. Все города между Тразом и Сайрамом также были разрушены. Монголы щадили лишь те города, которые не оказывали им никакого сопротивления. Не только оседлые районы, но немало и кочевых районов Средней Азии было опустошено монголами.

Империя, образованная в результате завоеваний Чингис-хана, считалась собственностью всего ханского рода. Еще при жизни ее основателя империя была разделена на четыре улуса между сыновьями Чингис-хана.

Граница улуса Джучи при его сыне Бату на западе простиралась до Днестра, на востоке — до низовьев Сырдарьи, на юге в состав улуса Джучи входили Крым, часть Кавказа до Дербента, северная часть Хорезма с городом Ургенчем, на севере — область булгар. Точных границ не знали и сами монголы. Во всяком случае русские княжества в состав улуса Джучи не входили; они были вассальными владениями, платившими хану дань.

Южная часть Семиречья, земли по Зеравшану и Кашкадарье составили улус Джагатая; в Иране образовалось государство во главе с внуком Чингис-хана, Хулагу. Собственно Монголия составляла владения «великого хана», которым после смерти Чингис-хана был выбран на курилтае его сын Угэдэ. Он же управлял временно и Мавераннахром, часть доходов с которого великий хан передавал дому Джагатая.

Таким образом, после смерти Чингис-хана территория современного Казахстана в основном вошла в состав улуса Джучи, южная часть Семиречья — в состав улуса Джагатая. Монгольская прослойка в населении была значительна лишь в восточных областях улуса Джагатая, не считая, конечно, собственно Монголии. В остальных областях, в том числе и в улусе Джучи или Синей Орды, известной в русских памятниках под названием Золотой Орды, она была невелика. В основном она состояла из монгольской знати, группировавшейся вокруг ханов и тех 4000 человек монгольского войска, которые Чингис-хан дал каждому из своих сыновей, назначенных управлять завоеванными областями.

Понятно, что монгольские пришельцы должны были подвергнуться сильному влиянию местных, преимущественно тюркских, элементов. Это ярко сказалось уже к концу

XIII в. в области культуры и языка. Прежние монгольские социальные термины исчезают и заменяются тюркскими. Официальная переписка, которая велась при Бату и его брате Берке еще на монгольском языке, переводится на тюркский язык. В области культуры влияние тюркских элементов сказалось на успехах мусульманства среди монгольской знати. Уже хан Берке (1255—1266 гг.) принял ислам, но распространение и укрепление ислама в Золотой Орде относится к несколько более позднему времени, когда ханом стал Узбек (1312—1340 гг.), хотя и при нем исламизация захватывала по преимуществу господствующие классы и городское население, находившееся в тесных экономических связях с мусульманским Востоком. Народные массы в большинстве продолжали придерживаться древнего шаманизма.

Но было бы ошибочным говорить лишь об одностороннем влиянии местных тюркских элементов на монголов: господство монголов и прежде всего их социальный строй в свою очередь наложили мощный отпечаток на общественную жизнь племен Дашт-и-Кипчака. Завоевание монголов поставило местные тюркские племена в положение зависимых, подчиненных монгольской знати, представителями которой являлись, помимо членов дома Чингис-хана, нойоны и другие начальники: богадуры, мерген, бильде и др. Монгольский термин нойон впоследствии был вытеснен тюркским — бег. Но ханом мог стать только член дома Чингис-хана. Эта аристократия, получившая впоследствии титул султанов, причисляла себя к особому сословию — «белой кости». Она заменила прежнюю знать «голубой кости» тюркского общества.

Феодализирующейся знати противостояла формально свободная масса кочевников — харачу. Земля находилась в общественной собственности и в условиях господства кочевого хозяйства, требовавшего постоянных изменений районов кочевья, не могла быть закреплена в частную собственность. Но распоряжение этой землей сосредоточивалось в руках нойонов. Харачу владел скотом, орудиями, вел свое аульное кочевое хозяйство, но в пользовании кочевьем он целиком зависел от своего нойона. Эта зависимость экономически реализовалась в ряде повинностей харачу в отношении нойона. Повинности носили характер продуктовой ренты. Акад. Б. Я. Владимирцов, которому историческая наука обязана исследованием общественного строя раннего монгольского общества, пишет, что повинности эти выражались «в предоставлении мелкого скота

на убой и в отправлении в ставки феодалов известного количества дойных животных, главным образом кобылиц, чтобы в ставках могли пользоваться их молоком». Политическое и экономическое господство нойонов обеспечивалось военной организацией, на основе вассальных отношений, а также военными дружинами, состоявшими из так называемых нукеров и находившимися в распоряжении феодальной знати.

Тюркские племена, как и все другие, завоеванные монголами, попадали в положение зависимости. Они не теряли своего общинного устройства и продолжали жить родовым бытом, как и до завоевания. Главной их обязанностью была служба владельческому роду, которая состояла в помощи своим господам вести большое скотоводческое хозяйство, загонять дичь на охоте, игравшей крупную роль в хозяйстве монголов, и т. д.

Но знать зависимых родов несла другую службу: на ней лежала не хозяйственная, а «благородная» служба (т. е. по преимуществу военная) в отношении владельческого рода. Незаметно эта группа сливалась с нойонами владельческого рода и нередко становилась во главе сотен, тысяч, тем (10 000), на которые делилось монгольское войско.

Следовательно, монгольское завоевание не уничтожало того классового расслоения, которое до этого наблюдалось среди тюркских племен. Наоборот, отмеченный выше процесс слияния монгольской и тюркской знати укреплял экономическое и политическое господство последней внутри тюркских родов, способствовал ее обособлению в особый класс — феодалов. Тот процесс феодализации, который наблюдался еще в период саманидов и караханидов в южных, оседлых районах Казахстана, теперь становится типичным и для кочевых районов.

ТЮРКСКАЯ КОЧЕВАЯ ОБЩИНА В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

Тюркское общество по своей социальной структуре приближалось к ранне-феодальному обществу. Но это совсем не значит, что формы родового быта были разрушены: они видоизменялись и вместе с тем видоизменялось их содержание.

Изменения в структуре рода выразились прежде всего в дроблении старых родовых объединений, с одной сто-

роны, и перемешивании частей различных родов, с другой. Такое дробление и смешение имело место и раньше, но монгольское завоевание в огромной степени усилило эти процессы. После разгрома Чингис-ханом мощных племенных объединений кераитов и найманов разбитые части этих союзов отодвинулись на запад и здесь смешались с тюркскими племенами. Рассеивание родов происходило и в результате естественного роста, что вызывало необходимость дробления районов кочевий, но в XIII в. главную роль играло насильственное дробление в результате завоеваний. Как ни плохо изучен до настоящего времени этногенезис казахских племен, но то, что известно, не оставляет сомнения в том, что племена и роды, населявшие степи Казахстана, — это не родовые союзы, а аймаки, т. е. соединение обломков различных родовых союзов. Не всегда ясно, обломки каких именно старинных родовых союзов образовали тот или другой аймак, но нет оснований сомневаться в смешанном характере этих родов. Такое смешение происходило еще в домонгольский период и, несомненно, было ускорено и углублено монгольским завоеванием.

Процесс смешения, конечно, не означал, что не могли сохраниться обломки прежних кровно-родственных союзов, где это смешение сказалось в наименьшей степени и которые по своему составу близко стояли к прежним кровно-родственным союзам. Это имело место, например, в отношении некоторых родов племени найман.

Изменение состава родов и племен было далеко не безразлично и для их внутренней социальной структуры. Нами было отмечено наличие в среде племен и родов местной племенной знати. Очевидно, что эту знать нельзя отожествлять с родоначальниками кровно-родственных союзов и выводить их господствующее положение в роде из организаторских функций. Родоплеменная знать в условиях ломки, рассеяния и смешения прежних кровно-родственных союзов выдвигалась на основе имущественной диференциации внутри общины из представителей богатых семей; главным же образом она создавалась из предводителей дружин, выдвинувшихся в удачных набегах, известных своей храбростью богадуров. Здесь наблюдался тот же процесс образования новой знати, который в период распада родового строя наблюдался и у других народов, например, у германцев: «. . .дружинники королей образовали, наряду с несвободными и римскими придворными, вторую

из главных составных частей позднейшего дворянства».[1] Несколько ниже в той же работе Энгельс пишет: «Наряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными — с новым разделением труда, новое разделение общества на классы».[2] Это была или знать, выделяющаяся на основе богатства, или военная знать, ничего общего не имевшая с прежними родоначальниками.

В условиях монгольского завоевания, когда над этой знатью выросла знать «белой кости», как стали впоследствии называть царевичей дома Чингис-хана, сохранить свое господствующее положение в качестве аймачных начальников знать могла только в качестве вассалов дома Чингис-хана. Те, кто стремился к самостоятельности, — уничтожались.

Образование аймаков и роль знати совсем не означали уничтожения форм родового быта. Аймак сохранил и экзогамию, и общие поминки предков, и почитание «родовых» начальников, и некоторые пережитки в общинном распределении добычи. Старые формы быта сохранялись прежде всего благодаря прежним формам кочевого скотоводства.

В работах товарища Сталина содержится исключительно важное для исторической науки указание на соединение скотоводческого хозяйства с сохранением форм патриархально-родового быта. О кочевых и полукочевых народностях Советского Востока тов. Сталин пишет как о народах, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ)».[3] Об этой связи будет далее сказано подробно (см. главу V). Патриархально-родовые формы быта сохранялись и самой знатью, так как патриархальность во внутренних отношениях общины, которая неизбежно соединялась с сохранением форм родового быта, задерживала развертывание классовой борьбы в общине, отравляла сознание масс, поддерживая иллюзии о равенстве всех свободных членов общины.

Однако подчиненность масс держалась не только на основе сохранения форм патриархального родового быта, но и на реальной силе классового господства, на организации феодального государства, возглавляемого ханом и

---

[1] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 122.

[2] Там же, стр. 139.

[3] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 93—94.

царевичами фамилии Чингис-хана. Этот момент насилия особенно важно подчеркнуть. Эксплоатация масс могла держаться главным образом благодаря огромной силе принуждения, которой располагало монгольское государство. Ослабление силы этого государства привело впоследствии к тому ослаблению форм феодальной зависимости, которое в буржуазно-националистической литературе вновь породило иллюзии о наличии родового строя у узбеков и, в частности, в Казахском союзе.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Распадение империи Чингис-хана на отдельные улусы, как следствие развития феодальных отношений в монгольском обществе, естественно, не изменило и не могло изменить общественный строй общества. Расцвет могущества Золотой Орды в первой половине XIV в. повел к дальнейшему углублению феодальных отношений на территории современного Казахстана. Ярлыки ханов Тимур-Кутлуга, Тохтамыша и другие не оставляют сомнения в том, что в оседлых районах Золотой Орды имели место четко выраженные феодальные отношения.

Но история Казахстана связана с кочевыми и полукочевыми районами Золотой Орды; поэтому на характеристике этих районов мы и должны остановиться.

Здесь, в степях Дашт-и-Кипчака земля не закреплялась в частную собственность, но районы кочевок находились в распоряжении отдельных феодалов, как это имело место и раньше у монголов. Рубрук, посетивший в XIII в. Золотую Орду, писал: «Всякий начальник знает, считая по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью». Плано Карпини указывал, что «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают темникам, темники тысячникам, тысячники сотникам, сотники десятникам».

Но распределение пастбищ феодалами еще не характеризует общественного строя в кочевых районах Золотой Орды. Возникает вопрос, в какие отношения кочевники-производители становились к знати, захватившей распоряжение пастбищами в свои руки. Эти отношения характеризовались уплатой производителями многочисленных повин-

ностей как хану, так и знати — распорядителям пастбищ. Четкие сведения об этих повинностях сообщает Плано Карпини: «Каких бы, сколько бы и куда бы он (хан) ни отправлял послов, им должны давать без замедления подводы и содержание, откуда бы также ни приходили к нему данники или послы равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание... Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, т. е. татары и другие распределены между вождями. Так же и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие, обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного».

В этом сообщении Плано Карпини следует отметить однородность повинностей как хану, так и другим представителям знати; это естественно, поскольку представители знати были связаны друг с другом отношениями вассальной зависимости и многие из них в своих уделах выступали как правители, фактически слабо связанные с ханом.

На характер повинностей указывает и содержание ярлыков, которые выдавались ханами. Обычно ярлыки освобождали того или другого феодала от повинностей — это своего рода жалованные или иммунитетные грамоты. Они поэтому всегда содержат перечисление этих повинностей.

В ярлыке Тохтамыш-хана на имя Бей-Ходжи (1382 г.) говорится: «С домов племени Шюракюль податей не собирать, к гоньбе подвод не принуждать... при общей кочевке взиманием поборов не только зла не причинять, но защищать и охранять». Известно, что с кочевого населения собиралась подать «копчур» с пасущихся стад в размере 1%.

Помимо платежа повинностей, которые по своему характеру в ряде случаев приближаются к продуктовой ренте, на кочевом населении лежали и трудовые повинности (гоньба, уход за лошадьми послов); тяжелой повинностью являлось участие в охотах, организуемых ханом или другим феодалом. «Во время облавных охот охотники, — пишет Рубрук, — собираются в большом количестве, окружают

местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом, как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы».

Добыча, получаемая во время облавной охоты, была важным источником существования феодала и его дружины. Во время походов облавная охота нередко составляла один из важнейших источников питания войска наряду с конфискацией продуктов у местных жителей. Так, зимой 1222 г. Джагатай и Угедей в Кара-куле систематически организовывали охоты и еженедельно посылали Чингис-хану по пятидесяти верблюжьих вьюков с птицей. Охота служила также и своеобразными маневрами для войск. Поэтому понятно, что, как сообщает Джувейни, в «ясе» Чингис-хана нарушение правил охоты наказывалось смертью.

О тяжести повинностей, лежавших на массах кочевников, судить трудно. Относительно земледельческих районов известно, что эти повинности иногда в два раза превышали доходность хозяйства, почему Мэнгу-хан и должен был призвать феодалов, чтобы они поступали по отношению к зависящим от них людям «снисходительно и сострадательно».

Таковы были общественные отношения в кочевых районах Золотой Орды, а значит, и племен, кочевавших на территории современного Казахстана. Они, как мы видели, строились на основе эксплоатации знатью, захватившей в свои руки распоряжение общественными пастбищами, кочевников, обладавших своим хозяйством и прежде всего скотом.

Такая система эксплоатации характеризует феодальные отношения. Ленин указывал, что для развития феодальной системы производства необходимы четыре условия: «во-первых, господство натурального хозяйства... Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика... Необходимо, следовательно, «вне-экономическое принуждение»... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправно-

стью крестьянина. Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой».[1]

Все эти условия в известной степени имелись в кочевых районах Золотой Орды: здесь господствовало натуральное хозяйство, производитель был наделен средствами производства (скот, земля). Он неразрывно был связан с районом кочевий своего рода; здесь существовала система внеэкономического принуждения, правда, не переставшая в крепостничество; техника была крайне низка и рутинна.

В то же время Ленин указывал, что сущность феодального хозяйства «состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т.-е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые... своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание».[2] Совершенно ясно, что развитие феодальной экономики связано с образованием частной феодальной земельной собственности.

Однако такая собственность складывается не сразу: процесс ее образования связан, по выражению Маркса, с узурпацией общинных земель и общинных повинностей: «*с течением времени* военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности».[3] Первоначально зарождающаяся феодальная земельная собственность не уничтожает прав общины на землю. «А эти права [общины-марки], — пишет Энгельс, — были весьма значительны. Община передавала свои поля отдельным лицам только для использования их как пашни и луга, но не для какой-нибудь другой цели. На все, что выходило за пределы этого, частный владелец не имел никакого права».[4] Узурпация земель феодальной знатью на первоначальной стадии приводила к тому, что «новые помещики становились членами марки, и первоначально в пределах марки они были только равноправны с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже с

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 140—141.
[2] Там же, стр. 139.
[3] Маркс, Капитал, т. I, гл. VIII, Маркс и Энгельс, Собр. соч. т. XVII, стр. 260 (подчеркнуто мною. — *М. В.*).
[4] Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XV, стр. 634—635.

собственными крепостными».[1] Но постепенно права марки переходили к землевладельцу-феодалу. Феодал становился собственником общинной земли.

В оседлых районах Золотой Орды под феодальные отношения была подведена твердая материальная база путем превращения общественных земель в частную собственность. В кочевых районах не было частной земельной собственности; здесь узурпация общественных земель выступала лишь в своих зачаточных формах — распоряжения знати кочевьями.

В этих условиях более живучими оказались общинные связи, и в присвоении прибавочного продукта исключительную роль должна была играть система внеэкономического принуждения, поддерживаемая всей силой феодального монгольского государства. Между тем политическая история Золотой Орды складывалась так, что мощь этого государства, в силу внешних и внутренних причин, быстро расшатывалась.

Золотая Орда была государством феодального типа. При слабых экономических связях между районами единство отдельных частей поддерживалось отношениями феодальной зависимости. Сосредоточив в своих руках гражданскую и военную власть в качестве темников, тысяцких, сотских, пользуясь широким иммунитетом путем получения так называемых тарханных грамот, — управители отдельных областей легко становились фактически независимыми владельцами.

Западная, северная и центральная части территории современного Казахстана входили, как отмечено выше, в состав улуса Джучи. Сын Джучи Бату получил во владение западные районы улуса своего отца, за которыми после смерти Джучи и закрепилось название Синей или Золотой Орды. Но и другие сыновья Джучи, помимо Бату, получили свои уделы. Старший сын Орда считался номинальным главой рода. Он получил в удел области в низовьях Сыр-дарьи до гор Улуг-тага и Кучук-тага. Владения Орды получили название Ак-Орда, т. е. Белая Орда. Севернее Белой Орды простирались владения Шейбана, другого сына Джучи. Удел Шейбану предоставил брат его Бату. Зимние кочевья улуса Шейбана лежали в районе Сыр-дарьи, Чу и Сары-су, летние кочевья — между Уральскими горами и реками Илек и Иргиз. Сын Джучи Тука-

---

[1] Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XV, стр. 639.

Тимур получил в удел земли Великой Болгарии, к северу от Золотой Орды.

При Бату еще поддерживалось единство этих улусов, но уже со второй половины XIII в. владения сыновей Джучи жили самостоятельной политической жизнью.

После расцвета могущества Золотой Орды при хане Узбеке (1312—1340 гг.) снова начались ожесточенные феодальные распри. За двадцать лет, с 1360 по 1380 г., в Орде сменилось четырнадцать ханов.

Только в 1380 г., когда власть в Золотой Орде захватил потомок Орды Тохтамыш, Золотая и Белая Орда снова на короткий срок образовали единое владение. В пределах каждой Орды единство постоянно подвергалось угрозе в силу возвышения отдельных бегов.

Для политического существования Золотой Орды эти распри были тем более опасны, что они развились в грозной для Орды внешней обстановке. На северо-востоке выросла и окрепла мощь русских княжеств. В 1380 г. полчища эмира Мамая были разгромлены на Куликовом поле русскими войсками под предводительством московского князя Дмитрия Ивановича Донского.

Но особенно грозным для существования Золотой Орды явилось возвышение в Мавераннахре Тимура (Тамерлан).

СЕМИРЕЧЬЕ ПРИ ДЖАГАТАЯХ

Прежде чем изложить историю Казахстана при Тимуре и его преемниках, тимуридах, рассмотрим историю областей Казахстана, входивших в состав улуса Джагатая до захвата власти Тимуром. В хозяйственном отношении господство джагатаев привело к резкому упадку в Семиречье земледельческой культуры. Этот упадок начался вскоре после распадения империи Чингис-хана на отдельные улусы, т. е. еще с XIII в. Когда в 1253 г. по Семиречью проезжал Рубрук, он видел там разрушенные города, окруженные садами и пашнями. Города были разрушены татарами, которых сюда привлекали богатые пастбища. Местность между реками Или и Чу описал проезжавший здесь в 1259 г. китаец Чан-дэ. Он также говорит об упадке земледельческой культуры и превращении пашен в пастбища. Процесс разрушения земледельческой культуры продолжался и в XIV в., когда, повидимому, здесь окончательно и надолго, до XIX в., восторжествовало кочевое скотоводческое хозяйство. В одном памятнике XIV в. мы читаем,

что там «можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны—кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

Упадок земледельческой культуры вызывался не только «расчисткой» земель под пастбища, но и бесконечными и разорительными междоусобными войнами между многочисленными царевичами дома Чингис-хана. Эти междоусобия расшатывали мощь владений чингизидов не только на западе во владениях улуса Джучи, но и на востоке современного Казахстана. Особенно разорительной стала междоусобная борьба в восточных областях современного Казахстана после смерти великого хана Мункэ (1259 г.).

Некоторое спокойствие в Семиречье наступило лишь с 1271 г., когда ханом улуса Джагатая стал Дува, сын Барака, умершего в 1269 г. Но и в этот период междоусобная борьба совершенно не прекратилась.

После смерти Дувы в 1307 г. смуты еще более возросли. Лишь на короткое время эти разорительные и непрестанные войны были ослаблены, когда джагатайским ханом стал Эсэн-Бука (с 1309 г.), старший сын Дувы. Но разорение страны продолжалось благодаря неудачным войнам с великим ханом, один из военачальников которого разорил области на 3 месяца пути, другой — на 40 дней пути, в том числе летнюю стоянку джагатайского хана на реке Таласе. После короткого ханства брата Эсэн-Буки, Кебека (1318—1326 гг.), который обращал мало внимания на северные области своего улуса, снова начались феодальные войны, к 40-м годам XIV в. совсем уничтожившие влияние династии Джагатая. В Мавераннахре стали господствовать тюркские эмиры.

Таким образом, не одновременно, но повсюду в улусах, объединенных некогда в империю Чингис-хана, падало влияние чингизидов, т. е. той власти, на которой держалась вся, охарактеризованная выше, система внеэкономического принуждения.

МОГОЛИСТАН

Захват власти тюркскими эмирами в Мавераннахре, несомненно, послужил одной из причин, побудивших монгольских эмиров на востоке улуса Джагатая укрепить

свое положение путем выдвижения собственного хана. Но крупных деятелей из потомства Джагатая не оставалось. Эмир Пуладчи, во владения которого входила часть Восточного Туркестана и часть Семиречья к югу от озера Иссык-куль, провозгласил ханом восемнадцатилетнего царевича Туклук-Тимура. По официальной (сомнительной) генеалогии Туклук-Тимур был внуком Дувы. Он был энергичным ханом и успел объединить под своей властью даже Мавераннахр, который впрочем был утерян тотчас же после его смерти (1362/63 г.).

Государство, основанное Пуладчи и Туклук-Тимуром, получило название Моголистана. В его состав входили не только области Восточного Туркестана, но и обширная территория от Иртыша и Эмиля до Тянь-Шаня и от Баркуля до Ферганы и Балхаша. Эти области были населены кочевниками. Близ Балхаша проходила граница между Моголистаном и владениями джагатаев. После смерти Туклук-Тимура между его наследниками и наследниками Пуладчи, который умер еще раньше Туклук-Тимура, начались ожесточенные междоусобные войны.

МОНАРХИЯ ТИМУРА

Эти войны происходили в условиях возвышения в Мавераннахре Тимура. Возвышение Тимура связано с его борьбой с эмиром Хусейном, владевшим Самаркандской областью. Тимур происходил из рода барласов, живших в районе Кашка-дарьи. С 1362 по 1370 г. Тимур выступал как союзник Хусейна, но в 1370 г. он осадил своего союзника в Балхе, вынудил его сдаться и убил.

С этого времени Тимур стал полновластным хозяином Мавераннахра. Он поддержал Тохтамыша в борьбе за власть в Белой Орде. Захват власти Тохтамышем, вассалом Тимура, отдал во владение Тимура области, лежавшие в низовьях Сыр-дарьи. Хорезм также был в 70-х годах завоеван Тимуром. В течение последних двух десятилетий XIV в. он завоевал ряд областей Ирана. В 1398 г. он совершил грабительский поход в Индию, в 1399 г. в борьбе с египетским султаном захватил Алеппо в Сирии, в 1403 г. нанес сокрушительное поражение турецкому султану Баязету. Кроме того, им был предпринят ряд походов против Моголистана.

Из завоеваний Тимура при изучении истории Казахстана особенно важно отметить его борьбу с Тохтамышем.

В 1380 г. (год Куликовской битвы) Тохтамыш нанес поражение Мамаю, после чего произошло отмеченное выше объединение Белой и Золотой Орд под властью Тохтамыша. В 1388 г. Тохтамыш восстал против Тимура, но в борьбе с ним потерпел ряд поражений: в 1389 г. на Сырдарье, в 1391 г. на реке Урале и, наконец, в 1395 г. на Тереке. Сарай-Берке был взят и сожжен Тимуром. Именно эти поражения нанесли такой удар могуществу Золотой Орды, от которого она уже не могла оправиться.

Моголистан также был присоединен к владениям Тимура. В 1404 г. Тимур готовился к походу на Китай, но во время приготовлений, в феврале 1405 г., умер. Огромное государство, основанное Тимуром, простиралось от Волги до границ Китая, включало в себя области к северу от Инда, Закавказье и области Передней Азии до Сирии. Свои войны Тимур вел под лозунгами ислама, беспощадно подавляя всякое сопротивление. Характерна надпись, оставленная им на камне в степи во время похода против Тохтамыша в 1391 г. (Карсакпайская надпись). Надпись говорит о могуществе Тимура и его беспощадности к врагам. «Тимур-бег шел с двумястами тысяч войска имени своего ради по кровь Тохтамыш-хана». Камень, на котором высечена надпись, хранится в настоящее время в Государственном Эрмитаже.

В то же время он в г. Туркестане возводит великолепную мечеть в честь чтимого мусульманами святого Хазрет Яссеви.

Однако Тимуру не удалось построить устойчивое государство с сильной централизованной властью и создать этим основу для дальнейшего углубления феодальных отношений как в земледельческих, так и в кочевых районах. После его смерти среди его сыновей началась борьба за власть, углубились феодальные войны, расшатывавшие мощь господствующего класса и, следовательно, ту систему насилия, опираясь на которую феодалы могли углубить эксплоатацию кочевого крестьянства. История Средней Азии после смерти Тимура при тимуридах (1405—1499/1500 гг., т. е. до завоевания Шейбани, узбекским ханом, Самарканда, Бухары, Ташкента и других городов Мавераннахра) — это история феодальных раздробленных государств, раздираемых непрерывными феодальными войнами, что не исключало временного подъема и расцвета Мавераннахра, как, например, при внуке Тимура Улуг-беке (убит

в 1449 г.). На истории этих войн мы останавливаться не будем.

Обратимся к дальнейшей истории районов, вошедших впоследствии в состав Казахстана. После завоеваний Тимура Золотая Орда не могла возродиться в прежнем своем могуществе. Ряд городов Золотой Орды (Сарай-Берке, Астрахань, Сарайчик, Кафа) был разрушен Тимуром и более не возрождался в своем прежнем торговом значении. Торговые пути между Западом и Востоком, которые в период расцвета Орды проходили по ее территории, теперь переместились на юг. Если раньше направление этого пути было: Сарай, Ургенч, Отрар, Тараз, — то с конца XIV в. караванные пути шли на Султанию, Герат, Балх, Самарканд, Тараз и далее на восток. Упадок не ограничился только торговлей и городским ремеслом, но захватил и земледелие. Возросла роль кочевых районов. Тенденции к феодальной раздробленности, которые постоянно проявлялись в политической жизни Золотой Орды, теперь окончательно победили.

УЗБЕКИ

В начале XV в. скотоводческие племена, кочевавшие к юго-востоку от реки Урала до низовьев Сыр-дарьи, образовали Узбекский союз. Узбеками в XIV в. называлось ханское войско. Первоначально этот термин не имел этнического значения. В Узбекский союз входили тюркоязычные племена и отюрченные остатки монгольских племен. В 1425 г. ханом узбеков стал Барак, потомок Орды, но уже в 1428 г. узбекская знать при поддержке ногайских мурз возвела в ханы потомка Шейбана — Абулхаира. Абулхаир предпринял завоевательное движение в сторону оседлых районов Средней Азии и захватил ряд городов по нижнему течению Сыр-дарьи. На эти завоевания узбеков толкала потребность в продуктах ремесла среднеазиатских городов; узбеки, кочевники-скотоводы, крайне нуждались в ремесленных изделиях.

Но внутреннее положение Узбекского союза при хане Абулхаире (1428—1468 гг.) не было устойчиво. Борьба между потомками Орды и Шейбана не прекращалась, объединить вокруг себя все силы феодалов Абулхаиру не удалось. Внутренние феодальные войны разоряли трудовое население. Эти противоречия привели к расколу Узбекского союза еще при жизни Абулхаира, к выделению из него нового политического образования — Казахского союза.

НОГАЙСКАЯ ОРДА

К концу XIV в. относится и образование Ногайской Орды, которая занимала территорию от низовьев Волги до Урала и далее на восток. В нее входили степи к северу от Каспийского и Аральского морей. На севере к Ногайской Орде примыкали владения Сибирского и Казанского ханств, также выделившиеся как особые государственные образования в результате распада Золотой Орды. Название Ногайская Орда получила от имени знаменитого темника Золотой Орды Ногая.

Племена, входившие в Ногайскую Орду, как и узбеки, были кочевниками-скотоводами, разводили лошадей и баранов. О социальных отношениях Ногайской Орды следует сказать то же, что выше говорилось об общественных отношениях кочевых районов Золотой Орды. Как распоряжение пастбищами, так и политическая власть здесь находились в руках мурз, потомков Идыге, влиятельного эмира, фактического правителя Золотой Орды конца XIV—начала XV в. Но каждый мурза в своем уделе был политически независимым владельцем. Понятно поэтому, что при отсутствии центральной власти политическая жизнь Ногайской Орды наполнена беспрерывными междоусобиями. Во внешнеполитических связях нужно отметить тесные дипломатические сношения ногаев с Московским государством.

На других ханствах, образовавшихся в результате распада Золотой Орды — Казанском и Крымском, как не связанных с историей Казахстана, — мы останавливаться не будем.

МОГОЛИСТАН ПРИ ТИМУРИДАХ

Обратимся к южным и восточным районам Казахстана в период господства тимуридов. Борьба Тимура с Золотой Ордой в 90-х годах XIV в. позволила укрепиться в Моголистане хану Хызр-Ходже, происхождение которого довольно темно: официально он выдавался за сына Туклук-Тимура, но возможно, что был подставным лицом. Однако Моголистан продолжал считаться тимуридами зависимым от них. После смерти Хызр-Ходжи (1399 г.) между его сыновьями возобновились междоусобия. Около 1421 г. Шир-Мухаммеду, внуку Туклук-Тимура, удалось объединить Моголистан под своей властью. Попытка Шир-Мухаммеда порвать зависимость от тимуридов вызвала в 1425 г. поход

Улуг-бека, внука Тимура, в Моголистан. Области до реки Или были вновь разорены. Власть перешла к Вейс-хану.

При Вейс-хане началась борьба Моголистана с калмыками. В конце XIV в. в Монголии возвысился союз четырех племен: Чорос, Хошор, Торгоут и Хоит. После убийства в 1399 г. предводителем ойротов Угэчи-Хашага монгольского хана Элбэка господство перешло к ойротам, которых мусульмане называли калмыками. Вейс-хан дал калмыкам 61 битву и только две из них выиграл. Калмыки доходили до Сыр-дарьинской области. Ставка моголистанского хана из Восточного Туркестана должна была передвинуться на берег реки Или.

После смерти Вейс-хана в 1428 г. могольские эмиры разделились на две группировки: одна из них поддерживала старшего сына Вейс-хана, Юнуса, другая — второго его сына, Эсень-бука. Власть номинально перешла в руки Эсень-бука, который в момент провозглашения его ханом был еще малолетним. Правили страной эмиры, каждый в своей области как самостоятельный государь.

Такова была обстановка в Средней Азии, когда исторические источники начинают впервые упоминать о казахах.

ГЛАВА IV

ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О КАЗАХАХ И ОБРАЗОВАНИЕ ТРЕХ ОРД

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОГО СОЮЗА

Наиболее подробные сведения о выделении особого владения джучидов, получившего впоследствии название Казахской Орды, сообщает моголистанский историк Мухаммед Хайдер. Так как сообщение Мухаммед Хайдера является основным источником для изучения происхождения Казахского союза, как особого политического объединения, приведем это сообщение полностью:

«В это время (около 1456 г.) Абулхаир-хан владычествовал в Дашт-и-Кипчаке; султанам джучидским приходилось от него очень плохо, и двое из них — Жанибек-хан и Гирей-хан бежали в Моголистан. Иса-Буга-хан принял беглецов хорошо и отвел им край Джу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Моголистана. Там они зажили спокойно. После смерти Абулхаир-хана улус Уз-

бекский пришел в расстройство; начались в нем большие неурядицы. Тогда множество народа откочевало к Гирей-хану и Жанибек-хану, так что число собравшихся около них людей возросло вскоре до двухсот тысяч; звать их стали узбеками-казахами. Эпохой, с которой началась собственно власть султанов казахских, надобно считать 870 (1465—1466 гг.). Впрочем бог лучше знает».

Мухаммед Хайдер писал свой труд «Тарихи-Рашиди» в промежуток времени от 1541 до 1546 гг., т. е. почти через 80 лет после описываемых событий. Как видно из текста его труда, он затрудняется точно датировать возникновение власти казахских султанов; ничего определенного не мог он сообщить и о причинах бегства ханов Жанибека и Гирея. Но все же некоторые достоверные сведения из «Тарихи-Рашиди» могут быть извлечены.

Несомненно, что образование особого казахского государства было связано с той борьбой внутри джучидов, которая характеризует время распада Золотой Орды. Об этой борьбе говорилось в главе III. Далее обращает внимание сообщение Мухаммед Хайдера о бегстве султанов, потомков первого хана Белой Орды — Орды, а не потомков первого султана узбекских степей — Шейбана: и Жанибек и Гирей были потомками Барака, который через 7 поколений происходил от Орды. Отсюда может быть сделан вывод, что в Дашт-и-Кипчаке велась борьба между потомками Орды и Шейбана и что те «джучидские султаны», которым, как сообщает Мухаммед Хайдер, «пришлось плохо» от Абулхаир-хана, были потомками Орды. Эта борьба, как мы уже знаем (см. главу III), действительно обострилась при хане Абулхаире. «Бегство» султанов дома Барака, потомка Орды, было связано с попыткой восстановить владельческие права своей фамилии. Далее, нет никаких оснований, как показывает дальнейшая история казахов, сомневаться в том, что особое казахское владение возникло как владение вассальное в отношении Моголистана.

Следует также признать правильным указание Мухаммед Хайдера на время зарождения Казахского союза, как отдельного политического образования. Правда, о казахах в исторических памятниках встречаются упоминания ранее XV в., в так называемом кыпчакском словаре (XIII — начало XIV в.). Но термин «казах» первоначально не имел ни политического ни этнического значения. Казахом называли всякого вольного человека, отколовшегося от

своей общины или своего сеньора, к какой бы народности он ни принадлежал. Как известно, этот термин проник и в русские княжества, где казаками еще в XIV в. стали называть людей, бежавших из центральных областей государства и составивших, первоначально на Дону и Днепре, вольные поселения колонистов.

Распад Золотой Орды выбрасывал в степи все новые и новые племена кочевников. Среди узбекских ханов развивалась междоусобная борьба, особенно после смерти Абулхаир-хана. Та же междоусобица разобщала и ослабляла владения тимуридов в земледельческих районах Средней Азии. Мощь среднеазиатских государств ослабляла также борьба между моголистанскими ханами, тимуридами и узбеками. Не было ни одного мощного государства, которое могло бы во второй половине XV в. поглотить вновь образовавшиеся узбекские владения Жанибека и Гирея. Это обстоятельство и помогло окрепнуть новому политическому образованию.

Однако на том основании, что Казахский союз, как отдельная политическая единица, сложился во второй половине XV в., нельзя еще делать вывода о том, что и казахская национальность или народность сложилась в это же время.

ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ

Товарищ Сталин, говоря об образовании государств в Восточной Европе, писал, что здесь сложились многонациональные государства, «состоящие из нескольких национальностей».[1] Следовательно, наличие национальности или народности не предполагает обязательно и повсюду наличие ее объединения в национальное государство.

Что же нам известно об образовании казахской народности?

В состав Казахского владения, при возникновении его из Узбекского союза, вошли части тех же племен, что входили в состав Узбекского союза. На самом деле ряд родов у казахов и узбеков один и тот же, например, джалаир, канглы, кипчак, конград, найман, алчин и др. По мере развития Казахского союза в него включались и другие племена, в результате чего племенной состав союза

[1] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 16.

оказался гораздо более сложным, чем об этом позволяет судить сравнение племенного состава Узбекского и Казахского союзов. Важное значение в определении племенного состава Казахского союза имеет вопрос о составе Ногайской Орды.

С распространением казахских владений в XVI в. до Урала часть ногайских родов, несомненно, должна была войти в состав казахской национальности. К сожалению, племенной состав Ногайской Орды в ранний период известен очень мало. Несомненно, что основным племенем здесь являлись мангыты. Кроме них, в состав Ногайской Орды входили кипчаки, канглы, найманы, конград, кытаи, уйгуры, уйшуны, кенегесы, минги и другие племена. Некоторые из этих племен общи ногаям и казахам. Некоторые из них входили и в Узбекский союз, что вполне могло быть, если учесть раздробленность кочевий одного и того же племени.

На этнический состав казахской народности должен был оказать влияние и племенной состав Моголистана, где в XV в. расселялись казахи. Несомненно, что дулаты вошли в состав Казахского союза из племен Моголистана.

В главах II и III было показано, насколько сложным в этническом отношении являлось население степей Дашт-и-Кипчака в доказахский период. Несомненно, что преобладающим элементом являлись тюркоязычные племена. В образовании казахской народности играли роль, главным образом, тюрко-монгольские племенные объединения уйсун (у узбеков уйшун), канглы, дулат, аргын, найман, кипчак и алчин.

Разнородность этнического состава казахов отразилась даже на их антропологических признаках: среди них встречаются черты чисто монгольского происхождения и в то же время иногда черты, характерные для иранцев. Очевидно, что единство казахской народности складывалось не на основе этнической однородности, а в результате однородных хозяйственных и политических условий жизни племен, образовавших Казахский союз.

Уже эти общие замечания в связи с историческими сведениями, приведенными в главе III о распаде Золотой Орды (см. стр. 74—75), позволяют поставить вопрос о времени формирования казахской народности. Совершенно очевидно, что время возникновения казахской народности нельзя отожествлять со временем появления исторических сведений о тех или других племенах, из состава которых

складывалась казахская народность. Ряд этих племен имеет весьма древнюю историю (например, уйсуны, отожествляемые с древними усунями, канглы, дулаты и др.).

Основное в определении народности — язык. Памятников казахского языка сохранилось очень немного, так как до середины XIX в. казахи не имели своей письменности. Материалы, исходившие от казахской знати начала XIX в., написаны на староузбекском языке. Одним из важнейших источников для истории казахского языка является так называемый словарь половецкого языка (Codex comanicus) XIII — начала XIV в. Но этот словарь является источником для изучения не только казахского, но в той же мере и узбекского и кара-калпакского языков. Это памятник еще недифференцированного кипчакского языка, элементы которого вошли в структуру большинства языков тюркских среднеазиатских народов.

Образование казахского языка, как языка особой национальности, отличной от других среднеазиатских народов, могло произойти лишь в процессе формирования хозяйственных, социальных и политических особенностей быта казахов.

Поздпее происхождение казахской народности подтверждается и историческими памятниками. Еще в начале XVI в. современники смешивали узбеков и казахов и считали их родственными друг другу. Когда в 1509—1510 гг. узбекский хан Шейбани решил объявить казахам «священную войну», «газават», это решение вызвало спор среди приближенных Шейбани. Рузбехан говорил: «Казахи вам близки, происхождение общее, они теперь занимают по наследству владения ваших предков». Убейдулла-султан также не отрицал общности происхождения казахов и узбеков, но говорил, что «предыдущие войны между нами и казахами не оставили места для родственных отношений. Мы теперь враги друг другу».

В исторических памятниках был распространен термин «узбеки-казахи» и нередко в повествовании о казахах они назывались узбеками. Обособление казахов в культурном, общественном и хозяйственном отношении от других среднеазиатских народностей, и прежде всего от узбеков, происходило в конце XV и XVI в. К этому времени с большой степенью вероятности и следует отнести формирование казахской народности. Уточнить же этот вопрос может только дальнейшее изучение источников, значительная часть которых еще не переведена и даже не обнародована.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБОСОБЛЕНИЯ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОСТИ

Познакомимся теперь с теми новыми политическими и социально-экономическими условиями, которые и сделали возможным образование новой казахской, отличной от узбеков, народности.

Аулы, откочевавшие вместе с первыми казахскими ханами, заняли кочевьями район реки Джу (Чу). Здесь, как это было отмечено в главе III, уже при джагатаях исчезла земледельческая культура. Таким образом, казахи расположились в кочевых районах Средней Азии. В процессе смут, наступивших в Узбекском союзе после смерти Абулхаир-хана, откалывались все новые и новые общины, примыкавшие к казахам, число которых непрерывно росло, а вместе с тем росло и могущество казахских султанов, и в то же время расширялся район кочевий казахов. Если в середине XV в. кочевья казахов не выходили за пределы района реки Чу, то в первом десятилетии XVI в. их кочевья располагались уже и в районе Сыр-дарьи и далее на запад до Яика (Урала). Эти земли занимались в процессе борьбы с узбеками и ногаями.

В какой степени владения казахов расширились при Жанибеке и Гирее—ничего не известно, но преемник Гирея, Бурундук, кочевал уже около Урала, в то время как сын Жанибека Касим — в районе озера Балхаш и Каратала. Кроме них, памятники называют еще ряд казахских султанов, выступавших как самостоятельные владельцы. Из них выделяются Жаныш-султан и его брат Таныш-султан, кочевавшие в районе местности Кара-Абдал; в их распоряжении было около 50 тысяч войска. Выделялся также сын Жаныш-султана Ахмет-султан. Рузбехан в своем труде упоминает о наличии еще ряда казахских султанов, не называя их по имени. «Каждый из них, — пишет Рузбехан, — останавливается согласно ясы на тех землях, которыми владели его предки»; тем самым подчеркивается наследственность власти казахских султанов.

Главным ханом считался Бурундук, хотя он и не был самым сильным из владельцев, уступая не только Касиму, но и Жаныш-султану: хан мог выставить около 40 тысяч войска. Все время ханства Бурундука заполнено борьбой с узбеками.

Среди узбекских султанов в конце XV в. выдвинулся талантливый и энергичный завоеватель Мухаммед-хан

Шейбани (1451—1510 гг.). Вынужденный в начале своей деятельности служить самаркандскому султану Ахмед-мирзе, одному из тимуридов, он в 80-х годах XV в. предпринял попытку захватить южные районы Дашт-и-Кипчака, но встретил здесь решительное сопротивление казахских султанов. Правда, первоначально он нанес поражение Бурундук-хану и занял город Аркук. Ему была обещана поддержка со стороны ногайского мирзы Мусы; однако тот же Муса-мирза отказался признать его ханом, ссылаясь на противодействия ногайских (мангытских) эмиров. Положение Шейбани в Дашт-и-Кипчаке стало неустойчивым, поражение же, нанесенное ему владельцем Сузака Махмуд-султаном, сыном Жанибек-хана, заставило его бежать на Мангышлак, а оттуда снова возвратиться под покровительство Ахмед-мирзы.

Таким образом, уже в начале 80-х годов XV в. степи Дашт-и-Кипчак становятся объектом борьбы двух султанских фамилий — потомков Орды и Шейбана. Мотивы этой борьбы нашли достаточно четкое отражение в исторических памятниках. Рузбехан писал, что «Дашт-и-Кипчак по наследству должен был принадлежать Шейбани-хану, его предки все время ханствовали там; на этом основании казахские ханы опасались, что если Шейбани-хан будет допущен в Дашт-и-Кипчак, то он усилится и отнимет власть у казахских ханов».

Следовательно, борьба шла за обладание землями Дашт-и-Кипчака и в первую очередь районами, примыкающими к Сыр-дарье, богатыми пастбищами и охотничьими угодьями. «Ни в одной стране мира нет такой многополезной реки, как Сыр-дарья, — писал Рузбехан, — по обилию густых трав, растущих по берегам, и диких птиц — не найдется ей равной; она очень полезна для всякого рода животных и зверей... болезней вроде холеры, чумы, лихорадки здесь нет, жители их не знают; в степях сайгаки пасутся целыми стадами и до такой степени жирны, что не могут бегать. Здесь существует такой порядок: как только приходит гость, хозяин тотчас же берет лук, уходит на охоту и вскоре возвращается с застреленным сайгаком».

Но районы, примыкающие к Сыр-дарье, славились не только своими природными богатствами, но и богатством жителей. «Казахи очень богаты», — прибавляет к своему описанию края Рузбехан. Понятно, что эти богатые земли явились объектом борьбы двух султанских группировок.

Первый этап борьбы для Шейбани оказался неудачным.

Перелом в пользу Шейбани наступил лишь с 1488 г., когда Ахмед-мирза начал борьбу против моголистанского хана Султан-Махмуда, сына Юнус-хана. Под Ташкентом Шейбани изменил своему покровителю и перешел на сторону Султан-Махмуда. Эта измена заставила Ахмед-мирзу удалиться в Самарканд; она же положила начало союзу между Шейбани и моголистанским владельцем. Результатом этого союза явился переход под власть Шейбани Отрара, Сабрана и других городов. Та же участь грозила и городу Туркестану. Владелец Туркестана Мухаммед-тархан обратился за помощью к хану Бурундуку и, разумеется, эту помощь получил. Войска Бурундук-хана и султана Касима осадили Сабран. Жители Сабрана передались на сторону казахского хана. Брат Шейбани, Махмуд-султан, попал в плен к Бурундуку, но бежал из плена в город Отрар, где тогда находился Шейбани. Войска Бурундука осадили Отрар, но помощь, оказанная Шейбани-хану моголистанским Султан-Махмуд-ханом, заставила Бурундука согласиться на немедленное заключение мира с Шейбани. После этого соединенными силами Шейбани и Султан-Махмуд-хана войска Мухаммед-тархана были разбиты, и город Туркестан перешел во власть Шейбани-хана.

Эти события 1488—1494 гг., которые позволили усилиться Шейбани-хану, и особенно переход города Туркестана во владение узбекского хана, повели к разрыву вассальных отношений казахских владельцев к моголистанскому хану и к открытому выступлению казахских султанов против Султана-Махмуда. Мухаммед Хайдер писал, что «казахи восстали за то, что Султан-Махмуд-хан отдал Туркестан члену враждебного им Абулхаирова рода Шейбани. Было два сражения, и в обоих победа осталась на стороне казахов». Впрочем, этот разрыв с моголистанскими ханами был очень непродолжительным: усиление Шейбани стало опасным не только для казахов, но и для моголистанского хана. Вот почему в 1495 г. союз казахских султанов с моголистанским ханом вновь возрождается.

Однако борьба против Шейбани в 1495 г. уже в союзе с моголистанским ханом была неудачна: аулы казахов, кочевавшие в районе Заилийского Ала-тау, были разгромлены Шейбани. Дело кончилось миром, скрепленным брачным союзом между сыном Шейбани и дочерью Бурундука. Но эта неудача могла лишь усилить вассальные отношения казахов к моголистанскому хану. Одновременно с этим

наблюдалось стремление казахских владельцев сблизиться с тимуридами, врагами Шейбани.

В 1496 г. Касим-султан, который в то время уже был одним из могущественных владельцев Дашт-и-Кипчака, явился к владельцу Герата Султан-Хусейн-мирзе (тимуриду) и по словам Хондемира «удостоился поцеловать руку монарха и занял место в ряду прочих царевичей, находившихся при дворе его».

В начале XVI в. силы Шейбани-хана были отвлечены на завоевание Мавераннахра. Причины этого движения узбеков в оседлые районы Средней Азии указаны выше (см. главу III, стр. 74).

В 1500 г. Шейбани занял Бухару и Самарканд. Ослабленные междоусобной борьбой тимуриды не могли оказать крупное сопротивление Шейбани-хану. Только один из тимуридов, Бабур, пытался организовать серьезный отпор Шейбани, но безуспешно. К 1505 г. последние остатки тимуридов были вытеснены из Мавераннахра. За 1505—1507 гг. Шейбани подчинил своей власти Хорезм, Балх и Хорасан. Таким образом, главнейшие оседлые районы Средней Азии оказались завоеванными узбекскими султанами.

Завоевательные успехи Шейбани были остановлены выступлением против него шаха Ирана Исмаила Сефевида (1502—1524 гг.). Но успехи иранского шаха были обусловлены усилением на северных границах узбекских владений казахских султанов.

Среди казахских султанов выдвинулся сын Жанибека Касим. Выше отмечено, что Касим после неудачных столкновений с Шейбани-ханом укрепил свое положение путем возобновления вассальных отношений к моголистанскому хану и сближением с тимуридами. К 1509 г., когда опять обострилась борьба с узбеками, главным или старшим ханом продолжал еще считаться Бурундук, но и по вооруженным силам и по степени влияния Касим значительно превосходил Бурундука. По словам автора Бабур-Намэ, «между казахскими ханами и султанами не было никого, кто бы в том улусе был так могущественен, как Касим-хан». Мухаммед Хайдер прибавляет к этому, что власть Касима была так велика, «что никто и не думал о Бурундуке». Во всем Дашт-и-Кипчаке, как говорили современники, не было такого могущественного султана после Джучи, как Касим. Этот султан Касим и возглавил теперь борьбу против Шейбани-хана.

В 1509 г. казахские султаны Жаныш и Ахмед с большим войском, которое насчитывало около 50 тысяч человек, вторглись в пределы Мавераннахра. Шейбани-хан в это время находился в Хорасане. Он отменил предполагавшееся движение к Келату и быстро направился к Бухаре. Жаныш и Ахмед успели подвергнуть разгрому только Куфинский округ, город Дабуси и несколько волостей в Самаркандском и Бухарском округах, причем было уведено в плен около 1000 жителей. Это обстоятельство и послужило предлогом для объявления газавата, т. е. священной войны против казахов.

В самом начале 1510 г. Шейбани-хан предпринял зимний поход на казахов. Султаны Убейдулла и Тимур разгромили зимовки казахов на Улу-тау, владения Касима. Здесь, в лагере побежденного врага, султаны предались пьянству и разврату, не выставив даже караула. Это позволило Касим-хану неожиданно напасть на узбеков, которые были совершенно разбиты. В руки Касим-хана попала богатая добыча и много оружия. Ряд влиятельных и опытных военачальников-узбеков погиб.

Причина нового обострения борьбы между казахскими и узбекскими феодалами заключалась теперь, в начале XVI в., не только в династических спорах двух старых феодальных фамилий, как это имело место в конце XV в. Эта борьба была обусловлена и хозяйственными причинами. Теперь, когда власть Шейбани укрепилась в Мавераннахре, узбекский хан стремился изолировать казахов от этих, для них чрезвычайно важных, земледельческих и ремесленных районов. Рузбехан, хорошо помнивший все эти события, писал: «Свои нападения на государство хана они (т. е. казахи) оправдывают тем, что они нуждаются в хлопчатобумажных товарах. Шейбани-ханом по некоторым политическим соображениям был издан указ: не допускать казахских купцов в государство, а в случае приезда подвергать разграблению». Шейбани боялся усиления казахов.

Но было еще одно любопытное соображение, заставлявшее Шейбани-хана ставить преграды торговле с казахами: «Сегодня они не представляют себе, как живут и наслаждаются узбеки, — писал Рузбехан, очень близко стоявший к Шейбани-хану, — и свою отсталую жизнь считают несравненно приятной, но если бы дошли до них наши хорошие и изящные продукты, то они стали бы мыслить по-другому». Здесь целая программа: поддерживать отста-

лость казахов путем искусственной изоляции их от городских центров Мавераннахра.

Поражение, которое потерпел Шейбани в начале 1510 г., сильно ослабило узбекского хана. В такой обстановке Шейбани начал борьбу с Исмаилом Сефевидом. В битве при Мерве 1 декабря узбекское войско было разбито наголову шахом Ирана, и сам Шейбани-хан был убит. Однако, после поражения, нанесенного персам в 1512 г., власть узбекских ханов в Самарканде и Бухаре была восстановлена. Эти события окончательно закрепляли владения узбеков в земледельческих районах Средней Азии, в то время как владения казахских ханов локализировались в степях Дашт-и-Кипчака.

Таким образом, уже в начале XVI в. выявилось различие в хозяйственном быту узбеков и казахов. Узбеки начали переходить к оседлой земледельческой жизни. Казахи оставались кочевниками-скотоводами.

Различны были и политические условия существования казахов и узбеков. Союз казахских ханов с моголистанскими, прерываемый, правда, временными столкновениями, но все же сохранявшийся в течение почти ста лет, и одновременная борьба с узбеками — все более отдаляли казахов от узбеков и в политическом отношении.

Резкое различие в хозяйственном быту приводило и к различиям между казахами и узбеками и в социальном отношении. Выше уже отмечалось, что если в земледельческих районах развитие феодальных отношений происходило на базе превращения общинной собственности на землю в частную феодальную собственность, то в кочевых общинах земля оставалась формально в общественной собственности, хотя фактически кочевьями распоряжалась знать. Возможность ослабления феодальной зависимости у казахов по сравнению с узбеками потенциально скрывалась в кочевом хозяйстве. Эти различия впоследствии постоянно выплывали на поверхность, создавая иллюзии патриархального родового строя, а не только быта, у казахов (подробно на этом мы остановимся в главе V).

Все эти обстоятельства необходимо помнить, так как в различиях социального и хозяйственного быта и политических связей коренились причины, которые постепенно приводили к обособлению казахских племен в особую, отличную от узбеков народность.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАЗАХОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

После восстановления власти узбеков в Мавераннахре борьба казахов с ними продолжалась. Город Сайрам был сдан ставленником Бабера Кете-беком Касим-хану. Заняв Сайрам, Касим двинул свои войска к Ташкенту, которым владел Суюнджи-Ходжа-хан, узбекский султан, но взять Ташкента не мог и отступил в Сайрам. Хан Моголистана Султан-Сеид в свою очередь направился с войском к Ташкенту, но узнав о неудаче Касим-хана, также отступил.

Таким образом, в 1513 г. казахские и моголистанские монархи выступали как союзники в борьбе с узбеками. В том же 1513 г. поздней осенью Султан-Сеид посетил Касим-хана. Свидание между ними произошло в районе реки Чу. Целью посещения было склонить Касим-хана к продолжению борьбы с узбеками. Моголистанский хан был принят в ставке Касима с большим почетом. 20 дней провели оба хана за питьем кумыса. Но цель приезда Султан-Сеида достигнута не была. Касим-хан был достаточно силен, чтобы вести самостоятельную политику в отношении своих соседей. «Казахи, — сказал Касим моголистанскому хану, — как жители степи должны подумать о зимовках и предпринимать в это время года поход не следует».

Этот отказ Касима не испортил отношений между ним и моголистанским ханом, но само свидание показывает, что эти отношения стали теперь скорее союзническими, чем отношениями вассала к своему сюзерену. В следующем, 1514 г., Султан-Сеид должен был без поддержки казахского хана выдержать нападение узбеков и в результате потерпел серьезное поражение.

Последние годы ханства Касима были годами мира и относительного материального благополучия казахов. Этих результатов Касим-хан достиг не только своей мирной внешней политикой, но и осторожным отношением к казахским султанам. Он всячески избегал внутренних феодальных войн. Уже будучи сильнейшим султаном Дашт-и-Кипчака, он признавал ханом маловлиятельного Бурундука, но чтобы избежать проявлений вассальной зависимости, он стремился кочевать подальше от него. Лишь после смерти Бурундука Касим стал старшим ханом казахов. Количество населения Казахского улуса к году смерти Касима, по свидетельству Мухаммед Хайдера, достигало 1 миллиона человек.

Умер Касим между 1518 и 1523 гг. в городе Сарайчике. После его смерти, а быть может, и к концу его жизни, в Казахском улусе возникли какие-то междоусобия среди султанов, история которых остается неясной. В этих междоусобиях погиб сын Касим-хана султан Мамаш. После Касима оставался малолетний сын Хакк-Назар, но власть по старшинству в роде казахских султанов перешла в руки Тагира, сына султана Жадига, старшего брата Касима. При Тагире могущество Казахского союза значительно пошатнулось. Уже в первые годы его ханства, в 1525 г., он потерпел ряд поражений на западе от ногаев. Казахи вынуждены были откочевать от Яика. Положение создалось, повидимому, настолько серьезное, что он должен был искать покровительства моголистанского хана, т. е. возобновить прежние вассальные отношения. Эта неудача значительно сократила число подданных Тагира. Если число казахов, подчиненных прежде хану Касиму, было около 1 000 000, то у Тагира в 1524 г., за год до поражения, оставалось не более 400 000 казахов.

Трудным было и внутреннее положение Тагира. Он совсем не пользовался тем авторитетом, что Касим. Помимо него ханом у казахов считался также сын Жадига султан Буйдаш. Было и еще несколько мелких ханов. Но даже в собственных владениях Тагир не пользовался влиянием. Источники говорят о жестокости Тагира. К сожалению, неизвестно, в чем эта жестокость проявлялась и против кого она была направлена.

Крупные осложнения произошли между казахами и Султан-Сеидом уже в следующем, 1525 г. Столкновение произошло из-за киргизов. Союзнические отношения между киргизами и моголистанскими ханами в начале XVI в. сменились враждебными отношениями. Когда под давлением ногаев Тагир в 1525 г. откочевал к Кочкару (одна из ветвей реки Чу против Иссык-куля), значительная часть кочевавших здесь киргизов передалась казахскому хану. Сын моголистанского хана Рашид-султан, опасаясь нападения объединенных сил казахов и киргизов, откочевал на Ат-Баши (Ат-Баши — горный переход между рекой Ат-Баши и озером Чадырь-куль). Туда же откочевал и хан Султан-Сеид. Оставшиеся на Кочкаре киргизы также были переведены на Ат-Баши. Однако Султан-Сеид стремился избежать вооруженной борьбы с казахами. Но узнав, что киргизы кочуют отдельно от казахов, он решил силой восстановить их вассальные отношения к Моголистану. Но получив

вскоре сведения о том, что киргизы снова соединились с казахами, Султан-Сеид отказался от преследования киргизов, так как «не было в виду воевать с казахами», и отступил. Таким образом, в 1525 г. назревал разрыв между моголистанским ханом и казахами в условиях очень трудного положения казахов на Западе, где их теснили ногаи.

Значение Тагира значительно пошатнулось и в силу внутренней борьбы. Выше отмечалась жестокость Тагира. В этих жестокостях винили брата хана Абул-Касим-султана. В 1525—1526 гг. произошло восстание против Тагира. Мухаммед Хайдер писал в связи с этим восстанием: «В это время суровый и жестокий нрав его сделался еще хуже, и стал еще более отдалять от него сердца простолюдинов и султанов». Абул-Касим-султан был убит, и затем «все разом покинули Тагира». Из этого изложения Мухаммед Хайдера все же можно понять, что возмущение против Тагира носило массовый характер и в борьбе против хана приняли участие широкие народные массы.

Однако слов Мухаммед Хайдера об одиночестве Тагира понимать буквально нельзя. Даже и теперь, в 1526 г., в период резкого упадка своей власти, Тагир представлял собою крупную и опасную силу. В начале 1527 г. он совместно с киргизами совершил нападение на Моголистан. Результатом нападения явился массовый угон скота из Моголистана. В 1529 г. вокруг Тагира группировалось около 20 тысяч казахов, и моголистанскому хану приходилось внимательно следить за его действиями. Но это была агония власти Тагира. По словам Мухаммед Хайдера, Тагир со своими сторонниками бросался из стороны в сторону; очевидно, не своей силой, а внезапностью набега он еще был опасен.

Умер Тагир между 1529 и 1533 гг. среди киргизов «в самом жалком состоянии». Власть после его смерти перешла к его брату Буйдашу.

Вокруг Буйдаша группировалось около 30 тысяч казахов. В 1533 г. моголистанским ханом стал Абд-ур-Рашид. В союзе с узбеками он нанес решительное поражение казахам. Вскоре после этого, в 1533—1534 гг., Буйдаш-хан погиб в междоусобной борьбе с Дервиш-ханом, сыном Барака. Вместе с ним погибли и все его родственники-султаны в числе 24 человек. После этого поражения род Буйдаш-султана пресекся. Вслед за гибелью Буйдаша казахи, по словам Мухаммед Хайдера, «совершенно исчезли».

Однако согласно сведениям, исходившим из другого источника, — от послов московского князя Ивана IV к ногайским мурзам, — можно сделать вывод, что Мухаммед Хайдер как моголистанский историк, говоря о совершенном исчезновении казахов, имеет в виду владения Тагира и его брата Буйдаша, господствовавших над казахами в районе Моголистана, т. е. в районах, занятых впоследствии кочевьями Большой или Старшей Казахской Орды. Именно в 1536 г. Данила Губин сообщал московскому правительству из Ногайской Орды: «А казахи, государь, сказывают добре сильны, а сказывают, государь, Ташкен воевали, и ташкенские царевичи с ними дважды бились, а казахи их побивали». Ташкентцы должны были обратиться за помощью к ногайским мурзам. Ожидали летом или к зиме падения Ташкента. Ногайские мурзы Шейх-Мамет и Юсуф и ряд других должны были стоять в заставе за Яиком у реки Эмбе: всю зиму береглись от Казахской Орды. Казахи выступали вместе с калмыками (см. главу III), вновь появившимися к этому времени в Казахских степях.

Очевидно, что центр казахских владений с гибелью Буйдаша сохранялся на западе, в соседстве с Ногайской Ордой. Действительно, в другом источнике — «Сборнике летописей» — указывается имя Ахмед-хана, погибшего в борьбе с ногайским мурзой Сейдяком. Известен также хан Тугум, погибший в 1538 г. в борьбе с моголистанским ханом Абд-ур-Рашидом в южном Семиречье. Эти поражения имели следствием то, что казахские ханы, имена которых, по словам составителя «Сборника летописей», «даже с точностью неизвестны», не играли сколько-нибудь заметной роли в политической жизни Средней Азии. Этим, по всей вероятности, и объясняется молчание исторических источников о казахах в конце 30—40-х годов XVI в.

КАЗАХСКИЙ СОЮЗ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В 50-х же годах началось возрождение Казахского союза под властью сына Касим-хана Хакк-Назара. По преданию, правильность которого пока не представляется возможным проверить, в годы господства Тагира и Буйдаша Хакк-Назар жил у одного из ногайских мурз. Первые достоверные сведения о нем относятся к 50-м годам XVI в. В 1557 г. ногайский князь Исмаил жаловался царю Ивану IV: «Да племянники ж мои от нас отстали ныне за Яиком, а приложились к казахскому царю, со мною завое-

валиж ся, да надо мной времени ищут» — сведение интересное не только как показатель возросшей политической активности казахских владельцев, но и как свидетельство, позволяющее думать, что возвышение Хакк-Назара, которого Исмаил именует царем казахским, происходило путем использования внутренней борьбы между мурзами Ногайской Орды. Борьба велась и против Ташкента. Английский купец Дженкинсон, который в 1558—1559 гг. посетил Среднюю Азию, характеризовал казахов как народ сильный. Он же сообщает, что перед его приездом казахи уже три года теснили Ташкент и своими нападениями создавали серьезные помехи для караванной торговли.

Особенно упорная борьба развернулась в 1560 г. в Моголистане. От прежних вассальных и союзнических отношений между казахскими и моголистанскими ханами не оставалось и следа. Теперь отношения между ними были открыто враждебными. Казахи в середине XVI в. занимали не только среднее течение Сыр-дарьи, но и кочевья в Моголистане. Причиной борьбы послужило стремление хана Абд-ур-Рашида вытеснить казахов из Моголистана. Во главе казахов, по сведениям Махмуд-Чураса, стоял Хакк-Назар. Это свидетельствует о политической связи между казахами, кочевавшими в западной и восточной части современного Казахстана.

Сыну Абд-ур-Рашида Абдул-Латиф-султану удалось нанести поражение Хакк-Назару и захватить много добычи и пленных. Но Хакк-Назар соединенными силами казахов и киргизов вскоре в свою очередь разбил Абдул-Латиф-султана, который раненным был взят в плен и от ран вскоре скончался. Тогда против казахов с большим войском двинулся сам хан Абд-ур-Рашид. Хакк-Назар на Эмели был разбит моголистанским ханом. Многие султаны были захвачены в плен и умерщвлены. Однако Махмуд-Чурас ошибается, когда он говорит о гибели в этом сражении и Хакк-Назара. На самом деле Хакк-Назар не погиб, но должен был отступить из Моголистана.

После этого поражения казахи, кочевавшие на территории Моголистана, повидимому, потеряли с ним связь. Хакк-Назар укрепился в западных районах Казахстана. Здесь продолжалась борьба с ногаями. Семен Мальцев, посол к ногайским мурзам царя Ивана IV, писал в 1569 г., что «казацкие орды Акназара-царя и Шигая-царевича и Челыма-царевича, а с ними 20 царевичей приход был в Ногаи и бой был». Велась борьба и с сибирским царем Кучумом,

которая не всегда была удачна для Хакк-Назара, но для Кучума Хакк-Назар представлялся весьма серьезным противником, и в этой борьбе Кучум чувствовал себя весьма неустойчиво, как сообщал посол московского царя Иван Поздеев.

СНОШЕНИЯ С МОСКВОЙ

При Хакк-Назаре начались и более или менее регулярные сношения с Москвой, если не считать сведений о сношениях великого князя Ивана III с ханом Касимом (упоминания о них сохранились в описи царского архива, но об их содержании исторической науке пока ничего неизвестно). В 1573 г. к Хакк-Назару был Иваном IV направлен посол, но по дороге он был захвачен в плен. Иван IV в 1574 г. предоставил братьям Строгановым право беспошлинной торговли с Казахской Ордой. Таким образом, владения Хакк-Назара близко придвинулись к границам Русского государства.

В башкирских преданиях сообщается, что Хакк-Назару были подчинены и башкиры, которых Хакк-Назар «всячески изнурял и в бессилие приводил: ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал, и как скот и пожитки, так же и детей их к себе отбирал, и землями владеть, так же и через реку Белую переходить не допущал, а те, кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за это ясак с каждого человека по лисице, бобру и кунице, от чего наконец пришли они в самое крайнее истощение и убожество».

Таковы ли были повинности башкир Хакк-Назару, как приведено в этом рассказе,—проверить невозможно, но едва ли есть основания сомневаться, что какие-то башкирские волости действительно являлись данниками казахского хана. Тогда будет ясно, с какой стороны владения Хакк-Назара приближались к русской границе: Строгановы с Камы могли сноситься с казахами, очевидно, через башкирские земли.

СНОШЕНИЯ С БУХАРОЙ

Сложными были отношения Хакк-Назара с шейбанидами. В Бухаре с 1557 г. правил хан Абдулла II, который с 1583 г. стал ханом всех узбеков. Между Хакк-Назаром и Абдуллой существовало какое-то соглашение, которое ставило казахских султанов в вассальные отношения к бухарскому хану. В 1579 г. к Абдулле явился посланец от Хакк-

Назара и казахских султанов Шигая, Жалыма и Дустая и передал, что султаны ему кланяются и готовы быть ему верными друзьями, служить искренне и повиноваться во всем. Кроме того, посланец должен был подтвердить бухарскому хану, что казахские султаны во главе с ханом готовы твердо соблюдать тот клятвенный договор, который они заключили с ним прежде. Содержание этого договора остается неизвестным, но ссылка на него казахских владельцев не оставляет сомнений в том, что тесные связи их с бухарским ханом существовали и раньше 1579 г.

Вполне понятно поэтому активное участие казахов в борьбе с владельцем Ташкента Баба-султаном на стороне Абдуллы. Борьба между Абдуллой и Баба-султаном вспыхнула из-за того, что Баба-султан самовольно захватил Ташкент, убив своего брата Дервиша, назначенного правителем Ташкента бухарским ханом. Казахские султаны оказали активную поддержку Абдулле. Хакк-Назар предложил выдать Абдулле пленных сына и эмиров Баба-султана; специальный посланец приезжал к Абдулле, чтобы передать уверения в дружбе и преданности к нему казахских султанов. Абдулла за верность казахских султанов пожаловал им четыре города в Туркестане. Но казахи в этой борьбе преследовали и собственные цели: добиться земель у ташкентского владельца. Когда в середине 1579 г. Абдулла заключил мир с Баба-султаном, казахи продолжали борьбу; мир с ними был куплен Баба-султаном уступкой области Яссы (Туркестана) и Сабрана. Эта уступка помогла Баба-султану склонить казахских султанов к совместному нападению на бухарские владения в конце 1579 г. Отбив попавшийся им скот, казахи ушли обратно.

Но союз с Баба-султаном был крайне непрочен. Когда в апреле 1580 г. ташкентский владетель направил к казахам посла с предложением съехаться, чтобы посоветовавшись вместе выступить против бухарского хана, казахские султаны, в том числе Хакк-Назар и отец жены Баба-султана Жалым-султан, составили заговор, чтобы убить Баба-султана. Случайно заговор был раскрыт, и когда султаны съехались на берегу реки Шерабхана и отсюда отправились к Хакк-Назару, люди Баба-султана по его приказанию перебили казахских султанов. В то же время Баба-султан отправил одного из своих приближенных, чтобы умертвить и Хакк-Назара.

В начале июня 1580 г. в качестве хана казахов называется престарелый султан Шигай, сын Жадига. До этого

времени в восточных хрониках Шигай был известен в качестве султана; в русских материалах он называется царевичем (как назывались все султаны), но не царем, как русские документы в XVI в. нередко передавали звание хана. Следует поэтому признать, что Хакк-Назар погиб в мае — июне 1580 г. в борьбе с Баба-султаном.

При Шигае борьба с Баба-султаном продолжалась. Весной 1580 г. Шигай напал на берегу реки Таласа на Баба-султана, но потерпел решительное поражение. Баба-султан преследовал бежавших казахов и захватил большое количество кибиток и скота. По всей вероятности, это поражение было одной из причин, заставивших Шигая искать покровительства Абдуллы, могущество которого в Средней Азии непрерывно возрастало. В 1581 г. Шигай вместе со своим сыном Тевеккелем явился к Абдулле. Абдулла «принял хана весьма благосклонно, осыпал его милостями, пожаловал ему Ходжент в удел, обласкал его и даже в честь его устроил великолепный, истинно царский пир». С этого момента мы видим Шигая и Тевеккеля состоящими по существу на службе Абдулла-хана.

В следующем, 1582 г., Абдулла, в войске которого находились и Шигай-хан и Тевеккель-султан с их казахскими отрядами, заставил Баба-султана бежать к ногаям. Шигай преследовал ташкентского владельца, но захватил лишь людей Баба-султана и брошенный им скот. Тевеккель, находившийся на Аккурганских лугах, «где паслись под его присмотром лошади ханского войска», в свою очередь принял участие в преследовании брата Баба-султана.

Но Баба-султан оставался неуловимым, скрываясь у ногайских мурз. Там, по совету своего друга Бузахура, он подготовил заговор, целью которого было убийство ногайских мурз и захват их края. Этот заговор был раскрыт, и Баба-султан должен был бежать. Он направился к Туркестану с целью собрать здесь приверженцев и возобновить борьбу за обладание Ташкентом. Об этом случайно узнал Тевеккель-султан. Он быстро двинулся против Баба-султана. В происшедшем столкновении Баба-султан погиб, его сын Латиф и ряд эмиров попали в плен. Голова Баба-султана была Тевеккелем доставлена Абдулла-хану. В награду помимо богатых подарков Тевеккель получил в удел один из небольших городов в долине Зеравшана.

В том же 1582 г. Шигай-хан умер в Ходженде, и ханом казахов стал Тевеккель-султан. Вассальные отношения к Абдулле сохранялись первые годы и при Тевеккель-хане.

Но очень скоро, уже в 1583 г., Тевеккель-хан порвал вассальные отношения к Бухаре и перешел в ряды врагов Абдуллы.

Причины разрыва неизвестны. В Абдулла-Намэ об этом разрыве говорится только, что во время похода Абдуллы на Андижан в 1583 г. Тевеккель находился в войске хана и во все продолжение похода служил верно, но «вдруг заподозрил хана в недоброжелательстве, покинул его и удалился к себе в Дашт-и-Кипчак».

В том же году Абдулла, после смерти Искендер-хана, был объявлен главою всех шейбанидов. Туркестан и Ташкент окончательно признали власть Абдулла-хана. В состав его монархии, кроме того, входил весь Мавераннахр и часть Хорасана. Вести открытую борьбу против Абдуллы Тевеккель, конечно, не мог. Но в 1586 г., когда войска Абдулла-хана были заняты на юге, Тевеккель произвел нападение на северные области его государства. Им было разбито ополчение Ташкента, но когда против него выступил из Самарканда брат Абдуллы Ибадулла, Тевеккель, не приняв сражения, бежал в степи. В 1588 г., когда в Ташкенте вспыхнуло восстание против Абдуллы и его наместника, казахские султаны приняли в этом восстании активное участие. Один из них, Жан-Али, был провозглашен в Ташкенте ханом. Но восстание было подавлено, и Ташкент остался под властью Абдуллы.

Из дальнейших сведений, относящихся к истории казахов при Тевеккель-хане, нужно отметить сношения его с московским правительством. В 1588 г. воеводой Данилой Чулковым был взят в плен владелец города Сибири Сейдяк и вместе с ним находившийся у него в плену казахский султан Ураз-Мухаммед. В связи с задержанием в Москве Ураз-Мухаммеда, к царю Федору Иоанновичу в 1594 г. явились послы от Тевеккель-хана. Эти послы сообщили ряд интересных сведений о состоянии Казахской Орды.

Тевеккель в это время кочевал в районе Таласского Ала-тау. Отношения с Бухарой были натянуты, хотя войны и не было. «С бухарским царем теперь в миру на время», — говорил Кул-Мухаммед, посол Тевеккеля. Сам Тевеккель в следующем 1595 г. говорил Вельямину Степанову, послу царя Федора Иоанновича к казахскому хану, что он не может доверить написание ответного письма муллам, потому что «мулла бухарец и которое де будет тайное слово и то де будет у Абдуллы-царя в ушах». В Москве Кул-

Мухаммед встретился с послами персидского шаха и усиленно просил Бориса Годунова отпустить их вместе с ним, чтобы Тевеккель мог договориться о совместной борьбе казахов и Ирана против Абдуллы. Просьба была уважена московским правительством. Затем Кул-Мухаммед рассказал о близких и дружественных отношениях Тевеккеля с калмыками и в то же время о напряженном внутреннем положении в Казахской Орде: у Тевеккеля не ладились отношения с рядом султанов. Предлогом приезда Кул-Мухаммеда была просьба Тевеккеля о принятии его с казахами в подданство московского царя, но это была ни к чему не обязывающая просьба: действительной причиной приезда Кул-Мухаммеда было стремление выручить из плена султана Ураз-Мухаммеда. Дипломатические сношения с Московским государством были, как мы знаем, не новостью, но продолжение их в конце XVI в. должно быть отмечено как крупный факт во внешних отношениях Казахской Орды.

В конце 90-х годов борьба Тевеккеля с ханом Абдуллой возобновилась. К этому времени положение Абдуллы значительно пошатнулось в силу вражды, возникшей между ним и его сыном Абд-ул-Мумином, которого поддержало значительное число султанов.

Этой внутренней борьбой воспользовался Тевеккель и двинул к Ташкенту свои отряды. Абдулла не придавал большого значения этому нападению, выслав против Тевеккеля войско во главе с эмирами пограничных областей. Это войско было разбито наголову Тевеккелем в битве, происшедшей между Ташкентом и Самаркандом. Погибло большое число эмиров и несколько султанов. Остатки войска в самом жалком состоянии вернулись в Бухару.

Это поражение заставило Абдуллу спешно мобилизовать новое ополчение и самому стать во главе его. Но прибыв в Самарканд, Абдулла заболел и умер. Все эти события произошли в начале 1598 г. Власть перешла к его сыну Абд-ул-Мумину, но положение нового хана оказалось весьма неустойчивым, и вскоре, летом 1598 г., он был убит мятежными эмирами.

Со смертью Абдуллы его монархия начала быстро распадаться. В различных частях государства стали появляться самостоятельные ханы. В Бухаре ханом стал Пир-Мухаммед, родственник Абдуллы. В Балхе ханом стал самозванец Абд-ул-Амин, выдававший себя за племянника Абдуллы, в Герате и Хорасане — сын сестры Абдуллы Дин-Мухам-

мед-султан, в Хиву, завоеванную Абдуллой в 1594 г., вернулся прежний владелец Хаджим-хан. Раздробление, естественно, ослабляло владения ханства Абдуллы.

Тевеккель вскоре после убийства Абд-ул-Мумин-хана с большим войском вторгся во владения шейбанидов. Им были захвачены Туркестан, Ташкент, Андижан и Самарканд. Его завоевания доходили до Миankаля. Оставив в Самарканде султана Ишима, он сам двинулся с 70—80-тысячным войском к Бухаре, однако не только не мог взять город, защищаемый сравнительно небольшим войском в 15 тысяч человек, но потерпел во время вылазки поражение и должен был отступить. В происшедшем позднее сражении казахи потерпели новое поражение, сам Тевеккель был ранен и отступил к Ташкенту, где и умер в том же 1598 г. Ишим вступил в мирные переговоры с Пир-Мухаммедом. Через посредство шейхов Накшбендиев мир был заключен. Казахи потеряли Самарканд, но сохранили за собою Туркестан и Ташкент.

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКИХ ОРД

До этого времени, т. е. до конца XVI в., в исторических памятниках не встречается упоминаний об отдельных Казахских Ордах. Оформление отдельных орд, как особых политических союзов, относится, повидимому, к рассматриваемому времени, хотя точных данных по этому вопросу еще нет. Некоторые из преданий связывают образование трех Орд — Старшей, Средней и Младшей — с именем хана Хакк-Назара.

В литературе по этому весьма существенному вопросу было высказано три различных мнения. Вельяминов-Зернов исходит из существования единого казахского владения в начале его возникновения и его дальнейшего распада в XVII в. на три Орды: «Мне кажется, — пишет он, — не следует ли именно к эпохе владычества киргиз-казахов над Ташкентом и Туркестаном, т. е. к XVII в., отнести это загадочное деление. Часть киргиз-казахов, сидевшая в завоеванном крае, так сказать полуоседлая, должна была поневоле отделиться от кочевой части, занимавшей степи. Сами собой явились Орды. Ташкент и Туркестан с прилегавшей страной, лежавшие в центре, составили Среднюю Орду. В городах остались властвовать потомки прежних коренных ханов, члены старшего рода Ядигова, или Шигаева: Ишим, Джангир, Тявка и др. По сторонам образова-

лись Орды Малая и Большая. В первой утвердился род Болекай-Куянов или Усяков. Вторая также имела своих ханов. Известен один из них, Юлбарс, убитый в 1739 г. в Ташкенте».

Иное понимание образования трех Орд выдвигает Красовский. Он считает ошибочным положение о первоначальном единстве Казахского улуса и непрерывности его развития с XV в. до наших дней. Он считает, что нельзя связывать моголистанских казахов времен Касима с казахами времен Шигая. Это были различные образования, хотя и носившие одно название казахов. Владения Касима, Хакк-Назара и Шигая он считает совершенно независимыми друг от друга образованиями, не имевшими общей истории. Отсюда само собою решался и вопрос об образовании трех Орд: это три самостоятельных улуса, объединенные лишь общим названием Казахских Орд.

В. В. Бартольд объясняет образование трех Орд различиями в условиях кочевого скотоводства отдельных районов казахских степей. Таких районов три: на западе были удобные земли для зимовок по Уралу, а для летних кочевий — в районе Актюбинска; второй район с удобными землями для зимних кочевок — по реке Сары-су и в низовьях Сыр-дарьи и для летних кочевий — по Иртышу, Тоболу и Ишиму; третий район охватывал земли Джетису (Семиречья) и восточной части течения Сыр-дарьи, к югу от реки Чу. Эти районы кочевий и вели к хозяйственной и политической обособленности казахских владений. Три основных кочевых района соответствовали трем Казахским Ордам.

Разноречие в понимании происхождения трех Орд объясняется отсутствием в источниках материалов по этому вопросу. Что же касается преданий о времени возникновения казахских жузов (буквально «сотен»), то они также разноречивы, и при отсутствии других источников проверить достоверность их невозможно. Большинство преданий говорит о возникновении трех отдельных казахских «сотен» (жузов) уже в самый ранний период казахской истории, что, однако, не находит подтверждения в соответствующих исторических источниках. Возможно, что эти предания имеют под собой некоторую почву, и таких жузов действительно существовало несколько. Между прочим, Бартольд говорит о двух казахских центрах в середине XV в. — один в западном Моголистане, другой близ южного побережья Каспийского моря, о дальнейшей судьбе

которого не сохранилось сведений. Таким образом, мы не можем при современном состоянии материала решить вопрос о времени возникновения казахских жузов. Но сохранившийся материал позволяет проследить с большой степенью вероятности процесс последующего оформления этих «сотен» в обособленные хозяйственно-политические единицы, или Орды, и превращения Казахского союза в объединение трех Орд.

Выше изложены важнейшие события древней казахской истории; в них совсем не выделяются отдельные Орды. Правда, мы постоянно сталкиваемся с фактом раздробленности казахских владений, фактическим наличием нескольких ханов, но эти владения — обычное явление в условиях феодализирующегося общества; в них нет ничего специфически казахского. Однако развитие этих владений протекало так, что оно вело к постепенному формированию на территории Казахстана не одного, а трех объединений.

Огромную роль в этом процессе играли экономические условия и в первую очередь те три района кочевий, на наличие которых обратил внимание В. Бартольд (см. выше, стр. 98). Однако одно районное обособление кочевий еще не могло бы служить основанием для образования трех особых политических единиц, но в условиях господства натурального хозяйства, с одной стороны, при тяготении в экономическом и политическом отношениях этих районов в разных направлениях, с другой, неизбежно должно было привести к формированию на территории Казахстана трех Орд, а не одной.

На самом деле, из предшествующего изложения мы видели, что район, где располагались впоследствии кочевья Старшей (Большой) Орды, политически тяготел к Могулистану. Еще Хакк-Назар в 60-х годах XVI в. делал попытки закрепить за собою эти старинные кочевья казахов. Решительное поражение, которое он потерпел от могулистанского хана Абд-ур-Рашида, порвало политические связи этого района с владениями Хакк-Назара. При перемещении центра политической жизни Казахского улуса на запад здесь не укрепилось ни одной влиятельной феодальной фамилии; поэтому до нас и не дошло почти ни одного имени ханов Старшей Орды. Но связь этих районов с остальными казахскими владениями, существовавшая в течение полутора сот лет, не была забыта, и эта политически обособившаяся часть Казахского улуса сохранила на-

звание Казахской Орды. Она, естественно, получила название Старшей Орды (Улу-Жуз), может быть, потому, что это было место первоначальных кочевий казахских общин, а также потому, что племена, вошедшие в ее состав (уйсуны, канглы, дулаты, джалаир), были старейшими на территории Казахстана.

Орда, в которой господствовал Хакк-Назар, тяготела к среднеазиатским владениям шейбанидов. В конце XVI в., как мы видели, это политическое объединение формально становится в вассальные отношения к бухарскому хану, правда, на короткий срок. Овладение Тевеккелем Ташкентом и Туркестаном только усиливало это тяготение к оседлым районам Средней Азии. Здесь и образовался центр другого казахского владения, Средней Орды. Единство районов кочевий, единство внешнеполитической ориентировки, наконец, единство династическое — здесь надолго упрочивается господство потомков Жадига — позволили кочевьям в районе реки Сары-су и низовьев Сыр-дарьи обособиться в особое феодально-племенное объединение. Но образование Средней Орды не означало, что связи со старинными кочевьями на востоке были забыты. Идея объединенного Казахского ханства была жива и политически действенна еще в первой половине XVIII в., как мы это увидим из дальнейшего изложения.

Когда сложилось самое название Орта-Жуз, Средняя Орда, определить невозможно, но, несомненно, не раньше, чем сложилась Младшая или Малая Орда. По времени эта последняя обособилась, повидимому, позже выделения Средней Орды, т. е. ее образование могло относиться только к XVII в. Выделилась она из владений Хакк-Назара. Что процесс образования был именно таков, подтверждается тем фактом, что между Младшей и Средней Ордами сохранились политические и хозяйственные связи в значительно более позднее время, чем между ними и Старшей или Большой Ордой.

Интересное подтверждение этому мы имеем в журнале А. Тевкелева о его поездке в Орду в 1731—1732 гг. Один из влиятельнейших старшин Средней Орды, Бокенбай, говорил А. Тевкелеву, что Большая Орда кочует от них «в дальнем расстоянии к бухарам и с Средней и Малой Ордой не съезжается и у них же хан особливой именем Чолбарс». Здесь идет речь о съездах старшин; если в XVIII в. такие объединенные съезды старшин Средней и Младшей

Орд практиковались, то это, несомненно, свидетельствует о сохранившихся еще политических связях между этими двумя Ордами.

Обособиться, как отдельная хозяйственно-политическая единица, Младшая Орда могла тогда, когда в ней укрепилось господство особой феодальной фамилии. Красовский обратил внимание именно на эту сторону вопроса, когда он связывает образование Младшей Орды с именем Хакк-Назара, а Средней — с именем Шигая. Но он ошибается, когда связывает образование Младшей Орды с деятельностью именно этих ханов. Шигай никакой самостоятельной роли при жизни Хакк-Назара не играл и когда глубоким стариком (его отец Жадиг умер в 1503 г.) стал ханом, то по существу явился преемником Хакк-Назара, заступил его место, и видеть в этих двух ханах политических глав двух различных Орд нет абсолютно никаких оснований.

Из других казахских султанов, современников Хакк-Назара, известны еще имена сыновей Осека, также происходившего от Жанибека — Булат-султана и Булякай-Куяна. Но Булат-султан погиб в борьбе с ногаями. И если народное предание справедливо относит ко времени Хакк-Назара образование трех Казахских Орд, то в качестве особой ханской династии в Младшей Орде могли явиться только потомки Булякай-Куяна. Действительно, они и были ханами Младшей Орды, как только эта Орда начинает упоминаться в исторических источниках как особая политическая единица. Экономические предпосылки для такого обособления, как мы знаем, действительно были.

Древнее название Младшей Орды по преданию было Алчын. Впоследствии она стала делиться на два поколения — Алим-улы и Бай-улы, и, повидимому, позднее наметилось третье звено Младшей Орды—поколение Жети-ру, составившееся из осколков различных «родов» — Тама, Кераит и др. Народное предание связывает образование этого поколения с именем хана Тауке, т. е. с концом XVII — началом XVIII в.

То, что Младшая Орда называлась Алчын, показывает, что ядром этой Орды являлось племенное объединение алчын — составившееся по преимуществу из тюркских элементов. Алчыны кочевали в пределах Ногайской Орды; поэтому вполне вероятным является допущение, что Младшая Орда складывалась в процессе распада Ногайского союза и из элементов, входивших в состав Ногайской

Орды. Это подтверждается и тем обстоятельством, что кочевья Младшей Орды были очень близки и частично совпадали с кочевьями ногаев — к востоку и частично к западу от реки Яика.

ГЛАВА V

КАЗАХСКИЙ СОЮЗ в XVII — начале XVIII в.

ОЙРОТСКИЙ СОЮЗ

С конца XVI в. международное положение Казахского союза значительно изменилось. Мы видели, что внешнеполитическая история союза в первой половине XVI в. определялась отношениями с моголистанскими ханами, Бухарой и ногаями; во второй половине XVI в., в связи с упадком могущества Моголистана и завоеванием Астрахани Москвой, основное место во внешней политике казахов стали занимать отношения с Бухарой.

С началом XVII в. в Бухаре начинается господство новой династии—джанидов, или астраханской, так как основоположник династии Джанибек происходил из фамилии астраханских ханов и после падения Астрахани нашел приют в Бухаре. В 1605 г. власть в Бухаре перешла в руки хана Имам-Кули, противника казахов. Внутренние династические смуты ослабляли господство аштарханидов. Бухара уже не была для казахов тем грозным противником, каким она была в конце XVI в. при Абдулла-хане.

Но на восточных границах Казахского союза усиливался союз ойротских племен, которые мусульманские памятники называли калмыками. Калмыки принадлежали к западной части монголов. Ойротский союз занял территорию Джунгарии. Ойроты вели скотоводческое кочевое хозяйство, разводили верблюдов, лошадей, рогатый скот и овец. В XVII в. наблюдалось значительное развитие земледелия. Несомненно, что у ойротов сохранялись формы патриархально-родового быта, — помимо имени, каждый ойрот принимал родовое прозвище. Сохранялись черты экзогамии: родовичи, по сведениям китайских источников, «не брачатся между собой». Но ойротское общество знало четко выраженное классовое деление: трудовой массе кочевников-скотоводов противостояла знать в лице хана, носившего звание хун-тайчжи, тайцзи (принцев крови) и зай-

сангов. Огромную роль играла духовная знать в лице буддийских лам. Китайские источники сообщают, что ойроты «весьма уважают лам и наставления их принимают за закон».

В первые три десятилетия XVII в. калмыки переживали трудное время вследствие внутренних феодальных столкновений и борьбы с восточными монголами. В 1618 г. часть калмыков — племя торгоутов — откололась от своего ядра и ушла на запад, к низовьям Урала, и несколько позже (1630 г.) продвинулась к Волге. До 30-х годов калмыки еще не представляли крупной политической силы. Но в начале 30-х годов хан племени Чорос, Хара-Хула, несмотря на сопротивление князей (тайцзи), сумел объединить под своей властью основную массу калмыков. В 1634 г. ему наследовал его сын Батур, при котором государство ойротов или джунгаров еще более окрепло. Батур первый принял титул хун-тайчжи. Его государство включало в себя земли между Алтаем, Тянь-Шанем, пустыней Гоби, озером Балхаш и часть Семиречья. Ставка хун-тайчжи находилась в верховьях Иртыша, несколько выше озера Зайсан.

Когда в 1653 г. Батур умер, среди ойротов снова начались династические междоусобия, но они все же не повели к упадку Джунгарии. К 1676 г. сыну Батура Галдан-Башохту-хану удалось сосредоточить власть в своих руках. В 1697 г. он покончил жизнь самоубийством после неудачного для него похода в Монголию. Власть перешла в руки его племянника Цеван-Рабдана, вынужденного до 1688 г. скрываться от своего дяди в Турфане. При Цеван-Рабдане единство и могущество Ойротского союза окрепло. Способствовало этому то, что до 1714 г. ему удалось сохранить мирные отношения с Китаем.

Наконец, крупные изменения произошли на севере Сибири. После падения царства Кучума в Сибири начинает расти русское господство. В первой половине XVII в. русские поселения приблизились к Камчатке. Правда, владения Московского государства и Казахских Орд в начале XVII в. еще непосредственно не соприкасались, но в течение XVII в. они постепенно сближались, и уже к 90-м годам XVII в. кочевья казахов находились около 15 миль от Тюмени.

Эта новая международная обстановка определила политическую историю Казахского союза в XVII и начале XVIII в. После смерти Тевеккеля ханом казахов стал его брат Ишим. Но Ишиму не сразу удалось объединить под

своей властью владения Тевеккеля: в Ташкенте в 20-х годах был ханом Турсун, происходивший от ханов Старшей Орды. В 1628 г. Турсун был убит Ишимом, которому только с этого времени удалось утвердить свою власть над Ташкентом. Есть указания, что Ишим был признан ханом и киргизами. При тесной связи, существовавшей между киргизами и Старшей Ордой, возможно, что Ишим объединил под своей властью и часть Старшей Орды.

В том же 1628 г. хан Ишим умер. (Другая дата смерти Ишима — 1643 г.) Все время его ханства прошло в борьбе с Бухарой и калмыками. С Бухарой борьба велась из-за обладания Ташкентом. Имам-Кули предпринял несколько походов против Ташкента, но безуспешно. Только в 1628 г. (после смерти Ишима) бухарское войско смогло занять Ташкент.

БОРЬБА С КАЛМЫКАМИ

При Ишиме калмыки начали вытеснять казахов из Семиречья. Но борьба с калмыками приняла широкие размеры лишь после того, как в Ойротском союзе утвердился хун-тайчжи Батур, т. е. с 30-х годов XVII в. В 1635 г. Жагангир, сын Ишима, был разбит ойротами и взят в плен, откуда ему скоро удалось освободиться. Набеги Жагангира на ойротские кочевья вызвали поход Батура против казахов. Он овладел кочевьями двух родов. Жагангир мог выставить против пятидесятитысячной армии Батура отряд в 600 человек. Правда, ему была обещана помощь со стороны бухарского сановника Ялантуша. Но не дожидаясь прибытия бухарских войск, Жагангир удачно воспользовался местностью, запер войско Батура в ущелье и сумел нанести ему весьма существенный урон. Прибытие отрядов Ялантуша заставило Батура отступить.

В основе борьбы с калмыками, которая с перерывами велась весь XVII и первую половину XVIII в., лежало соперничество из-за обладания кочевьями. Экспансия ойротов в поисках пастбищ могла направляться только на запад, так как на востоке они сталкивались с организованной мощной силой китайского государства и здесь приходилось не столько нападать, сколько защищаться, как это было, например, в начале XVIII в. при императоре Канси. На западе лежали кочевья сравнительно слабого Казахского союза, и в эту сторону было направлено движение джунгар. Борьба за кочевья была понятна и близка широким народным массам казахов и не случайно эта борьба

оставила героические воспоминания в народной памяти, стала одним из основных сюжетов народного эпоса (см. об этом главу XV).

Борьба с калмыками продолжалась и при преемнике Жагангира, сыне его Тауке (1680—1718 гг.). Тауке был ханом казахов, когда в Джунгарии господствовали Галдан-Башохту (1676—1697 гг.) и Цеван-Рабдан (1699—1727 гг.). Это были два могущественных джунгарских хун-тайчжи, и во время их ханства борьба с казахами приняла наиболее острые формы. В 1681 и 1683 гг. Галдан предпринимал походы на Сайрам. В 1684 г. Сайрам был разрушен полководцем Галдана Рабданом. С этого времени ойроты окончательно укрепляются в Семиречье. До середины XVIII в. эти богатейшие кочевья уходят из пользования казахов. Крупное нападение произошло в 1710 и 1711 гг., но затем эти нападения Джунгарии на несколько лет ослабли, так как хун-тайчжи был отвлечен борьбой с Китаем.

Несмотря на тяжесть и упорство борьбы с Джунгарией, Казахский союз не только сохранил свою независимость, но и достиг значительного внутреннего укрепления. Предание связывает с именем хана Тауке расцвет Казахского союза. Этот хан в представлении современников возродил прежнее могущество Казахского союза времен Касима и Хакк-Назара. Казахские владения опять объединились под властью одного хана; объединение облегчалось потребностями борьбы против общего врага — калмыков.

Борясь против Джунгарии, Тауке стремился поддерживать мирные отношения с Бухарой. Это не исключало отдельных столкновений. Так, в 1693 г. Тауке напал на китай-кипчаков и захватил пленных. При набеге было уничтожено два города. Но когда к нему явились посланцы бухарского хана Субхан-Кули с требованием возвратить пленных, Тауке тотчас же исполнил это требование. В 1695 г. казахский хан вел борьбу за обладание Ташкентом. Правда, в этом году взять Ташкент ему не удалось, но к концу жизни Тауке Ташкент был в его владении. (Год захвата Ташкента казахским ханом неизвестен.)

При Тауке оживились сношения казахов с Россией. Известно, какое большое значение Петр I придавал казахским степям: он рассматривал их как ворота в Среднюю Азию и в Индию. Выше отмечалось, что кочевья казахов в конце XVII в. близко подошли к границам русских владений в Сибири. За время 1680—1682 гг. известен ряд нападений казахских отрядов на русские поселения.

Такие нападения имели место у Ямышевского озера, на Тарханский острог Тобольского уезда, на Утецкую и Ялуторовскую слободы.

Эти нападения побудили правительство Петра I послать к Тауке посольство, в лице Ф. Скибина и М. Трошина, для переговоров о возврате пленных и прекращении нападений. Но посольству не удалось добиться каких-либо положительных результатов. Приняли их в г. Туркестане, где жил Тауке, крайне враждебно. Сам Тауке в вопросе о взаимоотношениях с Россией занимал выжидательную позицию, но была значительная группа старшин, которая требовала продолжения борьбы с Россией. Когда Тауке собрал старшин для выработки ответа царским послам, эта группировка старшин, несмотря на противодействие другой группы, предупреждавшей, что «они напрасно с русскими людьми воюются и задор чинят: быть де их юрту от русских людей разорену», — взяла верх: собрание высказалось за войну с Россией. Сами царские послы оказались на положении пленников, и только хитростью им удалось выбраться в Бухару, а оттуда уехать в Россию.

Повидимому, это враждебное отношение старшин к России создавалось постройкой вблизи казахских кочевий острогов и посылкой в степь отдельных экспедиций, главным образом, на соляные озера. Это, несомненно, беспокоило казахских старшин, во всем этом они могли видеть угрозу еще большего ограничения их кочевий. Так оно впоследствии и получилось, хотя в конце XVII в. царское правительство еще и не ставило целей захвата казахских кочевий.

Со второго десятилетия XVIII в. отношение Тауке к России значительно изменилось. Борьба с Джунгарией подорвала силы Казахского союза. Хан, султаны и влиятельные старшины, естественно, стали искать внешней поддержки. В 1711 г. к сибирскому губернатору М. Гагарину явились из джунгарского плена два русских казака. Они рассказали, что были выкуплены из плена казахскими старшинами, и от имени старшин просили, «чтоб де губернатор Сибирский донес царскому величеству и помирился б с ними вечным миром». Другая просьба старшин была о поддержке в борьбе с джунгарским хун-тайчжи. Одновременно такие же посольства были отправлены в Казань и Уфу с аналогичными предложениями. Эти переговоры никаких определенных результатов не дали. Но в 1718 г. они были возобновлены.

К этому времени положение России на границе с казахской степью и Джунгарией значительно улучшилось. С 1716 г. начала укрепляться сибирская линия по Иртышу. Еще в 1714 г. к Ямышевскому озеру была направлена экспедиция Бухгольца с тем, чтобы там построить крепость и двинуться далее к Яркенду в поисках золота. Бухгольц в начале 1716 г. действительно построил крепость на озере, но под давлением калмыков должен был отступить и разрушить только что построенную крепость. Но на обратном пути в том же году им была заложена в устье Оми крепость Омск. В 1717 г. были заложены крепости Ямышевская, Железинская и несколько позже, в 1720 г. — Семипалатинская. Таким образом, русские укрепления непосредственно подошли к владениям джунгарского хунтайчжи.

Естественно, что теперь для Тауке русская помощь представлялась наиболее действенной. В 1718 г. он возбудил просьбу о подданстве казахов царскому правительству. Едва ли это был простой дипломатический ход: угроза не только потери независимости, но и уничтожения со стороны Джунгарии была совершенно реальной. Одновременно с Тауке просьбу о принятии казахов в русское подданство возбудили султаны Каип и Абулхаир. Последний в 1717 г. во главе казахских отрядов произвел нападение на внутренние области России: он доходил до Новошеншинска, Казанской губернии, и захватил много пленных. Возможно, что его просьба о подданстве была вызвана боязнью репрессий со стороны русских отрядов, как полагает Левшин, но вероятнее всего, что свои голоса к просьбе Тауке-хана оба султана присоединили как его вассалы (Тауке-хан считался старшим ханом, по отношению к которому все остальные владельцы являлись вассалами). Последнее допущение подтверждается тем, что, несмотря на старания правительства Петра I добиться подданства казахов, переговоры о подданстве прервались со смертью Тауке (в том же 1718 г.), хотя напряженность отношений с Джунгарией нисколько не ослабла.

С именем хана Тауке предание связывает проведение целого ряда реформ, в частности, кодификацию казахского обычного права (так называемые законы Тауке). К сожалению, содержание этих законов дошло до нас в поздней записи и в переводах — казахские тексты утеряны. Эти записи были составлены в начале XIX в. со слов казахских старшин. Несмотря на несовершенство записи, все же

эти законы в той редакции, как они до нас дошли, представляют ценность для изучения внутреннего социального строя казахского общества в доколониальный период его существования. Выше была отмечена основная характерная черта этого строя: слабое развитие феодальных отношений в связи с господством кочевого скотоводческого хозяйства и живучесть форм патриархально-родового быта. Чтобы правильно понять содержание реформ, приписываемых преданием хану Тауке, мы должны подробнее познакомиться с общественным строем казахов в XVII в.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХОВ В ДОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Казахский союз с начала своего возникновения, как мы видели, унаследовал от предшествующей эпохи аристократию «белой кости» — потомков Чингис-хана. С первого упоминания о казахах мы во главе казахских общин видели представителей этой аристократии — Жанибека, Гирея, Касима и др. Но та община, над которой в роли верховных правителей стали султаны-чингизиды, как мы знаем, лишь в бытовых своих формах носила черты патриархального родового строя. Это были аймаки, общины, составленные из осколков прежних родовых групп, распылившихся еще в домонгольский и монгольский периоды (см. главу III). Община переживала процесс и внутренней диференциации — в этом отношении аймак казахов не отличался от аймака периода Золотой Орды. В то же время распоряжение общинными пастбищами знатью «белой кости» ставило общину в зависимое положение в отношении этой знати.

Та и другая черты казахского «рода» нашли отражение в исторических источниках. Так, Мухаммед Хайдер, рассказывая о свидании хана Касима с моголистанским ханом Султан-Сеидом, пишет, между прочим, что дело клонилось к зиме, и казахи по распоряжению Касим-хана двинулись на зимовки. Скот находился не в общинной, а в частной семейной собственности. Между семьями наблюдалось значительное имущественное неравенство. Когда Шейбани-хан разбил казахского Ахмед-султана, в его руки попала богатая добыча. Вот как описывает эту добычу Рузбехан: «Пленных и трофеев захватили несметное количество; одних юрт было свыше десяти тысяч, привезли их на арбах: они сделаны из дерева и разрисованных досок,

сверху покрыты войлоками, тоже разукрашенными цветистыми узорами. Все юрты были разукрашены; богатством убранства и украшений, а также большой величиной и вместительностью отличались юрты знатных казахов; в каждой юрте может размещаться не меньше двадцати человек. Есть юрты, для перевозки которых на арбах нужно несколько верблюдов, в таких юртах живут семьи начальников. У простых казахов юрты бывают тоже с украшениями, хотя они и меньших размеров: такую юрту можно перевозить на одном верблюде».

Кем же была представлена знать, выделяющаяся из общины? Источники определенно говорят о батырах. Слово батыр вообще, и раньше и позже XVI в., имело двойственное значение: батыром называли нередко и рядового казаха, известного своей храбростью, искусного воина и наездника. Но этот термин имел и социальное значение: батырами называли военную знать, выделявшуюся из массы так называемых «простых казахов». Такая двойственность в употреблении одного и того же термина была вполне естественной: в процессе феодализации общества на низших, слабо развитых ступенях феодальных отношений, феодальная знать выделялась из рядовых дружинников, прославившихся или выдвинувшихся своей храбростью, военными успехами. Что в XVI в. термин «батыр» имел уже социальное значение, подтверждает Рузбехан; по крайней мере, он говорит о батырах в выражениях, заставляющих видеть в них представителей знати. Рассказывая о предполагаемом вторжении казахов в Мавераннахр, он пишет, что среди казахов был «сын Джаныш-султана Ахмед-султан, много казахских батыров и других султанов». Близким человеком Тевеккель-хана был некто Исмаил-батыр.

Но к кругам знати так называемой «черной кости», т. е. не чингизидам, принадлежали не одни батыры. Если мы учтем, что казахи выделились из Узбекского союза, то, вероятно, большую роль в кругах казахской знати играли старшины — бии.

К кругам же привилегированной аристократии, вероятно, принадлежали ходжи, духовная мусульманская знать, потомки пророка, как они считали себя сами, хотя прямых указаний в источниках на эту знать и не встречается, что вполне может быть объяснено крайней отрывочностью, скудостью и случайностью относящегося сюда материала. Еще раз подчеркнем, что всех этих представителей знати

ни в коем случае нельзя отождествлять с прежними родовыми старшинами. Все это была новая знать, выделившаяся в процессе феодализации казахского общества, на основе развития частной собственности, военных захватов. Прежние родовые старшины исчезли вместе с разложением первобытно-общинного строя на территории Казахстана.

Если из общины выделялись семьи знатных казахов, то из нее же происходило выделение бедных семей, члены которых попадали в какую-то зависимость от богатых и знатных семей. Хотя формы этой зависимости остаются неясными, но в самом факте ее существования нет оснований сомневаться. Рассказывая о той же борьбе Шейбани-хана с Ахметом, Рузбехан сообщает одну очень важную деталь: «казахи, — пишет он, — собрались к одному месту, их было свыше тридцати тысяч семей, у каждой из них было по нескольку работников и подчиненных». Рузбехан, конечно, ошибается, когда он говорит, что у каждой семьи были подчиненные, но в наличии какой-то зависимой категории казахского населения уже в ту раннюю пору (начало XVI в.) сомневаться невозможно.

Несмотря на яркие симптомы разложения общины, в ней в начале XVI в. было еще много архаического. В летнее время сохранилось еще кочевание целыми волостями (курени монголов). Можно полагать, что организация защиты отражала на себе прежние формы куренного способа кочевания. Рашид-ад-Дин, описывая курень, говорит: «значение куреня есть кольцо. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца, а старший из них был подобен точке в средине круга, это называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вышел в середину чужой и неприятель». А Рузбехан, говоря об организации защиты у казахов, пишет: «при нападении неприятеля казахи свои семьи и скот собирают в одно место, а сами сражаются, стоя вокруг них». Это та же организация защиты, заимствованная из стоянки куренем, которую описывает Рашид-ад-Дин.

Таким образом, в общественном строе казахов сохранилось немало черт, характерных для племен Золотой Орды эпохи ее распада. Но все же многое в этом строе для XVI в. остается неясным. Прежде всего неясны те повинности, которые лежали на казахах в пользу аристократии

«белой кости». Ее могущество было подорвано смутами XV в., материальная основа феодальной эксплоатации — частная собственность на землю — в условиях кочевого хозяйства сложиться не могла. Узурпация общинных земель выступала в своеобразной форме присвоения знатью права распоряжаться районами кочевок. В то же время общественное пользование землей делало самую общину устойчивой и крепкой. Развитие частной собственности на скот, правда, дробило прежний аймак на аулы. Аульный способ кочеванья вытеснял прежний способ — кочеванья целыми родовыми группами, но и то лишь в зимнее время. Если Рузбехан говорил еще о сохранении у казахов кочеванья родами, то в начале XVIII в. источники определенно указывают на преобладание кочеванья аулами. Следовательно, процесс перехода на аульное кочеванье происходил в течение XVI—XVIII вв.

Выше мы отмечали, что в условиях кочевого хозяйства взимание феодальных повинностей зависело от степени внеэкономического принуждения, в конечном счете, от степени влияния и силы господствующего класса. Вполне возможно поэтому, что при сильных ханах, как Касим или Хакк-Назар, те платежи, которые лежали на кочевом населении в период Золотой Орды, лежали и на казахах, тем более, что Рузбехан определенно подчеркивает действенность ясы Чингис-хана в начале XVI в.

Но в то же время обособление кочевых районов от земледельческих, внутренние, династические смуты, которые временами в XVI в. приводили к развалу зачатки государственности у казахов, расшатывали ту обязательную систему феодальных платежей, которая лежала на кочевниках в период Золотой Орды. В этом заключался тот процесс ослабления феодальных отношений у казахов, который заставил ряд исследователей говорить не только о господстве патриархально-родового быта, что было бы совершенно правильным, но и о господстве у казахов первобытно-общинного строя, на самом деле исчезнувшего на территории Казахстана еще в доказахский период его истории (см. главу I).

В XVII в. процесс развития общественных отношений характеризовался новым усилением феодальных форм эксплоатации, но уже на несколько иной базе — роста влияния знати «черной кости» и тесного ее союза с прежней аристократией, чингизидами. Этот процесс мы не можем проследить на всех его этапах, но о нем можно с уверенностью

говорить на основании тех итогов, к которым он пришел к концу XVII — началу XVIII в.

Прежде всего бросается в глаза возросшее в огромной степени политическое значение старшин. Выше мы отмечали, что при хане Тауке Казахский союз, несмотря на тяжелые внешние условия, возрождается и укрепляется. Но, несмотря на могущество хана Тауке, он в своих предприятиях в огромной степени зависел от старшин, которые образовали при нем своеобразный совет. Даже во внешнеполитических вопросах, где власть и значение хана были наиболее велики, Тауке не принимал никаких ответственных решений без согласования с советом старшин. Это мы видели на примере посольства Ф. Скибина.

К концу XVII в. старшины не только закрепили за собою право совета. Они, кроме того, участвовали в распределении общественных доходов хана. Такими доходами были: подарки, получаемые от иностранных правительств, и дань, собираемая с оседлых районов. Старшина Бокенбай определенно говорил в 1731 г. А. Тевкелеву, что с Ташкента, Туркестана, Сайрама и других городов (их источники насчитывают разное число — от 20 до 32), принадлежавших казахам, пока они не были в начале XVIII в. утеряны, доходы получал не только хан, но и старшины, причем дань взималась не в виде добровольных приношений, а в виде обязательных платежей.

Но хан в конце XVII — начале XVIII в. собирал доходы и с кочевого населения: так называемый зякет в размере $^1/_{40}$ части с имущества; ушр (десятина), обычно в земледельческих районах, в размере $^1/_{10}$ части урожая или приплода скота; специальный налог для уплаты калыма при женитьбе сына или при отправке его в аманаты. Затем хан имел обязательную долю участия в военной добыче. Сохранялась постойная повинность: при проезде хан останавливался в подчиненных ему аулах, и жители должны были его содержать.

Часть из этих повинностей — весьма древнего происхождения, как, например, участие в военной добыче и постойная повинность; некоторые повинности возникали вместе с успехами магометанства (зякет, ушр); упоминания о других встречаются лишь в первой половине XVIII в., но едва ли они не были более раннего происхождения. Очень трудно допустить введение новых повинностей в XVIII в., когда ханская власть, как мы увидим далее, начинала переживать глубокий кризис.

Взимание повинностей требовало и соответствующего аппарата принуждения. При хане и султанах состояли особые дружины так называемых толенгутов — то же, что нукеры у узбеков или ранее у монголов. Это личная дружина хана и султана, кочующая вместе с ним и обязанная ему вассальной верностью. Впоследствии положение толенгутов в казахском обществе изменилось, и в социальном отношении они приблизились к положению крепостных. Но это произошло значительно позже, не ранее первой четверти XIX в.

Но личная дружина хана в условиях роста влияния и могущества знати «черной кости», в лице батыров, биев, не могла обеспечить устойчивость власти хана, которая обусловливалась вассальными отношениями к хану «родовой» знати. Некоторые из представителей этой знати достигли небывалого могущества, как, например, Бокенбай, Исет (в начале XVIII в.), владевший в Младшей Орде целым поколением Жети-ру; несколько позже в Средней Орде возросло влияние Жанибека. Некоторые из этих старшин «почитались не ниже хана». Все это объясняет нам, почему даже такой хан, как Тауке, должен был искать поддержки старшин и почему усиление феодальных форм эксплоатации происходило на базе союза знати «черной» и «белой кости».

Но следует помнить, что это развитие феодальных отношений на базе союза знати не разрушало само по себе форм патриархально-родового быта, хотя и подготовляло чрезвычайно сложные формы классовой борьбы, в конце концов расшатавшей патриархально-родовой быт и разоблачившей действительное его содержание перед массами трудящихся казахов. Об этом ниже. Пока же следует отметить, что патриархально-родовые формы быта продолжали сохраняться в разнообразных формах: в ответственности сородичей за преступления члена своего рода, в представлении на «народных» собраниях общин родовыми старшинами, в обычае общих поминок сородичей, в пережитках экзогамии — каждый член рода мог взять себе в жены женщину только другого рода (браки запрещались по линии родства до седьмого колена). Сохранилась кровная месть за сородичей. Наконец, сохранялись и черты прежней родовой демократии: должности биев (старшин) и хана считались выборными.

Но все чаще начинают встречаться бии, которые являлись сыновьями биев же; очевидно, эта должность факти-

чески становилась наследственной. Что касается выборности хана, то «выборы» были не более как торжественным признанием власти нового хана, хотя сама власть уже передавалась по наследству. Чтобы убедиться в этом, стоит только вспомнить генеалогию казахских ханов: власть до начала 20-х годов XVIII в. непрерывно сохранялась в руках потомков Жадига, составляя как бы родовое достояние этой султанской фамилии, считавшейся старшей.

Сохранялись черты патриархально-родового быта и в названиях общин, которые всегда присваивали себе какое-нибудь родовое имя, например, род Кереит, Торткара и т. д. Делать отсюда заключение о характере производственных отношений казахского общества XVII в. было бы, конечно, ошибочным. Характер общества определяется не теми или другими формами быта, а положением людей в материальном процессе производства. Производственное же положение членов казахского общества было далеко не однородно. Знать «черной кости» в общественном отношении гораздо ближе стояла к старой аристократии, чем к рядовым членам общины, хотя чингизидов и старшин и разделяли родовые перегородки. Наиболее же видные представители знати «черной кости» настолько близко стояли к чингизидам, что в классовом отношении грани между ними вообще стирались. Участие старшин в эксплоатации массы населения ставило их наряду с чингизидами в ряды эксплоатирующего класса.

Эксплоатация старшинами казахской общины выражалась не только в их участии в общественных доходах хана. Они заставляли работать на себя казахов, раздавая обедневшим аулам скот. В случае падежа скота казах должен был весь полученный скот возвратить обратно владельцу, хотя бы у него самого при этом ничего не осталось. Кроме того, старшины, как и султаны, имели право на получение подарков. При этом не должно смущать то обстоятельство, что многие повинности носили добровольный характер; они были освящены и закреплены обычным правом, и поэтому добровольность их превращалась в обязанность. Фактическое их взимание зависело помимо обычая от крепости союза между ханом и старшинами того или иного рода.

Таким образом, казахское общество XVII в. всего правильнее было бы определить как общество феодализирующееся при сохранении весьма большой активности в общественных отношениях форм патриархально-родового быта. Классовые отношения под формой патриархально-родового

быта развивались в направлении углубления феодальных отношений. Это было закономерное явление при господстве натуральных форм хозяйства и диференциации казахской общины.

Сколько-нибудь заметного развития общественного разделения труда в XVII в. в казахском обществе не наблюдалось. Казахи продолжали оставаться кочевниками-скотоводами. Сократилось разве разведение рогатого скота, который в хозяйстве казахов начала XVI в. занимал видное место. Теперь больше разводили лошадей, овец, верблюдов и коз. Разведение рогатого скота имело сравнительно широкое распространение лишь в южных районах. Здесь, близ Туркестана, существовали и зачатки земледелия, но, по выражению Ф. Скибина, у них «пашня была скудна».

Что касается ремесла, то оно попрежнему было развито крайне слабо и существовало не как самостоятельная отрасль хозяйства, а как составная часть натурального хозяйства аула. Из шерсти производили войлок для постройки юрт. Кузнечное дело было развито крайне слабо: «а кузнецов у них не сказывают» — сообщал Ф. Скибин. Умели делать порох из серы, которую покупали в Бухаре. Серу смешивали с тополевыми углями и землей, которую брали обязательно со старых кладбищ (она заменяла селитру), и варили в котлах. Порох делали все, кто имел ружья. Те же, кто имел пленных бухарцев, поручали эту работу им. Пули также сами лили из свинца, который плавили из руды, добываемой близ Туркестана и Карнака. Руду плавили в специально вырытых ямах с конским калом и овечьим салом. Луки частично делали сами, но более ценились луки, покупаемые в Бухаре. Была большая нужда в привозных металлических изделиях: котлах, удилах, ружьях. Ткани, как и в XVI в., выменивали у купцов, которые привозили их из Средней Азии и Китая. При крайне неразвитом общественном разделении труда основы для развития товарного производства не было.

Таким образом, мы можем в хозяйстве казахского общества отметить три черты: натуральный характер производства; внеэкономический характер принуждения, выступающий не только в форме открытого насилия, но и под оболочкой обычая, закрепившего обязательность платежей трудящихся казахов; мелкое аульное производство. Но мы не встречаем здесь крупной земельной собственности, на месте которой выступает узурпация общинных земель в форме распоряжения кочевой знатью районами кочевок.

Все это свидетельствует о наличии у казахов феодальных отношений, но при отсутствии частной крупной земельной собственности эксплоатация была обусловлена фактическим распоряжением кочевьями казахской знатью и системой внеэкономического принуждения. Формой феодальной ренты были натуральные платежи, т. е. продуктовая рента. Барщинные работы едва ли были широко развиты, по крайней мере, источники о них молчат. Для необходимых же домашних работ, а частично для пастьбы скота, в богатых аулах применялся труд рабов — «кулов».

Кулы добывались на войне, покупкой, подарками, в качестве калыма. Но это рабство носило патриархальный характер. Рабы через определенное время иногда сами, или их дети уже обязательно, становились в положение феодально-зависимого человека. Он получал кибитку, немного скота, право обзавестись семьей. Но повинности в пользу своего бывшего хозяина в виде обязательных подарков и подношений за ним сохранялись — трудно сказать, как долго.

Однако наличие рабства у казахов ни в коем случае не дает основания говорить, что труд рабов был определяющим в материальном производстве. Основная тяжесть этого производства лежала на казахе-общиннике. Община же из свободной все более становилась зависимой.

«ЗАКОНЫ ТАУКЕ»

Все это нужно помнить, чтобы правильно оценить и понять законодательную деятельность хана Тауке. Несомненно, что многое в так называемых законах Тауке является систематизацией адата, обычного права казахов. Но точно так же несомненно, что это не простая кодификация, а что в этих законах отразилась попытка перестройки адата в сторону усиления охраны именно феодальных отношений.

Прежде всего законы Тауке оставляли в неприкосновенности сложившуюся процессуальную сторону суда, который носил устный состязательный и гласный характер. Инициатива судебного процесса принадлежала самим тяжущимся по всем правонарушениям. Разбирательство по выбору сторон поручалось тому или другому бию. Основанием для вынесения приговора служил материал допроса сторон, свидетелей-очевидцев, а при отсутствии последних— свидетелей-поручителей, которые давали свои показания под присягой. Бий мог приглашать к разбирательству еще двух лиц, а в случае разбора дел между родами пригла-

шали шесть-семь биев. Приговор носил безапелляционный характер. Если ответчик отказывался выполнить постановление суда биев, то потерпевший мог отстаивать свои права путем бармты, т. е. воруженной силой. В бармте принимали участие сородичи потерпевшего, и она могла проводиться только с ведома старшины рода потерпевшего, причем запрещалось захватывать больше, чем следовало в возмещение иска, а также производить убийство. Во всей этой судебной процедуре ничего не было, что выходило бы за пределы обычного права.

В области семейного права с исключительной ясностью проявилось преобладание патриархальной формы казахской семьи. Под охрану берутся интересы мужчины — главы семьи. Отец мог делать со своими детьми все, что хотел, вплоть до лишения их жизни. В случае убийства женой мужа она безоговорочно осуждалась на смерть, за исключением тех случаев, когда она была беременна. Если муж уличал жену в прелюбодеянии, он мог безнаказанно убить ее и ее любовника. Но если в прелюбодеянии уличался мужчина, он совсем не отвечал перед своей женой. Дети за всякое оскорбление, нанесенное родителям, подвергались позорным наказаниям. На отца дети не могли жаловаться даже в случае совершения им преступления. В случае сиротства осиротевший член семьи поступал под опеку родственников по мужской линии. Имущество сына переходило к отцу, но когда умирал отец, то имущество переходило к старшему брату, к которому переходила и жена умершего, впрочем, с ее согласия. Эти обычаи опять же могли отражать лишь постановления адата казахов и объясняются господством патриархальной семьи.

Имущественные права охранялись путем наложения штрафа. За воровство имущества налагался штраф в 27-кратном размере. При этом охранялась семейная собственность: если крал член одной семьи у другой, то он подвергался ответственности. В связи с этим возникла потребность различения семейной собственности. Предание приписывает Тауке введение семейных тамг. Тамга — иерографический знак, который еще в глубокой древности налагался на родовую собственность. Проверить предание, приписывающее Тауке введение семейных тамг, трудно: казахских тамг за XVII в. известно очень немного, но в XVIII в. тамга у казахов действительно не носила характера родового знака: это был знак семейной собственности. Превращение родовой тамги в семейную достигалось путем варьирования

родовой тамги: бралось основное ее начертание и изменялись детали, прибавлялись новые черты или видоизменялось ее положение. Когда начали так варьироваться тамги, — до Тауке или после него, — пока за отсутствием материала сказать невозможно.

Следует отметить, что в законах Тауке наказания за воровство значительно смягчены по сравнению с ясой Чингис-хана, которая нередко за воровство наказывала смертью. В законах Тауке смертная казнь за воровство исключена. Видеть в этом отражение преобладания в казахском хозяйстве общественной собственности нельзя, так как законы Тауке не различают этих двух видов собственности. Скорее наоборот: частная собственность к XVII в. окрепла настолько, что в жестоких мерах к ее охране нужды уже не было.

Что касается убийства и увечья, то здесь в основу возмездия был положен принцип «око за око»: убийство за убийство, за увечье — точно такое же увечье. За убитого должны были мстить его родственники. Но этот старый принцип возмездия, в котором, конечно, отразился обычай кровной мести, проводился непоследовательно: кровная месть могла быть заменена куном, т. е. платой за кровь.

В размерах куна весьма рельефно отразилась классовая структура казахского общества. За убийство женщины платилось обычно пятьсот баранов, за убийство мужчины налагался штраф в тысячу баранов. За султана взимался штраф как за убийство семи человек. За бия также взимался повышенный кун. Убийство своего раба оставалось безнаказанным; если казах убивал чужого раба, он должен был платить штраф. Стоимость раба приравнивалась к охотничьей собаке или беркуту: «за убитую охотничью собаку или беркута хозяин может требовать невольника или невольницу». Очевидно, раб рассматривался как живой инвентарь и точно так же очевидно, что социального равенства в казахской общине не существовало: жизнь бия так же, как жизнь султана, оценивалась дороже рядового сородича.

Причинивший увечье приговаривался бием к такому же увечью. Но оно могло быть заменено и штрафом, размер которого зависел от тяжести увечья. За большой палец налагался штраф в сто баранов, а за мизинец — двадцать.

Законодательство Тауке охраняло, в первую очередь, жизнь и интересы знати. Даже то обстоятельство, что законы Тауке оставляли в неприкосновенности бармту, как

способ возмещения интересов потерпевшего, было, по существу, защитой интересов сильного перед слабым: бармту легко мог произвести сильный аул, но она была мало доступна бедноте.

Но еще характернее для этого законодательства то, что предание приписывает Тауке введение обязательной подати, налагаемой на всех казахов. От ее уплаты освобождались султаны. Повидимому, от этой подати были освобождены и управляющие в родах старшины, а также судьи-бии. По крайней мере в записях законов Тауке имеется указание на то, что Тауке ввел для себя и для управляющих в «родах» старшин подать в размере $^1/_{20}$ части дохода в год. В пользу биев и посредников в делах Тауке назначил $^1/_{10}$ часть иска, в то время как по адату труд бия по судебному разбирательству обязательной оплате не подлежал. Правда, еще раз напомним, что законы Тауке дошли до нас в крайне ненадежной редакции, но характерно, что эта редакция отразила в ряде пунктов стремление закрепить феодальные платежи правовыми нормами; для нас это основное. Быть может, эти платежи были незначительны, несомненно даже, что не всегда хан мог их фактически взимать, но самая потребность в правовом оформлении этих платежей говорит об их наличии и обычности.

Наконец, нисколько не противоречит установившимся общественным отношениям распределение Тауке районов кочевок по отдельным племенным объединениям. Предание, приписывающее Тауке это распределение, отразило лишь право феодала распоряжаться общинными пастбищными угодьями. Такое предание родиться не могло, если бы в казахском обществе основное условие производства — земля не находилась фактически в распоряжении знати.

Очевидно, мы вправе говорить о том, что законодательная деятельность Тауке была направлена не только на систематизацию адата, но и на переработку его в сторону усиления моментов, охраняющих интересы растущего класса феодалов. По преданию, хан Тауке вырабатывал свой кодекс не один, а совместно с семью биями во главе с особо чтимым бием Туле Алибековым. Вероятно, это так и было, поскольку ни одного крупного решения Тауке не принимал без согласия старшин. Так появился на свет свод Тауке «Джеты-Джаргы» (т. е. законы «Семи судей»), который, несомненно, знаменует собою известный этап на пути закрепления складывающихся феодальных отношений в казахском обществе.

ГЛАВА VI

НАЧАЛО РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА КАЗАХОВ

ГОДЫ «ВЕЛИКОГО БЕДСТВИЯ»

Хан Тауке умер, как уже было отмечено, в 1718 г., и старшим ханом стал его сын Каип, который недолго оставался ханом у казахов, — звание старшего хана перешло к Абулхаиру, происходившему из младшей султанской фамилии Булякей-Куяна (см. главу IV). Уже поэтому крупным авторитетом Абулхаир пользоваться среди султанов не мог. Причины его возвышения неясны. Предание говорит, что временем его возвышения являются годы «великого бедствия», т. е. 1723—1730 гг., когда Абулхаир был выбран верховным начальником казахского ополчения. Но старшина Бокенбай говорил в 1731 г. А. Тевкелеву, что Абулхаир сделался ханом еще до годов «великого бедствия». Точно так же неизвестна судьба Каипа; возможно, что впоследствии он был ханом в Хиве. Абулхаир далеко не пользовался тем авторитетом, каким пользовался Тауке, и то относительное единство казахского народа, которое существовало при Тауке, он обеспечить не мог.

Политической слабостью Казахского союза умело воспользовался джунгарский хун-тайчжи Цеван-Рабдан. В 1723 г. джунгарские войска вторглись в пределы казахских кочевий. 1723 г. явился годом начала «великого бедствия» казахского народа. Казахи были не в силах оказать решительное сопротивление джунгарским войскам. Масса аулов была разорена. Все, кто мог, бежали.

Старшая Орда должна была признать свою зависимость от Джунгарии, Средняя отошла в сторону Бухары, Младшая должна была откочевать в сторону Хивы, а затем кара-калпаков, которые в то время кочевали в районе среднего и нижнего течения Сыр-дарьи и к северу от этой реки. Около 1725 г. джунгары заняли Ташкент, Туркестан и Сайрам.

В начале 1726 г. в кочевьях кара-калпаков встретился с ханом Абулхаиром русский посланец к кара-калпакам мулла Максют Юнусов, который усиленно склонял Абулхаира к принятию русского подданства, обещая ему помощь царского правительства в борьбе против джунгар. Переговоры завершились посылкой Абулхаиром и старшинами в Петербург в качестве посланца Кайбагара, который в Коллегии иностранных дел просил царское правительство о принятии казахов в русское подданство. Но Коллегия не имела

никаких данных, чтобы судить, говорит ли Кайбагар от себя или от имени хана. Кроме того, в Петербурге нашли, что «пользы, чтоб под протекцией ее и. в. им [казахам] быть не находится», и Кайбагар был отпущен в Орду без ответа.

Положение для казахов осложнилось еще тем, что их продвижение под давлением джунгарских отрядов на запад повело к столкновению и борьбе с туркменами. С Бухарой до 1726 г. отношения сохранялись мирные, но между 1726 и 1730 гг. и эти отношения обострились.

В такой чрезвычайно тяжелой международной обстановке старая аристократия, чингизиды, оказалась совершенно неспособной оказать отпор завоевателям-джунгарам. Борьбу за независимость возглавили представители знати «черной кости». В Младшей Орде это был старшина Тайчек, в Старшей — старшина Сайрык. В Средней Орде в это время выдвигается старшина Бокенбай. В условиях паники, упадка духа и общей растерянности Бокенбай горячими призывами сумел организовать массы на отпор врагу. Объединенное ополчение всех трех Орд нанесло между 1727 и 1729 гг. поражение джунгарам. Независимость Средней и Младшей Орд на этот раз была сохранена, но не была устранена опасность нового нападения джунгарских войск.

Положение в Ордах после лет «великого бедствия» сложилось следующее. Старшая Орда осталась под господством Джунгарии. Только в 1734 г., в связи с войной с Китаем, калмыки покинули кочевья Старшей Орды, но не надолго: уже в 1738 г. прежние отношения зависимости были восстановлены. Старшая Орда имела особого хана Жолбарса и кочевала отдельно от Младшей и Средней Орд. Знать Старшей Орды не участвовала в съездах старшин Средней и Младшей Орд.

Младшая и Средняя Орды распались на отдельные владения. Считавшийся старшим ханом Абулхаир не распространял своего господства даже на всю Младшую Орду. Кроме него, владельцами там были Батыр-султан, сын Каипа, стоявший во главе части общин многочисленного рода Шекты, и сын Абулхаира, султан Нур-Али. Батыр был женат на племяннице Абулхаира, но эта связь не устраняла весьма натянутых, если не враждебных отношений Батыра к Абулхаиру. Потомок феодальной фамилии, из которой выходили казахские ханы, начиная с Жадига и до Каипа, Батыр не мог иначе относиться к «выскочке», каким в глазах султанов этой фамилии был хан Абулхаир.

В Средней Орде были свои ханы. Из них известны имена Семеке и Кучука. Последний был ханом в поколении найман и кочевал далеко от русских границ. Ближе к ним располагались кочевья Семеке-хана (Шемяка-хан — русских источников). Кроме этих двух ханов, в Средней Орде было два владельца из султанов — Абулмамбет и Барак, оба они принадлежали к феодальной линии Жадига. Таким образом, хана Абулхаира можно признать лишь номинально старшим ханом. Во главе большинства владений Младшей и Средней Орд стояли лица, враждебные Абулхаиру.

Итак, политическое состояние Казахского союза характеризовалось в конце 20-х годов XVIII в. наличием феодальной раздробленности. Уже одно это обстоятельство ослабляло политически господствующее положение в Казахском союзе знати «белой кости», джучидов. Положение их в Орде было тем более неустойчиво, что в годы «великого бедствия» они оказались не в состоянии организовать защиту народа. Естественно, что политический вес старшин к концу 20-х годов XVIII в. значительно вырос, в то время как политическое влияние знати «белой кости» упало. Это вторая характерная черта внутреннего политического состояния казахских Орд.

Упадок авторитета старой аристократии и раздробленность ее власти создавали своеобразный кризис ханской власти и власти султанов. Этот кризис, во всяком случае, ясно осознавался самими султанами. Абулхаир прямо говорил старшинам, что «хан только имя носит ханское, а воли над подчиненными не имеет», и сравнивал положение хана с дикой лошадью, которую «и люди бьют, и звери ловят»; подобно этим лошадям и «хан не имеет себе оборонителя».

Тяжелым оставалось и внешнеполитическое положение казахских владений. Непосредственная опасность нового нападения Джунгарии была лишь отсрочена, но не устранена. Приход к власти в 1727 г. Галдан-Церена, ведшего в отношении Казахстана весьма агрессивную политику, увеличивал опасность такого нападения. Но и сами казахские владельцы, в том числе и хан Абулхаир, не отказывались от мысли вернуть утраченные в Средней Азии владения (Ташкент, Туркестан, Сайрам) и взятых в плен джунгарами родственников.

Напряженные отношения были с Бухарой и Хивой. Правда, к 30-м годам казахам с этими среднеазиатскими ханствами удалось установить мирные отношения. Хуже

были взаимоотношения Абулхаира с волжскими калмыками и башкирами. Калмыки производили постоянные нападения на казахов, кочевавших в районе Яика и Эмбы. Точно так же не удавалось Абулхаиру добиться прекращения башкирских нападений путем переговоров с башкирскими старшинами. Добиться мира на западных границах Орды — это была одна из главных внешнеполитических задач Абулхаира — такой мир ему был нужен, чтобы развязать себе руки в борьбе с Джунгарией.

ПРИНЯТИЕ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА

В этих условиях упадка ханской власти и внешнеполитических трудностей Абулхаир и предпринял шаги к сближению с царским правительством. Мы видели, что уже в XVII в. объективно сложившаяся обстановка в Орде делала необходимым сближение с Россией. Вопрос этот обсуждался ханом Абулхаиром со старшинами, и хан получил согласие старшин послать посольство в Уфу, но лишь для того, чтобы добиться союза с царским правительством, но не для просьбы о подданстве. Однако Абулхаир в своем письме на имя императрицы просил именно о подданстве, т. е. вышел за рамки, установленные старшинами. Он просил в то же время о подданстве всего казахского народа, в том числе и Старшей Орды, хотя никакого влияния на дела этой Орды он не имел.

Но правительство Анны Иоанновны совсем не знало о действительном положении дел в Орде. Предложение Абулхаира здесь было принято как просьба о подданстве всего казахского народа. Казалось, что открывается возможность безболезненно и с ничтожными затратами овладеть степью, этим ключом ко всем владениям Средней Азии. Снова, как и при Петре I, возникли надежды через подчинение казахских степей укрепить связи со среднеазиатскими ханствами и в будущем превратить эти степи из барьера в плацдарм для завоевания «Бухарских и Самаркандских провинций и богатого места Бодохшана». В сенате, где обсуждался вопрос о подданстве казахов, рассчитывали также, что постройкой крепости и других городков на реке Яике удастся добиться военного окружения башкир и тем самым ликвидировать самую возможность новых восстаний в Башкирии.

Наконец, рассчитывали путем принятия в подданство казахов не только предотвратить союз между ними и баш-

кирами, но и «во время какого воровства башкирцев кайсаками, а кайсаков башкирцами смирять». Следовательно, уже с первых шагов царской колониальной политики в отношении Казахстана царское правительство рассчитывало на натравливание одной народности на другую, как на средство утверждения своего господства.

Товарищ Сталин указывал, что политика репрессий в отношении угнетенных национальностей «нередко переходит к «системе» *натравливания* наций, к «системе» резни и погромов»,[1] что такая политика характерна для классового господства дворянства: «Когда во главе государственной власти в России в прежние годы стояла старая земельная аристократия, национальный гнет мог принимать и действительно принимал безобразные формы резни и погромов».[2] Действительно, по мере укрепления дворянской самодержавной России на границах казахских степей эта политика не ограничивалась натравливанием наций, а стала принимать формы резни. На этом мы остановимся в дальнейшем.

Эта программа колониальной политики царизма в Казахстане, разработанная секретарем сената И. К. Кирилловым, явилась в XVIII в. официально признанной программой и проводилась в жизнь, конечно, с целым рядом отклонений, вызываемых конкретно складывающейся обстановкой на границе с Казахскими Ордами.

КОМИССИЯ А. И. ТЕВКЕЛЕВА 1731—1732 гг.

В 1731 г. в Младшую Орду к хану Абулхаиру был отправлен переводчик Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелев (мурза Кутлу-Мухаммед). Он отправился в сопровождении башкирских знатных старшин и русских дворян и должен был передать грамоты императрицы Анны Иоанновны ханам Абулхаиру и Семеке и привести их со старшинами к присяге на подданство России. Абулхаир тогда кочевал у реки Иргиз.

С первого же дня прибытия Тевкелева в ставку хана обнаружилось резко враждебное отношение народных масс и казахских старшин к миссии Тевкелева. Старшины, находившиеся в ставке хана, приставили караул к кибитке хана и Тевкелева, чтобы воспрепятствовать их свиданию до собрания старшин. Однако такое свидание ночью, в поле,

---

[1] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 21.

[2] Там же, стр. 63.

состоялось, причем Тевкелев, чтобы не быть узнанным, должен был переодеться в «худое» казахское платье. Абулхаир предупредил Тевкелева, что просьбу о подданстве он подал без согласия старшин и султанов; прибегнуть же к обману его побудило опасение, что просьба его останется без удовлетворения, если бы он возбудил ее только от своего имени. Он откровенно рассказал Тевкелеву, что подать просьбу о подданстве его побудило стремление обезопасить тыл со стороны русских подданных — башкир и калмыков, для возобновления борьбы против Джунгарии, а также надежда найти поддержку у царского правительства при внутренних осложнениях в Орде.

Через несколько дней на собрании старшин Абулхаир в пылу спора подтвердил, что поддержка царских властей была ему нужна не только против внешних врагов, но и для укрепления его власти внутри Орды. Абулхаир в то же время советовал Тевкелеву не скупиться на подарки старшинам: «ежели, — говорил он, — знатные старшины подарками удовольствованы будут, то де никакой опасности не будет и в подданство всероссийское привести их будет не трудно».

7 октября Тевкелев был призван в кибитку хана, где в присутствии старшин вручил хану царские грамоты и словесно объявил, что «ее и. в. всемилостивейшая государыня императрица вас, Абулхаир-хана, старшину и все киргиз-кайсацкое войско пожаловала, повелела по прошению вашему в подданство российское принять». Старшины очень холодно встретили заявление Тевкелева: они «тогда в ответ ничего не сказали, но токмо объявили, чтоб он, Тевкелев, до времени имел итти в свою кибитку». По уходе Тевкелева старшины на собрании постановили его убить.

По совету приехавших с ним башкирских старшин Тевкелев решил обратиться к батырам Бокенбаю, Исету и Худай-Назар-мурзе и заручиться их поддержкой. Одновременно Тевкелев просил о помощи Абулхаира, но Абулхаир мог лишь посоветовать ему обратиться к тем же старшинам. А он, хан, — прибавил Абулхаир, — «за подозрительством своим» помощи Тевкелеву оказать не может. Бокенбай приезжал к Тевкелеву и обещал ему поддержку на собрании старшин. При втором свидании с Тевкелевым Бокенбай принес присягу в подданстве царскому правительству, отказавшись при этом принять крупный подарок от Тевкелева, мотивируя это тем, что, приняв подарок, он

стал бы «служить для денег, а не для верности к ее и. в., за что не сподобится доброй славы».

Второе собрание старшин происходило 10 октября 1731 г. Протекало оно в крайне бурной обстановке. Старшины говорили «в злости», что они советовали хану послать посольство к царскому правительству только для того, «чтоб с Россией быть в миру», а «в подданстве быть не желают».

Тевкелеву совсем не удалось, вопреки утверждению П. И. Рычкова, склонить собрание к принятию русского подданства: на самом деле собрание раскололось. Хан Абулхаир, батыр Бокенбай, крупнейший старшина Младшей Орды батыр Исет, владевший «родами» поколения Жетиру, Худай-Назар-мурза, брат Бокенбая, и 27 человек из знатных старшин присягнули на подданство царскому правительству. Противная партия была неизмеримо многочисленнее и, по признанию самого Тевкелева, она со дня собрания «стала быстро умножаться». Частичным успехом, который имел Тевкелев на собрании 10 октября, он обязан был Бокенбаю, но никак не Абулхаиру: хан не мог гарантировать Тевкелеву даже личную безопасность.

Собранием 10 октября вопрос о подданстве далеко не был решен. Тевкелев не мог уехать из Орды: старшины «противной партии» рассматривали его как лазутчика и решительно отказывались отпустить в Россию. После отъезда Бокенбай-батыра «противная партия», по словам Тевкелева, «стала зело умножаться и каждый день на него, Тевкелева, набегами своими днем и ночью с великим криком нападать почали и лошадей отгонять». Эти нападения временами принимали весьма ожесточенный характер. 22 октября Тевкелев с утра до полуночи отбивался от набега старшины рода Жаппас, Баймурата. Осажденным пришлось «так тяжко, больше быть невозможно». 13 ноября Тевкелев подвергся нападению во время охоты, сам он спасся бегством, но его ближайший помощник, башкирский старшина Таймас, попал в плен, из которого он был выручен значительно позже. Во все эти трудные минуты реальную помощь Тевкелеву оказывал батыр Бокенбай: он сам приезжал или посылал своего брата Худай-Назара на выручку к мурзе и сам ездил к старшинам противной партии — склонять их к принятию подданства России. Хан не мог оказать сколько-нибудь реальную помощь Тевкелеву, а порой вел себя настолько двусмысленно, что башкиры отговаривали Тевкелева ходить к нему. «Хан, — говорили они, — вчерашний день отобрал пожитки, а ныне де звал к себе, конечно,

де его, Тевкелева, он, хан, хочет умертвить». Абулхаир действительно отобрал у Тевкелева значительную часть имущества, но едва ли в его намерения могло входить убийство посланника российского правительства.

При посредничестве Худай-Назара удалось склонить к примирению, но еще не к принесению присяги на подданство наиболее враждебно настроенных старшин — Даумбай-бия и Сарми-бия, а к концу ноября — и значительную часть старшин Западной части Младшей Орды.

Однако всеми этими событиями совсем не были задеты владения Батыр-султана и Средней Орды. Посредником в переговорах с Батыр-султаном, владения которого располагались в районе Сыр-дарьи, опять-таки явился Бокенбай-батыр. В начале декабря Батыр-султан и сын хана Нур-Али-султан приезжали к Тевкелеву, здесь в присутствии Бокенбая принесли присягу на подданство и обязались каждый платить ясак: Батыр-султан — 1000 лисиц и 1000 корсаков, а Нур-Али — 1000 лисиц. Ясак в дальнейшем не платился, и подданство Батыр-султана оказалось чисто фиктивным, но все же их присяга укрепила положение Тевкелева в Орде.

9 декабря к Тевкелеву приехали посланцы от хана кара-калпаков Каипа и их духовного главы Мурат-шейха для переговоров о подданстве. В результате этих переговоров посланцы согласились принять присягу на подданство царскому правительству, но без обязательства платить ясак, давать аманатов и выдавать русских пленных. Однако и при такой оговорке, которая подданство кара-калпаков делала чисто фиктивным, Тевкелев привел кара-калпакских посланцев к присяге.

В декабре Абулхаир, Бокенбай и Тевкелев отправили послов к хану Средней Орды Семеке — «с таким предложением, что он, Абулхаир-хан, и кайсацкие старшины приняли подданство российское и ясак платить обязались в том и присягу учинили, чтоб и он, Шемяка-хан, тако ж подданство российское принял к тому и старшину склонял». Хан Семеке, враждовавший с ханом Абулхаиром, принес присягу в подданстве и обещал платить ясак в размере 2000 лисиц и 1000 корсаков в год, но отказался дать аманатов. Кроме того, он оговорился, что присягает только за себя, «а протчих де ханов и султанов он, Тевкелев, увидит де всякого в мае месяце, а с ними де сам договариваться будет».

Таким образом, формально была приведена в подданство и часть Средней Орды. Оставались пока в стороне Кучук-хан, султаны Барак и Абулмамбет и один из крупнейших владельцев Средней Орды, старшина Жанибек-батыр.

К концу 1731 г. настроение большинства старшин все же оставалось настороженным. Тевкелеву не доверяли и по-прежнему держали как пленника и не отпускали из Орды «для того де, что он землю их всю видел, где какие воды и колотцы есть». Затрудняли деятельность Тевкелева набеги яицкого войска на казахские аулы, грабежи башкир и калмыков. Положение еще более обострилось благодаря агитации в Орде посланцев калмыцких тайцзи — Дорджи Назарова и Лобжи.

После смерти хана Аюки (1724 г.) среди феодалов волжских (торгоутских) калмыков началась междоусобная феодальная борьба. Царское правительство утвердило калмыцким ханом сына Аюка, Черен-Дондука. Группировка, враждебная новому хану, естественно, встала во враждебные отношения и к царскому правительству. Посланцы Дорджи Назарова дважды в течение 1732 г. приезжали в Орду с целью помешать принятию русского подданства казахами и склонить казахских феодалов к борьбе с Черен-Дондуком и царскими властями. Эта агитация в мае не имела большого успеха, но когда посланцы Лобжи явились в Орду вторично в октябре, то положение Тевкелева опять значительно пошатнулось: «киргиз-кайсацкие противные старшины, — писал Тевкелев в своем журнале, — все возмутились и с оным калмыцким посланцем соединились и стали возмущать всю киргиз-кайсацкую Орду и восстали на Абулхаир-хана и на Букенбай-батыра и на Эсет-батыра и на протчих доброжелательных старшин». Враждебно настроенные старшины грозили убить хана, если он отпустит Тевкелева. Однако и на этот раз Бокенбай и Исет попрежнему поддержали Тевкелева и всячески препятствовали соединению казахов с калмыками, объединившимися вокруг Лобжи. Таким образом, не только, и даже не столько хан, сколько знатные старшины служили опорой для Тевкелева в Орде.

Чем объясняются эти позиции верхушки казахского общества в вопросе о подданстве? Они были одинаковы с теми, которые толкнули хана Абулхаира, помимо воли старшин, искать «протекции» царского правительства. В ряду этих причин надо прежде всего указать на трудности, связанные с международным положением. В конце 1731 г.

Средняя Орда испытала новый удар со стороны войск джунгарского хун-тайчжи Галдан-Церена. В июле хан Семеке предупредил Абулхаира о готовящемся нападении джунгар. В августе башкиры, посланные в Среднюю Орду, сообщили Тевкелеву, что казахи потерпели поражение от джунгар, потеряв значительное количество скота. Младшая Орда этим столкновением задета не была, но положение все же оставалось напряженным.

Знатные старшины искали поддержки у царских властей в силу обострения и внутренних противоречий в Орде. Мы отмечали уже, как маскировалось классовое расслоение в казахском обществе господством форм патриархально-родового быта. Далее мы встретимся с тем фактом, что выступление казахского народа происходило под руководством их родовых старшин (см. об этом ниже). Но в ряде случаев классовые противоречия между кочевым крестьянством и знатью «черной кости» выступали достаточно рельефно, особенно когда дело касалось таких крупных представителей этой знати, как Исет, Бокенбай, Жанибек, стоявших во главе многочисленных аулов различных родов и даже различных поколений. Борьба против этих представителей знати «черной кости» являлась классовой борьбой трудящихся казахов против феодализирующейся знати, хотя борьба и выступала в форме столкновений различных старшинских группировок: иначе и быть не могло, пока руководство движением оставалось в руках «родовых» старшин, т. е. пока в общественной жизни господствовали формы патриархально-родового быта.

Тайну своей «склонности» к царскому правительству выдал сам Бокенбай в беседе с Тевкелевым. В декабре 1731 г. Бокенбай тайно говорил Тевкелеву, что он, Бокенбай, «от непостоянного киргиз-кайсацкого житья себе имеет великое беспокойство», что эти «беспокойства» могут увеличиться в случае, если набеги казахов на русские владения не прекратятся и после принятия русского подданства. Что эти беспокойства вызывались не только внешнеполитическими обстоятельствами, но и внутренней борьбой в Орде, — показывает вопрос Бокенбая Тевкелеву: «Ежели киргиз-кайсаки по присяге верны не будут, то он от них отстанет и будет жить под рукою ея и. в., дастся ли позволение при реке Яике кочевать, и от нападения киргиз-кайсацкого охранен будет ли». Тевкелев обещал Бокенбаю поддержку русских властей.

Таким образом, трудности и внешнеполитические и обострение внутренней борьбы в Орде толкали султанов, старую аристократию, и феодализирующуюся знать «черной кости» искать поддержки царского правительства. Такой обстановке в Орде и был обязан Тевкелев ограниченному успеху своей миссии, ограниченному потому, что далеко не все старшины приняли сторону хана Абулхаира. Прекращение открытых нападений на Тевкелева еще не говорило об изменении отношения старшин «противной партии» к его миссии. Когда осенью Тевкелев поставил перед Бокенбаем вопрос о необходимости отпустить обратно в Уфу большую часть своей свиты, собрание старшин решительно воспротивилось, мотивируя это тем, что Тевкелеву одному будет легче бежать из Орды. При содействии Бокенбая часть свиты все же была отправлена в Россию.

В ноябре 1732 г. положение Тевкелева снова весьма ухудшилось: посланцы, приехавшие из Средней Орды, потребовали его ареста, так как башкиры совершили очередной набег на казахские аулы, убили 40 человек, 100 взяли в плен и отогнали около 2000 лошадей. Опасность угрожала жизни Тевкелева. Но Абулхаир-хан менее всего хотел в этот момент, осенью 1732 г., обострять взаимоотношения с царским правительством, так как сохранить мир с калмыками легче всего было, не порывая с царским правительством; в противном случае грозили новые осложнения в отношениях с вассалом царизма Черен-Дондуком.

Внутреннее состояние в Орде также заставляло Абулхаира стремиться к укреплению связей с царским правительством. К зиме 1732 г. старшины Младшей и Средней Орд, недовольные принятием русского подданства Абулхаиром, сгруппировались вокруг султана Батыра. Глухая вражда между Абулхаиром и Батыром существовала давно. Но не видно, чтобы до второй половины 1732 г. она переходила в открытое столкновение. Еще весной 1732 г. Абулхаир совместно с Батыром участвовал в набеге на туркмен. Но вражда существовала и к концу 1732 г. стала совершенно открытой. В начале ноября вокруг Батыра собралось войско, около 4000 человек, и это войско «на каждой день умножалось». При этом условии Батыр-султан уже становился опасным для хана. Таким образом, и для укрепления своего внутреннего положения Абулхаир в 1732 г. нуждался во внешней поддержке не менее, чем в 1731 г.

Вот почему и для хана и для старшин, группировавшихся вокруг него, необходимо было во что бы то ни стало

сохранить жизнь Тевкелеву. 24 ноября Тевкелев в сопровождении остатков своей свиты выехал в направлении русской границы. Вместе с ним в Россию было отправлено посольство от хана, в состав которого входил, среди других представителей знати, сын хана султан Ер-Али. 23 декабря Тевкелев и его спутники доехали до башкирских улусов, а отсюда 2 января 1733 г. приехали в Уфу.

В таких условиях происходило принятие ханом Абулхаиром и рядом старшин русского подданства. Реальные результаты миссии Тевкелева заключались в том, что ему удалось привлечь на свою сторону наиболее влиятельных старшин Младшей и Средней Орды — Бокенбая, Худай-Назара и Исета. Именно через их посредничество и через посредничество хана и султанов осуществлялось превращение Казахстана в царскую колонию. Если не правы историки великодержавного направления, говорившие о добровольном подданстве казахского народа, то неверно и противоположное мнение, исходившее из лагеря местных буржуазных националистов, которое сводилось к тому, что принятие казахами русского подданства явилось результатом завоевания; мы видели выше, что начальным моментом этого подданства было совсем не завоевание, а союз местной знати «черной» и «белой кости» с царским правительством, вопреки воле народных масс.

Как же должно быть оценено начало подданства казахов России? Прежде всего нельзя рассуждать так, как это иногда делается: подданство послужило началом включения Казахстана в состав Российской империи; пролетариат России и братских республик превратил в революционной борьбе царскую Россию в первое в мире государство трудящихся, первое социалистическое государство. Следовательно, с точки зрения конечных результатов, этот захват царизмом отсталых народностей не является злом. Такое рассуждение антиисторично и политически вредно, потому что ведет к оправданию всех насилий царизма. Нужно исходить из конкретной исторической обстановки, в какой развивалось данное событие.

Если исходить из той конкретной обстановки, какая сложилась в Казахстане в 30-х и начале 40-х годов XVIII в., то нужно будет признать, что перед Казахстаном стояла альтернатива: или подданство России или Джунгарии; последнее было для трудящихся масс не легче, чем господство российского царизма, но в то же время отрывало казахские степи от более передовых, и в хозяйственном и

культурном отношении, областей. То и другое подданство несло колониальный гнет и потерю политической независимости. Но подданство России открывало в дальнейшем возможность прогресса, движения вперед, хотя и мучительного и тяжелого для народных масс. Подданство Джунгарии, страны по сравнению с Россией отсталой, могло лишь консервировать прежние формы хозяйственной и политической жизни.

Другими словами, в Казахстане сложилась обстановка аналогичная той, в какой находилась Грузия в конце XVIII в. «Перед Грузией стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России. . . вторая перспектива была все же наименьшим злом». [1]

Конечно, это высказывание Жюри нельзя механически переносить на все колониальные захваты царизма. Но если подчинение Грузии царской России явилось наименьшим злом по сравнению с подчинением шахской Персии, то следует признать, что по сравнению с Джунгарией середины XVIII в., общественный быт которой описан нами в предыдущей главе, даже Персия была более передовой страной.

Поэтому подчинение Казахстана, точнее северо-западной его части, России в 30-х годах XVIII в. мы должны оценить не как абсолютное, а как наименьшее зло.

ГЛАВА VII

КАЗАХСТАН ПРИ ХАНЕ АБУЛХАИРЕ

ПЕРВЫЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ЦАРИЗМА

Царское правительство было удовлетворено результатами, достигнутыми Тевкелевым в 1731—1732 гг. Посольство хана было вызвано в Петербург, и здесь в начале 1734 г. было принято императрицей и осыпано различными милостями. Обещания, которые обязывался выполнять хан Абулхаир, вполне удовлетворяли царское правительство. Эти обязательства сводились к четырем пунктам: охранять восточные границы Российской империи в случае нападений на них со стороны народов, смежных с Казахскими Ордами (при усилении хун тайчжи Джунгарии Галдан-Церена и слабости сибирской укрепленной линии это обещание

[1] Постановление жюри Правит. комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 кл. средней школы по истории СССР.

представлялось весьма существенным); охранять торговые интересы русских купцов, защищать караваны, проходящие через степь в среднеазиатские ханства; платить ясак кожами и мехами и, наконец, давать подкрепление царским войскам в случае нужды. Иными словами, хан обязался включить подвластных ему казахов в так называемые иррегулярные войска, комплектовавшиеся на восточной границе империи не только из русского казачества, но и из калмыков и башкир.

Давая эти обещания, ни одно из которых он фактически выполнить не мог, Абулхаир требовал от царского правительства, во-первых, закрепления за его потомством звания хана и, во-вторых, построения на Ори крепости, которая могла бы для него явиться опорой и защитой в случае внутренних или внешних осложнений, как убедил его в этом Тевкелев. Царское правительство не придавало большого значения обещаниям Абулхаира, но оно сознавало важность вассальных отношений хана к России. Оба требования Абулхаира не расходились с интересами царизма на восточных границах империи, даже более: создание укрепленных пунктов на границе с Ордой было необходимо для укрепления вассальных отношений хана к России. В тех же целях представлялось выгодным обещать Абулхаиру и закрепление звания хана за его потомством.

Хотя два крупнейших представителя старшей феодальной фамилии Жадига, хан Семеке и султан Батыр, присягнули на верность царскому правительству, но это не помешало казахам Средней Орды, подчиненным Семеке, в течение 1731—1732 гг. совершить два крупных набега на русские области. Правда, Семеке в 1733 г. прислал в Уфу посольство с извинениями за эти нападения и с предложением вторичной присяги. Но его обещания не могли, конечно, рассеять недоверие к нему царского правительства. Когда в 1734 г. хан Семеке умер, то даже формальное подданство части Средней Орды царскому правительству отпало.

Ненадежным представлялся и султан Батыр. Мы видели, что, несмотря на подданство, он продолжал в 1732 г. враждебные выступления против Российской империи. Но Батыр и Семеке (до 1734 г.) были единственными владетелями дома Жадига, принявшими русское подданство. Остальные представители этой фамилии даже формально не могли считаться русскими подданными. В этих условиях хан Абулхаир и его группировка являлись единственной опорой для

царизма в степи. Поэтому и удовлетворение второго требования Абулхаира о закреплении звания хана за его потомством не представлялось опасным для царского правительства. Однако оно поступило в этом вопросе весьма осторожно: устно обещало Абулхаиру сохранить ханское звание за его потомками, но формального обязательства на себя не взяло.

В решении царского правительства о принятии казахов в русское подданство, несомненно, сыграла роль деятельность статского советника и секретаря сената И. К. Кириллова, хорошо знавшего стремление правительства Петра I овладеть казахскими степями, как ключом в Среднюю Азию, и горячего сторонника осуществления этих стремлений. Две поданные им в сенат записки определили исход дела. Было решено итти по пути укрепления подданства казахов России и прежде всего построить крепость на реке Ори как форпост царизма на границе казахских степей.

Для осуществления этой цели была организована особая, так называемая «известная», впоследствии переименованная в «Оренбургскую», экспедиция, во главе которой был поставлен И. К. Кириллов; в помощь ему был назначен мурза А. И. Тевкелев. С И. К. Кирилловым был отправлен в Орду и султан Ер-Али (часть казахов была направлена обратно в Орду еще раньше). С грамотами на имя хана Абулхаира и хана Семеке, а также кара-калпакского хана и старшин Старшей Орды И. К. Кириллов выехал 6 июня 1734 г. в Уфу.

Перед его экспедицией были поставлены очень широкие задачи. Прежде всего он должен был построить в устье реки Ори крепость (Оренбург). С целью привлечь население и, главное, купцов, новому городу были даны очень широкие торговые привилегии. Для укрепления влияния царизма Кириллов должен был привести к присяге владельцев Старшей и Средней Орд. Для решения всякого рода дел, которые могли бы возникнуть между казахами и русскими, в новом городе предлагалось учредить суд в смешанном составе — из русских чиновников и казахской знати, желательно детей хана. Границей между Россией и Казахскими Ордами должна была служить река Яик (Урал). В случае желания казахских султанов и старшин кочевать около нового города Кириллову предписывалось отводить для этого места и опять-таки при желании казахской знати строить им под городом дома; не препятствовать и постройке мечети.

После укрепления нового города Кириллову предписывалось снарядить торговый караван в Бухару и далее в Индию. С каждым караваном должны были быть направлены геодезисты для съемки плана местности. Кириллов должен был принять всевозможные меры к разысканию руд в Казахстане, особенно золота, о богатых запасах которого сообщил Абулхаир Тевкелеву еще в 1732 г. (правительство имело, в частности, в виду проверить сведения, привезенные Тевкелевым о легендарной «золотой горе» в Казахстане). Найденные рудные богатства, кроме золота и серебра, предполагалось эксплоатировать на свободных «купеческих» основаниях, даже без соблюдения требующихся в этом случае формальностей. По докладу того же Кириллова ему предписывалось в разобранном виде доставить зимой суда на Сыр-дарью и таким путем завести на этой реке вооруженную флотилию. Там же предписывалось построить крепость.

Эта инструкция Кириллову показывает, что укрепление на Яике царское правительство рассматривало лишь как первый шаг к превращению казахских степей в объект хозяйственной эксплоатации (разработка рудных богатств) и плацдарм для наступления на Среднюю Азию.

Вторым шагом такого наступления предусматривалось создание укрепленной базы на Сыр-дарье.

Царское правительство верило в возможность осуществления всех этих задач в ближайшее время. Но такой оптимизм мог питаться лишь неведением действительного положения дел не только в Казахских Ордах, но и на восточных границах империи. Уже по дороге в Уфу Кириллов получил новое задание — использовать казахов для подавления непрекращающихся восстаний среди волжских калмыков.

Неосуществимость возложенных на Кириллова задач обнаружилась в ближайшие же месяцы после его прибытия в Уфу. Путь к Яику лежал через башкирские волости. Одни лишь слухи о предполагаемой постройке в устье реки Ори крепости усилили брожение в Башкирии. С этой постройкой башкирские земли оказались бы не только с запада, но и с востока окруженными русскими укреплениями. Продвижение русских отрядов в глубь Башкирии в направлении к Яику вызвало нападение башкир Ногайской дороги на арьергард отряда, но это нападение (июль 1735 г.) не приостановило движения, и в августе 1735 г. Оренбург (ныне Орск) был заложен.

Между тем восстание в Башкирии разрасталось. С Ногайской дороги оно перекинулось на Сибирскую и Казанскую дороги. Восставшие делали попытки поднять татарскую бедноту Среднего Поволжья и Закамья. В 1736 г. восстание охватило и башкир Осинской дороги в районе Кунгурского уезда.

Борьба с восставшими башкирами поглотила все время начальника экспедиции и не позволила ему осуществить ни одно из предположений, кроме постройки Оренбурга, по захвату казахских земель.

Положение Кириллова как начальника экспедиции пошатнулось, да и целесообразность самой экспедиции была в Петербурге взята под сильное сомнение. Еще в конце июля Кириллов должен был обратиться с письмом к всесильному тогда временщику Бирону. Содержание письма показывает, как беспокоился Кириллов за судьбу своей экспедиции. «Буде, милосердный государь, — писал он к Бирону о начавшемся восстании башкир, — для такого малого воровского нападения да оставлено будет к великой славе и пользе зачатое дело, то не токмо новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подобранию рассыпанных Бухарских и Самаркандских провинций и богатого места Бодокшана упустим, а сверх того и старым подданным, башкирцам, случай подастся впредь злодействовать по их махометанству внутренних ко христианству врагов».

Письмо показывает, какие широкие захватнические планы строил Кириллов в связи со своей экспедицией.

Вопрос о башкирском восстании обсуждался 5 августа в сенате. Рекомендуя меры к успокоению башкир, сенат, между прочим, поручил Кириллову объяснить башкирам, что крепость на Ори строится для защиты их от казахов. Таким образом, опасения Кириллова за судьбу своей экспедиции должны были рассеяться.

С исключительной жестокостью И. К. Кириллов продолжал подавление восстания башкир. В августе 1736 г. он доносил в Петербург, что разрешил казахским владельцам «учинить поиск» над башкирами Сибирской и Ногайской дорог, «понеже в том вашего величества высокой интерес зависит, дабы оные народы в несогласии были». В октябре он же писал, что башкиры были вынуждены к покорности голодом, холодом и нападениями казахов.

Но отношения с казахскими владельцами оставались неопределенными. Правда, в Оренбурге новая власть укрепилась прочно. Летом 1736 г. к новой крепости из Орды и Ташкента приезжали с торгом, но это был случайный обмен. В 1736 г. нельзя говорить о прочных торговых связях на границе с казахской степью. Одновременно, т. е. в течение 1736 и начале 1737 г., очень неустойчивым было положение на юге, в Астраханских степях. В 1736 г. казахи совершили ряд нападений на калмыков, отогнали множество скота и захватили большое количество пленных. В начале 1737 г. нападения повторились, и опять с большим успехом для казахов. Попытки дипломатическим путем воздействовать на хана никаких результатов не дали. Таким образом, Кириллову не только не удалось использовать казахскую знать для продвижения на Сыр-дарью, но не удалось даже охранить границы России от нападений подвластных хану казахов.

В апреле 1737 г. Кириллов умер, и на его место начальником экспедиции, переименованной с этого года в Оренбургскую комиссию, был назначен начальник горных заводов, известный историк, В. Н. Татищев. Основной задачей, которую ставило перед ним правительство, оставалась борьба с восстаниями в Башкирии. Относительно же казахов лишь предписывалось всячески «приласкивать» их владельцев и удерживать от «противных предприятий». Вопрос о продвижении на Сыр-дарью был признан несвоевременным, но предлагалось стараться всячески привлекать хивинцев к торгу.

В 1738 г. начальник комиссии впервые встретился с ханом Абулхаиром и старшинской знатью. Произошло это при следующих обстоятельствах. К концу 1737 г. в результате крайних жестокостей, которыми сопровождалось подавление восстания в Башкирии, это восстание расширилось. Весной 1738 г. башкиры обратились за помощью к Абулхаиру. Для честолюбивого хана открывались, казалось, широкие перспективы усиления его влияния. В апреле хан появился около Оренбурга. Здесь он по указанию восставших башкирских старшин пленил много верных царскому правительству башкир, с остальных начал взимать подати, т. е. вел себя как местный владелец. В то же время Абулхаир стремился посадить ханом в Башкирии своего сына Хожа-Ахмета. Однако Татищев не решился принять какие-либо репрессивные меры против хана. Такую тактику Татищев мотивировал опасением, как бы «хан, осердясь или

испугавшись, не отъехал и больше пакости не сделал», а также «чтоб других их салтанов и ханов жестокостью не остращать».

Петербургский кабинет остался крайне недовольным и тем, что Татищев не предупредил нового подъема восстания башкир и не сумел предупредить враждебные выступления хана. Кабинет предписал Татищеву немедленно выступить с войском к Оренбургу и предупредил начальника Оренбургской комиссии: «ежели под оным городом учинится гибель или людям урон, то особливо вы в том перед нами дадите ответ, ибо мы оную крепость отнюдь потерять не хотим». Татищев должен был спешно двинуться к Оренбургу и вызвать сюда для свидания хана.

Свидание между Татищевым и ханом состоялось в начале августа. Хан, несмотря на враждебные царскому правительству действия в Башкирии, несмотря на разграбление калмыков, был принят с исключительным почетом. Придерживаясь тактики задабривания хана, Татищев учитывал реальную обстановку на границе со степью. Опыт 1735—1737 гг. обнаружил беспочвенность в данный момент широких проектов Кириллова. Татищев ставил перед собой цель не продвижение на Сыр-дарью, а укрепление позиций царизма на Яике. Но и для того, чтобы укрепиться здесь, нужно было опираться на хана. При слабости укрепленной линии, недостатке войск, непрекращающейся антиколониальной борьбе в Башкирии о военном вторжении в степь для подчинения казахов нельзя было и думать.

Татищев потребовал от Абулхаира новой присяги в подданстве. Абулхаир вторично присягнул на верность царскому правительству. Особо были приведены к присяге приехавшие с ханом старшины. Среди них Татищев указал как на лиц, пользующихся особенно сильным влиянием в Орде, на батыра Бокенбая, батыра Жанибека и Шорека,—все они принадлежали к знати Средней Орды.

Особенно существенной для Абулхаира была поддержка со стороны батыра Жанибека. Это обеспечивало хану возможность играть крупную роль в политической жизни Средней Орды. В начале 40-х годов Жанибек являлся одним из наиболее крупных старшин Средней Орды. Вероятно, вассальные отношения Жанибека к Абулхаиру сложились в середине 30-х годов XVIII в. О нем как вассале хана Тевкелев в своем журнале 1731—1732 гг. еще ничего не говорил.

Эти старшины, как и сам хан и его сын султан Нур-Али, были богато одарены Татищевым. В переговорах с Татищевым хан обязался в качестве подданного царского правительства сменить султана Ер-Али, находившегося аманатом в России, султаном Хожа-Ахметом. Не случайно выбор Татищева остановился, как на кандидате в аманаты, на Хожа-Ахмете: именно этот султан выступал как претендент на звание хана в Башкирии. Далее хан обязывался возвратить в Россию русских невольников и защищать русские караваны, которые станут проходить через казахские степи. Реальным результатом свидания 1738 г. явилось лишь получение от хана аманатом Хожа-Ахмета. Но русские пленники в Россию возвращены не были, да хан и не мог этого сделать.

Неудачной оказалась попытка Татищева отправить в Ташкент караван. Караван вышел из Оренбурга в конце августа 1738 г. Во главе его был поставлен поручик Миллер и геодезист для топографических съемок. Посылка каравана преследовала широкие цели. Миллеру было поручено добиться беспошлинной торговли русских купцов в Ташкенте, побывать в бухарских городах, собрать сведения о политическом строе Ташкента, о серебряных рудах и местонахождении золота, выяснить, какие русские товары могут найти сбыт на среднеазиатских рынках; по пути в Ташкент производить подробные топографические съемки, особенно в районе Сыр-дарьи. Караван Миллера благополучно прошел через Младшую и Среднюю Орды, но был разграблен казахами Старшей Орды в двух днях пути от Ташкента. Таким образом, попытка Татищева положить начало торговым регулярным связям между Россией и Средней Азией окончилась неудачно.

Несмотря на все эти неудачи, свидание Татищева с ханом укрепило позиции царизма на границе с казахскими степями, а взятие в аманаты Хожа-Ахмета давало известную гарантию прочности подданства Абулхаира.

К концу 1738 г. было в основном подавлено восстание в Башкирии, и Татищев получил разрешение приехать в Петербург. В Кабинете он настоял на целесообразности перенесения Оренбурга на 140 верст южнее к урочищу Красный Яр. Однако Кабинет решил с постройкой нового Оренбурга у Красного Яра старой крепости не упразднять, а лишь переименовать ее в Орск.

Татищев в Уфу не вернулся. На его место был назначен князь В. Урусов; ему были поручены и Оренбургская

комиссия и все башкирские дела. Урусову, как и его предшественникам, пришлось заняться не столько казахскими делами, сколько борьбой с восстаниями в Башкирии.

В 1740 г. в Башкирии вспыхнуло новое восстание под предводительством известного Карасакала (он же Салтан-Гирей). Восстание было подавлено в том же году. Карасакал бежал в казахскую степь. Здесь он выдал себя за легендарного батыра Шуну, брата и соперника могущественного хун-тайчжи Джунгарии — Галдан-Церена. Требование царского правительства о выдаче Карасакала Абулхаир исполнить не мог, так как Карасакал удалился в южные части Средней Орды и был здесь провозглашен владельцем в части многолюдного поколения Найман.

Если В. Урусов придерживался тактики беспощадного подавления всякого движения в Башкирии, то в отношении казахов он придерживался тактики соглашения и опоры на хана и султанов. И в этом отношении он ничего нового не внес в колониальную политику царизма по сравнению с Кирилловым и Татищевым. Найти другую опору в Орде было невозможно. Знать фамилии Жадига держалась отчужденно. Большое число старшин и казахских общин попрежнему враждебно относилось к укреплению царизма на границе степи. В. Урусов стремился расширить связи с казахскими султанами и добился свидания с владельцами Средней Орды: Абулмамбетом, провозглашенным в 1739 г. ханом, и султаном Аблаем. Но Урусову не удалось повидаться с Абулхаиром. Хан не приехал на свидание с начальником комиссии, отговариваясь болезнью. Он лишь прислал своих сыновей, султанов Нур-Али и Ер-Али.

В переговорах с этими представителями казахской знати основным был вопрос об охране русских караванов, проходящих через кочевья Средней и Старшей Орд. Очевидно, в это время (1740 г.) царские власти придавали наибольшее значение вопросу об укреплении торговых связей со Средней Азией. Аблай и Абулмамбет уехали из Оренбурга, казалось, прочно связав себя подданством с царским правительством. Внешне господство царизма на границе со степью укрепилось. Все крупные владельцы — Абулхаир-хан, его сыновья, затем султаны Абулмамбет и Аблай, старшины Бокенбай и Жанибек — приняли подданство России. Действительно, связи и сношения царского правительства со знатью Младшей и Средней Орд в конце 30-х годов значительно расширились. Помимо Оренбурга, был построен еще ряд крепостей как на Урале, так и по Иртышу.

От хана был прислан в качестве заложника его сын, Хожа-Ахмет. Но до колониального порабощения Казахстана было, конечно, еще очень далеко.

Социальной опорой царизма в самих Ордах была казахская знать в лице султанов и наиболее крупных старшин, но царское правительство не всегда могло положиться на них: настроение части этих старшин было неустойчиво и всегда можно было ждать их отпадения. Таким образом, деятельность первых оренбургских администраторов не внесла определенности в отношения между царской Россией и Казахскими Ордами. Подданство владельцев этих Орд было сомнительно и нетвердо.

ХИВА И КАЗАХИ в 40-х годах

События начала 40-х годов изменили положение Средней и Младшей Орд, и прежняя неопределенность их связей с царской Россией в значительной мере рассеялась. Особенно крупное значение имели два события: завоевание Средней Азии иранским шахом Надиром и новый нажим джунгарского хун-тайчжи на Казахские Орды. В 1738 г. хивинский хан Ильбарс совершил грабительский набег на Хорасан, входивший в состав владений шаха Ирана. Надир, возвратившись из Индии, решил наказать узбеков за их неоднократные нападения на Хорасан и в 1740 г. вторгся в Мавераннахр. Хан Бухары Абул-Феиз подчинился Надиру без сопротивления, но Ильбарс решил сопротивляться. В конце сентября 1740 г. войско Ильбарса было разбито при Чарджуе. Вторично Ильбарс потерпел поражение при крепости Ханках; здесь он был захвачен в плен и в ноябре казнен Надиром.

В то же время в Хиву выехал хан Абулхаир. В Хиву же отправились и русские офицеры, посланные к Сыр-дарье по просьбе того же Абулхаира. Глава этой экспедиции поручик Гладышев по прибытии в Хиву был тотчас же принят Абулхаиром. Положение последнего в Хиве было очень шатким. Остатки хивинского войска сдались при Ханках, и Надир каждый день мог появиться под Хивой. Абулхаир решил использовать русских офицеров, чтобы укрепить свое положение как хивинского хана. По его просьбе один из членов русской экспедиции отправился в лагерь к Надиру при Ханках и просил его не разрушать Хивы, как города, принявшего ханом русского подданного. Надир обещал Муравину не свергать Абулхаира, но потребовал, чтобы тот явился

в его лагерь. В то же время Абулхаиром было перехвачено письмо от узбеков Ханки, в котором они от имени Надира требовали, чтобы хивинцы не выпускали от себя хана до прибытия в Хиву персидского шаха. Абулхаир на основании этого письма понял, что приглашение его в лагерь шаха — ловушка. Он решил бежать из Хивы, где ханство его продолжалось всего 8—10 дней.

Но борьба за Хиву на этом не прекратилась. Разрушенная подступившими к городу войсками Надира, Хива должна была признать ханом ставленника шаха, султана Мухаммед-Тагир-хана, на правах валия, т. е. наместника шаха. Сам Надир удалился в Дагестан. Но положение Тагира в Хиве с первых же дней стало очень трудным. Хивинцы его ненавидели как ставленника Надира. В то же время на севере ханства аральцы не признали ханом Тагира и пригласили к себе в качестве хана сына Абулхаира, султана Нур-Али. Весной 1741 г. Нур-Али писал отцу о своем намерении итти на Хиву и убить Тагира. Действительно, летом 1741 г. Нур-Али осадил Хиву, взял ее, и Тагир со своими приверженцами был убит. Власть султанов фамилии Абулхаира снова распространилась на Хиву. Но Нур-Али надолго утвердиться в Хиве не удалось. При известии об убийстве своего валия Надир направил против Хивы своего сына Наср-Уллу-мирзу. Хивинские беки, до того поддерживавшие султана Нур-Али, изменили ему. Они явились в Мерв к Наср-Уллу-мирзе с повинной. Нур-Али, покинутый своими сообщниками, должен был бежать из Хивы.

Абулхаир, кочевавший в бытность Нур-Али хивинским ханом в хивинских владениях, к югу от Аму-дарьи, должен был спешно перекочевать на север, к Сыр-дарье. В Хиве Надир назначил ханом Абуль-Газы-Мухаммеда, сына хана Ильбарса, погибшего при Ханках в 1740 г. Таким образом, к 1741 г. в Хиве ханом снова укрепился представитель фамилии, с которой Абулхаир находился в долголетней вражде. Но и помимо этого, пока Хива оставалась в вассальной зависимости от иранского шаха (т. е. до 1747 г. — времени убийства Надира), Абулхаир не мог надеяться укрепиться там ханом.

НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ДЖУНГАРСКОГО ХУН-ТАЙЧЖИ. СРЕДНЯЯ ОРДА ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ ДЖУНГАРИИ

Неудачи среднеазиатских событий 1740—1741 гг., естественно, заставляли Абулхаира ориентироваться на Россию. Это было тем более необходимо, что со стороны Джунга-

рии снова нависла серьезная опасность. Не только нападение казахов на владения джунгарского хун-тайчжи, но и появление в кочевьях рода найман, т. е. в районах, смежных с Джунгарией, Карасакала в роли самозванного Шунабатыра толкали Галдан-Церена на враждебные действия против казахов.

В 1741 г. джунгарское войско вторглось в пределы Средней Орды и разгромило аулы хана Абулмамбета и султана Аблая. Сам Аблай был захвачен в плен. Бежавших казахов джунгары преследовали почти до самого Оренбурга, и только дипломатическое вмешательство оренбургского коменданта приостановило движение джунгар. Они отступили, объяснив оренбургскому коменданту, что им ничего не было известно о подданстве казахов России.

Но этим нападением борьба джунгар с казахами не ограничилась. В следующем, т. е. 1742 г., Галдан-Церен снова направил в Казахские Орды два отряда, требуя в своем письме на имя казахских ханов беспрекословного подчинения. Хан Абулмамбет и султан Барак приняли требования Галдан-Церена и, следовательно, встали к нему в отношение вассальной зависимости. Абулхаир этой зависимости избежал. Обещая на словах посланцам Галдан-Церена Бурке и Кашке исполнять требования их повелителя, он в то же время предложил им ехать в Оренбург, в надежде, что вмешательство оренбургской администрации избавит его от необходимости подчиниться хун-тайчжи.

В Оренбурге перед этим произошли изменения в составе администрации. Князь Урусов был в 1742 г. отозван и на его место назначен И. И. Неплюев — несомненно крупная фигура среди царских колонизаторов. Сторонник решительных действий против казахов, он умел сообразоваться с реальными возможностями и во-время прибегать к дипломатическим маневрам для достижения своих целей. С ним-то и столкнулись послы Галдан-Церена. Как и следовало ожидать, Неплюев заявил решительный протест против признания казахским ханом протектората хун-тайчжи. Неплюев заявил, что царское правительство не признает за Абулхаиром, как русским подданным, права самостоятельных сношений с иностранными монархами. После длительных переговоров Неплюеву удалось убедить послов ехать обратно.

Таким образом, и взаимоотношения с Джунгарией толкали Абулхаира на тесный союз с царским правительством. Его положение как подданного России с этого времени,

т. е. с начала 40-х годов, окончательно определилось. Наоборот, связь с Россией владельцев Средней Орды в результате их подданства джунгарскому хун-тайчжи значительно ослабевает, но не порывается.

Зависимость от Джунгарии делала положение султанов в Орде довольно жалким. Мы в этом отношении имеем ряд очень интересных показаний. Так, старшина Нияз, находившийся в ставке Галдан-Церена при казахских аманатах, писал в Среднюю Орду, «чтоб они, кайсаки, сами себя берегли и сожалели и больше б держались и благополучия снискивали от российской стороны, понеже де от зюнгорцев к ним, кайсакам, не только никакой чести не стало, но и утеснение усматривается». На опасения старшины Казбек-бия султан Барак отвечал, что «только и надежды есть как от российской стороны, и ежели б кочевье свое иметь уже по Яику, Оре и другим здешним рекам, где де не только утеснения, но и от зюнгорской стороны такой опасности им не будет».

Гнет Джунгарии был настолько велик, что казахские владельцы готовы были забыть и то стеснение их кочевий, которое создавалось постройкой русских укрепленных линий. Нет сомнения, что такие настроения были широко распространены среди казахской знати, и, вероятно, они помогли Абулхаиру преодолеть то сопротивление старшин, которое они оказали хану при его сближении с Неплюевым.

О значительном недовольстве ханом в 40-х годах старшин и общин, во главе которых они стояли, говорит ряд фактов. Английский купец, агент царского правительства, Гок, живший в аулах султана Батыра в 1742 г., доносил Неплюеву, что старшины, приезжая к хану, «Абулхаир-хана журят и бранят для чего он, хан, к России приближается и всегда подтверждают, чтобы он с юртами удалялся». О том же писал и прапорщик Муравин из степи. В беседе с ним Абулхаир говорил: что он хан «не токмо от владельцев, но и от подлости не малый стыд принял... и якобы ево подлые, как старшины, так и прочий народ объявляют ево, хана, себе разорителем, ибо де от России им, конечно, приведет великое беспокойство». Что сближение с Неплюевым может для него вызвать немало трудностей, сознавал и сам Абулхаир. За официальными изъявлениями верности царским властям это опасение иной раз проскальзывало довольно ясно. Муравин, долгое время проживший у Нур-Али султана, писал Неплюеву, что трудности внешнеполитического положения хана заставляли Абулхаира продолжать

искать сближения с царским правительством. Но Муравин писал не все. Ценным дополнением служат сведения, доставленные в 1742 г. купцом Гоком. Он писал, что в январе казахские старшины пришли к Батыр-султану и жаловались ему, что хан с ними уже не советуется, «за что они намерены ево покинуть и притти под дирекцию ево Батыр-султана». Это свидетельство Гока не единственное. Очевидно, что политика Абулхаира действительно приводила его к крупным осложнениям как с султанами, так и с старшинами.

Оппозиционные настроения у старшин в отношении к хану, несомненно, были, но все же в общем обстановка для хана в начале 40-х годов складывалась гораздо более благоприятно, чем для владельцев Средней Орды.

Подданство Джунгарии не укрепило их положения в казахском обществе, скорее уронило его. В качестве подданных джунгарского хун-тайчжи они обязаны были собирать в его пользу дань, по одному корсаку с кибитки.

Абулхаир от платежа ясака фактически был освобожден: царское правительство нашло в себе достаточно политического такта, чтобы не напоминать хану об его обещании вносить ясак. Наоборот, во внешнеполитических сношениях царское правительство дважды оказало хану крупные услуги: освободило от необходимости давать аманатов Галдан-Церену и поддержало в момент его столкновения с Надир-шахом. Нельзя сказать, чтобы царские власти наносили ущерб и авторитету хана. Наоборот, переписка, как с владетельной особой, торжественные приемы, устраиваемые ему, прием его послов в Петербурге — все это скорее способствовало поднятию авторитета хана в Орде, чем упадку его влияния.

ПОПЫТКИ АБУЛХАИРА ВОССТАНОВИТЬ ЕДИНСТВО КАЗАХСКОГО СОЮЗА

Влияние Абулхаира в 40-х годах в Младшей Орде значительно возросло. Он сумел очень хорошо воспользоваться упадком власти соперничавшей с ним феодальной фамилии Жадигов, чтобы укрепить свое влияние не только в Младшей, но и в Средней Орде. Ему удалось в поколении Кирей утвердить владельцем своего сына, Ер-Али, вместо сына Абулмамбета, Полата. Старшина Жанибек, которого казахи почитали не «ниже хана» и весьма основательно, — в его владения входили аулы поколений Аргын, Кирей,

Кипшак, Уак, из Младшей Орды часть Алчинского рода, — продолжал признавать над собой протекторат Абулхаир-хана. В Средней Орде небольшое владение имел и другой сын Абулхаир-хана, Нур-Али-султан. В вассальной зависимости от Абулхаир-хана оказались все северные кочевья Средней Орды. Один из влиятельнейших представителей Жадигов, султан Аблай, в это время находился в плену у Галдан-Церена (он освободился только в 1744 г.); султан Барак был оттеснен в крайний юго-восточный угол кочевий Средней Орды, т. е. в непосредственное соседство с Джунгарией, что увеличивало его зависимость от джунгарского хунтайчжи; Абулмамбет должен был удалиться в город Хазрет (Туркестан).

Таким образом, следует признать, что положение Абулхаира в начале 40-х годов действительно приближалось к положению старшего хана.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И. И. НЕПЛЮЕВА

Усиление хана Абулхаира столкнулось с интересами царской колониальной политики. Выразителем этих интересов явился оренбургский губернатор И. И. Неплюев (Оренбургская губерния была образована 15 марта 1744 г. и первым губернатором назначен И. И. Неплюев. Тем самым прекращалось существование Оренбургской комиссии).

Неплюев, как и Татищев, понимал беспочвенность в данный момент стремлений к захвату Сыр-дарьи и среднеазиатских ханств. Учитывая реальные силы царизма на границе степи, Неплюев первый ясно осознал цели колониальной политики на ближайшее время и наметил меры к их осуществлению. Использовать казахов в международных столкновениях и торговых интересах Российской империи, в то же время стремиться к всемерному ослаблению казахских владений для последующего политического порабощения Казахстана, — так могут быть определены цели колониальной политики, проводимой Неплюевым.

Лучшим средством к ослаблению казахских владений Неплюев считал проведение политики «баланса», сущность которой сводилась к тому, чтобы поддерживать различных владельцев в Казахских Ордах и в то же время не давать ни одному из них усилиться настолько, чтобы для него отпала необходимость искать поддержки царской администрации. Эту линию колониальной политики Неплюев проводил последовательно и неуклонно.

Он прежде всего стал стремиться к изоляции владений хана Абулхаира от народностей, обитавших в пределах России, и особенно от башкир. Опасность соединения этих двух народов в 40-х годах еще продолжала существовать. Чтобы добиться этой изоляции, Неплюев возвел на границе Башкирии и Казахских Орд линию крепостей и редутов, которая должна была препятствовать непосредственным сношениям между этими двумя народами. В то же время Неплюев стремился не допустить непосредственных сношений казахских и калмыцких владельцев. Комендантам крепостей было отдано распоряжение задерживать людей, посылаемых друг к другу казахскими и калмыцкими владельцами.

Сравнительно легко было изолировать Казахские Орды от непосредственных сношений с народами, обитающими в пределах Российской империи. Значительно труднее было изолировать казахов со стороны среднеазиатских ханств. Здесь можно было действовать только дипломатическим путем.

Между тем в 1746 г. снова возник вопрос о назначении Нур-Али ханом Хивы. Соответствующее приглашение Нур-Али получил от сына шаха Надира, письмо которого сохранилось в фондах Коллегии иностранных дел. Неплюев считал, что «при нынешнем хивинском состоянии ему, хану, или ево детям на тамошнем ханстве в сходство высочайших ея и. в. интересов признать невозможно». Была опасность, что, вступив в вассальные отношения к Ирану, Нур-Али изменит царскому правительству. В соответствии с такой установкой Неплюев всячески старался отговорить Нур-Али от принятия иранских предложений, но на его увещевания Нур-Али обратил мало внимания — слишком увлекательна была мысль снова стать ханом Хивы. Но когда Нур-Али уже собирался к отъезду, он получил от своей жены, остававшейся в Хиве, письмо, предупреждавшее его, что иранцы послали ему приглашение на ханство с целью заманить его в Хиву и убить. Нур-Али остался в Орде. Ханом Хивы стал Каип-султан, сын Батыра, врага Абулхаир-хана. И здесь владения хана Абулхаира оказались теперь в значительной мере изолированными, хотя это и произошло совсем не вследствие усилий оренбургского губернатора.

Интересно отметить, что Абулхаир для переговоров с Надир-шахом о торговле казахов с Хивой сам направил в Хиву султана Каипа. Такое известие сохранилось в

показаниях посланного в Орду переводчика Арапова. Было это в 1746 г.

В 1747 г. шах Надир был убит. Провозглашение Каипа ханом Хивы весьма значительно изменяло соотношение сил борющихся в Младшей Орде султанских группировок не в пользу Абулхаир-хана. Это очень скоро почувствовал его преемник, султан Нур-Али.

Абулхаир до 1746 г. не шел на разрыв с царскими властями, хотя, повидимому, он и начинал понимать, что значение «подданства» повернулось для него другой стороной. Если это подданство помогло ему в 30-х годах укрепить свое положение как старшего хана, то теперь политика «баланса» и изоляции, проводимая царской администрацией, приносила ему вред, так как подрывала его авторитет в Орде, нарочито подчеркивая его бессилие. Выжидательная позиция хана была обусловлена тем, что его владения по-прежнему оставались под угрозой удара со стороны Джунгарии. Но в 1746 г. Галдан-Церен умер. После его смерти в Джунгарии началась междоусобная феодальная борьба между его сыновьями, и Джунгария перестала быть опасным соседом. Это обстоятельство облегчало позиции Абулхаира в сношениях с царской администрацией.

РАЗРЫВ АБУЛХАИРА с И. И. НЕПЛЮЕВЫМ

Сравнительно мелкий повод повел к разрыву отношений между ханом и оренбургским губернатором. В 1746 г. Абулхаир обратился к Неплюеву с просьбой задержать в Оренбурге на меновом дворе 30 старшин—по 10 из каждой Орды, по указанию его, хана. Еще раньше, в 1742 г., Абулхаир обращался к Неплюеву с просьбой задержать на линии вождей враждебной ему феодальной группировки — речь шла об Абулмамбете и Бараке. Неплюев в этой просьбе хану отказал. Теперь хан повторил ее снова. Нет сомнения, что в случае исполнения его просьбы, он стал бы посредником в переговорах между старшинами всех трех Орд и оренбургской администрацией, а это в значительной степени увеличило бы его вес и влияние в Орде. Кроме того, ничто не мешало хану указывать именно на своих наиболее опасных противников и путем задержки на линии изолировать их от Орды. Именно так и посмотрел на дело Неплюев и отказал хану в его просьбе. Этот отказ повел к разрыву хана с губернатором.

Последствия разрыва оказались невыгодными как для

хана, так и для царской администрации, прежде всего в области торговли, а между тем в 40-х годах торговые связи со степью и среднеазиатскими ханствами играли огромную роль в колониальных интересах России. Пригон скота в Оренбург в 1746—1747 гг. резко сократился. В начале 1747 г. Неплюев доносил в Коллегию иностранных дел, что в 1746 г. «за известными Абулхаировыми поступками» приезда казахов в Оренбург на мену почти не было.

Но упала не только торговля со степью. Транзитные караванные пути в Хиву проходили через кочевья хана. Абулхаир закрыл эти пути и не пропускал караванов. Хивинские торговцы должны были итти в Оренбург обходным путем — через кочевья Средней Орды. Кроме реального ущерба, который терпела оренбургская торговля, разрыв с ханом ослабил и политическое влияние царского правительства в Орде. Попытки Неплюева сохранить это влияние путем непосредственных сношений со старшинами не удались. Старшины колебались. Колебания старшин и «простых» казахов, т. е. казахского народа, порождались тем, что и народные массы и значительное число старшин оставались врагами подданства царской России. Опорой для царской администрации в степи попрежнему являлась только группировка хана.

Однако в то же время старшины боялись последовать советам хана — откочевать в сторону Сыр-дарьи: по словам посланца Неплюева в Орду Арасланова, они «по учиненной аральцам обиде, как от них, так и от кара-калпак опасаются». «И тако, — заключал Арасланов, — и сами еще не знают, как им в кочевье своем основаться». Особенно опасным представлялось, что среди колеблющихся были и очень влиятельные старшины.

Стало известно о походе Абулхаира против кара-калпаков в целях захвата пастбищ для казахов.

При таких условиях Неплюев должен был признать, что его разрыв с ханом был ошибкой. Он предполагал ее исправить и возобновить сношения с Абулхаиром через посредство известного нам А. И. Тевкелева. Нужно было лишь выяснить настроение хана.

Но и хан должен был стремиться к скорейшему примирению с оренбургским губернатором. Попытки хана прервать торговые связи с Оренбургом не встретили сочувствия среди его ближайших вассалов, в частности, Жанибека и султана Нур-Али. Неплюеву писали, что многие киргиз-кайсацкие старшины, «все добросостоятельные люди

ево, ханские, беспутства довольно уже знают и тем ево в глаза поносят, попрекая, что он поступками своими народ развращает и приводит к бедствиям и погибели»; а некоторые из них настолько «озлобились, что уже убить ево намеряются».

Недовольство старшин ханом, как уже отмечалось, далеко не было всеобщим, но оно значительно пошатнуло положение хана в Орде. Вот почему он охотно шел на примирение с Неплюевым.

«КОМИССИЯ» А. И. ТЕВКЕЛЕВА 1748 г. И УБИЙСТВО ХАНА АБУЛХАИРА

Свидание Абулхаира с представителем русского правительства А. И. Тевкелевым состоялось в июле 1748 г. близ Орской крепости. Командируя Тевкелева в Орск, Коллегия иностранных дел в специальной инструкции поручала ему, во-первых, отвратить Абулхаир-хана и старшин от враждебных набегов и «в верности ея и. в. утвердить»; добиться возврата русских пленных; согласиться на замену султана Хожа-Ахмета султаном Чингизом в качестве аманата, но при этом постараться, чтобы вместе с Чингизом в аманаты были даны сыновья знатных старшин. Чингиз был побочным сыном хана и поэтому, по мнению Неплюева, ненадежным аманатом. Раньше Неплюев решительно возражал против кандидатуры Чингиза в аманаты. Наконец Тевкелеву поручалось «приласкать» Абулхаира к губернатору, т. е. добиться примирения между губернатором и ханом.

Эту миссию А. И. Тевкелев выполнил блестяще. Абулхаир-хан капитулировал по всем вопросам; он даже согласился вместо Чингиза дать в аманаты другого своего сына, султана Айчувака. К Айчуваку было придано в качестве аманатов несколько сыновей знатных старшин. Таким образом, и в вопросе о смене аманата царскому правительству удалось не сдать своих позиций. Хан сделал больше того, на что готово было согласиться петербургское правительство. Уступчивость хана нельзя объяснить его хорошими отношениями с А. И. Тевкелевым. Причины этой уступчивости показаны выше: хану нужно было примирение, чтобы восстановить доверие к себе своих вассалов. Прибавим лишь, что во внешней поддержке хан нуждался тем более, что сношения царского правительства непосредственно с султаном Бараком усиливали этого последнего;

другой соперник хана в борьбе за власть, султан Батыр, находил себе значительную поддержку, и материальную и моральную, у своего сына Каипа, хана Хивы. Примирение Абулхаира с царской администрацией привело к ликвидации назревавшего разрыва между ним и старшинами его группировки.

Когда хан уже прикочевал к Орской крепости, в его ставке состоялось собрание старшин, на котором порешили «во всем отдаться на волю Абулхаир-хана и просить ево, хана, к лучшему сысканию доброго способа дабы .старался». Приехавшие на другой день в ставку хана тарханы Жанибек и Бокенбай присоединились к решению старшин. На вторичном собрании произошло любопытное размежевание сфер влияния между ханом и Жанибеком: «Средней Орды дела исправлять положили на Жанибек-тархана», — рассказывал старшина Кобек, присутствовавший на этом собрании.

Такое решение не было умалением роли хана в Средней Орде — Жанибек признавал себя вассалом Абулхаира,— но оно определенно задевало интересы враждебной хану султанской группировки, влияние которой значительно возросло за годы разрыва хана с оренбургским губернатором, прежде всего наиболее влиятельных представителей этой группировки — султанов Барака и Батыра. Усиление хана считалось этими представителями казахской знати тем более опасным, что одновременно с примирением с царской администрацией Абулхаир предпринял шаги к сближению с джунгарским хун-тайчжи Цеван-Дорджи, за которого он успешно сосватал свою дочь. Этот шаг хана вызвал большое недовольство у царской администрации, но с точки зрения политики Абулхаира, стремившегося укрепить свое пошатнувшееся положение в Орде, он был совершенно естественным и политически целесообразным. В этой обстановке становится понятным обострение внутрифеодальной борьбы султанских группировок.

Султан Батыр сумел спровоцировать султана Барака на нападение на хана, распустив слух, что Абулхаиром разграблены посланцы, везшие от хана Каипа подарки Бараку. Во время нападения хана на кара-калпаков, против которых он отправился в начале августа 1748 г., т. е. вскоре после возвращения из Орской крепости, Абулхаир встретился с Баракасултаном, который предъявил притязания на имущество кара-калпаков. Во время происшедшего столкновения Абулхаир был убит Бараком.

РАСПАД ХАНСТВА АБУЛХАИРА

Со смертью хана Абулхаира заканчивается известная полоса исторического развития Казахстана. Из деятельности Абулхаира можно видеть, что он жил еще политическими представлениями и идеалами XVI — начала XVIII в. — времен великих ханов Касима, Хакк-Назара, Тауке, идеалами объединенного Казахского союза. Добиться положения старшего хана, поставить всех остальных владельцев в вассальную от себя зависимость — таковы политические цели деятельности хана Абулхаира. И мы видели, что ему в известной мере удалось осуществить свои политические стремления. Его положение в начале 40-х годов действительно приближалось к положению старшего хана. В вассальной зависимости от него находились значительная часть кочевий Средней Орды и почти все общины Младшей Орды. Это, конечно, ни в какой мере не было национальным объединением, — для такого объединения в Казахстане нехватало прежде всего экономической основы. Хозяйство казахов носило натуральный характер; обмен с Россией, Хивой и Китаем не нарушал еще натуральной производственной основы казахского общества. Объединение, достигнутое ханом Абулхаиром, было объединением на феодальной основе, на признании владельцами вассальной зависимости от хана; это, следовательно, было объединение типа «варварских королевств», какие возникали на ранней стадии феодального общества.

Однако не нужно переоценивать значение объединенного ханства Абулхаира. То, что идеал объединенного *на феодальной основе* ханства принадлежал прошлому, а не будущему истории казахского народа, — показывают не только те трудности, которые встречал Абулхаир в сопротивлении отдельных старшин и владельцев своей объединительной деятельности. Правда, попрежнему, как и в XVI в., за ханом признавалось право верховного распоряжения кочевьем, право на поддержку военную и материальную своих вассалов как во внутренних, так и во внешних столкновениях; к этому присоединялось право пожалования, т. е. предоставления сюзереном владений своим вассалам. Все эти характерные черты вассалитета в принципе признавались и в XVIII в. Так, хан Абулмамбет взял с собой своего сына Полата, чтобы назначить его владельцем в поколении Кирей. Ер-Али был владельцем в Средней Орде не по выбору, а по воле своего отца: про Ер-Али говорили, что он «не

своим владеет, а по отце ево». Султан Барак также прибегал к таким пожалованиям, он «всех в ево ведомстве состоящих улусных людей» разделил в «ведомство» знатным старшинам.

Вместе с этим власть владельца продолжала основываться на поддержке его вассалов. Зависимость хана от собрания старшин выступала в XVIII в. исключительно ясно. Именно здесь, в вопросе об отношениях хана и старшин, ярко проявились центробежные силы в политической жизни казахского общества. Если права, вытекающие из феодальных отношений, ханами XVI в. и ханом Тауке претворялись в жизнь, то хан Абулхаир далеко не всегда мог их осуществить. В развитии самих вассальных отношений проявлялся процесс распада политического объединения Казахского союза. Когда хан потребовал в 1747 г. перекочевки на Сырдарью, то многие старшины на это «не склонились» — перекочевка так и не была осуществлена. Далеко не всегда мог Абулхаир добиться военной поддержки от своих вассалов. Вспомним хотя бы, к примеру, посылку ханом в 1740 г. султана Нур-Али к аральцам для совместного выступления против Хивы. Старшины покинули султана, и он, оставшись один со своими толенгутами, должен был прекратить военные действия против Хивы.

Но все эти права, как и право на получение материальной поддержки, в принципе еще признавались. Их осуществление в действительности зависело от реальной силы хана или другого владельца, но этой силы теперь далеко не всегда хватало. Отсюда и стремление опереться на внешнюю силу для укрепления своего внутреннего положения — плохое средство, как это вскоре и обнаружилось в жизни казахского общества.

Таким образом, еще при жизни Абулхаира эти центробежные силы, ведшие к распаду Казахского союза на отдельные феодальные владения, были весьма значительны. Такие силы действовали, конечно, и в XVI и в XVII вв., но там они по временам преодолевались централистскими тенденциями в деятельности ханов. Эту линию проводил и хан Абулхаир и ему на этом пути удалось достигнуть, как мы видели, значительных результатов, но его трагическая смерть в августе 1748 г. положила, по существу, конец таким попыткам, целью которых было добиться феодального объединения всех трех Орд.

Действие центробежных тенденций оказалось исключительно сильным. Сейчас же после смерти Абулхаира поте-

рял свои владения в Средней Орде и султан Ер-Али; он должен был тайно, пробираясь русскими крепостями, бежать в Младшую Орду. В роде Кирей, где был владельцем Ер-Али, в 40-х годах укрепилось влияние и власть султана Аблая. Значительно возросло влияние султана Барака. Правда, после убийства Абулхаира он должен был бежать на границу Джунгарии. По феодальным обычаям вассалы хана должны были мстить его убийце, но ни один из них не оказал реальной поддержки султану Нур-Али. Позиция Жанибека совсем оказалась двуличной. Обещая поддержку хану, он в то же время завязывал сношения с султаном Бараком. Суд биев также не поддержал султана Нур-Али — этот суд оправдал Барака, освободив его тем самым от угрозы мести. Влияние Барака возросло на границе Старшей Орды, где ему подчинился ряд поколений этой Орды. Только отравление Барака джунгарским хун-тайчжи в 1751 г. положило конец усилению этого султана. Тархан Жанибек, правда, продолжал еще признавать вассальную зависимость от нового хана, Нур-Али. Однако эта зависимость была номинальной и совершенно порвалась со смертью Жанибека в 1751 г. Владения Средней Орды для поколения хана Абулхаира были навсегда потеряны.

Но и в Младшей Орде Нур-Али сумел сохранить далеко не все владения своего отца. Часть рода Шекты, наиболее влиятельного и многочисленного рода Младшей Орды, признала ханом султана Батыра. Положение Нур-Али оказалось настолько трудным, что он должен был покинуть старые кочевья своего отца в районе Сыр-дарьи и прикочевать к Яику. Даже его родные братья — в их числе Айчувак, получивший в середине 50-х годов владения в поколении Жети-ру, — стремились к независимости от хана. Другой же брат хана, Ер-Али-султан, владевший кочевьями в районе нижнего течения Сыр-дарьи, фактически был совершенно независим от Нур-Али. Принцип феодальной раздробленности окончательно восторжествовал в Казахстане со смертью Абулхаира.

В деятельности казахских ханов после Абулхаира уже не наблюдается тенденции, характерной для крупных ханов XVI—XVII вв., к образованию Казахского союза, объединенного под властью старшего хана. Правда, как мы увидим в дальнейшем, Нур-Али в 50-х годах еще мечтал о положении «старшего» хана, но он был бесконечно далек от осуществления своих мечтаний. Даже такой хан, как Аблай, положение которого приближалось к положению

старшего хана, в своей завоевательной политике совсем не руководствовался идеей объединения всех трех Орд. Эта идея только на мгновение промелькнула в его деятельности в конце 70-х годов.

ГЛАВА VIII

МЛАДШАЯ И СРЕДНЯЯ ОРДЫ в 50—70-х годах XVIII в.

ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ в XVIII в.

Подданство казахов России оказало не только большое влияние на политическую жизнь, но и на хозяйство казахского общества.

Основной отраслью производства оставалось кочевое скотоводство. Перекочевки совершались в определенном порядке. Для летних кочевий — джайляу — выбирали места, богатые водой и пастбищами. Уходили из низких заболоченных мест, где обилие оводов и комаров делало невозможным пребывание летом людей и скота. Для зимних кочевий — кстау — выбирались места, защищенные от зимних вьюг и буранов в камышах, котлованах, в лесных прогалинах. Каждый род хорошо знал районы своих кочевий. Летом кочевали всей совокупностью аулов, зимой каждый аул останавливался отдельно. Распоряжение районами кочевий находилось, как уже отмечалось, в руках старшин и султанов, и это право позволяло им пользоваться лучшими пастбищами. Зимой богатые семьи жили в юртах. Основание юрты заваливалось землей. В юрту же загонялся молодняк скота. Ночью, когда очаг в юрте погасал, дети согревались, забиваясь в кучу баранов. Бедные семьи строили на зиму землянки.

Зимой жизнь в степи замирала, не устраивалось ни съездов, ни празднеств. Зимой казахи редко посещали друг друга.

Жизнь пробуждалась с наступлением тепла. В марте обычно переходили на весенние кочевья. В мае собирались съезды старшин. При летних перекочевках оставались на одном месте, пока хватало корму для скота, но редко долее одной недели. В таких передвижениях часто отдалялись от зимних стоянок на сотни километров. Перекочевки продолжались и осенью. В это время года устраивались обычно семейные и общественные празднества, снова созывались собрания старшин. Темные ночи облегчали напа-

дения на караваны, на соседние народности. В это же время усиливались под видом бармты взаимные угоны скота. Осенью прибавлялись и хозяйственные заботы: нужно было делать запасы на зиму, чинить и делать новые кошмы для зимних юрт, которые покрывались двойным войлоком. С середины октября начиналось движение на зимние стоянки.

Скот круглый год находился на подножном корму; поэтому в суровые зимы от бескормицы погибало огромное количество скота. Особенно гибельны были джуты (по-казахски — жут), когда от наступившей оттепели и последующих морозов земля покрывалась коркой льда, которую лошади не могли пробить копытами. Под русским влиянием казахская знать пыталась делать заготовки сена на зиму, но в XVIII в. эти попытки не дали ощутительных результатов. Однако уже начинали складываться условия, которые позже, в XIX в., привели к кризису скотоводческое хозяйство казахов. В этой связи следует отметить прежде всего процесс стеснения кочевий казахов, на котором мы остановимся ниже.

В XVIII в. не наблюдалось сколько-нибудь заметного перехода к земледелию. Очаги земледельческой культуры существовали лишь в районе Сыр-дарьи и начинали появляться, но в весьма небольших размерах, в районе Урала.

Не изменился и характер ремесленной деятельности. У казахов сохранялось кузнечное производство. Попрежнему порох и пули делали сами. Все необходимое для оборудования юрты: деревянный остов (кереге), кошмы, ковры производили также сами. Производили и многие предметы одежды: войлочные шапки, шубы, армячину, которая шла на пошивку халатов, сапоги и пр. Обработка шерсти лежала на женщинах, они же варили мыло, дубили и красили кожу и овчины, делали бурдюки, из жил приготовляли пошивочную дратву; работы по дереву и кузнечные работы выполняли мужчины. Но ремесло не выделялось в самостоятельную отрасль хозяйства, а существовало как часть в системе многоотраслевого натурального хозяйства аула. Однако и здесь складывались предпосылки, которые в дальнейшем внесли в организацию производства существенные изменения (см. главу XIV). В этой связи необходимо отметить постепенное вовлечение казахов в товарный обмен.

В XVIII в. торговля с Казахстаном начала интенсивно развиваться. В ряде пограничных городов и укреплений были созданы меновые дворы, которые и стали служить

центрами торговли с кочевой степью. Такие дворы были созданы в Оренбурге, Орске, Троицке, Петропавловске, Семипалатинске. Кроме того, мелкая сатовка (мена) происходила почти повсеместно по линии; приказчики купцов выезжали также с товарами в степь, и обмен производился в аулах.

Значительно возросло транзитное значение Казахстана, так как через кочевья казахов проходили караванные пути из России в среднеазиатские ханства. Караванный путь шел из Оренбурга в Ташкент через Сабран и Туркестан. В южной своей части этот путь совпадал с караванной дорогой, которая шла в Бухару. Кроме того, Оренбург был связан с Хивой караванным путем, который шел через верховья Большой Хобды, Уила и по западному побережью Аральского моря через Кунград. Другой путь из Оренбурга огибал восточное побережье Аральского моря и через дельту Аму-дарьи шел в Хиву. С Хивой были также связаны караванными дорогами крепости Калмыкова, Сарайчиковская и полуостров Мангышлак, с Бухарой — Троицк, Орск и Петропавловск. Эти крепости были связаны также с Ташкентом. Из Омска шел караванный путь на Ташкент и далее на Бухару. Семипалатинск был связан караванными путями с Кульджей, Ташкентом, Самаркандом и Бухарой.

Из среднеазиатских ханств вывозили главным образом хлопчатобумажную пряжу, затем готовые бумажные и шелковые ткани, мерлушки, золото, серебро и драгоценные камни. У казахов выменивали скот, прежде всего баранов, мерлушки, продукты скотоводства, в частности, верблюжью шерсть, которая шла на русские суконные фабрики. Овечья шерсть в сыром виде почти не поступала на мену, но обменивалась в кошмах, потниках и прочих изделиях.

В казахские степи вывозились сукна, металл не в слитках, но только в изделиях, разнообразные мелочные товары (иглы, бубенцы, гребни и т. п.), меха сибирские, заграничные ткани и в большом количестве хлеб. В Оренбурге лучшие товары обменивались среднеазиатским купцам, а худшие — казахам. Кроме того, казахам часто обменивались товары, привозимые в Россию из Средней Азии, по преимуществу ткани и пошивки из них, причем источники нередко характеризуют эти товары, как «старые», «худые». Существенно отметить, что в Казахстан шли товары, произведенные в России из казахского сырья. К таким товарам относились армяки из верблюжьей шерсти, гребни, изделия из кожи, нередко выделанные меха. В пограничных городах

и селениях существовало немало мастерских по переработке казахского сырья. Например, казахские овчины выделывались «под лицо козла кожи» и в этом виде обменивались обратно казахам. Таким образом, еще в XVIII в. Казахстан начинал использоваться как сырьевая база российской промышленности. В 30-х годах XIX в. это стало открыто принятой программой экономической политики царского правительства. Таково было одно из последствий принятия российского подданства в народнохозяйственной жизни казахов.

Но отсюда было бы ошибочным делать вывод, что развитие обмена изменило в XVIII в. производственную основу казахского хозяйства: она продолжала оставаться натуральной. Обменивались излишки, причем в качестве агентов обмена начинала выступать казахская знать. Как обмениваемые продукты попадали в ее руки, мы увидим в дальнейшем, — во всяком случае, это были не только продукты, произведенные в собственном хозяйстве знати, но и доходы, полученные путем эксплоатации кочевого крестьянства (см. главу X).

Казахская знать, занимавшаяся торговлей, не перестраивала своего хозяйства на капиталистический лад, а попрежнему строила его на основе феодально-патриархальной эксплоатации (подробно об этом в главе XIV).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЛАДШЕЙ ОРДЫ

В политической истории Младшей Орды в 50—70-х годах XVIII в. совершенно ясно выступают две черты: рост местного партикуляризма и расширение колониальной зависимости Младшей Орды от царской России. Мы видели в предыдущей главе, насколько трудным было положение хана Нур-Али внутри Орды после смерти Абулхаира. Трудности внутреннего положения углублялись неблагоприятным для Нур-Али внешнеполитическим положением его ханства. Хива определенно враждебно относилась к Нур-Али и активно поддерживала враждебную ему группировку султана Батыра. Эта поддержка выражалась и в материальной помощи, которую хивинский хан Каип оказывал своему отцу путем посылки ему многочисленных подарков и, возможно, в вооруженной помощи.

Столкновения с кара-калпаками и туркменами значительно возросли и обострились в 60-х годах XVIII в. в связи с земельной теснотой у казахов, что не ускользнуло от внима-

ния и современников. Писарь хана Нур-Али доносил оренбургскому коменданту зимой 1762 г., что казахов «ниже Яицкого устья на взморье собралось в одном месте столько тесно, что почти кибитка с кибиткою, и говорят между собою, что ныне к ним милости нет и находятся яко отчаянные, а скота своего чрез Яик-реку перепустить не смеют». Около 20 тысяч казахов во главе с султаном Ер-Али и батыром Тетлем в союзе с казахами Средней Орды двинулись против кара-калпаков.

Борьба с кара-калпаками, находившимися в вассальной зависимости от Хивы, обостряла отношения и с Хивой. Но борьба с Хивинским ханством в 60-х годах порождалась и другими причинами. Когда кара-калпаки в следующем, 1763 г., ограбили и перебили ездивших к ним для торга казахов, убили и Бурю-султана, брата Каипа, недавно изгнанного из Хивы, — это вызвало набеги казахов на хивинские земли. Но хан Нур-Али держался в развертывающейся борьбе очень осторожно. Он послал к кара-калпакам своих нарочных с письмом, чтобы те возвратили все награбленное, грозя в противном случае «собравшись со всею силою иттить на них, кара-калпак, для искоренения их». Этим протестом хан и ограничился.

Столкновения с туркменами развернулись несколько позже, с 1766 г. Султаны Ер-Али и Ишим совершили в этом году набег на туркмен и разорили несколько волостей туркмен-йомудов. Хива, подданными которой считались йомуды, не могла им оказать помощи в виду внутренней слабости. Но уже в январе 1767 г. туркмены при поддержке узбекского войска нанесли поражение казахам. Особенно пострадали казахи рода Адай. В этом году в борьбе с туркменами принимал участие, помимо султанов Ишима и Ер-Али, и султан Айчувак, владелец поколения Жети-ру, кочевавший в непосредственной близости от русских границ. С февраля же этого года в борьбу с туркменами и Хивой был втянут и Нур-Али. Последний объяснял свое участие в борьбе тем, что хивинцы и туркмены «подъезжая на обыкновенные киргиз-кайсацкого народа нашего кочевья... злодейским образом некоторым киргиз-кайсакам вред, а тем самым и непристойный поступок сделали». Этот «непристойный поступок» выражался в уничтожении туркменами свыше 1000 казахов. Нур-Али просил оренбургского губернатора, князя Путятина, оказать поддержку присылкой легкой артиллерии. Этой поддержки он, разу-

меется, не получил, так как царское правительство совсем не было заинтересовано в усилении казахских владений.

Борьба с Хивой продолжалась до лета 1767 г., когда в связи с дворцовыми переворотами хивинская знать опять возобновила дипломатические сношения с казахскими султанами и ставила вопрос о приглашении одного из них ханом в Хиву. Действительно, в 1770 г. мы встречаем целый ряд султанов, родственников Нур-Али, ханами в Хиве, у туркмен и кара-калпаков: в Хиве стал ханом, по данным русских документов, сын Ер-Али Алым-султан; сын хана Пир-Али-султан стал ханом мангышлакских туркмен; брат Нур-Али Осек-Али-султан стал ханом у кара-калпаков.

Но мир на южных границах Младшей Орды продолжался недолго. Крупной роли ханы из среды казахских султанов в Хиве не играли, — они были марионетками в руках хивинской знати. В 1772 г. Алым-султан был с позором изгнан из Хивы. В Орде состоялся в связи с этим съезд старшин, на котором было постановлено «хивинцев на торг сюда ездящих и отсель возвращающихся грабить и порабощать, а зимою, сообщась с турхменцами, итти на тое Хиву войною и привести оную в разорение».

Что касается Джунгарии, то она в 50-х годах XVIII в. не представляла опасности для Младшей Орды: от этого государства, как и от Китая, Младшая Орда при хане Нур-Али была оторвана. На взаимоотношениях казахов с этими соседями остановимся ниже, когда будем говорить о Средней Орде.

Враждебные отношения складывались у Младшей Орды с волжскими калмыками. Причиной вражды были взаимные отгоны скота, особенно во время зимних перекочевок казахов на внутреннюю сторону, т. е. в степи между Уралом и Волгой. Эта борьба носила характер типичной бармты, которая принимала порой весьма крупные размеры и наносила хозяйству казахов заметный урон. Так, зимой 1759—1760 гг. калмыки отогнали у казахов, перешедших за Урал, не менее 40 000 лошадей. Несмотря на все усилия хана и старшин, удалось возвратить ничтожную часть, да и то главным образом молодняка, — ценные же лошади так и остались у калмыков.

Исключительно напряженные отношения сложились с середины 50-х годов между казахами Младшей Орды и башкирами. В 1755 г. в Башкирии вспыхнуло крупное восстание под руководством Батырши. Более 20 полков правительство двинуло против восставших, но и этого оказалось

недостаточно. Начальник края Неплюев прибег тогда к натравливанию одной народности на другую. Он призвал татарских мурз грабить башкир и брать себе в плен их жен и детей. Это позволило нанести ряд поражений повстанцам. Около 50 тысяч башкир было вынуждено уйти в казахские степи, в Младшую и Среднюю Орды. Их целью было соединиться с казахами и объединенными силами продолжать борьбу против колониального гнета. Действительно, осенью 1755 г. ряд смешанных отрядов, состоявших из казахов и башкир, нападал на укрепленную пограничную линию. Опасность совместных выступлений учел и Неплюев. Он обратился с письмами к казахской знати — хану Нур-Али, султанам Аблаю, Ер-Али, Айчуваку — с предложением возвратить бежавших башкир. Далее, когда он убедился, что его призыв встречает сочувствие казахской знати, он обратился с новым воззванием: попрежнему требуя возвращения бежавших взрослых мужчин в Россию, он предлагал в то же время казахским феодалам разграбить имущество башкир, а их жен и детей взять себе.

В Средней Орде эти воззвания не имели успеха, но в Младшей хан и его братья приступили к грабежу башкир, разлучали семьи, забирая себе в качестве пленников женщин и детей, но взрослых мужчин выдавали в Россию крайне неохотно. Борьба за обладание пленниками обострила борьбу и внутри Орды. Казахи поколения Жети-ру, принимавшие к себе бежавших башкир и даже совершавшие вместе с ними нападения на пограничную линию, препятствовали разграблению их имущества. Борьба происходила в аулах старшин Серке-батыра, Исет-тархана и Алла-Назара и велась с крайним ожесточением. Но хан и его братья все же захватили скрывшихся в аулах Жети-ру башкир и разделили их между собой и своими сторонниками.

Эти события не только предотвратили возможность союза между двумя народностями, но и породили между ними глубокую вражду, которая не затихала несколько десятилетий. Непосредственным проявлением этой ненависти являлись массовые нападения башкир, оставшихся или возвратившихся в Россию, на казахов. В самой Орде начались восстания башкир, превращаемых в рабов. Обстановка там сложилась настолько напряженная, что в одиночку казахи не рисковали показываться в степи: ездили целыми отрядами и всегда вооруженные. Царская администрация, продолжая политику натравливания одной народности на другую, первоначально приказала комендантам крепостей

пропускать башкир в казахские степи для грабежа казахов, а на жалобы хана, что администрация на линии пропускает башкир в степь, но не пропускает казахов для ответных нападений, Неплюев отвечал, что ему об этих фактах ничего не известно. Только тогда, когда эти нападения стали казаться опасными для охраны самой линии, Неплюев запретил пропуск башкир в казахские степи. Но нападения все же продолжались, и хан не мог оградить подчиненные ему аулы от этих внезапных и разорительных набегов.

УПАДОК ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В МЛАДШЕЙ ОРДЕ

Таково было внешнее положение ханства Нур-Али в 50-х годах. В 60-х годах оно осложнилось столкновениями с туркменами и кара-калпаками. Но и внутреннее положение хана было неустойчиво. В первые годы своего ханства он во внутриордынских отношениях продолжал придерживаться традиции прежних казахских ханов, в том числе и своего отца: осуществлять власть через поддержку и посредство старшин. Однако в условиях опасности со стороны султанов фамилии Жадига, соперничества Батыр-султана, колебания влиятельных старшин, часть которых, как мы знаем, признала ханом Батыр-султана, Нур-Али еще в большей степени, чем его отец, нуждался во внешней поддержке, тем более что и поддержка для него со стороны братьев была сомнительна. В условиях враждебных отношений с Хивой и Бухарой Нур-Али нужную ему внешнюю поддержку мог найти лишь со стороны царского правительства. Он даже заявил посланцу Неплюева переводчику Гуляеву, что не будет называться ханом, пока не получит утверждения в этом звании со стороны царских властей. Нужно отметить, что он искал у царского правительства утверждения не просто казахским ханом, а старшим ханом Казахских Орд. Значит, он жил еще политическими представлениями своего отца: мыслью о восстановлении союза Орд на основе вассальных отношений. Он достиг лишь укрепления вассальных отношений своих владений к царской России, но не достиг воссоздания на феодальной основе объединенного казахского ханства.

Опыт сношения с Казахскими Ордами за 20 лет рассеял иллюзии в Петербурге о возможности подчинить Казахские Орды через вассальные отношения одного из владельцев. Коллегия иностранных дел по совету И. И. Неплюева отказалась от утверждения Нур-Али старшим ханом: это не

дало бы никаких преимуществ царскому правительству, но могло восстановить против России могущественных владельцев Средней Орды — Аблая и до 1751 г. Барака. В то же время не следовало обижать и Нур-Али: желание его опереться на царские власти не вызывало сомнений, в то время как позиции султанов фамилии Жадига (Аблая, Батыра, Барака) были крайне неопределенны. Коллегия иностранных дел в своей грамоте на утверждение Нур-Али ханом дипломатично решила назвать его просто ханом казахским, но не ханом Младшей и Средней Орд, как он просил.

Фактически же Нур-Али не был даже ханом и Младшей Орды, а лишь одной ее части, кочевавшей между Эмбой и Яиком, т. е. в поколениях, по преимуществу, Бай-улы и Жети-ру. Влияние же на подавляющую часть поколения Алим-улы, наиболее сильного и многочисленного, ускользало из рук хана. Бесплодность попыток добиться положения старшего хана была осознана и самим Нур-Али; если в начале 50-х годов он еще активно стремится к этому званию, то этот мотив совершенно отсутствует в его переписке уже с середины 50-х годов. Он фактически был одним из казахских ханов и помирился с таким положением.

Слабость нового хана и позволила царскому правительству поставить его в полную от себя зависимость, превратить его в своего агента в степи. Но опора хана на царскую администрацию уже в 50-х годах создала для Нур-Али многочисленные трудности внутри Орды и в конце концов привела его к разрыву со старшинами.

ВОПРОС О ПЕРЕКОЧЕВКЕ НА «ВНУТРЕННЮЮ СТОРОНУ»

Конфликт со старшинами в 50-х годах наметился из-за бессилия хана разрешить два вопроса: о праве перегона казахами скота на «внутреннюю сторону» в зимнее время и о возврате из России бежавших из Орды рабов. Особенно остро стоял первый вопрос. В 1756 г. был издан царским правительством указ, запрещавший казахам в зимнее время перегонять свой скот на правый берег реки Урала. Указ мотивировался тем, что между казахами и калмыками при таких перегонах усиливаются столкновения и взаимный угон скота, порождающий в дальнейшем бесчисленные ответные бармты. Но, по существу, в этом постановлении проявилась определенная линия колониальной политики царизма на Востоке: обезземеливать кочевые народы, загонять их, по

выражению тов. Сталина, «в бесплодные пустыни». Впоследствии, в XX в., в Казахстане эта линия диктовалась стремлением «расчистки» земель для кулацких колонизаторских элементов. В XVIII в. преследовалась другая цель: экономически обессилить казахов и в то же время изолировать их от калмыцких кочевий. Зимовки между Уралом и Волгой были жизненно необходимы для казахов: за лето трава на левом берегу Урала вытаптывалась скотом; там не было и защищенных мест — кустарников, камыша, леса, пользование которыми могло бы уменьшить потери скота во время зимних вьюг и буранов. Запрещение кочевать на «внутренней стороне» для многих аулов означало огромные потери в основном богатстве казахов — в скоте.

В то же время стеснение кочевий обострило борьбу за пастбища. Понятно, что при распоряжении пастбищами знатью от потери земель страдали прежде всего трудящиеся казахи; но при общинной собственности на землю, при общем недостатке зимних пастбищ значительно страдало и хозяйство старшин и даже султанов. Требование предоставления права перегонять скот на зиму на «внутреннюю сторону» сделалось всеобщим.

Местная администрация в лице П. Рычкова и А. Тевкелева понимала необходимость итти в этом вопросе навстречу казахам. Тот и другой принадлежали к тем проводникам царской колониальной политики в Казахстане, которые считали, что легче и скорее всего можно будет добиться подчинения Орд путем привлечения на свою сторону казахской знати. Для этого нужно было итти на известные ей уступки. Исходя из этих соображений, Тевкелев и Рычков, которые почти два года после отозвания И. И. Неплюева из Оренбурга в 1758 г. правили Оренбургской губернией, смотрели сквозь пальцы на перегон казахского скота.

Указ 1756 г. стал неуклонно проводиться в жизнь с 1759 г., когда оренбургским губернатором был назначен А. Р. Давыдов, который считал, что нет лучшего способа управиться с казахами, «как резать их». Никаких уступок казахам, беспощадное подавление всяких попыток к сопротивлению — так коротко может быть характеризована политика Давыдова в отношении казахов.

Все обращения Нур-Али к оренбургской администрации окончились безрезультатно. Давыдов предлагал хану зимой кочевать по Эмбе. В переписке, которая тянулась все 60-е годы, с исключительной ясностью проявилось не только нежелание царской администрации итти навстречу нуждам

казахов, но и непонимание этих нужд. Давыдов отвечал Нур-Али одно: при хане Абулхаире казахи не домогались права кочевать на «внутренней стороне», значит, и сейчас эти кочевья не являются для них необходимыми.

Вопрос о праве перекочевок на зимнее время за Урал доходил до Екатерины II. Она еще более просто посмотрела на дело. С изумительным легкомыслием она писала канцлеру: «Мне кажется легко можно ответствовать киргиз-кайсацкому хану на его домогательства о дозволении перейти со своим скотом Яик. Он признается за подданного России, следовательно, он послушен будет и не пойдет со своим скотом, где им заказано, понеже всякой российский подданный не смеет переходить, где ему не позволено. А есть ли у них корму для скота недовольно, то [пусть] покупают за деньги или выменяют на товар, или запасаются на зиму, что им и советуется делать».

Безрезультатность переговоров с царской администрацией по вопросу о перекочевках, большие потери в скоте при попытках нарушить запрещение перегонять скот за Яик (так, зимой 1759 г. казахи потеряли не менее 40 000 голов скота, захваченного калмыками) заставили казахов искать другого выхода. Попытки оказать давление на царскую администрацию путем задержания в степи караванов, следующих из Бухары и Хивы в Оренбург, не дали заметных результатов. Такие попытки, сделанные султаном Ер-Али в 1761 г., еще более обострили отношения с царской администрацией и в то же время задержали отправку новых караванов в Россию из городов Средней Азии.

Снова встал остро вопрос о перемене районов кочевок. Естественно, что султаны и старшины стали думать об использовании огромных освободившихся пастбищ Джунгарии. Но эти земли теперь находились в распоряжении Китая. Поэтому в год разгрома Джунгарии Китаем, т. е. еще в 1758 г., завязались сношения хана Нур-Али с китайскими властями через посредство султанов Ер-Али и Аблая. Эти сношения беспокоили царскую администрацию, и из Петербурга рекомендовали сибирским властям подстрекать казахов к нападениям на китайские кордоны «якобы своевольством», чтобы тем самым создавать конфликты между Китаем и казахскими владельцами. Сношения казахской знати с Китаем продолжались и в 1764 г., хотя сами султаны через писаря султана Айчувака отрицали в Оренбурге эти сношения. Практических результатов эти сношения

не дали и нисколько не облегчили нужды казахов в пастбищах.

В связи с земельной теснотой часть казахских общин перекочевала на юг, в сторону Сыр-дарьи и Эмбы. К этой перекочевке старшины усиленно принуждали и хана. Хан колебался. С одной стороны, он считал, что «самому одному от них остаться и быть здесь не у чего и несходно», но в то же время он боялся и разрыва с царской администрацией. Царские власти всячески стремились предотвратить массовый уход казахов от границ России, который грозил ослабить пограничную торговлю и сделать транзитные караванные пути еще более необеспеченными, так как откочевка казахских владельцев от линии делала невозможным использование их для охраны караванов. Кроме того, это усилило бы среднеазиатские ханства, что совсем не входило в расчеты царизма. Вот почему царские власти всячески стремились отклонить хана от ухода от линии. Но не эти уговоры, а трудности найти свободные земли на юге помешали массовой откочевке казахов от русских границ.

Однако частичное передвижение казахских общин к югу все же произошло. Это столкнуло казахов с каракалпаками, кочевавшими по нижнему и среднему течению Сыр-дарьи, и туркменами, кочевавшими за Эмбой. Об этих столкновениях мы говорили выше.

Таким образом, не только отсутствие свободных, удобных кочевий на южных границах Младшей Орды, но и напряженное политическое положение не позволяли расширяться в этом направлении кочевьям казахов.

ВОПРОС О БЕЖАВШИХ КУЛАХ

Вторым вопросом, который породил упорную и длительную переписку казахской знати с царской администрацией, был вопрос о выдаче обратно в Орду бежавших в Россию кулов. После того, как в 40-х годах XVIII в. кочевья Младшей Орды приблизились к границам России, из Орды стало убегать в Россию огромное количество казахских рабов. Царское правительство в вопросе о выдаче этих рабов обратно в степь придерживалось следующего положения: если убегал раб, принадлежащий к одной из народностей, подданных России, то этот раб не выдавался обратно ни при каких обстоятельствах; если раб принадлежал к другим народностям, т. е. не входящим в состав подданных Россий-

ской империи, например, к кара-калпакам, персам и т. д.; то он выдавался только тогда, когда не соглашался принять православие. Если же он соглашался принять господствующее в России вероисповедание, то он также не выдавался обратно. Разумеется, подавляющее число бежавших рабов принимало православие, и поэтому процент выдаваемых обратно рабов был совершенно ничтожен. Вся переписка казахской знати с царской администрацией наполнена требованиями обратной выдачи бежавших кулов. Эта тема в переписке занимала не меньше места, чем тема о перегоне скота на «внутреннюю сторону».

Но царское правительство и по вопросу о выдаче кулов не шло на уступки. Единственно, на что оно согласилось, — это оповестить в Орде, что бежавшие кулы будут вербоваться в рекруты. Но это предупреждение не приостановило бегства. Бежавшие рабы использовались в России для заселения пустовавших земель на востоке, на земляных работах, а главное, отдавались в услужение частным лицам.

ВЛИЯНИЕ СТЕСНЕНИЯ КОЧЕВИЙ И ЗАДЕРЖКИ РАБОВ НА НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Таковы были те явления, которые ускоряли процесс закабаления общины казахской знатью. При отсутствии в казахском народном хозяйстве общественного разделения труда, там не могло развиться товарное производство и, следовательно, капиталистические методы эксплоатации. Значительные размеры, которые приняло бегство рабов, ограничивали возможности применения рабского труда в хозяйстве знати.

Георги заметил эту связь между наступлением знати на общину и невозможностью удовлетворить потребности крупного хозяйства в труде рабов. Он указывает, что к своеобразной барщине знать прибегает потому, что «не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников». В то же время ослабление общины, вызванное недостатком пастбищ, облегчало для знати ее закабаление.

Как уже отмечалось выше, от ограничения кочевий страдали главным образом трудящиеся казахи, кочевое крестьянство. От недостатка пастбищ погибал прежде всего их скот. Так происходило потому, что распоряжение пастбищами позволяло старшинам и султанам сохранить удобные пастбища в своих руках. Разорение бедноты и помогло

казахской знати прибегать к своеобразной отработочной системе, которую описал Георги. «Богатые, — пишет он, — наделяют скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотиной своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает это благодатию и разделяет по бедным знатное число скота. Ежели же по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям, лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему толикое же число или еще с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало затем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как бы вечными».

Ленин указывал, что «виды отработков чрезвычайно разнообразны».[1] То, что описывает Георги, стоит всего ближе к тому виду отработков, когда «крестьяне берут в долг хлеб или деньги, обязываясь отработать либо весь долг, либо проценты по долгу»,[2] измененному условиями кочевого хозяйства и пережитками патриархально-родового быта в виде «родственной помощи» — сауна.

ХАН НУР-АЛИ И ЦАРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Выше было отмечено, что положение хана Нур-Али внутри Орды было неустойчиво в силу соперничества султана Батыра и сепаратизма его братьев. Бессилие хана разрешить два последние вопроса, в одном из которых — праве перекочевок — были заинтересованы не только старшины, но и широкие народные массы, — совершенно уронило авторитет хана в Орде. Его и без того некрепкая власть пришла в глубокий упадок. Большой моральный удар авторитету хана нанес на первый взгляд мелкий инцидент в степи. В 50-х и особенно 60-х годах в степи стали все чаще появляться русские разведывательные партии по розыску рудных богатств. В сентябре 1760 г. башкирами разведывательной партии Тимашева были убиты в степи султан Мамбет-Али, племянник хана, и двадцать знатных казахских старшин родов Ожрай, Кипчак, Шекты и Тама. Они возвращались из Оренбурга, где находились в качестве послов хана. Негодование, вызванное этим убийством, было настолько велико, что правительство должно было принять меры к выяснению виновных и, чтобы хотя несколько смягчить возмущение, выдать в Орду пленных казахов.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 144.
[2] Там же.

Но казахи были убеждены, что убийство совершено с ведома оренбургской администрации. Какой же это хан, который не может даже защитить своего собственного родственника и подчиняется власти, виновной в убийстве султана! — так можно было бы выразить отношение к хану, сложившееся после убийства Мамбет-Али. Действительно, в то время как султан Айчувак собрал около 10 000 человек, чтобы двинуться на разорение линии, Нур-Али ограничился одной перепиской с губернатором. Если в 40-х годах Неплюев опасался дальнейшего усиления влияния хана Абулхаира, то теперь приходилось заботиться не об упадке, а о поднятии авторитета хана в Орде, потому что только через его посредство можно было рассчитывать укрепить влияние царизма внутри Орды.

Губернатор Давыдов, при котором отношения с казахской знатью крайне обострились, что отразилось и на торговле — приход караванов резко сократился, — был отозван из Оренбурга в 1763 г., и на его место назначен Д. В. Волков, сторонник «мирного завоевания» степи, понимавший необходимость в интересах царизма поддерживать власть хана. Более того, учитывая враждебность многих старшин к царизму, он считал необходимым поднять авторитет русской власти в Орде путем тщательного воспитания содержавшихся в Оренбурге аманатов, с целью превратить их в агентов царизма в степи. Далее он считал, что усиливать влияние России в степи следует путем развития торговли с казахами и приучения их к земледелию.

Он не ограничился одними проектами. В октябре 1763 г. состоялось свидание между ним, ханом Нур-Али и султаном Айчуваком. Здесь был заключен договор между губернатором и ханом, содержание которого сводилось к четырем пунктам: 1. Хан брал на себя охрану караванов, идущих из Оренбурга и в Оренбург, и ответственность за их безопасность. 2. Оренбургская администрация должна была заблаговременно извещать хана о всех караванах, движение которых было ей известно. 3. Хан должен был давать сведения о месте его кочевок, чтобы его могли предупредить о движении караванов. 4. Хан обязан был снабжать караваны надежными провожатыми.

Косвенно этот договор подтверждал и обещание, данное И. И. Неплюевым Нур-Али еще в 1749 г., — содействовать тому, чтобы караваны проходили через кочевья хана — это было важно, потому что при проходе караванов хан взимал с них пошлину. Теперь хан брал ответственность за со-

хранность только тех караванов, которые будут ходить под его охраной, — ничто не мешало ему направить эти караваны через свои кочевья, так как только при этом условии он мог гарантировать их сохранность.

Заключив с ханом договор, Волков также обратился с письмом к султанам Ер-Али и Дос-Али с просьбой содействовать безопасному движению караванов.

Все эти меры не принесли никаких практических результатов; власть хана была подорвана, и, кроме того, многие нападения на караваны зависели не от взаимоотношений казахской знати с оренбургской администрацией, а от взаимоотношений казахов и Хивы. Например, хивинские караваны в 1763 г. были разграблены казахами потому, что сами казахи, ехавшие на торг в Хиву, были дважды разграблены кара-калпаками и туркменами, жившими в пределах Хивинского ханства.

Все же попытка Волкова могла бы дать в конце концов положительные результаты для укрепления власти хана в Орде. Но Волков был отозван из Оренбурга уже в 1764 г. После него царская администрация снова вернулась к политике репрессий. В качестве репрессивных мер против казахов, заподозренных в нападении на линию или на караваны, применялся захват приезжавших на линию казахов и так называемая пограничная бармта, т. е. нападения русских пограничных отрядов на казахские аулы. Но ни та, ни другая мера не могли достичь цели: захватывались казахи без разбора и обычно родов, совсем непричастных к нападениям на линию; нападению же русских отрядов подвергались аулы, кочевавшие вблизи линии, которые, как правило, не принимали участия ни в набегах, ни в грабеже караванов. В этом бывали замешаны казахи отдаленных аулов, которые в силу своей отдаленности находились в безопасности от русских отрядов.

Бармты устраивались в степь по всякому мелкому предлогу, и нередко нападения казахов на пограничную линию, которые служили основанием для организации бармты, измышлялись или крайне преувеличивались местной администрацией. Бармта превращалась в одну из форм колониального грабежа; такую оценку вынуждена была дать ей впоследствии и царская администрация. Оренбургский военный губернатор, Бахметев, писал в 1799 г., оглядываясь на деятельность своих предшественников, что эта бармта «позволяла составлять состояния», и правительство должно

было ее в конце концов запретить именно по той причине, что от нее страдали, в первую очередь, невинные и даже преданные России казахи.

Бармта была распространена не на всем протяжении линии: она применялась главным образом по нижнему течению реки Урала, т. е. в пограничных землях Уральского войска; организаторами ее являлись по преимуществу старшины Уральского войска.

Пограничная бармта, как и ограничение районов зимних кочевок, били не только по интересам казахской знати, но задевали и жизненные интересы массы казахского народа. Результатом такой политики был рост ненависти казахов к русским: казахи видели русских только в лице купцов, царской администрации да разорявших их отрядов. Русского народа казахи не знали, русские для них олицетворялись в агентах царизма.

Хан и султаны его фамилии продолжали придерживаться союза с царской администрацией. Другого выбора у хана не было: выше было указано, как было шатко его положение внутри Орды и насколько он был изолирован во внешнеполитическом отношении. Оттесненный от Сыр-дарьи кочевьями Батыр-султана и Дос-Али-султана, он, естественно, должен был жаться к пограничной линии, — значит, и в смысле кочевий он зависел от царизма. Насколько мало он доверял старшинам, показывает его просьба о построении ему крепости близ Яика и предоставлении русского полка, который постоянно находился бы в его ставке. На своих вассалов он уже не рассчитывал.

Правда, этот назревавший разрыв хана и старшин подрывал и тот союз, на котором строилась система феодальной эксплоатации трудящихся казахов. Поэтому у старшин нарастало стремление иметь другого хана, которое проявилось позже, во время движения батыра Срыма.

Что касается самого хана Нур-Али, то упадок своей власти в Орде вследствие разрыва со старшинами он стремился восполнить усилением союза с царской администрацией. Складывались предпосылки для нового союза, давившего на народные массы: ханской фамилии и царизма. На базе этого союза, окончательно определившегося в 70-х годах, после подавления восстания Пугачева в России, в котором активное участие приняли и казахи, — складывалась система эксплоатации, которую правильнее всего было бы назвать феодально-колониальной.

БЕГСТВО КАЛМЫКОВ ИЗ РОССИИ

Таким образом, сохранение ханом политического господства в Орде к концу 60-х годов требовало укрепления тесного союза с царской администрацией. Хан по мере сил и стремился выполнить ее требования: и по розыску пленных, захваченных на линии, и товара, разграбленного в степи. Правда, ему все это мало удавалось, но нет никаких оснований сомневаться в старании хана выполнять поручения царской администрации. Особенно ярко роль хана как агента царизма в степи проявилась в 1771 г. В феврале этого года калмыки-торгоуты, кочевавшие в приволжских степях, в своей основной массе, спасаясь от гнета царизма, поднялись, под предводительством тайцзи Убаши, прорвались через укрепленную линию и ушли в степь с целью поселиться на землях Джунгарии. Отряды царских войск не могли не только остановить это бегство целого народа, но и догнать его в степи.

Царская администрация обратилась тогда к хану Нур-Али с просьбой остановить бегство калмыков и вернуть их в Россию. Хан и его братья Айчувак и Ер-Али приняли весьма активное участие в борьбе с бежавшими калмыками. Они, конечно, преследовали и свои цели: наживы и захвата пленных. Однако русские конфиденты в степи определенно доносили в Оренбург, что хан не только грабил калмыков, но в своих переговорах с Убаши отклонял его просьбы о мире, даже отклонил его согласие поселиться в степи под властью хана и требовал возвращения калмыков в Россию.

Калмыки не могли оказать серьезное сопротивление казахам: холода, отсутствие корма в степи повели к массовой гибели скота. Шли очень медленно: бедные пешком, у богатых лошади также были истощены, продвигались верст 10 в день, оставляя по пути имущество, скот и обессиленных людей. Народные массы казахов и часть старшин были против этого грабежа; они прямо говорили, что хан действует в интересах царской администрации, а казахам лучше «жить с калмыками в миру». Только незначительная часть калмыков могла добраться до кочевий Средней Орды и еще меньше дошло до Джунгарских земель.

СРЕДНЯЯ ОРДА И ДЖУНГАРИЯ

В политическом отношении жизнь Средней Орды протекала обособленно от Младшей. Российскому самодержавию не так скоро и не так легко, как это имело место в

отношении владений Абулхаир-хана, удалось подчинить себе Среднюю Орду. Основная причина слабости позиций царизма в отношении Средней Орды заключалась в сложной международной обстановке, в какой находилась эта Орда. Вторая причина заключалась в политическом объединении Средней Орды при хане Аблае, что значительно увеличивало силу ее сопротивления наступлению царизма. Познакомимся прежде всего с международным положением Средней Орды.

На востоке владения этой Орды граничили с Джунгарией, которая, как уже отмечалось выше, после смерти Галдан-Церена (1746 г.) переживала глубокий политический кризис. После его смерти власть перешла к его сыну Цеван-Дорджи. Сумасбродный и жестокий, он по простым наущениям льстецов предавал смерти тайцзи, свою сестру подверг заточению. Недовольство ойротских тайцзи прекрасно использовал побочный брат хун-тайчжи, Лама-Дорджи. В союзе с обиженным мужем заключенной сестры хун-тайчжи он убил в 1750 г. Цеван-Дорджи и стал главой Джунгарии.

Но был еще один претендент на звание хун-тайчжи, Амурсана, приходившийся племянником Галдан-Церену. В Джунгарии наступили годы непрерывной междоусобной борьбы. Амурсана не имел права на престол, но он его добивался окольными путями, действуя от имени более правомочного претендента на звание хун-тайчжи, Даваци. Заговор был открыт Лама-Дорджи, и Амурсане вместе с Даваци пришлось бежать в казахскую Среднюю Орду, в Уак-Керейское поколение, где они провели более года, пользуясь покровительством и поддержкой султана Аблая. Но в то же время Аблай послал старшин к Лама-Дорджи с уверением, что Даваци прибыл в Орду сам, что никто из казахов не хочет за него вступать в борьбу с Джунгарией, и просил не иметь подозрения ни на него, Аблая, ни на других казахских владельцев. Однако Лама-Дорджи не придал большого значения уверениям Аблая и потребовал выдачи беглецов. Аблай, для которого распри в Джунгарии были выгодны, не решился, однако, без согласия других султанов и старшин итти на разрыв с джунгарским хун-тайчжи. Поэтому он созвал съезд старшин и султанов всех трех Орд. Съезд состоялся на урочище Улу-тау в 1752 г. На съезде обнаружились резкие разногласия в среде старшин. Аблай настаивал на отказе в выдаче Даваци. Собрание решило не выдавать беглецов и мотивировало это тем, что отказ

в покровительстве беглецам противоречит казахским обычаям. Из предосторожности казахи откочевали на запад.

Раздраженный отказом в выдаче Даваци и приготовлениями Аблая к походу, Лама-Дорджи сам напал на кочевья Средней Орды; аулы поколений Керей и Найман были разорены, отогнано много скота и захвачено 3000 пленных. Этот разгром породил панику среди казахов, которые начали откочевывать к русской границе.

Царское правительство сделало попытку воспользоваться трудным положением Даваци и обратилось к нему с предложением отдаться под покровительство России. Но это предложение встретило решительное сопротивление Аблая, который справедливо считал, что отъезд Даваци в Оренбург лишит его всякого влияния на дела Джунгарии. Аблай начал спешно готовиться к походу против Лама-Дорджи и весной 1753 г. выступил в поход. О нем долго не было никаких сведений. Тревожное настроение в Орде нарастало. Старшины Аталайского рода приехали в Троицк и просили царскую администрацию пропустить их за линию и предоставить кочевья в пределах России с тем, чтобы эти кочевья были закреплены за каждым родом и не переходили из одного рода в другой.

Но напряженное положение на границах Джунгарии разрешилось весной же 1753 г. совершенно неожиданно. Даваци с небольшим отрядом вторгся в пределы Джунгарии и при поддержке илийских лам напал на ставку Лама-Дорджи и убил его. Хун-тайчжи стал Даваци. Но справедливо подозревая Амурсану в стремлении самому стать главой Джунгарии, Даваци удалил его от себя. Тогда Амурсана в союзе с казахами султана Аблая поднял в 1754 г. восстание против Даваци, но неудачно: он должен был уйти в Китай и просить покровительства китайского императора Тян-луна. Так же поступил и султан Аблай, поддерживавший Амурсану. Когда к нему явились офицеры императорской гвардии, Аблай беспрекословно подчинился Китаю. Амурсана сумел получить вооруженную поддержку от Китая под предлогом подавления продолжающихся восстаний в Джунгарии. Эта поддержка была оказана Амурсане в расчете на то, чтобы, воспользовавшись междоусобной борьбой в Джунгарии, расчленить ее на четыре части, по числу калмыцких племен, и тем поставить в полную зависимость от Китая.

В 1755 г. две китайские армии были двинуты в Джунгарию; при одной из них в качестве помощника командую-

щего находился Амурсана. Даваци был разбит, предательски захвачен в плен и выдан победителям. Но после этого неизбежно наступил разрыв между китайским правительством и Амурсаной, стремившимся не к расчленению Джунгарии, а к захвату в ней власти. В начале 1756 г. началась борьба между Китаем и Амурсаной. В Джунгарию снова были двинуты китайские войска. Не рассчитывая на успех в этой борьбе, Амурсана бежал в Среднюю Орду, к султану Аблаю. Аблай его принял как перед тем Даваци. Тогда китайские армии вторглись в пределы Средней Орды. Дважды казахи были разбиты, но Амурсана захвачен не был. Вторичное поражение заметно подорвало силы казахов Аблай бежал, преследуемый китайскими войсками. Он решил покориться и с этой целью направил послов к командующему китайской армией. Ему было отвечено письмом следующего содержания: «император повелел нам уничтожить мятежников, а так как вы поддерживали их, то следовательно и вас надо было бы умертвить; однако же, если вам удастся захватить Амурсану и выдать его нам, вы можете стать подданными нашего повелителя». Но Аблаю не удалось захватить Амурсану, тот бежал в Джунгарию и еще около года скрывался там от преследования китайских отрядов.

В 1757 г. Амурсана, преследуемый китайскими войсками, снова должен был бежать в Среднюю Орду. На этот раз Аблай не оказал ему поддержки. Он решительно встал на путь сближения с Китаем, которое приняло характер подданства Аблая китайскому императору. «Лишь теперь, — писал Аблай в своем письме на имя китайского маршала, — мы начали получать повеления императора, удостоившего изливать свои благодеяния на наши Орды, обитающие на крайних рубежах его империи; я и мои подданные не находят слов для выражения своей радости и ликования. Мы ничему так не удивляемся, как могуществу императора. Я, Аблай, и все казахи, составляющие мою Орду, горячо желаем воспринять китайскую цивилизацию и стать навеки подданными Срединной Империи». Подданство Аблая было принято.

ОТНОШЕНИЯ АБЛАЯ С КИТАЕМ И ЦАРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Таким образом, Аблай стал вассалом одновременно двух крупных государств — Китая и России. Это и позволило ему вести относительно независимую политику в отношении их правительств. В качестве подданного Китайской империи

Аблай сделал попытку захватить Амурсану, но безуспешно: Амурсана бежал в Россию. Он вскоре умер в Тобольске от оспы, и труп его был выдан Китаю. Джунгария была совершенно разорена китайскими отрядами, население в огромном числе, местами поголовно, было уничтожено. Земли запустели. Джунгария как государство перестала существовать. Это произошло в 1758 г.

Сношения Аблая с Китаем продолжались и в последующие годы. Они выражались в посылках к китайскому двору посольств с богатыми подарками. Но если китайское подданство Аблая позволило ему сохранить известную независимость в своих внешнеполитических отношениях, то экономических выгод это подданство почти не дало. Аблай рассчитывал воспользоваться богатыми пастбищами Джунгарии, опустевшими после 1758 г., но это удалось осуществить лишь в незначительных размерах. Китайское правительство охраняло границы Джунгарии и препятствовало переходу казахов на ее земли. В значительной степени были обмануты и надежды казахской знати на развитие торга с Китаем. Временами эта торговля вообще запрещалась. Так, в 1761 г. был запрещен торг в Улясутае; правда, в следующем году он был разрешен, но подвергался значительным стеснениям.

Отношения Аблая к царской администрации были довольно сложными.

Характер колониальной политики сибирской администрации был тот же, что и в Оренбургской губерний. И в Сибирь бежало большое количество рабов, которых местная администрация не выдавала обратно на тех же основаниях, что и оренбургская. Здесь существовало запрещение не только перегонять скот за Иртыш в пределы России, но и кочевать в пределах десятиверстной полосы, примыкающей к Иртышу. Это запрещение нарушалось казахами, и на границе происходили постоянные столкновения между казахами и русской пограничной стражей. Наконец, и на Сибирской линии практиковалась бармта, того же характера, что и на Оренбургской линии. Но здесь бармта не принимала тех размеров, что по реке Уралу, и запрещение переходить Иртыш нередко нарушалось самой царской администрацией; так в годы борьбы с Лама-Дорджи, а также, когда китайские войска в 1757 г. стали грозить аулам Средней Орды за укрывательство Амурсаны, казахам давались разрешения переходить в пределы России. Только несколько позже, в 1764 г., перепуск скота за Иртыш был

категорически запрещен, причем это запрещение мотивировалось тем, что казахский скот травит сено и портит посевы русских крестьян. Аблай в 1763 г. при свидании с переводчиком Гордеевым с «великим азартом» упрекал царские власти в этих стеснениях кочевок, задержании кулов и разорении казахов набегами, причем он говорил не только о Средней, но и о Младшей Орде. Старшины поддержали все жалобы султана. Особенно они жаловались на задержание в России бежавших из Орды рабов.

Однако итти на разрыв с царской администрацией Аблай не мог ни по экономическим, ни по политическим соображениям. Китайское правительство продолжало усиленно строить крепости на землях Джунгарии и заселять их колонистами из Китая и городов Кашгарии. Когда казахи на основании грамоты, данной богдыханом Аблаю, двинулись на эти земли, их не пропустили далее реки Аягуза, впадающей в озеро Балхащ, в его северо-восточный угол. Далее Аягуза китайская кордонная стража разрешала казахам ездить только для торга. Когда, несмотря на запрещение, 3000 кибиток Тюртуул-найманского рода все же перекочевали на Джунгарские земли, им грозило обращение в неволю со стороны Китая. Понятно, что вопрос о богатых и удобных кочевьях близ русской границы по Иртышу, а также торговля в русских пограничных крепостях — Омской, Петропавловской, Семипалатинской и Троицкой — продолжали играть большую роль в хозяйственной жизни казахов.

Неблагоприятно для Аблая складывались и непосредственные отношения с китайским правительством. Послы Аблая к Пекинскому двору были приняты недружелюбно и возвратились обратно без всяких подарков. Но они привезли Аблаю письмо, содержание которого султан скрыл; он только говорил своим приближенным, что «им ныне от китайцев никакого добра нет, и лучше де нам сообщась к стороне нашей всемилостивейшей государыни жить, и китайцы через то ничего им не могут учинить». Очевидно, содержание письма беспокоило Аблая, если он подумал о поддержке царского правительства. Но это не значило, что он действительно связал свою судьбу с Россией и порвал связи с Китаем. Он придерживался старой тактики: использовать обе стороны, чтобы сохранить самостоятельность Орды.

Неблагоприятно складывалась для Аблая и политическая обстановка на юге. Китай обложил данью города, при-

надлежавшие ранее Джунгарии. Киргизы, подданные Китая, в 1764 г. разгромили ряд родов Старшей и Средней Орд. Аблай начал военные приготовления для похода на киргизов, но приостановил их: он не знал, совершили ли киргизы эти нападения с ведома китайского правительства или самостийно.

В 1770 г. война между Аблаем и киргизами все же вспыхнула. Она была исключительно удачна для казахов. Около реки Кызыл-су, впадающей в Чу, киргизы были разгромлены. Аблай вернулся в свои кочевья, в Кокчетав, с большой добычей. Число пленных было так велико, что впоследствии потомки их образовали в составе Средней Орды две волости Яны-киргиз и Бай-киргиз.

Насколько позволяют проследить источники, это столкновение с киргизами не вызвало осложнений с Китаем. Но в следующем году, когда остатки бежавших из России калмыков появились в Средней Орде и здесь подверглись грабежу со стороны старшин и султанов, сыновей Аблая, китайский богдыхан, который принял этих калмыков в свое подданство и отвел им земли в Джунгарии, потребовал от Аблая возврата всех пленных калмыков и захваченного у них скота. Аблай мог только обещать снестись по этому вопросу со старшинами, но, опасаясь набега китайских отрядов, откочевал к Петропавловской крепости.

Впрочем, это напряженное отношение с Китаем оказалось непродолжительным. Когда в 1771 г. хан Абулмамбет умер и казахские старшины единогласно признали Аблая своим ханом, китайское правительство сейчас же утвердило его в этом звании. То же самое сделало и царское правительство, но Аблай заявил, что в утверждении царским правительством он не нуждается, поскольку он избран народом и его признал ханом китайский богдыхан. Отказался он принести и присягу как хан в подданстве царскому правительству. Учитывая силу и влияние Аблая, царское правительство не порвало с ним отношений.

РАСЦВЕТ МОГУЩЕСТВА АБЛАЯ

70-е годы были годами расцвета могущества Аблая. Ему подчинилась значительная часть Старшей Орды. После войны с Ташкентом и Ходжентом его власть признали города Сайрам, Чимкент, Сузак, Туркестан. Как и ханы XVII в., он жил в Туркестане. Во внешней политике он продолжал и в 70-х годах прежнюю линию: придерживался

и Китая и России, но своим сыновьям советовал ближе держаться Китая, который в противоположность России, говорил он, не может быть опасен для ханской власти. Лавирование между Китаем и Россией дало несомненный результат: Средняя Орда сохранила фактическую независимость. Это — крупное достижение политики хана Аблая.

При Аблае в пределах Старшей и Средней Орд возродилось прежнее значение ханской власти, какое она имела при ханах Касиме и Хакк-Назаре. Он совсем не стремился подчинять свою волю воле старшин. Наоборот, он считал полезным устранять старшин от участия во власти. Право присуждать к смертной казни, которое принадлежало только «народному собранию», т. е. собранию старшин, он присвоил себе. Он стремился не к укреплению союза со старшинами, а к обессиливанию их. Лучшим средством для этого Аблай считал: никогда не решать до конца межродовых дел, чтобы тем самым поддерживать раздоры среди старшин и, следовательно, ослаблять их. Такая политика шла вразрез с традициями, укрепившимися в казахских Ордах со времен хана Тауке, и самовластие Аблая старшины рассматривали как посягательство на их права.

В то же время самовластие хана, укрепление при нем политических и экономических привилегий знати «белой кости» тяжело отражались на положении трудящихся масс. В народной памяти время хана Аблая сохранилось как период феодального гнета и бесправия:

«Был хан Аблай. Как голодный шакал
Он по аулам добычу искал.
Юрту хана датки[1] окружали,
Нукеры[2] хана оберегали».

Джамбул.

Старшины сумели поднять восстание против хана, но народное ополчение было разбито дружиной Аблая, состоявшей из его толенгутов (нукеров). Единство владений Аблая строилось на чисто феодальной основе. Все, что он сумел захватить, он рассматривал как собственность своей семьи. Ослабляя влияние старшин, сея между ними раздоры и смуты, он стремился управлять подчиненными ему землями через посредство своих сыновей — их у него было, как

---

[1] Датка — военный начальник.
[2] Нукер — ханский дружинник.

передают, 71. Еще при жизни он стал им выделять уделы. Так, его сыну Адилю был выделен в удел район Таласа, где для него был построен небольшой город. Такая система обеспечивала единство владений при жизни Аблая, но после его смерти та же система послужила одной из причин быстрого распада созданного Аблаем ханства.

Аблай умер в 1781 г. в Туркестане, там он и похоронен. Ханом был провозглашен старший его сын Вали, но власть Вали как хана всей Средней Орды была с самого начала номинальной.

ГЛАВА IX

КАЗАХИ И ДВИЖЕНИЕ ПУГАЧЕВА

ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНИЯ ПУГАЧЕВА

В предыдущей главе мы видели, как начало складываться в Казахстане, в Младшей и Средней Ордах, колониальное господство российского царизма. Но не только на казахский народ давил российский царизм — его давление было велико и на другие народности восточных окраин, калмыков и башкир.

Не меньшему гнету, чем казахские трудящиеся массы в XVIII в., подвергались со стороны российского самодержавия, диктатуры дворянства, русские трудящиеся — крестьяне и рабочие крепостных мануфактур.

Немного более половины всех русских крестьян было превращено в крепостных; положение же крепостных крестьян в России в XVIII в., по выражению Ленина, не отличалось от положения рабов. В южных, черноземных губерниях крестьяне землей были обеспечены недостаточно: там наблюдалось своеобразное перенаселение; часть крестьян переводилась в затяглые, т. е. у них отнималась земля, а сами они должны были добывать средства к существованию и необходимые деньги для уплаты оброка и податей работой на стороне. Большинство крестьян южных черноземных губерний было барщинным; они отрабатывали барщину в пользу помещика обычно три дня в неделю, но в украинских губерниях эта барщина достигала и 4 и 5 дней в неделю, а местами, правда не часто, крестьяне переводились на месячину, т. е. их заставляли все время работать в хозяйстве помещика, а последний выдавал им продовольствие натурой.

Материальное положение оброчных крестьян, несмотря

на лучшее обеспечение землей, также было тяжелым: приходилось уплачивать оброк помещику, и этот оброк во второй половине XVIII в. непрерывно рос. За 60-е годы, накануне движения Пугачева, оброк вырос в 2 раза. Как барщинные, так и оброчные крестьяне, должны были еще выполнять разнообразные работы; особенно тяжелой из них была подводная повинность. Тяжелые оброк и барщина, государственные подати (подушная) разоряли крестьян, и они нередко жаловались, что «пришли в крайнее разорение и скудность».

Не лучшим было положение рабочих на мануфактурах. Наемных рабочих было немного, по преимуществу работали приписные, т. е. крестьяне, приписанные правительством к фабрикам и заводам, и посессионные рабочие. Это были крестьяне, купленные фабрикантом-купцом и навечно прикрепленные для работы на мануфактуре. На дворянских фабриках работали помещичьи крепостные крестьяне. Рабочий день был неопределенной продолжительности: работали от света до наступления темноты, но нередко и при наступлении ночи продолжали работу, причем плата за освещение высчитывалась из заработка рабочих. Заработная плата была низка, рабочие нищенствовали. Их нищету увеличивали бесчисленные штрафы и произвол заводской администрации. Рабочие неоднократно жаловались и на произвол и на бесчеловечное обращение: «заводчики уже так возгордились, — писали, например, рабочие Невьянских заводов, — что и почитают нас не человеками, но словесною скотиною, и будто для их корысти только и созданы».

Но особенно тяжелым было даже не материальное положение крепостных, а их правовое положение. Законодательство XVIII в. непрерывно расширяло власть помещика над личностью и имуществом крестьянина и в то же время отнимало у крестьянина даже право жаловаться на своего помещика, который мог торговать своими людьми, как скотиной, оптом и в розницу, разлучая мужей от жен и родителей от детей.

Личность крестьянина, и особенно крестьянки совсем не ограждалась от дикого помещичьего произвола. Даже убийство помещиками своих крестьян, преследуемое по закону как уголовное преступление, проходило безнаказанно вследствие продажности приказной администрации.

Особенно много произвола было в далеких от центра районах — в крепостническом Поволжье, на Уральских заводах. Здесь, на восточных окраинах, скапливалось немало

бродячего люда, бежавшего от крепостной неволи. К возмущению русских рабочих и крестьян здесь примешивалось возмущение и нерусских народностей, особенно башкир, у которых насильственно отнималась земля для постройки горных заводов, которые наряжались на тяжелую заводскую работу и на службу в так называемых иррегулярных войсках. Урал поэтому являлся центром всех крепостнических противоречий.

Весь этот гнет и произвол самодержавно-крепостнического режима и подготовили массовое, подлинно народное, восстание на востоке, во главе которого встал донской казак Зимовейской станицы Емельян Пугачев, принявший на себя имя убитого в 1762 г. гвардейскими офицерами императора Петра III.

ПУГАЧЕВ И ЗНАТЬ «БЕЛОЙ КОСТИ»

Как известно, с начала выступления Пугачева, т. е. с сентября 1773 г. и по март 1774 г., очагом восстания было Приуралье, т. е. край, непосредственно примыкающий к кочевьям Младшей Орды. Когда Пугачев должен был отступить на Урал, очаг движения приблизился к кочевьям Средней Орды.

Как отразилось движение Пугачева в Казахстане, какое участие приняли казахи в этом движении? Прежде всего следует отметить, что сам Пугачев хорошо понимал значение для успеха его дела поддержки со стороны казахов. Но инициатива в сношениях между ним и казахским ханом исходила от Нур-Али.

Еще 15 сентября 1773 г. Нур-Али направил с подарками к Пугачеву посланца, казанского татарина Забира. 18 сентября Забир встретился с Пугачевым. Правильнее всего думать, что хан Нур-Али посылкой Забира преследовал чисто осведомительные цели. Нужно было ближе познакомиться с Пугачевым, его окружением, его силами, чтобы самому наметить линию поведения в вспыхнувшей в России крестьянской войне. Пугачев тотчас же использовал эти сношения, чтобы заставить Нур-Али примкнуть к нему. В посланном с Забиром указе Пугачев писал: «сие мое именное повеление киргиз-кайсацкому Нурали-хану, для отнятия о состоянии моем сомнения. Сегодня пошлите ко мне одного вашего сына солтана со ста человеками в доказательство верности вашей с посланным с сим от нашего величества к вашему степенству».

Нур-Али довольно быстро понял самозванство Пугачева, по крайней мере, он об этом ясно писал оренбургскому губернатору Рейнсдорпу уже 24 сентября. Но в развернувшейся борьбе хан занял колеблющуюся и выжидательную позицию. С одной стороны, он сносился с оренбургским и астраханским губернаторами, предупреждая их о начавшемся волнении среди казахов, с другой стороны, он поддерживал сношения с Пугачевым, именуя его в своих обращениях Петром III.

Помимо хана, активные сношения с Пугачевым поддерживали султан Дос-Али, владения которого примыкали к Илеку, и его сын Сеид-Али. Требование Пугачева прислать к нему султана и сто человек вооруженных казахов (это требование было повышено в дальнейшем до 200 человек) было выполнено. В ноябре 1773 г. султан Сеид-Али во главе двухсот вооруженных казахов был отправлен в ставку Пугачева в качестве аманата. Султаны заняли неодинаковые позиции в отношении Пугачева. Наиболее близко к нему стоял султан Дос-Али; поэтому он и согласился отправить своего сына к Пугачеву. В своем письме Пугачеву, написанном, повидимому, в конце ноября или в начале декабря 1773 г., т. е. вскоре после разгрома полковника Кара, Дос-Али писал: «увидя в письме сына моего, Сайдали солтана, что он к светлому лицу вашему близок я тому весьма обрадовался... По присланному от вашего и. в., моего великого государя, светлейшему указу, следуя в сходственность оного, как брату моему большему хану, так и всему подданному вашему дикому киргиз-кайсацкому народу о вас, что вы государь я разглашая объявил».

Айчувак-султан, повидимому, непосредственных отношений с Пугачевым не поддерживал, но его позиции в отношении царской администрации были по крайней мере двусмысленные. Когда в октябре к нему обратился оренбургский губернатор Рейнсдорп с требованием оказать помощь осажденному Оренбургу, он не только не оказал этой помощи, но даже не ответил на письмо губернатора. Впоследствии, в 1777 г., хан Нур-Али неоднократно в письмах к оренбургскому губернатору обвинял Айчувак-султана в неверности и постоянно сопоставлял его с султаном Дос-Али, хотя сам Айчувак всячески от него и отмежевывался.

Что касается хана, то он в ноябре, т. е. в момент крупных успехов Пугачева в Оренбургском крае, продолжал занимать прежнюю двуличную, выжидательную позицию. С сентября до ноября Нур-Али еще два раза отправлял

посланцев к Пугачеву. В своем письме, посланном Пугачеву, повидимому, одновременно с вышецитированным письмом Дос-Али, он не скупился на выражения преданности Пугачеву: «от генералов и бояр известия до меня дошли, — писал хан, — с таким уверением, что многие добродетели мне оказуемы быть могут, а я, не смотря на них, но единственно утвердясь по тому вашему указу и ожидая какое-либо мне будет от вас повеление, потому и служить в готовности продолжался». Но одновременно с этими заверениями в преданности он требовал от Пугачева возвращения в Орду султана Сеид-Али, не соглашаясь иначе послать Пугачеву вооруженный отряд казахов. В этом требовании нельзя не видеть стремление хана обеспечить себе свободу действий в отношении Пугачева: Сеид-Али, пока он оставался в лагере Пугачева, был своего рода аманатом (заложником), связывающим действия казахской знати.

Султаны Ишим и Шур-Али оставались в стороне от движения — об их сношениях с Пугачевым ничего не известно. Донесение коменданта Яицкого городка полковнику Симонову о связях этих султанов с Пугачевым мало вероятно. П. И. Рычков говорит другое — что эти султаны стояли в стороне от движения. То же самое следует сказать и о султане Ер-Али, кочевавшем в районе Сыр-дарьи среди аулов рода Шекты, — следовательно, территориально далеко от района восстания. Таким образом, о действительно активной поддержке Пугачева может итти речь только в отношении султанов Дос-Али и Сеид-Али.

На этих фактах М. Н. Покровский и построил свою теорию о так называемом «государственном» выступлении казахов в годы движения Пугачева. Ее сущность заключается в том, что казахи, якобы, выступали в движении Пугачева во главе со своими султанами, что в движении казахов во время крестьянской войны в России совсем не наблюдалось классовой диференциации. На самом деле было не так, как это представлял М. Н. Покровский. Мнение М. Н. Покровского справедливо лишь для конца 1773 г. и только для движения родов Табын и Тама, во главе которых стояли султаны Дос-Али и Сеид-Али.

КАЗАХСКИЕ НАРОДНЫЕ МАССЫ И ДВИЖЕНИЕ ПУГАЧЕВА

Но было бы ошибкой думать, что участие казахов в движении Пугачева ограничилось только указанными двумя родами. Это был лишь один из эпизодов в том подъеме

движения, какой наблюдался в годы восстания Пугачева в Казахстане.

В 1775 г. в Оренбургской губернской канцелярии, по распоряжению главнокомандующего силами, действующими против Пугачева, графа П. Панина, был составлен список выступлений казахов с конца 50-х годов XVIII в. по 1775 г. Из этого списка выясняется два факта. Во-первых, если до крестьянской войны нападения казахов на линию редко превышали 30—40 в год, то в 1773 г. количество нападений начало быстро расти и особенно крупные размеры приняло летом 1774 г., когда число нападений за один месяц достигло 240. Во-вторых, резко изменился характер этих нападений. Если до движения Пугачева нападения казахов носили характер пограничной бармты, т. е. преследовали цели захвата скота и пленных, то в 1774 г. они были направлены против крепостей или вооруженных правительственных отрядов, расположенных в пограничных со степью районах. Нападения с целью захвата пленных и скота не исчезли, но отошли на задний план.

О том, что происходило в казахских аулах, мы знаем главным образом из писем султанов и хана, а также из показаний лазутчиков и пленных. Сопоставляя эти два разнородных источника, можно выяснить, какую роль в подъеме движения в Казахских Ордах, Младшей и Средней, играл Пугачев и какие позиции в развертывающейся борьбе занимала казахская аристократия. На первый вопрос источники дают совершенно определенный ответ: огромную роль в подъеме движения в Ордах играла агитация агентов Пугачева. Правда, влияние крестьянского характера движения Пугачева на борьбу казахов сказалось, естественно, не сразу. В 1773 г. нападения казахов на русские поселения носили прежний характер бармты. В конце ноября большие отряды казахов, по преимуществу рода Маскар, прорвались за пограничную линию, около Гурьева городка, и здесь подвергли разграблению русские поселения, не разбирая, кто их населял. Было захвачено большое количество пленных, в том числе и крестьян.

Такие нападения повторялись и в начале 1774 г. — отряды казахов доходили до Волги, разоряя на своем пути все, что можно было разорить. Ненависть и вражда казахов изливались на русских вообще. Такой характер борьбы был совершенно естественен. Еще раз отметим, что казахи с русскими сталкивались в середине XVIII в. лишь в лице купцов, а главным образом в лице царской администрации

и отрядов регулярных и иррегулярных войск, в том числе и с Уральским войском.

Хан Нур-Али, переписываясь с Пугачевым, вел переговоры у Яицкого городка с полковником Симоновым и атаманом Бородиным. «Если вы сами со своей командой управиться можете, — говорил хан, — то поймайте разбойников, а если сил ваших доставать не будет, то повелите мне, чтоб я с моим народом, учиня поиск, тех разбойников поймал». Но казацкие старшины отклонили предложение Нур-Али. Получив отказ, Нур-Али в конце сентября с тем же предложением обратился и к оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, но при этом он просил о возврате в Орду аманатов, пленных казахов и захваченного у казахов скота. Рейнсдорп также отклонил предложение хана; он лишь предложил ему употребить все силы на удержание казахов от нападения на русские крепости.

Когда зимой 1773—1774 гг. Оренбург был осажден, Нур-Али с огромным числом аулов перешел на правый берег Урала и здесь расположился на зимние кочевья. Этот шаг Нур-Али крайне обеспокоил царскую администрацию; было неясно, какие цели преследовал Нур-Али; возникло подозрение, не явился ли этот поступок хана, явно нарушавший царское постановление о запрещении перекочевки казахов на «внутреннюю сторону», показателем перехода хана на сторону Пугачева. Репрессивных мер против Нур-Али царская администрация предпринять не могла — силы были связаны борьбой с отрядами Пугачева, но за ханом было решено внимательно следить и пока обходиться с ним «с ласковостью», чтобы удержать его от активной поддержки Пугачева.

Но эти меры предосторожности были не нужны. Сам хан в 1774 г. в одном из писем объяснил, что он перекочевал «не для чего иного, как только по опасности от Пугачева и по умножению скота за теснотою места, чтоб быть нам при сих опасных временах нераздельно». В этом заявлении Нур-Али безусловно заслуживает доверия упоминание о нужде в зимних кочевьях как основной причине, толкнувшей его на переход за Урал — борьба за эти кочевья, как мы знаем (см. главу VIII), упорно велась казахами с 50-х годов XVIII в., и вполне естественно, что в момент, когда укрепленная пограничная линия оказалась фактически открытой, Нур-Али осуществил переход на «внутреннюю сторону».

Отсутствие у него враждебных намерений в отношении царского правительства подтверждается прямыми указаниями. Так, пленный казах Узбек Барсуков показал, что хан Нур-Али «для корму скота, а не ради других злых к российской стороне предприятий со всем своим народом, багажом и скотом с той степной стороны покочевал на низ по реке Яику к морю»... Это далеко не единственное свидетельство, подтверждающее лойяльность хана к царскому правительству. То же самое относится к султанам Айчуваку, Ишиму и Шур-Али, которые кочевали вместе с ханом.

Враждебные нападения хан, за время его пребывания на «внутренней стороне», организовывал против калмыков, но в то же время он запрещал производить набеги против русских форпостов. Однако казахи родов Берш и Серкеш уже в январе 1774 г., «таясь Нур-Али-хана и знатных старшин», организовали отряды и начали нападать на русские укрепленные пункты. Значит, уже в это время, т. е. зимой 1774 г., движение казахов направлялось против русских вооруженных сил в крае, вопреки воле хана и знатных старшин.

Движение казахов стало менять свой характер. Оно стало принимать черты борьбы «простого народа», т. е. трудящихся казахов, против царизма, хотя эти отряды непосредственно и не входили в войско Пугачева. В январе же пленный казах Той-оглы Сеиткулов показал, что от Пугачева неоднократно являлись послы к Нур-Али-хану с целью склонить его на сторону восставших, но хан «от того отрекся, объявляя, что состоит ее и. в. в верности и другому оной поручить не может». В то же время этот Сеиткулов был взят в плен в одном из вооруженных столкновений с царским отрядом. Успешнее были сношения Пугачева с султаном Дос-Али, который в январе 1774 г. активно поддерживал Пугачева и даже посетил его ставку.

Выше было отмечено, что наибольшее число нападений казахов на царские вооруженные силы приходится на июль 1774 г. В это время Пугачев был далеко от Оренбурга. После поражения под Татищевой Пугачев потерпел еще одно крупное поражение под Каргалой (1 апреля 1774 г.). Крупные неудачи отряды Пугачева потерпели в районе Уфы, Кунгура и Екатеринбурга (ныне Свердловск). 16 апреля были разбиты и отряды, осаждавшие Яицкий городок (Уральск). Пугачев должен был отступить в гор-

нозаводские районы Урала. Здесь к нему массами продолжали примыкать башкиры и уральские рабочие. Восстание приближалось к пределам Сибирской губернии и кочевьям Средней Орды. В Средней Орде началось сильное движение среди казахов. Донесения командующего Сибирским корпусом Деколонга переполнены сведениями о массовых нападениях казахов Средней Орды на укрепленную линию. Но удержаться на Урале Пугачев, как известно, не сумел.

Подъем движения казахов летом 1774 г. совпал с продвижением Пугачева в район Самары и далее по Нижней Волге. Как раз в это время особенно ярко проявился характер казахских выступлений как борьбы с царскими вооруженными силами. В этот момент казахская знать, в лице хана и султанов, явно и окончательно переходит на сторону царского правительства.

Выше мы видели, что позиции Нур-Али и его окружения, в лице султанов Айчувака, Шур-Али, Ишима, с достаточной четкостью определились еще зимой 1774 г. Их позиции, конечно, не могли измениться и летом этого года. Рейнсдорп доносил Екатерине II 8 июля, что «Нур-Али-хан с детьми и с братьями своими, повидимому, остается в верности непоколебимым и о исполнении по русским требованиям старается». В начале августа Нур-Али просил помощи у коменданта Яицкого городка для вооруженного подавления движения казахов, так как одних сил хана для прекращения движения явно нехватало «ибо, — писал хан, — вся орда их взбунтовалась». Об активных действиях султана Дос-Али в это время также ничего не известно. Вообще его имя на время исчезает из исторических источников. Вернее всего объяснить это тем, что после поражения Пугачева под Татищевой он уже не рисковал открыто его поддерживать, но, сильно скомпрометированный участием в движении, предпочитал держаться дальше от русской пограничной линии. Только в январе 1775 г. он обратился к царскому правительству с просьбой об амнистии, которая была ему обещана с условием, что он будет охранять караваны в степи от нападений и примет участие в розысках и возвращении русских пленных. В Младшей Орде лишь один султан Сеид-Али, во главе общин родов Табын и Тама, продолжал активную борьбу против царского правительства, а в Средней Орде как врага царской власти источники называют султана Худай-Менды; ненадежным представлялось настроение султана Аблая.

РОЛЬ КАЗАХОВ В ДВИЖЕНИИ ПУГАЧЕВА

Как же были связаны массовые выступления казахов с движением Пугачева? Мы видели, что только отряды Сеид-Али непосредственно включались в войско Пугачева, но эти отряды были крайне немногочисленны и не превышали 200 человек. Следовательно, организационная связь движения казахов и армии Пугачева была очень слабой. Но все же эта связь не ограничивалась только сношениями с султанской верхушкой. Призывы, если не самого Пугачева, то его агентов, проникали непосредственно в народные массы и поднимали их на борьбу. Указания на это встречаются очень часто. Так, еще в январе 1774 г. в кочевьях хана Нур-Али разъезжал пугачевский отряд около 400 человек, состоящий из русских, чувашей, башкир, татар и калмыков, который стремился склонить казахов к активному выступлению против войск Екатерины II. В июне захваченный в плен башкирский сотник Упак показал, что он по поручению Пугачева ездил к Аблай-султану и старшинам Даутбай-тархану, Имбетей-батыру и Урманбет-батыру «с просительными письмами, чтоб они ему, Пугачеву, подали в завоевании здешних мест и побеждению российских войск помощь». Старшины ответили Упаку, что «они служить ему, Пугачеву, в том готовы», но прежде просили свидеться с ними у Звериноголовской крепости. Это свидание не состоялось. Пугачев, разбитый Деколонгом 21 мая 1774 г. у Троицкой крепости, должен был отступить от укрепленной пограничной линии. Значит, агитация Пугачева велась среди казахов до отступления его в район Поволжья и имела несомненный успех.

Один астраханец, в 1773 и начале 1774 г. бывший в плену у казаха Бухара, зная казахский язык, сам слышал от своего хозяина, что казахи «русских людей воюют и в плен берут потому, что сие чинить велел оказавшийся в России злодей самозванец Пугачев, которого они называют государем». То же самое подтверждал в августе 1774 г. с сибирской линии генерал Деколонг. Он доносил гр. П. И. Панину, что на сибирской линии происходили и продолжаются нападения казахов в связи с деятельностью в Орде «бывших у них от самозванца Пугачева посланцев». Эти лица, очевидно, были посланы в Орду в августе 1774 г., когда Пугачев стремительно отступал от Саратова на юг. Конечно, агитация сама по себе, если бы не было внутрен-

них причин, побуждавших казахов взяться за оружие, не могла бы быть успешной.

Причины того, что казахи, помимо и через головы своих султанов и части знатных старшин, начали вооруженную борьбу против царских вооруженных сил, лежали в развитии стеснений казахских кочевий, «воинских поисках» в степи, разорявших аулы, и продажности собственной знати, о которых говорилось в предшествующих главах.

Но все же значение деятельности Пугачева в Казахских Ордах было исключительно велико и не только потому, что его агитация расширяла размах движения, но главным образом потому, что эта агитация стремилась ввести движение казахов в определенное русло, включить его в рамки крестьянского восстания; иными словами, агитация Пугачева стремилась ввести движение казахов в общую борьбу угнетенных народностей, в том числе и русской, против царизма.

Удалось ли добиться этого Пугачеву? Да, но в очень малой степени. Однако и то малое, чего добился Пугачев на этом пути, было очень важно. Принципиально это было важно потому, что Пугачев сделал попытку ликвидировать ту вражду между народностями, которую культивировало российское самодержавие; он стремился направить борьбу казахов не против русского народа, а против российского дворянства. Что он стремился поднять казахов против правительства Екатерины II — это общеизвестно. Но при этом он обещал казахам отдать не только пастбища и воды, но и, по словам Упака, «всех сибирских дворян в подданство».

Однако преодолеть вражду одной народности к другой Пугачеву не удалось. Вражда между казахами и башкирами осталась, столкновения между вооруженными отрядами казахов и башкирами постоянно происходили; казахи, нападая на русские поселения, грабили всех подряд, не различая, казацкий ли он старшина или русский крестьянин. Но все же какая-то брешь в этой слепой ненависти одной народности к другой была пробита.

Выше мы отмечали, что к лету 1774 г. характер нападений на русские поселения изменился. «Бармта» осталась, но наряду с ней все большую роль начинает играть борьба с царскими вооруженными силами. Остались нападения и на башкирские улусы, но наряду с этим уже в 1774 г. памятники отмечают совместные выступления казахов с башкирами против царских войск. Так, в 1774 г. в одном

ордере на имя Суворова запрещалось посылать против казахов вооруженные отряды в отмщение за захваченных пленных и при этом указывалось, что «башкирцы в недавно еще прекращенном возмущении соединялись с казахами». Необходимость совместных выступлений с башкирами все яснее сознавалась казахами, участниками восстания Пугачева.

Движение в Казахстане продолжалось и в 1775 г. На востоке империи в условиях кровавой расправы с восставшим народом все яснее должна была чувствоваться необходимость совместной борьбы. И вот в этом смысле большой интерес представляет письмо Сеид-Али-султана, единственного из султанов, еще продолжавшего борьбу, к башкирским старшинам, в котором он призывал башкир забыть старые обиды и совместно бороться с царизмом.

Это письмо свидетельствует о значительном сдвиге в сознании казахской знати в сторону понимания необходимости совместной борьбы казахов и башкир против царских властей. Но это было осознано руководителями движения казахов слишком поздно.

Межплеменная борьба казахов и башкир мешала развертыванию движения Пугачева, но в общем участие казахов в крестьянской войне, несмотря на слабость организационных связей с центром движения, сыграло положительную роль не только с принципиальной, но и с практической стороны.

Массовый подъем этого движения летом 1774 г. притягивал к линии большие резервы царских войск и тем самым усиливал позиции Пугачева. Военный специалист, историк движения Пугачева генерал Дубровин упрекает командующего сибирским войском Деколонга в том, что он слишком поздно весной 1774 г. двинулся из Челябинска навстречу Пугачеву, когда тот уже взял Магнитогорскую и Троицкую крепости. Деколонг выступил 4 мая, но если бы, говорит Дубровин, Деколонг выступил раньше, то Пугачев не мог бы окрепнуть на Урале и, преследуемый войсками полковника Михельсона, легко мог быть окружен, прежде чем его движение перекинулось на Волгу и стало угрожать самому существованию российского самодержавия. Но Деколонгу было трудно быстро двинуться вперед. В своих донесениях он указывает, что в Сибири со дня на день можно было ожидать восстания нерусских народностей, а, главное, Сибирская линия начала подвергаться массовым нападениям казахов Средней Орды, — нужно было охранять границы Сибири. Так, несмотря на

слабость организационной связи с центром движения Пугачева, казахи, парализуя действия правительственных войск, оказали большую услугу крестьянской войне.

Несмотря на все недостатки этого движения, несмотря на то, что отдельные нападения носили характер бармты, что от них страдали и башкирские аулы и крестьянские русские дворы, — движение казахов в 1773—1775 гг., взятое в целом, в общей связи событий, выступает как один из эпизодов в общей борьбе русского народа и нерусских народностей против дворянской самодержавной России. Движение казахов развивалось в сторону сближения с народным, крестьянским движением, каким было восстание Пугачева.

Но эти черты окончательно не определились. Одну причину мы указывали: сказывалась старая ненависть, прививавшаяся самодержавием, одного народа к другому, а русского народа казахи не знали, так как в своих сношениях с Россией они имели дело действительно со своими врагами — представителями чиновничьей, дворянской России. Вторая причина заключалась в том, что если движение казахов постоянно переливалось через головы своей аристократии и развивалось вопреки ее воле, то это совсем не значит, что оно освобождалось от влияния родовых старшин, несмотря на то, что в отдельных случаях и это имело место. Но положение родовых старшин было ближе к старой аристократии, чем к народу, и классовый крестьянский характер движения казахов легко проявиться не мог, пока руководство этим движением оставалось в руках родовой знати. Чтобы проявился классовый характер борьбы, нужно было внутреннее размежевание классовых сил, но оно дается в процессе внутренней борьбы, которой в Казахстане в годы движения Пугачева незаметно; она развернулась позже, в 80-х годах, в движении под руководством батыра Срыма.

ДВИЖЕНИЕ «НЕВИДИМКИ»

Последним отголоском движения Пугачева в Казахстане было движение так называемой «Невидимки».

Первые сведения о «Невидимке» относятся к сентябрю 1775 г. Среди родов Табын и Тама, кочевавших по реке Хобде и находившихся во владении Дос-Али-султана, появился человек. В народе ходили о нем фантастические слухи. Агитация «Невидимки» была связана с ожиданием

нового появления «государя». Пока же «государь» не появился, «Невидимка» призывала, как это следует из донесений оренбургскому губернатору, итти воевать на русский и башкирский улусы.

В агитации «Невидимки» совершенно ясно проявилась та незаконченность и нечеткость целей движения казахов в годы движения Пугачева, которая отмечалась выше: нужно итти против русских и башкир, и в то же время пробиваются проблески сознания, что не во всех русских зло, что зло в императрице и ее генералах, что новый государь — речь шла о Пугачеве — принесет облегчение участи казахов, — во имя его и поднималось восстание.

Агитация «Невидимки», как выяснили агенты царского правительства, исходила не от старшин, а от одной женщины, принадлежавшей к «простому народу», что и делает ценным изучение движения, связанного с именем «Невидимки». Ее агитация показывает, какими мыслями и надеждами питалось движение широких масс в Казахстане в 70-х годах XVIII в.

Практически эта агитация привела к организации на Хобде отрядов казахов, численностью 1500—2000 человек, которые возобновили нападения на пограничную линию и башкирские улусы. Подъем народного движения оживил и движение султана Сеид-Али. В декабре 1775 г. вокруг него группировались многочисленные отряды родов Шекты, Шомекей, Байбакты, Табын и Тама. Значит, зимой 1775 г. движение вышло за районы Хобды и Илека, где кочевали табынцы и таминцы. В феврале следующего года Нур-Али должен был послать своего сына Ишима и верного ему старшину, батыра Срыма, в различные казахские роды, чтобы предотвратить распространение влияния «Невидимки».

Последние сведения о «Невидимке» относятся к июлю 1776 г. Дос-Али к этому времени всячески отгораживался от «Невидимки» и принимал энергичные меры к прекращению набегов на линию и возвращению из Орды русских пленных. Хан послал отряды, чтобы убить «Невидимку», а юрту ее сжечь. Но это сделать не удалось: «Невидимка» со всем аулом откочевала к югу, на реку Киил. После этого сведений о ней не поступало.

Движение в Орде и нападения на линию и башкир, вызванные агитацией «Неведимки», были последним отголоском движения Пугачева в Казахских Ордах.

ГЛАВА X

ДВИЖЕНИЕ БАТЫРА СРЫМА ДАТОВА

ФЕОДАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЭКСПЛОАТАЦИИ

Причины, вызвавшие участие казахов в крестьянской войне под руководством Пугачева, совсем не были устранены после подавления движения. Но та роль, которую сыграла в упадке этого движения знать «белой кости», группировавшаяся вокруг хана Нур-Али, могла только еще раз подчеркнуть тесные связи этой знати с царскими колонизаторами. Раболепство перед царскими властями, оговаривание друг друга перед оренбургской администрацией и петербургским правительством, широко развившиеся после 1775 г., также не могли содействовать укреплению авторитета власти хана и султанов. Но одно это не могло бы привести к широкому народному движению против чингизидов, если бы сближение между знатью «белой кости» и царской администрацией не приняло для казахских общин осязаемых экономических форм.

Процесс сближения хана Нур-Али и султанов с царскими властями, развитие которого мы наблюдали еще с середины XVIII в., окончательно завершился к концу 70-х годов. Колониальная и феодальная системы эксплоатации казахов настолько тесно переплелись, что трудно было определить, где кончалась одна и начиналась другая. Поборы с казахов, которые практиковались как добровольные приношения, приняли характер насильственно взимаемых платежей, причем объем значительной части их никак не был определен, т. е. эти поборы приняли характер вымогательств, так и воспринимавшихся казахскими общинами.

Осуществить такие поборы собственными силами хан и султаны не могли, — они неизбежно опирались на помощь царских властей. Обе стороны получали при этом взаимные выгоды. Жалобами на совместные насилия над казахами местной администрации и собственной аристократии переполнены письма старшин конца 70-х — начала 80-х годов XVIII в. Так, старшины в одном из своих писем 1785 г. жаловались, что «ханские дети от Кердеринского рода в одном году за переход, якобы, за Урал-реку взяли 100 лошадей, от Таминского рода в одном году 60 лошадей, от Табынского рода с 50 лошадей, да и от каждого рода без обиды и без взятия лошадей не оставили». Что жалобы старшин были справедливы, подтверждается и донесениями

барона О. А. Игельстрома, назначенного в 1784 г. генерал-губернатором Уфимского и Симбирского наместничества, в состав которого с 1775 г. вошла Оренбургская губерния. Барон Игельстром сообщал притом, что поборы хана при перегоне скота за линию носили регулярный характер: с каждого коша хан при всяком перегоне взимал по одной лошади и одному барану.

Не отставали от хана и его многочисленные сыновья (у Нур-Али было сорок сыновей), которые, «подъезжая к тем же местам, собирали с народа каждый равную же для себя часть». Здесь поборы обусловливались верховным правом хана распоряжаться кочевьями.

Но нередко поборы принимали характер открытого грабежа. В таких поборах совместно с султанами принимала иногда участие и знать «черной кости» — родовые старшины. Так, в одной из жалоб мы читаем, что «сын ханский Ишим-султан многие Орде нашей также делает злодейства, соединяясь с ворами, а паче Берического рода с известным плутом Русбарасом довольное число киргиз-кайсацкого скота русским, а от русских похищенной скот киргизцам продает. Словом, злодейство ево, Ишимово, великое, которой с помянутым плутом Русбарасом многих людей разорил и умертвил». Союзника Ишим нашел себе в старшине Русбарасе рода Берш.

Иногда такие поборы взимались, якобы, за освобождение казахов из русского плена. Так, султан Дос-Али через посредство старшины рода Табын Тиленши Бокенбаева, взял «за отпущенных из плена семи казахов, якобы, за освобождение их из плена по 20 кобыл с каждого человека». Но гораздо чаще хан и приверженные ему султаны опирались не на старшин, а на царскую администрацию, и тогда от насилий хана начинали страдать и сами старшины.

Такое положение дел становилось обычным, подобные жалобы повторялись постоянно. Осуществить эти поборы хан мог, лишь опираясь на местную царскую администрацию. Эксплоатация трудящихся казахов все более принимала черты феодально-колониальной эксплоатации.

Насилия хана при поддержке царских властей не исключали развития пограничной бармты, «воинских поисков» в степи. Этот вооруженный грабеж казахских аулов агентами царизма продолжался, потому что попрежнему служил одним из источников обогащения представителей царской администрации и старшины Уральского войска. Понятно,

как росла ненависть к хану, союз которого с царскими властями ни для кого не был секретом, со стороны старшин и широких народных масс. Барон Игельстром должен был в 1785 г. донести Екатерине II, что «ненависть старшин и народа к хану стала так велика, что не иначе его как вредителем своим и нарушителем покоя их не называют».

Как ни отрывочны данные, сохранившиеся в русских материалах, о насилиях ханской фамилии над казахами, все же эти данные достаточны, чтобы говорить о том, что поборы и насилия хана и султанов его фамилии имели место, что эти поборы задевали непосредственно интересы массы трудящихся казахов и что поэтому экономическая почва для развертывания борьбы против знати «белой кости» имелась; имелись и условия для втягивания в эту борьбу как старшин, так и народных масс.

Такая борьба, возглавленная батыром Срымом, старшиной рода Байбакты, действительно развернулась с 1785 г.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О БАТЫРЕ СРЫМЕ

Эти сведения очень скудны. Известно, что он стоял во главе значительной части рода Байбакты; под его управлением находилось около 2000 кибиток; он был богат; в годы движения Пугачева принял активное участие в этом движении. Суворов в одном из своих приказов требовал, чтобы Срым любой ценой — живым или мертвым — был захвачен русскими отрядами. Но к концу 1775 г. батыр отошел от движения и примкнул к хану Нур-Али. Примирился он и с царской администрацией.

В 1778 г., в один из набегов Уральского войска на казахские аулы были убиты его дети. Но и это не повело к разрыву Срыма с царскими властями. Начало выступления Срыма относится к концу 1783 г., но в это время Срым лишь принимал участие в борьбе с насилиями одного из старшин Уральского войска, Чаганова.

Чаганов был взят в плен и продан в рабство в Хиву, но и сам Срым попал в плен к Уральскому войску и был выкуплен ханом Нур-Али в мае 1784 г.

Лишь в 1785 г. движение Срыма определяется как борьба, направленная против той системы феодально-колониальной эксплоатации, представителями которой внутри Орды являлась султанская группировка хана Нур-Али, а на линии — представители царской администрации и старшины Уральского войска.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И РУКОВОДСТВО ДВИЖЕНИЕМ СРЫМА

По своей социальной основе это движение являлось борьбой широких народных масс, кочевого крестьянства, против чрезмерно возросшей системы феодальной эксплоатации, усугубляемой колониальными насилиями царских властей. Однако руководство движением оказалось в руках старшин, т. е. социальной группы, очень близко стоявшей к феодалам «белой кости». Иначе и быть не могло: при господстве форм патриархально-родового быта представителем общины естественно выступал старшина. Это руководство старшин определило ограниченность самого движения, не позволило ему перерасти в ясные и четкие формы крестьянской войны. Помимо Срыма крупную роль в движении играли старшины: рода Табын — Тиленши, рода Шекты — Шур-Али, рода Исентемир-Минбай и др.

В 1785 г. создались очень благоприятные условия для того, чтобы во главе восставших масс встала знать «черной кости». Мы уже знаем, что конфликт между «родовой» знатью и чингизидами назревал давно. Но до 1785 г. развернуть борьбу против хана старшины не могли: ханская группировка была слишком сильна. Но когда в марте 1785 г. русскими отрядами был захвачен в плен султан Айчувак, когда возмущение против хана, вызванное его произволом и насилиями, охватило широкий круг казахских аулов, старшины могли начать борьбу против хана. Ханская группировка была ослаблена тем, что значительное количество «родов», находившихся в непосредственном владении хана, отпало от него. Толкало старшин на выступление против хана и возмущение трудящихся казахов. Сохранить влияние над «простыми казахами», не примкнув к их борьбе, было нельзя.

Таким образом, руководство движением народных масс оказалось в руках «родовых» старшин. Они с самого начала значительно сузили размах движения, направив его лишь против одной султанской группировки — хана Нур-Али, не отказываясь от прежней внутриордынской системы организации власти, возглавляемой ханом. Они лишь хотели иметь хана, который бы их воле «был послушен». Тенденция к сохранению власти хана среди старшин жила постоянно и проявлялась на съездах старшин в выдвижении новых кандидатов на звание хана. Особенно популярной была кандидатура султана Каипа.

Направить по этому пути движение трудящихся масс казахов было тем более легко, что обычно крестьянство, предоставленное само себе, лишенное руководства передового класса — пролетариата, которого в Казахстане, да и в России, в то время не было, — выступало с царистскими лозунгами: они были за «хорошего» хана, подобно тому, как русские крестьяне в своей борьбе против феодально-крепостнического гнета выступали за «хорошего царя». Товарищ Сталин говорил в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг». [1]

Лозунг «против хана Нур-Али, за другого хорошего хана» легко находил отклик в среде кочевого крестьянства. Но не все общины и не все старшины выступали с требованием нового хана. Правда, таких было большинство, но имелась другая группа, к которой принадлежал и Срым, требовавшая ликвидации ханской власти вообще. Срыму, который пользовался значительным авторитетом в Орде, удалось увлечь за собой и сторонников ханской власти, но только временно.

Позиции группировки Срыма, стремившейся к полной ликвидации ханской власти, облегчило в 80-х годах изменение в направлении политики царской администрации. До середины 1785 г. царская администрация поддерживала Нур-Али; поэтому понятно, что и отношение старшин к царским властям было ярко отрицательным и враждебным. Когда весной 1785 г. в Орду был направлен послом ахун Мухаммеджан Хусейнов, старшины грозили ему смертью. Но к концу 1785 г. местная администрация поняла, что держаться старой ориентации на хана и его сторонников невозможно. Отпадение значительного числа старшин от хана, разброд и раскол среди самой ханской фамилии делали Нур-Али бессильным в Орде и, следовательно, бесполезным для целей колониальной политики царизма в Казахстане. Кроме того, борьба знати «белой» и «черной кости» в Орде давала надежды на использование старшин для внедрения царской администрации в управление Ордой. Но для этого нужно было покончить с прежней организацией управления Ордой через посредство хана.

---

[1] И. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9, Партиздат, 1933.

Эти соображения и надежды и побудили нового начальника края барона О. А. Игельстрома сделать попытку опереться на старшинские группировки, ликвидировать в Орде власть хана и для управления Ордой организовать в Оренбурге так называемый Пограничный суд из выборных старшин, но с преобладающим влиянием царской администрации, а внутри Орды — Расправы как исполнительные органы Пограничного суда. Представляя этот проект собранию старшин осенью 1785 г., Игельстром стремился получить согласие старшин, прельщая их мыслью, что с организацией Суда и Расправ власть перейдет в их руки.

Такая позиция царской администрации отколола от хана последних его сторонников. Его покинули толенгуты и даже сыновья, за исключением Ишима. Оставшись в одиночестве, хан перешел линию и отдался под покровительство царских властей. С согласия петербургского правительства он был сослан в почетную ссылку в Уфу под предлогом охраны его жизни от ненависти его подданных. В Уфе хан прожил до своей смерти, т. е. до 1790 г.

1786 и 1787 гг. были «черными» годами для знати «белой кости». Никогда еще их положение не было таким жалким. Известную независимость сохранил лишь Ер-Али, владения которого находились в районе Сыр-дарьи, т. е. далеко от линии. Но и его положение было нетвердо; преобладающую роль здесь играл сын султана Батыра Каип, выбранный казахами поколения Алим-улы ханом. Таким образом, тактика барона Игельстрома помогла старшинам одержать сравнительно легкую победу над ненавистной султанской группировкой. Правда, в 1786 г. султанам удалось нанести серьезный удар старшинской группировке — Ишимом был захвачен в плен батыр Срым и передан в руки Ер-Али, но причинить ему вред Ер-Али не мог: в России содержались хан и султан Айчувак, и барон Игельстром, требуя от Ер-Али освобождения Срыма, недвусмысленно намекал, что в противном случае кары обрушатся на султанов, пленников России. Изменение настроения старшин, продолжавших еще поддерживать Ер-Али, позволило Срыму в 1787 г. освободиться из плена. Его вывез в приверженные ему общины старшина Кара-Кобек.

Усиление старшинской группировки и явилось реальным результатом «реформы» барона Игельстрома. Правда, в

1786 г. был организован в Оренбурге Пограничный суд. Старшины легко согласились на его организацию, но до возвращения Срыма из плена воспротивились организации Расправ. Расправы были организованы лишь в 1787 г. Но наиболее влиятельные старшины в состав этих органов власти войти не согласились, а без их участия все предприятие генерал-губернатора заранее было обречено на неудачу.

Фактически власть внутри Орды осталась в руках главных старшин, в том числе и Срыма, назначенного главным старшиной в поколении Бай-улы. Пограничный же суд и Расправы оказались мертворожденными учреждениями. Они не играли сколько-нибудь заметной политической роли в Орде, и бесполезность их начала сознаваться и инициатором их учреждения. Поэтому барон Игельстром уже в 1789 г. разработал новый проект, предусматривавший возрождение в Орде власти хана.

Но не только разочарование в практических результатах реформы Игельстрома толкнуло царское правительство на возврат к прежней политике опоры на хана. Обнаружилась народная демократическая база движения Срыма. В Петербург стали поступать сведения, что вокруг Срыма группируются лица, стоящие далеко от казахской знати. Эти сведения не мог опровергнуть и барон Игельстром. Кроме того, самый факт упразднения хана в Орде стал казаться царскому правительству грубой политической ошибкой.

Известно, как возросли реакционные настроения в правящих кругах Петербурга в связи с событиями буржуазной французской революции 1789—1794 гг. Петербургское правительство встало на путь покровительства французской дворянской монархической эмиграции. А здесь, у себя «дома», генерал-губернатор упраздняет хана, которого в правительственных кругах Петербурга рассматривали как мелкого монарха. Реформа Игельстрома стала называться в правительственных кругах Петербурга не иначе, как «опасными опытами».

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ ХАНА В ОРДЕ

В 1790 г. барон Игельстром был отозван из Оренбурга, и его преемник на посту генерал-губернатора А. А. Пеутлинг решительно встал на путь поддержки султанской группировки. В 1791 г. им было восстановлено звание хана в Орде. Ханом был назначен наиболее непримиримый пред-

ставитель враждебной старшинам группировки, султан Ер-Али.

Осуществить эту меру А. А. Леутлинг успешно мог потому, что к 1791 г. совершенно явственно обнаружился отход значительной части старшин от Срыма. Все попытки Срыма сплотить вокруг себя наиболее влиятельных старшин терпели теперь неудачу. Три причины вызвали отход крупных старшин от группировки Срыма: во-первых, дальнейшая поддержка Срыма ставила их во враждебные отношения с царской администрацией, а это грозило потерей кочевий по Уралу, жизненно необходимых для владений старшин поколения Бай-улы, которое до 1791 г. было центром движения Срыма; во-вторых, управление Ордой без хана задело экономические интересы старшин, лишив их участия в общественных доходах хана; наконец, к этому времени борьба Срыма против системы феодально-колониального гнета стала перерастать рамки борьбы против знати «белой кости» — движение трудящихся казахов стало развиваться не только вопреки воле старшин, но и *против* них, т. е. принимать явные черты классового крестьянского движения. Так, старшина Толеберген, сообщая оренбургскому обер-коменданту о движении казахов, писал, что «оные плуты как вам, так и нам враги... мы от тех плутов и сами боимся, которые нам как и вам предосудительны». Другой влиятельный старшина, Софра-бий, сообщая о положении дел в Орде, писал, что «на сих днях в нашей Орде сильный бунт восстанавливается, знать не могу в каком положении далее Орда наша останется».

Такова была обстановка в степи, когда Леутлинг созвал старшин на выборы хана. Выборы происходили невдалеке от Орска в присутствии генерал-губернатора и большого количества русских войск. Конечно, «выбранным» оказался султан Ер-Али.

НОВЫЙ ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЯ СРЫМА

Срым не явился на выборы. С небольшим числом сторонников он удалился в глубь степи, в район Сыр-дарьи, и здесь начал снова собирать силы для борьбы с ханом. Но эта борьба теперь естественно и неизбежно переросла и в борьбу с царизмом. В 1791 г. связь этих двух социальных сил — казахской аристократии и царизма — выступила совершенно явственно.

Начиная борьбу против хана и царской администрации, Срым, естественно, искал внешней поддержки. В конце

1791 г. наблюдалось оживление его сношений с Бухарой. Однако Срым был крайне осторожен и не связывал себя никакими формальными обязательствами по отношению к Бухаре. Повидимому, он еще надеялся на урегулирование отношений с царской администрацией. Только к осени 1792 г., когда эти надежды потерпели окончательное крушение, Срым перешел к вооруженной борьбе против царской России.

В сентябре 1792 г. Срым направил А. А. Пеутлингу письмо с объявлением войны России. Это письмо показывает, что причины борьбы в 1792 г. лежали гораздо глубже непосредственных поводов к ее обострению, т. е. назначения ханом султана Ер-Али и разорения казахов старшиной Уральского войска. «Точные ваш обман и ухищрения видны, — писали старшины А. А. Пеутлингу, — что вы нас оными хотите довести, так же как ногайцев и башкирцев поспешить обуздать и наложить службу, а детей наших сделать солдатами и употреблять в походы, и разные тягости хотите на нас положить».

Как видно из этих слов, подъем движения Срыма был вызван угрозой превращения Младшей Орды в колонию. Движение носило характер освободительной борьбы. Отряды Срыма напали на Илецкий городок, подготовлялось нападение на Красногорскую крепость. Но то и другое нападение оказалось неудачным. Силы были слишком неравны, да и военные средства казахов совершенно не были приспособлены к осаде крепостей.

Следует также отметить, что слабость Срыма обусловливалась и явно враждебным отношением к нему большого числа влиятельных старшин. Среди его противников встречаются имена Софра-бия, Каратау-бия, Толеберген-бия, Тиленши — все это старшины, среди которых ранее Срым находил поддержку. Теперь же, осенью 1792 г., отношения между ними крайне обострились. Тиленши упрекал Срыма, что «Орды киргиз-кайсацкой покой нарушает он, Срым».

Срым в свою очередь принимал по отношению к этим старшинам репрессивные меры. Он захватил Каратау-бия, в прошлом близкого своего соратника, и держал его в плену более трех месяцев. Старшину Толебергена он вынудил бежать в Илецкий городок. Одного из старшин Срым захватил в плен и бил плетьми.

Но эти репрессивные меры и теперь были направлены против отдельных старшин, но не перерастали в борьбу против знати «черной кости», как общественной группы.

Срым сам принадлежал к этой социальной группе и не мог подняться до понимания классовых задач борьбы кочевого крестьянства. Сами же «простые казахи» шли за своими старшинами не потому, что их классовые интересы совпадали с интересами «родовой» верхушки, а потому, что все представления их были связаны с формами патриархально-родового быта, а так как эти формы приучили казахов видеть в старшинах своих представителей, то, следовательно, демобилизовали массы трудящихся в их борьбе против формирующейся феодальной знати «черной кости» — «подлых знатных биев», как характерно выразился об этой знати хан Абулхаир.

СВЯЗЬ СРЫМА С ФЕОДАЛАМИ ПОКОЛЕНИЯ АЛИМ-УЛЫ И УПАДОК ДВИЖЕНИЯ

Отход от движения подавляющей массы старшин и военные неудачи вынудили Срыма откочевать в глубь степи, в сторону Сыр-дарьи, где кочевали общины поколения Алим-улы. Связи с поколением Бай-улы, т. е. теми казахскими общинами, с которыми Срым был тесно связан всей своей предшествующей деятельностью, ослабли, хотя окончательно не порвались.

На Сыр-дарье Срым, естественно, попадал в зависимость от местных феодалов. С наиболее влиятельной группировкой хана Абдул-Азиза, сына умершего в 1789 г. хана Каипа, Срым находился в тесных сношениях. Каип был кандидатом старшин на звание хана. Здесь Срым встретил хороший прием и поддержку, но нечего, конечно, было и думать о поднятии движения с помощью этих представителей казахской аристократии на высшую ступень — классового крестьянского движения. Поддержка Абдул-Азиза выразилась в том, что при его посредничестве начались переговоры с царскими властями о примирении и прекращении борьбы.

По просьбе феодалов родов Шекты, Шомекей и Тортkара в Орду был отправлен для переговоров султан Ширгазы, брат султана Абдул-Азиза, майор русской службы и адъютант известного фаворита Екатерины II графа П. Зубова. Миссия Ширгазы состоялась осенью и зимой 1793 г. при крайне враждебном отношении к нему местной администрации во главе с генерал-губернатором А. А. Пеутлингом. Свидание Ширгазы со Срымом и старшинами состоялось в октябре 1793 г. близ Илецкой защиты.

Протекало оно в несколько иных условиях по сравнению с теми, которые существовали в Орде летом и осенью 1792 г. Откочевка Срыма в глубь степи не спасла старшин с подвластными им аулами, оставшимися верными царскому правительству, от бесчисленных нападений и насилий отрядов, в том числе старшины Уральского войска.

Старшины не избегли и возмущения масс. В родах Жагал-байлы, Адай, Берш, Табын и др. положение старшин становилось неустойчивым. Они начинали со своими ближайшими аулами жаться к укрепленной линии, боясь восстания масс. Толеберген прямо писал: «имею я расположиться с киргиз-кайсаками поблизости Оренбурга, потому что я от обращающихся в воровстве киргизцев весьма опасаюсь». Аналогичное письмо к царской администрации поступило от Тиленши Бокенбаева, Шовака из рода Тама и др. В условиях подъема активности масс стремление к прекращению борьбы и примирению Срыма с царской администрацией становилось в среде старшин всеобщим.

Но Ширгазы приехал в Орду без конкретных полномочий. Поддержки в среде местной администрации он также не нашел. Понятно, что в этих условиях Ширгазы на просьбы старшин дальше самых общих обещаний пойти не мог. Эти просьбы были крайне скромны. В письме, поданном султану Ширгазы, не было ни слова о продолжении борьбы. Более того, вооруженные столкновения 1792 — начала 1793 гг. старшины стремились изобразить как обычную бармту. Не требовали они и смены ненавистного для них хана Ер-Али. Но они просили о признании ханом наряду с Ер-Али и султана Абдул-Азиза, уже признанного значительной частью старшин поколения Алим-улы. Вторая просьба старшин к царским властям заключалась в пресечении непрекращающихся вооруженных набегов в степь прилинейных отрядов, которые несли в аулы разорение и гибель. На все эти просьбы старшин Ширгазы мог лишь обещать, «что всемилостивейшая государыня благоволит оказать к ним свое милосердие, непременным своим повелением, обо всех их обидах прикажет исследовать и доставить им полное и справедливое удовлетворение». Несмотря на ни к чему не обязывающий характер таких обещаний, по словам Ширгазы, «сие почтенное султанов и старшин общество довольное уверением моим», — объявило о своем повиновении и подтвердило подданство России. К этому решению примкнул и Срым.

Обострение внутренней борьбы, обнажающаяся классовая крестьянская основа движения Срыма пугали старшин и толкали их на скорейшее прекращение борьбы — в этом следует искать причины успешности миссии султана Ширгазы, хотя в отношении удовлетворения требований старшин эта миссия ничего не дала. Что старшины действительно стремились к скорейшему прекращению борьбы в Орде и примирению с царскими властями, подтверждают два обстоятельства: тотчас же после переговоров с Ширгазы собрание старшин и султанов послало нарочных с письмами к Ер-Али-хану и султанам Ишиму и Айчуваку с тем, «чтоб непременно всем им собравшись, во всех обстоятельствах и их междоусобных развратах решиться к составлению спокойствия и тишины».

Эти переговоры не дали никаких результатов. Несмотря на это, нападения на линию прекратились, и 1794—1795 гг. прошли сравнительно спокойно и на границе и внутри Орды. Старшины стремились к «спокойствию и тишине», и эта позиция старшин в условиях господства форм патриархально-родового быта не позволяла недовольству масс вылиться в широкое освободительное движение.

Но причины этого недовольства не были устранены. В начале 90-х годов XVIII в. нищета масс выросла; особенно это чувствовалось вблизи пограничной линии, где влияние союза феодальной верхушки казахского общества с представителями колониальных властей особенно заметно сказывалось на экономике казахов. Нищета проявилась в массовом занятии казахов рыболовством по нижнему течению Урала. Известно, с каким пренебрежением казахи раньше относились к этому занятию. Только в случае крайней нищеты они прибегали к рыболовству. Но недовольство прорывалось лишь в мелких партизанских выступлениях разрозненных отрядов казахов. Участие в таких выступлениях влиятельных старшин совершенно незаметно.

В июле 1794 г. умер хан Ер-Али. Срым и его ближайший сподвижник, старшина рода Исентемир, Минбай, сделали попытку связаться с султаном Ишимом, братом умершего хана. Однако эта попытка нисколько не устранила вражды султанов — потомков Абулхаира к знаменитому батыру; в сентябре 1794 г. враждебные нападения приверженцев Срыма на аулы Ишима возобновились. Но выступлений против царских властей незаметно.

Сравнительному спокойствию на линии содействовала и умелая политика нового генерал-губернатора, С. К. Вяз-

митинова, который в ноябре 1794 г. сменил А. А. Пеутлинга. С. К. Вязмитиновым были ограничены «воинские поиски» в степь и расширено право казахов перегонять скот зимой на «внутреннюю сторону», крайне урезанное А. А. Пеутлингом. Но все же в праве перегона скота ограничения оставались: казахи могли осуществлять перегон через Урал лишь южнее крепости Индерских гор. Это путало районы кочевий отдельных феодальных владений, и казахи продолжали добиваться отмены такого ограничения. Мелкие нападения на линию продолжались и в 1795 г.

Если генерал Вязмитинов ограничил произвол и насилия местных властей на линии, то он в то же время, как и его предшественник, продолжал опираться на группу султанов фамилии Абулхаира. В 1795 г. им был назначен ханом султан Ишим. Это назначение с удовлетворением было встречено султанами. Спокойными остались и старшины.

ЖУТ 1795—1796 гг. И УБИЙСТВО ХАНА ИШИМА

Но в 1795—1796 гг. произошел ряд событий, в условиях которых движение Срыма вспыхнуло с новой, исключительной силой. В экономическом положении казахов, кочевавших в районе Сыр-дарьи и Эмбы, т. е. там, где находил поддержку Срым, произошло резкое ухудшение. Страшный жут зимы 1795—1796 гг. привел к гибели огромное количество скота. Письмоводитель хана мулла Габайдулла Феткуллин доносил С. К. Вязмитинову, что в результате жута «у богатых, имевших лошадей и баранов от 2000 и более осталось только лошадей до 100, а баранов до 70-ти и до 60-ти, а у бедных до последней скотины вывалилось и дошли до такой крайности, что с голоду малолетние дети многие померли».

К разорению в результате феодально-колониального гнета прибавилась нищета, вызванная жутом. В условиях феодальной экономики при кочевом хозяйстве массы обедневших казахов не могли найти себе источников пропитания. Часть их бежала в Хиву; в Орде начала развиваться бармта, которую феодалы называли грабежом; но она была средством для бедноты отстоять свое существование и явилась по существу формой классовой борьбы казахской бедноты против феодальной верхушки казахского общества. Обострение классовой борьбы в Орде пугало феодалов.

Создавалась почва для соглашения между различными феодальными группировками. Если, как мы уже знаем, по-

пытка группировки Срыма договориться с ханом в 1794 г. не встретила сочувствия в ханской партии, то теперь, в 1796 г., попытка примирения исходила уже от султанов фамилии Абулхаира.

Однако попытка сблизиться с ханом ставила Срыма в трудное положение. Борьба, длившаяся 13 лет, стоившая султанам временной потери власти и немалого унижения, не могла быть забыта. Срым не мог рассчитывать найти себе опору в этой социальной группе и в то же время попытки начать переговоры с ханом отталкивали от Срыма наиболее непримиримых его сторонников. В этих обстоятельствах и надо искать объяснения того, почему переговоры с ханом были прерваны, и Срым снова перешел к борьбе с ним. За Срымом теперь последовало очень небольшое число старшин — их было едва ли больше 9 человек. В донесении биев, батыров рода Шекты от 12 августа 1797 г., старшины писали, что только один из их среды, Шонкай Аблаев, примкнул к Срыму, и в то же время источники многократно повторяют, что своих сторонников Срым находил именно в роде Шекты. Это позволяет думать, что в движении Срыма 1797 г. проявилась дальнейшая дифференциация борющихся сил, что кочевое крестьянство преодолевало сковывающие его волю формы патриархально-родового быта и через головы своих старшин примыкало к Срыму. Аналогичные данные мы имеем и относительно рода Берш.

Вокруг Срыма весной 1797 г. сгруппировались отряды численностью около 1000 человек. Опираясь на эти силы, он в марте 1797 г. подошел к аулам хана. В ночь с 26 на 27 марта хан Ишим был убит одним из участников отрядов Срыма, старшиной Тлепом Койбасовым, аулы хана были разграблены, но никого из жителей этих аулов казахи не тронули. Срым быстро отступил от линии за реку Уил.

Атаман Уральского войска Д. Донсков, получив известие об убийстве хана, обратился к старшинам с призывом оставить Срыма и в то же время, не дождавшись разрешения военного губернатора, направил в степь карательную экспедицию, в которой приняли участие султаны — родственники Ишима — и старшины поколения Бай-улы. Экспедиция пробыла в степи 6 дней и безрезультатно, не достигнув кочевок Срыма, вернулась обратно на линию.

Весной 1797 г. влияние Срыма в Орде быстро возрастало. Он развил широкую агитацию в Орде за отложение от фамилии хана, грозя старшинам репрессиями.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА СРЫМА ДОБИТЬСЯ ЛИКВИДАЦИИ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ

Оренбургская администрация в лице военного губернатора О. А. Игельстрома, вернувшегося в Оренбург на место С. К. Вязмитинова в начале 1797 г., не решилась на восстановление власти хана, хотя султаны этого упорно требовали. Для управления Ордой был основан Ханский совет, в составе назначенных царской администрацией шести старшин и под председательством султана Айчувака. Конфидентом при Ханском совете был назначен старый сторонник старшинской группировки муфтий Мухаммеджан Хусейнов.

Султаны крайне враждебно отнеслись к этому новому учреждению. Совет был открыт 8 августа на реке Малой Хобде, а 12 августа в Экспедицию пограничных дел начали поступать от султанов и ряда старшин представления об утверждении ханом султана Каратая, сына Нур-Али. 21 августа султан Айчувак под ничтожным предлогом покинул Ханский совет и более в него не возвращался. Совет стал чисто старшинской организацией.

В первое время своего существования Ханский совет не пользовался ни популярностью, ни авторитетом. Но в конце августа в него стали обращаться старшины и трудящиеся казахи за разрешением своих тяжб. В отношении группировки Срыма Совет занял примирительную позицию. Он не раз обращался за поддержкой к Срыму по вопросу провода караванов и возврата русских пленных. Никакой борьбы со Срымом и его группировкой в деятельности Совета незаметно. Понятна поэтому непопулярность Совета в глазах султанов.

Но Срым не недооценивал значения Совета — это был единственный орган власти в Орде, признаваемый и поддерживаемый царской администрацией. 29 августа большое число старшин поколений Алим-улы и Бай-улы и незначительное число старшин поколения Жети-ру явились в Ханский совет. Среди этих старшин находился и Срым. Здесь совместно с членами Ханского совета произошло совещание.

Совещание прежде всего отметило, что борьба последних лет привела Орду к разорению. Далее старшины выразили удовлетворение организацией Ханского совета, но признали, что организации одного Совета недостаточно, чтобы восстановить мир в Орде и предотвратить набеги на русские границы. Было признано необходимым наряду с

Ханским советом выбрать для каждого из поколений главных старшин; тотчас же произвели выборы: для поколения Алим-улы выбрали Каракобек-тархана, для Бай-улы — Срыма. Для поколения Жети-ру — опоры ханской власти — выборы главного старшины произведены не были. Вопрос о восстановлении ханской власти старшины обошли молчанием, хотя по свидетельству муфтия среди старшин, собравшихся на Малой Хобде, было немало сторонников ханской власти. Но признать ханом султана Каратая, о выборе которого султанской группировкой старшины, конечно, знали, они решительно отказались. Не трудно видеть, что в постановлениях собрания 29 августа Срыму удалось достичь основной своей цели — передать полноту власти в Орде в руки старшинской группировки. В постановлении 29 августа должен быть отмечен еще один момент: безопасность в Орде предполагалось осуществить на основе взаимной поддержки старшин и «учинением смертоубийства» всем, кто будет противиться решениям объединенного собрания старшин.

Но в расчеты царской администрации теперь, в 1797 г., совсем не входил разрыв с партией хана; цель учреждения Ханского совета заключалась в том, чтобы достигнуть компромисса между «благонадежными» старшинами и ханской фамилией, но не восстановление власти старшинских группировок. На деле из учреждения Ханского совета получилось, как видно, совсем другое — восстановление власти старшинской группировки Срыма. Правда, теперь вопроса о борьбе с царскими властями старшины совсем не ставили. Наоборот, они стремились предотвратить вмешательство царских властей в конфликт между ними и фамилией хана путем удовлетворения требований царской администрации, прежде всего по вопросу о возврате из Орды русских пленных, но это не изменяло существа дела — перехода власти в руки старшинской группировки, чего не хотело теперь допустить царское правительство.

29 августа происходило собрание старшин, а 16 октября был назначен в Орду ханом султан Айчувак. Назначение, конечно, было прикрыто фикцией «выбора». 31 октября Айчувак был уже утвержден в звании хана. Такая поспешность показывает, как была обеспокоена царская администрация восстановлением власти группировки Срыма, этого «известного возмутителя», как теперь иначе не называли его в русских официальных документах.

О судьбе Срыма после назначения ханом султана Айчувака никаких документальных данных не сохранилось. Несомненно, что активной политической роли в Орде он с конца 1797 г. не играл. Сохранились в преданиях две версии о его гибели: по одной, Срым был убит султаном Каратаем в вооруженной стычке, по другой, он бежал в Хиву и был там отравлен по проискам султанов фамилии Абулхаира. Вероятнее вторая версия, потому что в случае продолжения вооруженной борьбы в Орде русские источники эти столкновения обязательно отразили бы. Погиб Срым в 1802 г. Но его семья жила в Орде и сын Жусуп остался старшиной в одном из владений рода Байбакты.

Таков был конец движения Срыма, самого мощного и демократического движения казахов в XVIII в. Оно было неодинаковым на различных этапах. До 1785 г. оно являлось борьбой народных масс во главе со старшинами против царских колонизаторов — носило чисто антиколониальный характер. Но с конца 1785 г., при наличии тесного союза ханской группировки и царских властей, центр борьбы переносится на внутриордынские отношения. До 1789 г. борьба развивается как народное движение против хана Нур-Али и султанов его фамилии. Старшины и кочевое крестьянство и в этот период выступали сомкнутым фронтом.

С 1789 г. намечается размежевание сил в старшинской группировке: трудящиеся казахи выступают вопреки воле старшин и в ряде случаев против них. Это наиболее общая и существенная черта движения Срыма в его третий, заключительный, период. Однако и в этот период борьба не переросла в борьбу против старшин, как *социальной группы*. Но, несмотря на это, мы можем считать движение Срыма крестьянским движением в Младшей Орде. Оно было крестьянским по основной массе его участников и причинам, его породившим. Мы видели, что широкое участие в движении кочевого крестьянства обусловливалось не колониальной, а феодально-колониальной системой эксплоатации.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СРЫМА

Причины неудачи движения Срыма коренились прежде всего в общих и для оседлых народов условиях поражений крестьянских войн. «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание

во главе с рабочим классом может привести к цели».[1] Рабочего класса в Казахстане не было или почти не было до Октябрьской революции.

Но развитие крестьянской войны в Казахстане имело свои особенности.

Здесь народным массам приходилось преодолевать огромную силу сопротивления: борьба шла и против собственной знати и против вооруженных сил царизма, поддерживавшего эту знать. Несмотря на это, народные массы в этой борьбе проявили много героизма. Плохо вооруженные, они шли против русских крепостей; народные массы прилинейных аулов скрывали участников восстания, несмотря на то, что эти аулы могли в любой момент подвергнуться нападению русских отрядов и что на молчание собственных старшин казахи положиться могли далеко не всегда.

Особенностью крестьянской войны в Казахстане являлось также то, что она развивалась в условиях патриархально-родового быта. В этих условиях руководство движением оказывалось и не могло не оказаться в руках «родовой» феодализирующейся знати, с одной стороны; с другой, сознание и воля самого крестьянства отравлялись представлением о единстве их и старшинских интересов. Отсюда непоследовательность движения и его ограниченность.

Крестьянская война здесь могла получить лишь формы борьбы против отдельных группировок феодалов; она не могла подняться даже до уровня тех массовых, стихийных восстаний крестьянства, в которых все же с достаточной четкостью выступал характер борьбы против класса феодалов-крепостников, т. е. таких движений, какими были движение Пугачева в России, крестьянская война XVI в. в Германии и т. д. На пути развертывания крестьянской войны стояли формы патриархально-родового быта. Это облегчило поражение движения Срыма.

Но то, что в этой борьбе старшины и трудящиеся казахи нередко оказывались в двух противоположных лагерях, — разоблачало призрачность единства интересов кочевой общины. Движение Срыма не разрушило и не могло разрушить патриархально-родовые формы быта, но оно в практике борьбы разоблачало их в глазах масс и тем самым расшатывало эти формы. Поэтому движение, возглавленное батыром Срымом, мы должны оценить как явление рево-

---

[1] И. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9, Партиздат, 1933.

люционно-освободительное в развитии казахского общества, несмотря на все колебания и непоследовательность тактики самого Срыма; иной тактика Срыма, типичного представителя знати «черной кости», и быть не могла.

Срым никогда не поднимался до понимания противоположности интересов народных масс и старшин. Его сознание также было сковано патриархально-родовыми формами быта. Поэтому, а не только в силу своей классовой принадлежности, он никогда не ставил целей борьбы против родовых старшин как социальной группы. Но когда в практике борьбы он сталкивался со старшинами, предававшими интересы народных масс, он выступал вместе с народом против старшин. Понятно поэтому, что казахский народ сохранил память о Срыме, как о своем герое.

ГЛАВА XI

КАЗАХСКИЕ ОРДЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИС В МЛАДШЕЙ ОРДЕ В НАЧАЛЕ XIX в.

Поражение Срыма, его гибель в начале XIX в. послужили началом феодальной реакции в Младшей Орде. Эта реакция выразилась в развитии феодальных войн. «Выборы» ханом султана Айчувака не были встречены сочувственно со стороны султанов — их кандидатом был Каратай, побочный сын хана Нур-Али. Смелый, предприимчивый и хищный феодал, он не думал примириться с потерей ханского звания, к которому неудержимо стремился. Но был и другой претендент на ханское звание — султан Жан-Торе, сын Айчувака. В районе Сыр-дарьи сохранялась власть султана Абдул-Азиза, сына Каипа, признанного ханом значительной частью поколения Алим-улы. Правда, в начале XIX в. Каратай не рисковал выступить открыто против хана — он выжидал дальнейших событий. Неспособность Айчувака обуздать произвол султанов обнаружилась очень скоро, в первые же годы XIX в.

Крайне развившаяся бармта ослабляла хозяйство казахов. Бармта совершенно потеряла свой первоначальный характер: возмездие за причиненный ущерб или средство заставить ответчика подчиниться решению суда биев. Теперь бармта являлась типичной формой феодальных войн. Проводилась она по инициативе и под руководством султанов. Ее целью теперь являлось обогащение путем грабежа. Це-

лые аулы разорялись, население нередко убивалось, что при бармте обычай строжайше запрещал, скот угонялся и быстро непроизводительно истреблялся, из опасения обратной бармты. Развитие феодальных войн, несомненно, было одной из главнейших причин, вызвавших резкий хозяйственный упадок в Младшей Орде, но бармта была не единственной причиной этого упадка.

Вторая причина скрывалась во внешнеполитических условиях Младшей Орды. На юге Орда граничила с Кокандским и Хивинским ханствами. Кокандское ханство в начале XIX в., при хане Алиме, выросло в сильное и обширное государство. При преемнике Алима хане Омаре (1809—1822 г.) владения Коканда продвинулись к Сыр-дарье; часть общин Младшей Орды должна была подчиниться Кокандскому хану. Помимо разорения, сопряженного с процессом завоевания, Омар эксплоатировал казахские аулы путем сбора дани. Казахи должны были уплачивать зякет. Сохранились сведения, что Омар посылал Сеид-кул-бека в Дашт-и-Кипчак «для разграбления тамошних кочевников», т. е. казахов.

Значительно ухудшилось положение казахов на границе с Хивой, когда в 1806 г. хивинским ханом стал энергичный Мухаммед-Рахим (1806—1825 гг.), второй представитель так называемой Кунградской династии. В 1812 и 1813 гг. после разгрома Кунградского владения хивинский хан совершенно разорил аулы родов Шекты, Шомекей и Торткара. В устье Сыр-дарьи, т. е. в центре кочевий поколения Алим-улы, Мухаммед-Рахим построил крепость, что весьма сильно увеличило его влияние в Орде. Таким образом, на южной границе Младшей Орды положение казахских владений было крайне неустойчиво.

Но и на западной границе, по Яику, складывалось тяжелое положение. В первом десятилетии XIX в. значительно усилились нападения царских отрядов на казахские аулы. Нападения объяснялись местной администрацией как ответная мера на усилившиеся пограничные нападения казахов. На самом же деле они оставались, как и в XVIII в., для царской администрации и старшины Уральского войска средством наживы. Нападениям подвергались пограничные аулы, обычно не принимавшие участия в бармте, в то время как на пограничную линию нападали казахи отдаленных аулов, недоступных для мелких пограничных отрядов.

Нападения получили настолько широкое распростране-

ние, что Азиатский комитет, в ведении которого находились дела по взаимоотношениям казахов и России, должен был запретить указом от 21 сентября 1814 г. посылку вооруженных отрядов в степь, мотивируя это запрещение тем, «что воинские отряды, быв посылаемы в степь под разными предлогами, делали там злоупотребления, производили убийства, грабежи и разорения не только виновным, но и мирным и даже преданным совершенно России киргизцам».

Но было бы ошибкой объяснить хозяйственный упадок Младшей Орды только внешними условиями и внутренними феодальными войнами. Причины упадка коренились также в углублении феодальной эксплоатации кочевого крестьянства, выразившейся прежде всего в расширении экспроприации земли. Несмотря на острый упадок скотоводства, на сокращение поголовья скота, в степи чувствовалась большая земельная теснота. Она появилась в силу того, что вместе с концентрацией скота в руках знати сосредоточивалось и пользование пастбищными землями и водоемами.

Углубление феодальных отношений скрывалось и в умножении числа толенгутов. Мы видели выше, что толенгуты были дружинниками знати. Беспомощность и упадок общины заставляли искать покровительства сильного феодала, причем далеко не все толенгуты теперь становились дружинниками, — многие из них выполняли и домашние работы. Из отношений вассалитета толенгутизм превращался в патронат. Община защиту своему члену оказать не могла.

Об упадке роли общины говорит не только превращение свободных казахов в толенгутов, но и попытки знати как «белой», так и «черной кости» распределять казахов между их аулами независимо от «родовой» принадлежности. Что такие попытки были, мы знаем как из писем старшин, так и из донесений бывшего тогда в Оренбурге военным губернатором кн. Г. С. Волконского.

Наконец, о той же беспомощности общины свидетельствует множество «байгушей», появившихся на пограничной линии, которых община уже не могла прокормить или оказать какую-либо помощь. Байгуши использовались на кабальных условиях в качестве рабочей силы в русских прилинейных поселениях и в ничтожной степени в хозяйстве казахской знати.

Вот это усиление феодализации наряду с феодальными войнами и военным грабежом и привело к небывалому упадку как Младшую, так и Среднюю Орды.

Хозяйственный упадок проявился прежде всего в значительном уменьшении поголовья скота. На это имеются прямые указания в источниках. Оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский в рапорте, поданном Александру I в 1804 г., писал: «важнейший же вред, касающийся и выгод государства, есть весьма приметное уменьшение во всей степи скотоводства; сия отрасль нашей промышленности, теперь нарочито ослабленная, ежели более придет в упадок, едва ли чем может быть вознаграждена».

Резкое сокращение поголовья скота делало невозможным для обедневших аулов ведение кочевого скотоводства. Значительное развитие, но не повсеместно, получает земледелие. Не случайно народное предание относит начало земледелия в районе Тургаев к началу XIX в. и связывает это начало с именем некоего Сеит-кула, родом кипчака, убитого во время бармты около 1830 г. Разводили здесь пшеницу, просо, кукурузу, арбузы, дыни, лук, морковь, тыкву. Земледелие было поливное, по арыкам вода подавалась на поля из Тургая. Но число игинчей (земледельцев) в районе Тургаев не превышало нескольких десятков аулов.

Более значительные размеры земледелие получило в районе Сыр-дарьи, где захваты пастбищ Кокандом и Хивой, поборы этих ханств (см. главу XIV) подорвали хозяйство казахов и заставили их переходить к земледелию.

Хозяйственный упадок проявился и в резком сокращении торговли. Статистические данные, характеризующие этот упадок, имеются лишь для торговли казахов с Россией; для торговли со среднеазиатскими ханствами их нет.

Приведем некоторые данные:

Было выменено за пятилетие	Лошадей	Баранов
1798—1802 гг.	10 919	649 298
1803—1807 „	4 314	406 715
1808—1812 „	282	318 202

В последующие годы количество вымененного скота стало медленно и сравнительно в небольших размерах повышаться.

Следует отметить, что далеко не все скотоводы переходили к новым формам хозяйства. Переход к земледелию требовал средств, которых у многих семей не было. Кроме

того, в условиях феодальной реакции, непрекращающихся грабежей, казахи-земледельцы часто грабились бармтовщиками. Относительно того же Сеит-кула известно, что он для себя и других семей игинчей построил небольшое укрепление, состоящее из рва и вала, где игинчи укрывались от бармтовщиков. Развалины этого укрепления, известного под названием Сеит-куловского кургана, показывали в степи еще в 70-х годах XIX в.

Понятно, что в этих условиях хозяйственный кризис нашел наиболее яркое выражение в народной нищете и появлении на линии большого числа нищих-байгушей. Гр. Потоцкий, которого правительство запросило о причинах упадка, так описывал нищету казахов: «Сия бедность их чрезвычайна и злощастие их умножается. Юрты или кибитки их, долженствовавшие бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты лишь одними шерстяными лоскутьями, едва сваленными. Сами же киргизцы ходят в отрепьях, и степные ветры, проникающие беспрестанно до нагих тел их, наносят им болезни, которые хотя и не опасны, но обыкновенно поражают целые семейства, которые в таком случае лишаются всей собственности своей». Такую же картину нищеты рисуют и другие материалы: донесения русского чиновника Величко и Пограничной комиссии (учреждена в 1799 г. вместо упраздненного Пограничного суда).

Среди казахов, кочевавших близ Сыр-дарьи, также росла нищета. Обложенные повинностями со стороны хивинского хана, разоряемые поборами и насилиями собственных феодалов, казахи здесь массами переходили к рыболовству, к занятию которым, как отмечалось выше, казахи прибегали лишь в случае крайней нужды.

Нищета заставляла казахов продавать своих детей в рабство. Продавали они их хивинцам. В 1808 г. царское правительство издало указ, которым казахам как русским подданным запрещалось продавать детей хивинцам. Но этот указ в то же время поощрял продажу казахских детей русским, даже и не дворянам, с одним лишь ограничением — рабство должно быть временным, и казах по достижении 25-летнего возраста получал свободу.

Однако разорение казахов далеко не было всеобщим. Разорение массы увеличивало концентрацию скота в руках отдельных феодалов, хотя несомненно, что от бесконечных феодальных войн разорялись и менее сильные представители казахской знати. Углубление диференциа-

ции в казахском обществе заметили и сами феодалы. В «обете», заключенном между различными группировками казахской знати в 1803 г. (см. ниже), старшины и султаны писали: «разве наши глаза не видят тех, кто продает много лошадей как и в прежние времена? Но разве наши глаза не видят и того, что те наши люди, которые раньше ездили на хороших конях и гнали много табунов, ныне ездят, оседлав быка или же ходят пешком?» Итак, хозяйственный упадок в начале XIX в. не устранял, а углублял дифференциацию в казахском обществе.

ОБРАЗОВАНИЕ «ВНУТРЕННЕЙ ОРДЫ»

Хозяйственный упадок, углубление земельной тесноты привели к образованию так называемой Букеевской или Внутренней Орды. Мы видели выше, как дороги были казахам поколений Бай-улы и Жети-ру кочевья на астраханских землях, особенно в зимнее время. Нужда в кочевьях на «внутренней стороне» возросла в связи с той относительной земельной теснотой, которая была вызвана процессом развития феодального распоряжения кочевьями. Царская администрация боролась с периодическими перекочевками казахов на «внутреннюю сторону». Но в конце XVIII в. возникла мысль о перепуске казахов на астраханские земли на вечное жительство. Такая перекочевка соответствовала колониальным интересам царизма: она раздробляла силы Младшей Орды, превращала часть казахов в «подданных» Российской империи, наподобие башкир и калмыков, сулила усиление поборов с казахов, развитие с ними торговых снощений и заселение пустующих в значительной части астраханских земель.

В 1801 г. было положено основание новой Букеевской Орде. Это была попытка старшин Младшей Орды найти выход из хозяйственного и политического кризиса.

«ОБЕТ» 1803 г.

Второй попыткой, преследующей ту же цель, явилось стремление султанов и старшин прекратить феодальные войны в Орде. Эта попытка была предпринята в 1803 г. при содействии и, повидимому, инициативе царской администрации. При Меновом дворе, близ Оренбурга, между представителями знати «черной» и «белой кости» был заключен «обет».

Цель этого «обета» — добиться успокоения в Орде на основе стабилизации положения феодальной знати. Для этого прежде всего необходимо было гарантировать себе поддержку царских властей. Ни о какой борьбе с местными властями в «обете» не было и речи. Не было предъявлено и никаких требований о возврате захваченного в Орде скота и плененных людей. Осудили старшины и нападения на караваны, как ответную бармту на насилия местных царских властей над казахами. Все спорные вопросы, возникающие между казахами и царской администрацией, старшины предлагали передать на разрешение двух русских чиновников и только просили о разрешении наметить этих чиновников им самим.

Далее «обет» ставил вопрос объединения сил феодалов внутри Орды, которое должно было осуществиться через усиление вассальных отношений всех феодалов к хану и укрепление власти старшин над кочевым крестьянством. В «обете» старшины стремятся совершенно заслонить общину в гражданских взаимоотношениях. «Всякому надлежит докладывать о своем деле главам рода и добиваться своего права у них», — читаем мы в «обете», в то время как по обычному праву нес ответственность сам ответчик или за него «той же волости лучший в роде». Сам ответчик теперь устранялся, представлял его только «глава рода». Далее старшины предлагали поручить хану бедняков «распределить и распылить... по всем аулам» и найти им «подходящую работу». Это свидетельствовало о том, что феодалы не хотели считаться с волей общины — о «роде» здесь нет и упоминания, а поручение обедневшим казахам «подходящей работы» волей хана по существу означало усиление «внеэкономического принуждения», т. е. углубление отношений феодальной зависимости.

Но надо было обеспечить реальность этих постановлений. И в этом вопросе нет речи о том, чтобы опереться на общину: каждый из старшин должен был придерживаться постановлений собрания «согласно этой нашей поруке», т. е. реальность «обета» обеспечивалась объединенной силой феодалов.

ДВИЖЕНИЕ СУЛТАНА КАРАТАЯ

«Обет» подписали далеко не все влиятельные старшины и султаны; не подписал его и султан Каратай. Трудно было поэтому ожидать, что постановления собрания будут про-

ведены в жизнь: для обуздания произвола феодалов нужно было, чтобы «обет» поддержали наиболее сильные из них, а этого не было. Поэтому естественно, что феодальные войны продолжались и после выработки «обета» и даже приняли более широкий и губительный характер.

Углубление феодальной борьбы связано с именем султана Каратая, популярность которого среди султанов была обусловлена его активным участием в подавлении движения Срыма. Добиться звания хана тогда, в 1797 г., ему не удалось, но он не оставлял своих домогательств. На путь активной борьбы с царскими властями после назначения ханом султана Айчувака он не вступил: наоборот, всей своей деятельностью — выдачей русских пленных, охраной караванов в пути, — он стремился развеять предубеждение против него царского правительства. Но это ему плохо удавалось. В 1805 г. хан Айчувак был смещен с должности хана по его собственной просьбе, подлинность которой впрочем сомнительна — просьбу, по свидетельству Генса, председателя Пограничной комиссии, подделал сын Айчувака султан Жан-Торе, который и был назначен ханом в том же 1805 г.

Еще перед «выборами» нового хана Каратай занял к Жан-Торе враждебную позицию. Однако на самих выборах военному губернатору Г. С. Волконскому удалось добиться примирения этих двух султанов, хотя и ненадолго. Каратай вскоре после «выборов» развил активную деятельность в Орде по организации вокруг себя вооруженных отрядов и агитацию за избрание нового хана. В 1806 г. на реке Хобде собрание старшин вынесло постановление об упразднении «бесполезного» хана Жан-Торе и провозгласило ханом Каратая. Основываясь на этом постановлении собрания старшин, Каратай силой начал приводить себе в подчинение колеблющихся султанов и старшин. Значение хана Жан-Торе, и так небольшое, совсем упало. Жан-Торе не рисковал появляться в глубине степи и жался со своими аулами к пограничной укрепленной линии.

Борьба против Жан-Торе, естественно, явилась борьбой и против царского правительства, ставленником которого Жан-Торе являлся. Каратай одновременно с развертыванием борьбы против Жан-Торе захватил транзитные караванные пути и остановил караван, шедший из Хивы. Этими репрессиями Каратай думал воздействовать на царскую администрацию и заставить ее признать его ханом. Г. С. Волконский сделал попытку хитростью арестовать

Каратая, заманив его на линию, но задержать удалось только его брата, султана Узбек-Али. Это лишь озлобило Каратая, и его отряды в ответ на действия губернатора произвели вооруженные нападения на русские поселения по всей Нижнеуральской линии.

В следующем, 1807 г., старшины поколений Жети-ру и Бай-улы и большое число султанов снова обратились к военному губернатору с просьбой утвердить ханом Каратая, чтобы добиться уничтожения анархии в Орде, но безрезультатно. Каратай опять задержал караван, шедший из Бухары в Оренбург. В ответ царская администрация направила в степь две карательные экспедиции под командой Герценберга и Бородина. Герценберг из Оренбурга углубился в глубь степи до реки Уила и вышел на Нижнеуральскую линию. Бородин из крепости Сарайчиковской доходил до нижнего течения Эмбы. Обе экспедиции, разоряя встречные аулы, еще более усилили хозяйственный упадок в Младшей Орде, но захватить Каратая не могли: при приближении отрядов он ушел в глубь степи, а затем вновь возобновил нападения на линию. При этом он стремился втянуть в движение и казахов Букеевской Орды. Одновременно начиналось движение в Средней Орде. В 1809 г. царское правительство направило в степь новую карательную экспедицию, также не достигшую цели.

Набеги Каратая еще более усилились. В один из набегов 1809 г. хан Жан-Торе был убит Каратаем. Боязнь репрессий со стороны царского правительства и родственников хана уменьшила число сторонников Каратая, и он должен был удалиться в Хиву. Уход Каратая в Хиву характерен для этого султана. Выше было отмечено отношение Хивы к казахам. Мухаммед-Рахим стремился к порабощению казахского народа, но осуществить это он мог лишь через посредство вассальных к нему султанов. Уход Каратая в Хиву в такой обстановке являлся поддержкой сил Хивы, стремящейся к ликвидации политической самостоятельности казахских владений. До 1812 г. о нападениях Каратая ничего не известно. Возможно, что пассивность его в этот период объясняется не только ослаблением его позиций в Орде, но и тем, что царское правительство медлило с назначением нового хана. Власть в Орде была передана в руки Ханского совета.

Ханская власть была восстановлена лишь в 1812 г., когда были назначены, конечно, под оболочкой «выборов» два хана: в Младшей Орде — султан Ширгазы, сын Айчувака,

во Внутренней Орде — султан Букей, сын хана Нур-Али. Надо сказать, что кандидатура Ширгазы была выбрана неудачно. По характеристике Мейера, историка казахов Оренбургского ведомства, Ширгазы был «труслив, хитер, скрытен; как глава партии он не имел никакого значения... его власть простиралась не далее русских форпостов и кочующие здесь байгуши повиновались ему только по необходимости». Эта характеристика вполне совпадает с действительностью. Назначение ханом Ширгазы, ненавидимого, за исключением небольшого круга султанов, казахами, позволило Каратаю вновь развернуть борьбу против царского правительства.

В степь скоро были посланы карательные экспедиции под командой атаманов Уральского войска, Донскова (1812 г.) и Епанешникова (1814 г.). Дважды были разгромлены аулы, преданные Каратаю, но самого султана захватить не могли. Каратай стал искать примирения с царской администрацией, которая, озабоченная упадком своего влияния в степи и сокращением как прилинейной, так и транзитной торговли, охотно пошла на примирение.

В 1814 г. состоялось свидание оренбургского губернатора Г. С. Волконского с султаном Каратаем, который дал письменное обязательство оставаться верным России. Кн. Волконский прибег к обычному способу подкупа султана подарками и туманным, ни к чему не обязывающим намеком на возможность передачи звания хана Каратаю, но своего обещания не выполнил. В 1816 г. хан Ширгазы при поддержке русских команд совершил нападение на отряды султанов Каратая и Арынгазы. В ответ на это нападение Каратай призвал всех казахов «от 7 до 70 лет» восстать против Ширгазы. Однако вмешательство в конфликт вновь назначенного оренбургским военным губернатором П. К. Эссена предотвратило дальнейшее развитие борьбы. После столкновения 1816 г. Каратай прекратил вооруженную борьбу против России; наоборот, он искал примирения и союза с царской администрацией.

В исторической литературе А. Рязановым была высказана мысль, что во второй период своей деятельности Каратай отошел от задач освободительной борьбы. Эту мысль нельзя признать правильной, потому что Каратай никогда не являлся вождем освободительного движения в Казахстане. Движение Каратая и в первый его период, т. е. до 1816 г., носило характер феодальной фронды. Нигде и никогда Каратай не ставил вопроса о разрыве вассальных

отношений Младшей Орды к России. Вооруженные восстания против России в 1807—1808 гг. и 1812—1814 гг. были лишь тактическим шагом, чтобы заставить царское правительство признать его, Каратая, ханом. Когда несколько позже, в 1824 г., было приступлено к ликвидации ханской власти в Младшей Орде и Каратай был назначен султаном-правителем Западной части Орды, — правительство нашло в нем исполнительного и преданного агента. Он не только помогал царским карательным экспедициям, но и сам организовал карательные набеги на враждебные ему аулы. Если влияние Каратая в Орде одно время было действительно велико, то это было обусловлено тем, что в своих домогательствах ханской власти Каратай должен был вести борьбу против ставленников царских властей, наиболее хищных и беззастенчивых представителей царских колониальных интересов в степи — ханов Жан-Торе и Ширгазы.

Но возвышение в степи султана Арынгазы отодвинуло Каратая на второй план, и для него, как и для других представителей фамилии Нур-Али-хана, опора на царскую администрацию становится единственной надеждой на достижение власти. Отсюда — отказ Каратая с 1816 г. от тактики вооруженных столкновений и стремление его договориться с царскими властями.

СУЛТАН АРЫНГАЗЫ

Движение Арынгазы возникло как национально-освободительная борьба, направленная против агрессии Хивы. Очагом этого движения являлись кочевья рода Шекты, расположенные в районе низовьев Сыр-дарьи.

Арынгазы к 1815 г., т. е. к моменту смерти его отца, было около 30 лет. Человек с большой силой воли, воспитанный в семье, тесно связанной с Хивинским ханством (его дед и отец были ханами в Хиве), ярый сторонник шариата, он мыслил государственность в формах, характерных для азиатского деспотизма. В этикете и даже в семейной обстановке он стремился подражать среднеазиатским ханам. С самого начала своей самостоятельной политической деятельности он попал в трудную внутреннюю и внешнюю политическую обстановку. В 1815 г. его признавала ханом лишь незначительная часть старшин поколения Алим-улы.

Агрессия Хивы в сторону казахских владений не только не уменьшилась, но усилилась. В 1816 г. Мухаммед-Рахим

подверг разгрому казахские аулы, кочевавшие в низовьях Сыр-дарьи. К этому же времени относится и наступление кокандского хана Омара в сторону Сыр-дарьи. В 1814 г. им был занят г. Туркестан, а в 1817 г. — урочище Ак-Мечеть, где была построена крепость (на месте современной Кзыл-Орды).

Арынгазы в борьбе с агрессией такого сильного противника, каким был Мухаммед-Рахим, естественно, должен был искать внешней опоры. Прежде всего он сделал попытку воспользоваться помощью Бухары. Он, по словам русских документов, поддерживал Бухару в ее борьбе с Хивой и искал поддержки у Мир-Хайдера бухарского. Однако нельзя утверждать, чтобы он эту поддержку в сколько-нибудь заметном виде получил. Бесплодность сближения с Бухарой и заставила Арынгазы порвать с внешнеполитическими традициями своих деда и отца, державшихся в стороне от России и ориентировавшихся на среднеазиатские ханства.

Арынгазы решительно встал на путь сближения с Россией. Он нашел себе сторонников в лице высшей оренбургской администрации — военного губернатора П. К. Эссена и председателя Пограничной комиссии А. Веселицкого. Чтобы заслужить доверие русских властей, Арынгазы предпринял шаг к примирению с ханом Ширгазы. Соглашение с ним он заключил в 1816 г. Он выдавал в Россию пленных и охранял транзитные караванные пути, однако, лишь в Бухару, но не в Хиву.

Арынгазы стремился создать объединенное казахское ханство, укрепить элементы государственности; но внешнеполитическая обстановка была такова, что он мог ставить лишь цель создания вассального казахского государства под протекторатом России.

Деятельность Арынгазы протекала главным образом среди владений Младшей Орды, с центром в низовьях Сыр-дарьи. Здесь после 1816 г. он развил энергичную деятельность, стремясь не только прекратить феодальную анархию, но и пытаясь закрепить государственное единство казахских родов рядом соответствующих мероприятий. К старшинам и «простым» казахам, не подчиняющимся его распоряжениям, он применял смертную казнь, право, которое могли себе в прошлом присвоить лишь сильные и влиятельные ханы: по адату выносить смертные приговоры было прерогативой лишь народных собраний.

Мы видели выше, в какой сильной степени власть хана зависела от поддержки старшин. Это делало власть хана слабой и неустойчивой. Арынгазы сделал любопытную попытку ограничить власть старшин. В одном из своих писем он писал: «теперь же кочующие здесь киргизцы и старшины не имеют никакой власти и на прикладство их печатей, ибо власть и распоряжение предоставлены одному человеку». Этим человеком был Арынгазы. Власть свою он стремился осуществлять через своих уполномоченных-есаулов, назначая их постоянными своими представителями в казахских «родах». Для содержания их казахи были обложены специальной податью.

Была ограничена и судебная власть знати «черной кости», т. е. суд биев. Арынгазы судил не через посредство биев, а своих мулл-казы. Суд осуществлялся не по обычному праву казахов, т. е. не по адату, а по шариату. Мейендорф, который в 1820 г. близко наблюдал деятельность Арынгазы, писал о нем: «он правосуден, чтобы привлечь к себе народ, но суд его не по закону предков, всем известному, а по закону мухамеданскому, никому неведомому».

Введенное еще в 1788 г. обложение казахов поколения Алим-улы ханом Каипом Арынгазы не только сохранил, но и распространил на новые подвластные ему аулы. Им взимался как зякет, так и ушр (десятина). Экономические привилегии знати как «белой», так и «черной кости» были им оставлены в неприкосновенности. Он ограничил их политические привилегии, но это не вызвало широкой борьбы старшин против Арынгазы. Свою объединительную политику он строил на феодальной основе.

Влияние Арынгазы в 1816—1819 гг. в огромной степени возросло. Дважды — в 1817 и 1819 гг. — старшины подавали прошения на имя императора об утверждении Арынгазы ханом. Под первым прошением подписалось большое число старшин поколений Бай-улы и Алим-улы, ко второму присоединили свои подписи в значительном числе и старшины Жети-ру, поколения, являвшегося перед этим опорой ханской власти. Следовательно, влияние наиболее значительных султанов фамилии Абулхаира, прежде всего хана Ширгазы и в значительной степени султанов Каратая и Темира, падало. Военный губернатор П. К. Эссен также поддерживал кандидатуру Арынгазы. Однако Азиатский комитет не согласился с мнением оренбургского губернатора, считая опасным для колониальных интересов царизма выдвижение Арынгазы.

В 1816 г., как уже отмечалось выше, подверглись нападению хивинского хана аулы казахов родов Шекты и Шомекей. Целью Мухаммед-Рахима являлось распространить господство Хивы на казахские владения султанов фамилии Каипа. В 1818 г. султан Ширгазы, брат умершего султана Абдул-Азиза, бежал из России в Хиву и был признан Мухаммед-Рахимом ханом сыр-дарьинских казахов.

Однако Ширгазы, бывший майор русской службы, представлялся Мухаммед-Рахиму не совсем надежным. Ширгазы был отравлен, а ханом назначен его сын, султан Маненбай, который среди казахов, даже казахской знати, не пользовался авторитетом, более того, его ненавидели. А. Негри, проезжавший через степь в 1820 г., писал про Маненбая, что «исключая тех киргизцев, которые принуждены делить с ним участь свою, все прочие его ненавидят и проклинают». Трудящиеся казахи, находившиеся в подчинении Маненбая, эксплоатируемые казахской знатью и хивинским ханом, влачили нищенское существование. «Партия его (т. е. Маненбая), — писал участник миссии А. Негри, барон Мейендорф, — никогда не была сильна, не восходила более как до 1000 кибиток и состояла по большей части из бедных киргизцев, питавшихся рыбною ловлею в Сыр-дарье или земледелием на сей реке, по Кувану и по Яны. К нему присоединилось несколько воров разбойников, недовольных расправою Арынгазы. Из сего составилась слабая, но вредная разбойническими поступками толпа Маненбая».

Борьба Арынгазы с Хивой особенно обострилась в 1819 г. В этом году из Хивы явились на Сыр-дарью сборщики зякета. Уплата зякета, как мы знаем, была показателем подданства, — следовательно, Мухаммед-Рахим рассматривал казахов, кочевавших в районе Сыр-дарьи, как своих подданных. Но Арынгазы решительно воспротивился уплате зякета. По его приказу сборщики были схвачены и отправлены в Оренбург. Ярче русская ориентация Арынгазы проявиться не могла.

Мухаммед-Рахим в следующем, т. е. 1820 г., совершил внезапный набег на аулы, подчиненные Арынгазы. Сам Арынгазы спасся бегством, его брат был убит, мать и другие родственники захвачены в плен хивинцами. Отряды Мухаммед-Рахима подвергли аулы Арынгазы беспощадному разграблению. В общей сложности было увезено имущества почти на миллион рублей. Во время набега свыше трехсот казахов было убито и более тысячи человек уведено в плен.

Этот разгром значительно ослабил влияние Арынгазы в степи. В минуту больших трудностей нашлись малодушные, которые готовы были покориться хивинскому хану. «Лучше покориться хивинскому хану, — стали говорить старшины, — и платить ему легкую дань, нежели не давая ничего, потерять все». Многие стали покидать Арынгазы, упрекая его в бесполезной преданности России.

В том же 1820 г. Арынгазы взялся сопровождать миссию А. Негри в Бухару и использовал эту миссию, чтобы поднять свой авторитет в Орде. Им был распущен в степи слух, что войска миссии ему даны в помощь для борьбы с Хивой. Это позволило Арынгазы сгруппировать вокруг себя значительные отряды джигитов, и он под прикрытием конвоя миссии разгромил аулы Маненбая, который успел бежать в Хиву. Этот шаг не только усложнил положение миссии в степи, но шел вразрез с политикой царского правительства, стремившегося к сближению с Хивинским ханством.

Понятна поэтому позиция Азиатского комитета, который решительно отказался от поддержки Арынгазы. В 1821 г. Арынгазы был вызван в Петербург. Он поехал туда в сопровождении ряда своих сторонников в надежде добиться утверждения ханом и помощи в борьбе с Хивой. Но его надежды были жестоко обмануты. Он был задержан в России. Боясь сношений его с Ордой через посредство мусульманского духовенства, правительство сослало его в Калугу. Там он прожил до своей смерти в 1833 г. Так закончилась деятельность одного из наиболее крупных государственных деятелей казахов начала XIX в.

Казахи Сыр-дарьи оказались без руководителя и отданными на произвол хивинского хана. В 1822 г. казахи наиболее многочисленного и влиятельного рода Шекты, именно отделения этого рода, кочевавшие в районе Сыр-дарьи, приняли подданство хивинскому хану. Но влияние России оказалось ослабленным и в остальной части Младшей Орды. Хан Ширгазы был ненадежной и слабой опорой царизма. Его партия в Орде была малочисленна.

ДВИЖЕНИЕ ЖОЛАМАНА ТИЛЕНШИ

Постройка новой укрепленной линии по реке Илеку, отнявшая у казахов обширные и богатые пастбища, и задержание Арынгазы в России вызвали в Орде новый подъем освободительной борьбы. Это движение связано с именем старшины рода Табын, Жоламана Тиленши. Жоламан

стремился к уничтожению феодальной анархии, и поэтому выступил как горячий сторонник Арынгазы: в своих обращениях к царской администрации он постоянно выставлял требование о возвращении Арынгазы в Орду именно потому, что «Арынгазы-султан, препятствовав всем неблагоразумным действиям нашего киргиз-кайсацкого журта Малой Орды, прекратил распри бармты и весь наш журт погрузился в тишину и спокойствие». Но то, что Жоламан Тиленши и примыкающие к нему старшины требовали возвращения Арынгазы, ставило эту старшинскую группировку в явно враждебные отношения к группировке хана. Жоламан в дипломатических переговорах с царскими чиновниками отзывался о хане «очень невежливо и дерзко и поносил в глаза» султанов, родственников хана, «за хитрость, происки и разорение киргизцев», — как рассказывал хорунжий Бикинин, посланный оренбургским губернатором в аулы Жоламана. Безопасность жизни хана и сохранность его скота были постоянно под угрозой. В 1822 г. казахами был убит сын хана султан Ишгазы. Однако все это было борьбой против непопулярного хана, а не против ханской власти.

Но основное требование Жоламана Тиленши состояло в возвращении казахам отнятых у них земель между Илеком и Уралом, захват которых царизмом под военную колонизацию начался с 1811 г. постройкой Новоилецкой линии, а также возврат земель между реками Большим и Малым Узенем, захваченных старшиной Уральского войска. Жоламан постоянно повторяет в своих письмах на имя царской администрации требование о возврате казахам этих земель: «Ныне, — писал он оренбургскому губернатору, — русские люди... поставили по реке Илек новые караулы и, отобрав у нас не только внутреннюю сторону Илека, но и все течение этой реки, лишили нас наших же земель». Особенно от построения Новоилецкой линии пострадали казахи рода Табын; поэтому, естественно, общины этого рода и становятся основной силой движения. Табынцев поддержали и старшины родов Адай, Кете, Ожрай и некоторых других.

Захват земель по Илеку и на «внутренней стороне», особенно необходимых казахам для зимних кочевок, близко задевал интересы трудящихся казахов. Вот почему в движение Жоламана втягивались целые казахские общины. В 1822 г. казахи, подчиненные Жоламану Тиленши, в ответ на захват их земель совершили ряд набегов на пограничную линию, пленили людей, захватили скот.

Азиатский комитет при обсуждении вопроса о положении дел, сложившихся в Орде, решил для прекращения набегов казахов послать в степь карательную экспедицию, направившуюся в степь во главе с полковником Бергом летом 1823 г. несколькими отрядами. Один из них под командой полковника Циолковского направился к Эмбе и разгромил несколько казахских аулов, встретившихся по пути. К тому же свелись действия и другого отряда экспедиции под командой майора Мизинова. Отряд самого Берга двинулся из Орска на соединение с отрядом Циолковского. План экспедиции сводился, таким образом, к окружению казахов в районах, охваченных движением. Но план не удался: казахи, преследуемые вдоль Уила и Хобды, ушли к пескам Кара-кум, в направлении хивинских пределов. Откочевал в том же направлении и Жоламан Тиленши.

Отдаление от русской пограничной линии поставило Тиленши в тесные отношения к хивинскому хану, владения которого теперь распространились и на низовья Сыр-дарьи. Жоламан Тиленши написал письмо Мухаммед-Рахиму с просьбой разрешить ему кочевать на землях, зависимых от Хивы, туркмен. Он убеждал хивинского хана, что отряды Берга были посланы против Хивы, и только сопротивление, оказанное этим отрядам казахами Жоламана, помешало им вторгнуться в пределы Хивинского ханства. Жоламан и в дальнейшем предлагал Мухаммед-Рахиму военный союз против России.

Но едва ли все это соответствовало внутренним стремлениям и убеждениям Тиленши. Он и в 1823—1824 гг. оставался горячим приверженцем Арынгазы. Когда уже после экспедиции Берга к нему приехали хорунжий Бикинин и купец-армянин Г. Шахмиров с требованием царской администрации о возврате в Россию захваченного в плен есаула Подурова, Тиленши с горечью говорил им, что он не разбойник, что он ведет войну с Россией, что для него с казахами после захвата русскими Илека «все равно умирать с голоду или погибнуть за свои поступки», что набеги на линию не прекратятся, пока «не будет отдана в пользу ордынцев Новоилецкая линия... и не будет возвращен в Орду султан Арынгазы». Совершенно ясно, что нельзя было быть одновременно сторонником хивинского хана и султана Арынгазы.

В сношениях Жоламана Тиленши с ханом Хивы проявились не личные симпатии этого старшины к Мухаммед-

Рахиму, а тот факт, что казахи Младшей Орды в начале XIX в. оказались под ударами двойной агрессии, были зажаты между молотом и наковальней: всякий начинавший борьбу против России попадал в зависимость от Хивы. Это положение не изменилось, пока само Хивинское ханство не было поставлено в вассальные отношения к России.

Что связи с Мухаммед-Рахимом были для Жоламана вынужденными, показывает тот факт, что в ноябре 1823 г., когда Тиленши делал попытки завязать связи с хивинским ханом, он с большой предупредительностью отнесся к посланцам оренбургского губернатора. Есаул Подуров был им выдан в Россию, пропавший в степи урядник Плешков усиленно разыскивался Жоламаном. После замечания Бикинина, что о требованиях Жоламана он сообщит оренбургскому губернатору, Жоламан тотчас же отдал распоряжение прекратить набеги на линию, пока не будет получен ответ от оренбургской администрации.

Но во время посещения Бикининым Жоламана обнаружилась и другая сторона в этом движении, то, что мы наблюдали у Срыма, — движение масс переступало через границы, которые ставил ему Жоламан, но переступало стихийно, со всеми характерными чертами крестьянского восстания. Казахи решительно восстали против уступок царской администрации, сделанных Жоламаном. Казахи аулов Жоламана хотели выдать Подурова хивинскому хану в обмен на ружья. Жоламану пришлось ночью в сопровождении своего сына отправить послов оренбургского губернатора из своих аулов.

Движение Жоламана Тиленши не охватило широкого района, оно осталось локальным, охватившим по преимуществу ряд родов поколения Жети-ру. Но это движение свидетельствовало об усилении активности народных масс. В то же время оно показало зависимость результатов освободительной борьбы от внешнего окружения Младшей Орды; откочевывать теперь было некуда, — повсюду Орда оказалась окруженной сильнейшими соседями: удаление от границ России совсем не означало ослабления зависимости. Значит, не бегство от России, а борьба с царизмом могла бы принести казахам освобождение от колониального гнета.

Но силы были слишком неравны, и казахские трудящиеся сами по себе, без победы революционного движения в России, не могли бы добиться своего освобождения. Это не значит, что их борьба была бесплодна: нанося удары

царизму, пусть мелкие и для царизма малочувствительные, — эта борьба все же была шагом вперед на пути расшатывания царизма.

Все это мы должны отметить, чтобы правильно понять место движения Жоламана Тиленши в истории казахского народа. Несмотря на всю свою ограниченность, оно носило в себе зерно революционной борьбы. Недаром царское правительство в союзе с ханом и султанами так упорно преследовало Тиленши. После первой экспедиции Берга хан советовал повторить ее в следующем году, обещая и свою поддержку, впрочем, с характерным для него условием: если царь «повелит до совершенства виновных разорить и отдать имущество тем, кои со мной у линии кочуют». На повторении карательной экспедиции настаивал и оренбургский военный губернатор П. К. Эссен, указывая при этом, что предполагаемая реорганизация управления Ордой, о которой будет сказано несколько ниже, не будет иметь успеха, пока не будет подавлено движение Жоламана Тиленши.

Экспедиция под командой войскового атамана Уральского войска Назарова, была направлена в степь в феврале 1824 г. Экспедиция направилась к Уилу и разорила зимние стоянки аулов Табын, Алаша и Исык. По словам Назарова, Жоламан успел удалиться за Эмбу, «не могши уговорить своих соплеменников к совокупному нападению на сильный русский отряд». Но партизанская борьба с отрядом велась с исключительной решительностью и, пожалуй, отчаянием. В марте 1824 г. отряд вернулся на линию. Политика посылки карательных отрядов никаких положительных результатов для царского правительства не принесла. В 1822 г. значительная часть шектинцев была отброшена этой политикой на соединение с Хивой. Теперь то же повторилось в отношении части поколения Жети-ру. Царское правительство знало об упадке своего влияния в Младшей Орде, знало и о бессилии и непопулярности хана.

ХАН ШИРГАЗЫ И ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Еще до второй экспедиции 1824 г. правительство сделало попытку поднять эффективность ханского управления путем создания в Оренбурге особой комиссии под председательством хана. В нее предполагалось включить трех султанов, «почтеннейших» старшин и трех мулл с непременным участием пристава при хане. В эту комиссию,

открытую в Оренбурге 15 октября 1823 г., вошел лишь один старшина, очень несочувственно к ее организации отнеслись и муллы. Своей задачи — возвратить схваченных на линии русских подданных и затем, «поколику то возможно», удовлетворить как русских, так и казахов «за разные другие похищения, в минувших двух годах сделанных», — комиссия не выполнила и, не решив ни одного дела, была 4 декабря того же года распущена.

Затруднения царской власти на границе увеличивались еще и тем, что и хан Ширгазы, которого так упорно поддерживали руководители министерства иностранных дел, вел двусмысленную политику. Пресмыкаясь перед царскими властями, он находился в сношениях и с Мухаммед-Рахимом. Таково было положение в Младшей Орде в начале 20-х годов XIX в.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УПАДОК И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СРЕДНЕЙ ОРДЕ

Тот же хозяйственный упадок и политический кризис, которые характеризуют историю Младшей Орды в конце XVIII и в начале XIX в., ясно выявляются и в жизни Средней Орды. Проявления хозяйственного упадка в Средней Орде были те же, что и в Младшей. Троицкая таможня, например, доносила в 1806 г., что «киргиз-кайсаки Средней Орды разных родов, обитающие близ здешних границ, пришли в такую бедность, что многое множество в разодранных рубищах, почти нагие, шатаясь все вообще, как мужской, равно и женский пол, с их детьми и родственниками в крепостях снискивают мирское подаяние в таком положении, что весьма, весьма обращают на себя соболезное внимание». Упала торговля на пограничной линии. Земледелие, повидимому, получило незначительное распространение лишь в кочевьях, пограничных с Младшей Ордой. В какой мере этот упадок отразился на хозяйстве отдаленных от линии аулов, — данных нет.

Причины хозяйственного упадка были также аналогичны тем, которые вызвали массовое разорение в Младшей Орде (см. стр. 212—215); поэтому на них отдельно останавливаться не будем. Но политический кризис проявился здесь в несколько иных формах.

Среднюю Орду мы оставили в 1781 г. В этом году умер хан Аблай. Еще при его жизни начал обнаруживаться

процесс феодального дробления владений Средней Орды. После него был провозглашен ханом султан Вали, старший сын умершего хана. Но его власть как хана всей Орды была номинальна. Собственно, во владении Вали находилась лишь часть Средней Орды, по преимуществу поколения Аргын. Внутреннее состояние Орды в конце XVIII в. характеризовалось феодальной анархией, бесконечными феодальными войнами, участниками которых были не только султаны, но и хан. Во внешнеполитических сношениях Вали стремился следовать своему отцу: поддерживать добрососедские отношения с Россией, но ориентироваться на Китай. Однако ему это не удалось.

Царское правительство, утвердив в 1781 г. Вали ханом, рассматривало его как русского подданного и всячески стремилось не допустить его сближения с китайским правительством. Послы богдыхана, которые везли Вали утверждение его в звании хана, были остановлены казачьим отрядом, и им был заявлен протест, так как Вали уже был утвержден в звании хана царским правительством. Все же связи Вали с Китаем были очень тесными и царская администрация не без основания считала, что хан Вали находится в двойном подданстве — русского царя и китайского богдыхана.

Во всяком случае, царское правительство вело теперь более активную политику в отношении Средней Орды, чем это имело место при хане Аблае. Основным стремлением этой политики в конце XVIII в. являлось «склонить Средней Орды, киргиз-кайсаков под настоящее российское правление», т. е. ликвидировать политическую самостоятельность Орды. Однако эта политика в отношении Средней Орды приняла иные формы, отличные от политики бар. Игельстрома в Младшей Орде в 80-х годах XVIII в. (см. главу X). В Средней Орде царская администрация стремилась укрепить свое господство путем продвижения границы в глубь степи.

Проведение такой политики облегчалось состоянием феодальной анархии и хозяйственного упадка. Насилия крупных феодалов не только над трудящимися казахами, но и разорение и грабеж ими менее сильных представителей казахской знати вызвали у этой последней стремление найти поддержку у царских властей. Это стремление в свою очередь всячески поддерживалось местной царской администрацией. Но при этом царская администрация требовала, чтобы старшины и султаны перешли со своими аулами в

«вечное подданство» России. Часть таких старшин селилась в непосредственной близости от линии, в степи за Иртышом, часть из них переходила на правый берег Иртыша, т. е. на русскую территорию. Здесь им предоставлялись участки для кочевий, султаны и старшины принимались на русскую службу.

Но число кибиток, перешедших за Иртыш, не было велико. До 1812 г. общее число казахов, перешедших на русскую территорию, было 5314 мужчин и 4562 женщины, причем большинство из них перешло за последние пять лет, когда феодальные войны получили наиболее широкое распространение.

Сколько кибиток кочевало на положении «вечно подданных» на степной стороне, — нет данных, но, без сомнения, число их было значительно. Так, еще в 1795 г. два султана и девятнадцать старшин, утесненные «несправедливостью хана Вали, который наглым похищением их имения причиняет совершенное им разорение», обратились с просьбой к царским властям о принятии их в «вечное российское подданство». В управлении этих старшин и султанов вблизи линии кочевало 43 350 человек.

Путем принятия такого подданства осуществлялось «мирное завоевание» степи. Ликвидация политической независимости казахов, переходящих в «вечное подданство», создавала пестроту в их взаимоотношениях с царской администрацией. Положение казахов, перешедших внутрь линии, определилось очень скоро, уже к 1812 г. В этом году султаны и старшины подписали обязательство платить в казну ежегодно ясак с каждой души мужского пола. Освобождались от платежа ясака старшины и султаны в возрасте свыше 60 лет. Но в то же время казахи освобождались и «от всех земских повинностей, как-то: от поставки рекрут, почтовой гоньбы, подвод и прочих сборов». Кроме того, они просили о распространении на них торговых привилегий, которыми пользовались приезжающие в Россию бухарцы. Казахи, кочующие вблизи линии, по левому берегу Иртыша, ясака не платили, но выполняли всякого рода поручения пограничных властей: через старшин этих аулов собирались сведения о состоянии Орды; эти же старшины использовались для охраны караванов; их аулы служили своеобразным заслоном, защищавшим русские поселения по Иртышу от нападений бармтовавших казахов. Через старшин тех же аулов велись сношения с отдаленными от линии казахскими владениями. Фактически политическая

самостоятельность владений, расположенных вблизи линии, была призрачной. Подданство же России казахов, кочевавших вдали от линии, попрежнему оставалось фиктивным. Значительная часть отдаленных от русских границ аулов была завоевана Кокандским ханством, которому и платила зякет.

В Средней Орде, как и в Младшей, делались попытки выйти из состояния хозяйственного и политического кризиса внутренними силами. Эти попытки ограничивались, правда, заключением соглашений между различными феодальными группировками о прекращении междоусобной борьбы, но без всякой гарантии выполнения этих соглашений. Такое «мирное постановление» было заключено между старшинами и султанами поколения Кипчак в 1801 г. близ Троицкого менового двора при участии русских чиновников. Но совсем незаметно, чтобы это соглашение дало сколько-нибудь существенные результаты: феодальные войны продолжались, как и раньше.

ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХАНСТВА ВАЛИ

Не более успешными были попытки хана Вали ослабить колониальное наступление царизма. Менее всего при этом хан думал об облегчении положения казахов-скотоводов. Хан требовал, чтобы русские казаки, пропускаемые за линию для сенокошения и рыбной ловли, платили ему пошлину; точно так же он требовал уплаты пошлины с купцов, проходивших в степь, — в противном случае он грозил задерживать караваны. Далее он добивался разграничения казахских и русских земель, границы между которыми, в связи с проникновением русских поселений в степь и переходом прилинейных казахов в вечное подданство, действительно стали очень неопределенны: Иртыш фактически переставал быть такой границей.

Другие требования хана сводились к тому, чтобы суд над казахами, совершавшими нападение на линию, был оставлен в его руках, чтобы царская администрация не вступала в разбирательство таких дел, наконец, чтобы все казахи, перешедшие за линию на вечное подданство, были возвращены в степь и чтобы пошлина за перепускаемый скот за линию в зимнее время была уничтожена.

Ни одно из требований хана царской администрацией удовлетворено не было. Попытка хана добиться осуществления их силой, путем задержания в степи караванов,

которые ему не уплачивали пошлины, вызвала посылку в степь карательных экспедиций.

Напряженность взаимоотношений с царской администрацией, естественно, толкала Вали на сближение с Китаем и Бухарой. Так, он в 1803 г. упорно добивался согласия султанов и старшин откочевать к Сыр-дарье. В этом смысле он завязал тесные сношения с ханом Бухары. В 1805 г. он делал приготовления к откочевке в пределы Китая. Ему удалось собрать вокруг себя около 1500 кибиток. Но активное вмешательство генерал-губернатора Сибири Глазенапа, который использовал для агитации против Вали прилинейных казахов, помешало хану осуществить его намерения, хотя сношений с Китаем он не прекратил.

Царское правительство рекомендовало генерал-губернатору для ослабления власти хана прибегнуть к старому, но испытанному средству: «весьма сильное средство, — писал канцлер, — представляется в искусном употреблении противных хану Вали партий и в привлечении на нашу сторону знатных султанов, без коих он ничего предпринять не может». Эти указания канцлера генерал Глазенап использовал в весьма широких размерах.

УТВЕРЖДЕНИЕ СУЛТАНА БУКЕЯ ВТОРЫМ ХАНОМ СРЕДНЕЙ ОРДЫ

Для решительного ослабления власти хана Глазенап решил утвердить в Средней Орде второго хана из султанов, не принадлежащих к потомкам Аблая. Выбор царской администрации остановился на престарелом султане Букее, потомке знаменитого султана Барака, убившего в 1748 г. хана Абулхаира. Влияние потомков Барака сохранялось в поколении Найман. В 1812 г. Букей был вызван в Омск и после переговоров с царской администрацией был назначен ханом части Средней Орды. Конечно, назначение было оформлено как «выборы» хана. Генерал Глазенап просил петербургское правительство об утверждении Букея ханом: он указывал, что власть хана Вали в Орде слаба, он ненадежен с точки зрения интересов царской России. Букей и его сыновья были рекомендованы им как «совершенно преданные пользам России», а, главное, он просил об утверждении второго хана в Орде потому, что тем самым «власть хана уменьшится». В 1815 г. Букей был утвержден ханом.

Это мероприятие, несомненно, явилось крупным шагом в деле укрепления власти царизма в казахских аулах, еще

не перешедших в «вечное подданство». Но система раздела Средней Орды между двумя ханами просуществовала недолго: в 1817 г. умер хан Букей, а в 1819 г. — хан Вали. Правительство решило не назначать нового хана. Обстановка как в Средней Орде, так и в Младшей, в результате хозяйственного и политического кризиса сложилась для царского правительства исключительно благоприятно для того, чтобы приступить к ликвидации политической самостоятельности обеих Орд. К этому и было приступлено в Средней Орде в 1822 и в Младшей — в 1824 г.

СТАРШАЯ ОРДА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Мы уже знаем, что после разгрома в 1758 г. Джунгарии китайское правительство поставило в зависимость от себя и владения Старшей Орды. Однако сохранить свое влияние оно могло лишь в восточных частях кочевий этой Орды. Западная часть в конце XVIII в. входила в состав Ташкентского владения. Кокандский историк Мухаммед-Хаким упоминает о том, что в Ташкенте в конце XVIII в. правил Бахадыр-Ферман, вышедший из среды казахских султанов. Значит, власть казахской знати распространялась в конце XVIII в. и на Ташкент.

После смерти Бахадыр-Фермана власть в Ташкенте перешла в руки местных ходжей, один из которых, Юнус-ходжа, после ожесточенной борьбы захватил власть в свои руки. Захватив власть в Ташкенте, Юнус-ходжа предпринял опустошительные походы против казахов Старшей Орды. К 1798 г. значительная часть этой Орды, до района Чимкента на северо-востоке и Туркестана на севере, должна была подчиниться Юнус-ходже. Завоевание казахов сопровождалось большими жестокостями. Юнус-ходжа приказывал пленным казахам рубить головы и складывать из них пирамиды.

Подчинив себе значительную часть Старшей Орды, Юнус-ходжа уничтожил в ней звание хана, а управление передал биям и мало вмешивался во внутренние дела Орды, ограничиваясь неуклонным взиманием зякета. Для того, чтобы держать биев в подчинении, Юнус-ходжа брал заложников (аманатов) из числа знатных, влиятельных семей казахов.

Но не только военная мощь Юнус-ходжи и находящиеся в его руках аманаты побуждали биев ему служить. Ташкентский владелец передал в их руки власть в Орде, и бии

и батыры не только «за страх, но за совесть» поддерживали Юнус-ходжу. По крайней мере, во всех военных предприятиях Юнуса казахи играли решающую роль.

В 1808 г. Ташкент был занят войсками Алим-хана и вошел в состав Кокандского ханства. Утвердив свое господство в городе, Алим-хан вызвал к себе всех казахских старшин. Здесь он подверг их взысканиям, а потом назначил биями отдельных общин и отпустил в степь. Таким образом, казахи западной части Старшей Орды, зависимые в конце XVIII в. от Ташкента, теперь попали в зависимость от Коканда. Систему господства над казахами Алим-хан оставил ту же, которая существовала при Юнус-ходже: он правил степными районами через посредство биев.

После возвращения в Коканд Алим получил сведения от своего ташкентского наместника, что казахи отказываются платить зякет и харадж (т. е. подать с посевов). Отказ от уплаты зякета понятен. Несмотря на то, что размер зякета по шариату определялся в $^1/_{40}$ от стоимости имущества, его взимание было сопряжено с бесчисленными вымогательствами со стороны сборщиков подати и откупщиков, приход которых превращался в настоящее бедствие для казахов. Насилия, вымогательства разоряли целые аулы. Алим-хан в 1809 г. направил вооруженные силы против казахов, с приказанием произвести поголовный грабеж и избиение жителей. Разорению вновь был подвергнут крупный район от Ташкента до Туркестана и Аулие-Ата (ныне Джамбул). Казахи частично были перебиты, частично захвачены в плен, имущество их было разграблено так, что, по словам одного кокандского историка, им нечем было прикрыть свое тело. Грабежа и насилия избегли только те, кто успел откочевать в отдаленные районы, но таких было немного, так как дело происходило зимой, когда подвижность казахов резко снижается.

В том же 1809 г. в результате заговора, возглавленного братом хана Омаром, Алим-хан был убит.

Хозяйственное и политическое положение казахов Старшей Орды при Алиме было подорвано, и Омар-хан мог предпринять движение на север, в район Сыр-дарьи, и начать завоевание казахов южной части Младшей и Средней Орд.

При Омаре положение казахов Старшей Орды оставалось очень трудным. Свое господство над казахами Коканд поддерживал террором. Омар неоднократно посылал отряды в кочевья Старшей Орды, грабившие и избивавшие казахов.

В 1821 г. казахи, кочевавшие в районах Туркестана, Чимкента, Сайрама и Аулие-Ата, восстали. Вождем восстания старшины выбрали некоего Тентек-Торе, который выдавал себя за потомка Тохтамыш-хана. Восставшие заняли Чимкент и Сайрам. Под знаменем Тентек-Торе собралось до 12 000 человек. Кокандцы осадили оба города, занятые повстанцами. После длительной осады Тентек-Торе начал переговоры с кокандским правительством, признал над собой власть кокандского хана, а своего сына отослал к Омару с повинной. Повторилось обычное явление: знать сговорилась с завоевателями. Восстание было подавлено.

УСТАВ 1822 г.

Вернемся к истории Младшей и Средней Орд. Нами было отмечено, что политическая обстановка позволяла царскому правительству приступить к проведению первых крупных мероприятий по ликвидации самостоятельности этих Орд.

В 1822 г. под руководством известного М. М. Сперанского, который в начале 20-х годов был губернатором Западной Сибири, был разработан так называемый «Устав о сибирских киргизцах». По этому уставу управление казахами, кочевавшими за Иртышом, строилось на значительно иных основаниях, чем прежде. Для казахов, кочевавших за Иртышом, создавались «внешние округа». Границы округа не сообразовались ни с прежним так называемым «родовым» делением ни с районами кочевок. Во главе каждого округа должен был стоять окружной приказ под председательством старшего султана, в составе двух русских заседателей, назначаемых начальником области, и двух заседателей из «почетных киргизов». Эти заседатели из казахов выбирались собранием биев и старшин сроком на 2 года. Должность старшего султана также являлась выборной, но участвовать в выборах старшего султана могли только султаны, знать «черной кости» к этим выборам не допускалась. Округа делились на волости, причем в определении границ волостей наблюдалось то же пренебрежение к существующим в казахском обществе делениям, как и при определении границ округов. Во главе волостей стояли выборные из султанов — волостные правители. Формально участвовать в выборах волостного правителя могла знать как «белой», так и «черной кости».

Однако эту выборность Устав пытался своеобразным

путем сочетать с наследственностью должности. § 31 Устава указывал, что «право их (волостных султанов) на управление волостями должно переходить только по одной нисходящей линии и по первородству, но и в сем случае, сообразно с нынешними обычаями, должно предварительно потребовать согласие общества, которое может избрать и другого султана, но не вверяет ему власти без утверждения областного правления». Волостные старшины исполняли судебные приговоры и все распоряжения окружного приказа. Наконец, низшими представителями власти являлись аульные старшины, выбираемые согласно Уставу только «простым народом», без участия султанов. Аульные старшины не получали жалованья и чинов в противоположность старшим и волостным султанам.

Старшие и волостные султаны, а также аульные старшины являлись представителями полицейской, административной власти. Власть судебная, по гражданским искам, была оставлена в руках биев. Однако постановление бия могло быть обжаловано областному начальству, которое опять же через посредство окружного приказа «дает таковым делам следственный ход и решает оные также по степным киргизским законам». Иными словами, Устав открывал для окружных приказов возможность вмешательства и в судебные дела. Решение же уголовных дел должно было происходить по русским законам. В результате значение суда биев было значительно подорвано.

Но Устав изменял не только систему управления, но и характер повинностей, лежавших на казахах. Новые повинности вводились постепенно по мере организации округов и по истечении пятилетнего льготного срока, в течение которого казахи освобождались от несения всех повинностей. По прошествии пяти льготных лет казах должен был платить ясачную подать в размере 1% со всего скота, кроме верблюдов. Взимался ясак натурой, но можно было вносить его и в денежной форме из расчета: за лошадь — 10 руб., за голову рогатого скота — 5 руб. 75 коп., за барана — 28 коп. серебром. Впоследствии, в 1852 г., этот ясак был увеличен. Раскладка ясака делалась согласно описи скота, составляемой на три года. Взимался ясак один раз в год, обычно летом.

С введением в жизнь Устава на казахов налагалась и постойная повинность, хотя непосредственно Уставом она и не предусматривалась. Так, для чиновника, толмача и прочих проезжающих через степь должна была выста-

вляться при остановке особая юрта. При проходе войск для ночлега с аулов собирались юрты, которые не всегда возвращались их собственникам. Кроме того, казах при остановке в его юрте проезжего чиновника должен был его накормить. Если проезжий останавливался в юрте бедного казаха, то раскладка на угощение делалась на весь аул.

Наконец, Устав вводил подводную повинность, для казахов совершенно новую. По Уставу на лошадях казахов должны быть установлены правильные сообщения как между окружным приказом, с одной стороны, и волостями и аулами, с другой, так и сообщения между аулами и волостями.

Очень обременительной была новая обязанность казахов поставлять почтарей. Понятно поэтому, что в некоторых округах, как например в Каркаралинском, казахи сдавали почтовую повинность особому почтодержателю, которому платили с каждого аула деньги, а он уже отвечал за все то, что требовалось окружным приказом для выполнения этой повинности.

Кроме этих тяжелых повинностей, на казахов возлагались сборы на бедных, фактически в своей значительной части присваиваемые окружными султанами, сбор на султанов за ходатайства их перед русскими властями за казахов и, наконец, сбор на духовенство.

ЛИКВИДАЦИЯ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В МЛАДШЕЙ ОРДЕ

В несколько иной форме была проведена ликвидация ханской власти в Младшей Орде. В мае 1824 г. хан Ширгазы был вызван в Оренбург. Здесь ему был построен дом, определено жалованье — 150 руб. в месяц серебром — и предоставлена должность «первоприсутствующего» в Пограничной комиссии. Это была чисто фиктивная должность — никакого влияния на управление Ордой «первоприсутствующий» не имел.

Орда была разделена на три части: Западную, Среднюю и Восточную. Границы между ними были проведены так, что в Западную часть вошли земли к западу от рек Илека, Темира и Аральского моря, в Среднюю часть — земли к западу от верхнего течения рек Тогузак, Аят и Тобола; затем эта граница шла к югу на переправу Калы на Сыр-дарье и далее, до бухарских границ, близ ключа Киндерлы.

Таким образом, в Западную часть вошли кочевья поколений Бай-улы и Жети-ру, являвшихся ареной движений Срыма и Тиленши; в Среднюю входили кочевья всех трех поколений и, наконец, в Восточную часть — по преимуществу кочевья поколения Алим-улы, — большинство сырдарьинских казахов было включено в Восточную часть Орды.

В Младшей Орде, как и в Средней, новое административное устройство мало считалось с границами установившихся кочевий отдельных общин. Во главе каждой из частей Младшей Орды были поставлены султаны-правители, причем султаном-правителем Западной части был назначен Каратай Нуралиев, Средней части — Темир Ералиев, сын хана Ер-Али, и Восточной части — Жума Худай Мендиев, племянник известного нам хана Каипа. Таким образом, управление двух частей Орды — Западной и Средней — оказалось в руках султанов фамилии Абулхаира, Восточной части — в руках султана противоположной группировки — потомка Батыра.

К каждому султану-правителю были назначены помощники из султанов же, по писарю и по отряду казаков в 200 человек под командой офицера.

Следовательно, вводя в жизнь «Устав о сибирских киргизцах» и новое устройство Младшей Орды, царское правительство совсем не разрывало с прежней политикой ориентации на казахскую аристократию: как в Средней, так и в Младшей Орде социальной опорой царизма оставались султаны. Но проведенные реформы, несомненно, являлись весьма крупным шагом на пути ликвидации политической самостоятельности Орд. Султаны-правители и старшие султаны ставились на положение обычных русских чиновников, ответственных перед местной царской администрацией.

Особенно резкие изменения были внесены в жизнь Средней Орды, где система окружных приказов и новая система повинностей мало укладывалась в нормы обычного права казахов. Новым являлось и устранение старшин от выборов старшего султана. Положение султанов-правителей больше приближалось к положению мелких местных ханов; по новому устройству эта должность переставала быть даже формально выборной, и отношение султанов к царской администрации строилось уже не на вассальных отношениях, а на отношениях подданства.

ГЛАВА XII

ВНУТРЕННЯЯ ОРДА И ВОССТАНИЕ ИСЕТАЯ ТАЙМАНОВА

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ОРДЫ

Особо складывалась в первой половине XIX в. жизнь Букеевской, или Внутренней Орды. Как уже отмечалось выше, возникновение этой Орды было связано с жестоким хозяйственным кризисом, выразившимся, в частности, в росте земельной тесноты в результате углубления процесса феодализации, захвата кочевий знатью «белой» и «черной кости».

Но образование этой Орды было связано и с углублением внутрифеодальной борьбы. Два сына хана Нур-Али претендовали на звание хана: Каратай и Букей. В условиях роста влияния султана Каратая, Букей не мог рассчитывать на выборы его ханом. После назначения ханом султана Айчувака он занимал должность председателя Ханского совета. В 1800 г. Букей обратился к астраханскому военному губернатору Кнорингу с просьбой разрешить ему с подвластными казахами переселиться на вечное жительство в Нарын-пески. Кнорринг направил императору Павлу донесение, в котором ходатайствовал о разрешении казахам кочевать между Уралом и Волгой и заводить там «где удобно сыщется» на зимнее время селения. Павел I в день своей насильственной смерти, 11 марта 1801 г., подписал указ, в котором говорилось: «Председательствующего в Ханском совете киргиз-кайсацкой Малой Орде Букея-султана, сына Нур-Али ханова, принимаю к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, утверждая во всей силе Ваше представление». Таким образом, согласно этому указу, казахам под предводительством султана Букея разрешалось на вечные времена переселиться на «внутреннюю сторону».

Но ни в представлении генерала Кнорринга ни в указе Павла не были обозначены границы отводимых казахам земель. Это обстоятельство вскоре привело казахов к бесконечным бедствиям. Букей переселился в Нарын-пески в 1803 г.; с ним перешло около 5000 кибиток из различных казахских племен, и осенью того же года перешло еще 1265 кибиток. Среди перешедших были целые отделения родов Берш и Серкеш, но, кроме того, переходили и отдельные аулы других родов, по преимуществу поколения

Бай-улы. Мы отмечали уже, что заставило Букея просить о переселении в Нарын-пески. У казахов, перешедших с Букеем в пределы России, были, конечно, иные побудительные причины: этот переход обещал разрядить в их среде земельную тесноту и давал известные гарантии против насилий собственных феодалов.

Царское правительство, разрешая переход казахов в Нарын-пески, не шло вразрез с прежней своей политикой, сводившейся ко всякого рода ограничениям пропуска казахов за Урал на зимнее время. Теперь вопрос стоял не о временной кочевке, а о переселении на «вечные времена». Переселение ослабляло Младшую Орду, позволяло заселить опустошенные после бегства калмыков из России в 1771 г. приволжские земли, обещало увеличить число подданных «инородцев», облагаемых ясаком, сулило расширить торговлю казахов с русскими купцами, наконец, позволяло обезопасить транзитные торговые пути, пролегавшие по Астраханским степям, от набегов зауральских казахов.

Однако уже на другой год, т. е. в 1804 г., среди переселившихся общин возникло стремление к обратному переселению за Урал. Зимой 1803—1804 гг. уральская кордонная стража перепустила в Нарын-пески для зимовки многочисленные аулы султана Пир-Али, врага Букея. Эти аулы вытеснили казахов, перешедших с Букеем, с их зимних кочевий в район весенних пастбищ, где скот выбил травы, необходимые для весеннего кочевья. Казахи Букея тем самым были поставлены в очень трудное положение из-за недостатка кормов. Пропуск Пир-Али на «внутреннюю сторону» был неудачным шагом царской администрации также и потому, что Пир-Али принадлежал к султанской группировке, враждебной Букею.

Но была и еще одна причина, заставившая казахов устремиться обратно за Урал, это — притеснения казахов местной администрацией. Оренбургский губернатор принял экстренные меры, чтобы помешать казахам пробраться в Зауральские степи. Была усилена стража на линии; от Букея были вытребованы доверенные казахи, которые могли бы указать местной администрации «зачинщиков». Этими мерами удалось задержать часть казахов; другая часть ушла. Сколько всего ушло кибиток, точно неизвестно, но несомненно, довольно значительное количество.

Однако этот уход не привел к ликвидации Букеевской Орды. Переход казахов в Нарын-пески в 1801—1803 гг.

был вызван, как мы знаем, не случайными причинами, а земельной теснотой и обострением феодальной анархии и гнета в Младшей Орде. Эти причины продолжали действовать и после 1803 г., вызывая то же стремление к поискам новых пастбищ.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС ВО ВНУТРЕННЕЙ ОРДЕ

Переселение казахов на «внутреннюю сторону» продолжалось, население Букеевской Орды росло. Но положение в Орде все время оставалось напряженным. Основным был земельный вопрос. Мы уже знаем, как неточно и расплывчато были определены границы Орды в 1801 г. Когда переселение казахов на «внутреннюю сторону» совершилось, встал вопрос о более точном определении земельных владений казахов. Генерал-майор Завалишин, назначенный главным приставом Букеевской Орды, предложил наделять казахов землей по числу душ. Этот проект был утвержден правительством. Однако предложение Завалишина было неудачно: оно игнорировало неравномерность распределения скота по аулам и вызвало среди казахов (надо полагать, среди наиболее влиятельной их части — по преимуществу биев) резкое недовольство. Стали говорить, что это распоряжение издано по вине Букея, что казахов, «подобно прочим российским подданным, хотят обратить в неволю». Букей, покинутый своими подданными, должен был искать убежища под городом Астраханью.

Далее, неясны были границы земель между казахами, с одной стороны, и калмыками и так называемыми кундровскими татарами, кочевавшими в районе Волги, с другой. Кроме того, заселение казахскими аулами пустующих астраханских земель подняло ценность этих земель, и на них стали без всякого права претендовать старшины Уральского войска. Наконец, жизненно необходимые для казахов Букеевской Орды камышевые заросли по берегам Каспийского моря оказались в частной собственности графини Безбородко и князя Юсупова.

Потребность разграничения земель в Астраханских степях вызвала указ 19 мая 1806 г., в котором границы Букеевской Орды определялись следующим образом: «от реки Узеня до горы Богды, но не касаясь мест, назначаемых тут вновь для перекочевки калмык, а от сей горы через Чапчачи на ватагу Дудатскую или Телепневу до моря», причем эти земли отдавались казахам не в удел, а в пользование

«доколе, — прибавляет указ, — они на сей стороне Урала во всегдашнем пребывании не остепенятся».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что указ просто называет реку Узень, не определяя, о Малом или Большом Узене идет речь. Этот вопрос был очень существенным. В районе между Малым и Большим Узенями находились земли, богатые водой и пастбищами. Кордонная стража Уральского войска располагалась по Большому Узеню. Управление войска самовольно продвинуло укрепленную линию до Малого Узеня и тем самым отрезало у казахов один из лучших участков «внутренней стороны». Что это был произвол, должен был признать и оренбургский военный губернатор П. К. Эссен; однако обратно этих земель казахи, несмотря на длительные тяжбы, все же не получили: в 1862 г. межузенский участок окончательно был закреплен за Уральским войском.

Не меньше злоупотреблений творилось и при разграничении земель казахов и кундровских татар. Вытеснялись казахи и с прибрежных земель Каспийского моря. Генерал-майор Завалишин, учитывая необходимость этих земель для зимнего кочевья казахов, входил в 1806 г. с ходатайством перед министром внутренних дел, чтобы Букею с подвластными ему казахами было разрешено кочевать на землях Безбородко и Юсупова, но министр ответил, что об этих землях нельзя делать никаких распоряжений «прежде нежели оные отойдут от помещиков».

Но без прикаспийских земель казахи зимой обойтись не могли. Они продолжали кочевать в камышевых зарослях, но должны были теперь за кочевье вносить плату. Приказчики Юсупова брали с казахов за кочевье в прибрежной полосе «скотом, деньгами, разными изделиями и принуждали работать на себя казахов, косить камыш, а на ватагах накладывать лед в погреба». Места, захваченные помещиками, обозначались маяками, и если казахи переходили границу со своим скотом, не уплатив оброка, с них взыскивалась плата за потравы.

Неблагоприятно для казахов Букеевской Орды был разрешен также вопрос о перекочевках зауральских аулов на зимнее время в Нарын-пески. Несмотря на большое количество пустопорожних земель, районов, удобных для кочевок, было немного. Мы видели, как перепуск аулов Пир-Али стеснил казахов Внутренней Орды. Между тем, указом 1808 г. такие перепуски скота зарубежных казахов в На-

рын-пески были разрешены. Так обстоял земельный вопрос в Букеевской Орде в начале XIX в.

НАЗНАЧЕНИЕ БУКЕЯ ХАНОМ

Политически эта Орда как особое владение была оформлена не сразу. Только в 1812 г. султан Букей был назначен ханом, — до этого он продолжал носить звание председателя Ханского дивана (совета). В Младшей Орде в том же году, как мы уже знаем, был назначен ханом султан Ширгазы. Избрание двух ханов, а следовательно, оформление политического раскола Младшей Орды явилось следствием дальнейшего обострения борьбы феодальных группировок в самой Младшей Орде. Вскоре после разграничения владений Младшей и Букеевской Орд хан Букей умер (1815 г.). После него осталось несколько сыновей, из них старшему, султану Жангиру, было 14 лет. Букей, умирая, оставил завещание, по которому формально завещал ему ханскую власть в Букеевской Орде.

БУКЕЕВСКАЯ ОРДА ПРИ СУЛТАНЕ ШИГАЕ

Управляющим Ордой до совершеннолетия Жангира Букей назначил своего брата, султана Шигая. Все продолжавшиеся стеснения вызвали ту же реакцию, что и при хане Букее, — стремление казахов перекочевать обратно за Урал. Попытка перейти обратно за Урал была сделана в 1819 г. 1611-ю кибитками казахов под предводительством султана Ильтая.

К. В. Нессельроде в своей докладной записке указал Комитету министров, что казахов не следует раздражать насильственными мерами, так как русская промышленность нуждается в животноводческом сырье и в охране караванов на транзитных путях в среднеазиатские ханства. Возможную убыль кибиток на «внутренней стороне» предполагалось пополнить путем разрешения 4000 кибиткам зауральских казахов переселиться в Нарын-пески, просьба о чем была возбуждена еще в 1814 г. В августе 1820 г. был закончен перепуск казахов султана Ильтая за Урал, но фактически перешло не 1611 кибиток, а лишь 1297, остальные же остались в Астраханской губернии потому, «что стада их по жестокости последней зимы пришли в изнурение и не могли быть перегнаны». Таким образом, состав Букеевской Орды изменялся: феодальный гнет создавал тягу от-

дельных аулов в Астраханские земли, но ограничение кочевий на «внутренней стороне» создавало обратную тягу отдельных владений за Урал.

УГЛУБЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БУКЕЕВСКОЙ ОРДЕ ПРИ ХАНЕ ЖАНГИРЕ

Особенно земельная теснота в Букеевской Орде возросла при Жангире, возведенном в звание хана в 1824 г., но начавшем управлять Букеевской Ордой с 1825 г. Время его ханства (1825—1845 гг.) было временем резкого углубления феодальных отношений в Букеевской Орде. Жангир воспитывался не в Орде, а в Астрахани, в доме губернатора. Он хорошо знал русский и посредственно немецкий языки. В Орду он приехал с навыками и претензиями русского помещика-крепостника. Он даже стремился закупить в Оренбургской губернии около 500 душ крепостных крестьян. В связи с этой покупкой встал вопрос об отводе хану в той же губернии земель в его частную собственность. В то же время в отношении своих подчиненных он держался как восточный деспот, несмотря на то, что функции его как хана были царским правительством весьма ограничены. Он должен был являться посредником между царской администрацией и казахами, имел право суда по незначительным искам и обязан был охранять торговые интересы русских в степи.

Жангир отказался от кочевого образа жизни. Для него был построен в 1826 г. на средства царского правительства русским архитектором на урочище Джанус деревянный дворец, послуживший основанием для образования здесь поселка, получившего название Ханской ставки.

Землю, предоставленную Букеевской Орде Положением 1806 г., хан рассматривал как свою частную собственность. Он прибегал к пожалованию этой земли в частную собственность султанам, обычно своим родственникам. В свое личное пользование он захватил огромные пространства — около 400 000 десятин из 6 500 000 десятин, пригодных для кочевок, причем захватил «лучшие земельные угодья в Орде», как показала ревизия подполковника Матвеева, посланного в степь по жалобам казахов в 1847 г. Кроме того, распределяя участки земли по родам и отделениям Букеевской Орды, он эти участки предоставлял под кочевья не безвозмездно, а «продавал их не только отделениям разных родов... но часто многим киргизцам».

Всего с 1830 по 1845 гг. Жангир выдал 1517 грамот на владение землей.

Поражает, с какой легкостью совершался переход земель в частную собственность султанов и богатых казахов-баев. Отметить это обстоятельство следует потому, что оно косвенно подтверждает наличие у казахов той своеобразной узурпации (захвата) общинной земли, обусловленной кочевым характером хозяйства, которую мы отмечали выше. Принципиально нового в земельных захватах Жангира было не много: и раньше так называемая родовая, общинная земля находилась в распоряжении феодальной знати, теперь это распоряжение превращалось в частную собственность. Превращение было обусловлено переходом от кочевого к полуоседлому и оседлому образу жизни. В Букеевской Орде было невозможно совершать перекочевки на большие расстояния, в силу ограниченности земель.

Особенно эта ограниченность касалась зимних кочевий, где казахи начинали возводить постоянные жилища, а часть аула оставалась здесь и на летнее время. Летние кочевья были также крайне ограничены. Это заставляло переходить к более интенсивным формам скотоводства, к заготовке сена и, частично, к молочному хозяйству.

В движении поголовья скота замечалось меньшее падение поголовья рогатого скота по сравнению с падением лошадей и верблюдов. Но общая картина хозяйства сводилась к упадку, воспроизводству на суженной основе прежде всего наиболее ценных пород скота в условиях кочевого скотоводства — лошадей и верблюдов.

Упадок скотоводства не может быть объяснен только природными условиями — массовой гибелью скота в результате зимних вьюг и жута. Правда, подобные бедствия значительно увеличивали падеж скота. Так, в январе 1827 г. в степи выпало много снега, начались вьюги, резко понизилась температура — мороз доходил до 27 градусов. В Орде пало огромное количество скота. По данным астраханского губернатора казахи потеряли до 110 000 лошадей, до 45 000 голов рогатого скота, до 6000 верблюдов и до 220 000 баранов. Общие потери скота в 1828 г. выразились в 10 000 верблюдов, 280 000 лошадей, 73 000 голов рогатого скота и около 1 000 000 баранов.

Причины упадка хозяйства не могут быть объяснены и внешними по отношению к Орде явлениями, захватом земли старшиной Уральского войска, помещиками Юсуповым и Безбородко и отрезкой земли под кочевья калмыков и

кундровских татар. Большую роль в упадке казахского хозяйства сыграли внутренние причины: разграбление земли собственной феодальной знатью. Сокращение пастбищ вело к упадку скотоводства лишь в соединении с ростом феодальных повинностей трудящихся казахов. Эти повинности значительно выросли. Ханом взимался прежде всего зякет — не только со скота, но с серебра и имущества, которое находилось в торговом обороте, — с последних в размере $^1/_{40}$ части. Со скота же зякет взимался в следующих размерах: с 40 баранов — один баран, с 121 — два барана, с 201 — три и далее с каждой сотни баранов по одному. Подобный же расчет применялся при взимании зякета с крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов. Размер обложения относительно понижался с увеличением объекта обложения. В самом размере зякета, таким образом, проявлялась неравномерность обложения в пользу богатых.

После 1834 г. Жангир отказался от прежней формы раскладки зякета: начиная с этого года, зякет накладывался на род или отделение без обозначения, с какого количества скота следует собрать налог. Хан освобождал от уплаты зякета лишь казахов, имевших скота менее чем на 300 рублей ассигнациями (стоимость одной лошади на ассигнации определялась в среднем в 80 рублей), и советовал старшинам брать с богатых больше, а с лиц среднего достатка — сообразно их состоянию. Но такие указания, разумеется, ни к чему не обязывали старшин, и, во всяком случае, новая форма раскладки зякета открывала простор всяческим злоупотреблениям со стороны старшин, управляющих отделениями. Жалобы на неравномерность обложения зякетом слышались постоянно со стороны казахов, и справедливость этих жалоб подтверждала царская администрация. Вся тягость зякета падала именно на трудовые массы казахов, потому что привилегированная верхушка от уплаты зякета обычно освобождалась. Были освобождены все родоправители, бии и старшины, все султаны и ходжи — в уважение их происхождения, тарханы, т. е. казахи, которым хан выдавал по их ходатайству или по своему усмотрению ярлыки, освобождающие от уплаты налогов, муллы, утвержденные в этом звании ханом (эти муллы назывались указными). Наконец, от уплаты налогов была освобождена часть толенгутов. Но освобожденные от уплаты зякета хану платили налог ахуну, находившемуся при хане.

В 1840 г. хан провел новую реформу взимания зякета: он отдал распоряжение взимать зякет не скотом, а деньгами. Зякет начал начисляться на роды и отделения не по количеству голов скота, а в определенной денежной сумме. Желающие могли уплатить зякет попрежнему — скотом, но по расценке, установленной ханом, которая была значительно ниже рыночных цен на скот. Размер зякета к 1844 г. достиг 95 361 рубля. В следующем году этот сбор уменьшился, в силу падежа скота, до 69 222 рублей серебром.

Помимо зякета, хан собирал налог — сугум, который шел на содержание ханского двора. Размер сугума в Букеевской Орде определялся так: с каждых 5 кибиток — одну единицу рогатого скота или 6 баранов. В год это составляло 4000 голов рогатого скота или 24 000 баранов.

Существовал также налог, который предназначался на содержание «вестовых» при хане. Это название неточно передает назначение и функции вестовых. Вестовой при хане Жангире — это старшина, управляющий родом или отделением, посредством которого хан связывался со старшинами Орды. Этот налог также поступал в распоряжение хана, но был невелик — 1792 рубля в год.

Помимо этих постоянных налогов хан прибегал к экстраординарному обложению казахов. Так, при поездке хана в Петербург с казахов собиралась специальная подать. Как источник доходов ханом использовалась и продажа грамот на звание тархана. Непосредственно эта продажа задевала, конечно, доходы казахской знати «черной кости», но она увеличивала и подати трудящихся казахов, так как зякет раскладывался с 30-х годов не по числу голов скота, а на целое отделение. Тархан освобождался от уплаты налогов, и тем самым увеличивались платежи трудящихся казахов. Под видом создания народных запасов хан проводил сбор сена, скота, кошем и других предметов казахского обихода; фактически все эти поборы, как и зякет, шли в частную собственность хана.

Наряду с ханом налагали сборы на казахов султаны и старшины. Эти поборы были двоякого рода. Переход земли в частную собственность казахской знати привел к обезземеливанию казахских общин. Пользуясь малоземельем, старшины и султаны разрешили казахам пасти скот на узурпированной у общин земле, но за плату. Размеры этих поборов, обусловленных развитием феодальной земельной собственности, не поддаются учету.

Второй вид поборов — обложение родоправителями податью в свою пользу. Имеются прямые указания 40-х годов, что родоправители в свою пользу собирали с казахов подать в размере половины сугума, взимаемого в пользу хана.

О размерах поборов мусульманского духовенства сохранились следующие данные. Ахун получал в год «подарков» до 4000 рублей ассигнациями; в его распоряжении находились обширные земли, которые он, как и старшины, сдавал под пастбища казахам. Это приносило ахуну дополнительный доход от 1000 до 3000 рублей ассигнациями в год. Мулла подарков в год получал до 500 рублей ассигнациями и более. Всего мулл, утвержденных ханом, было 130. Следовательно, размер «подарков» муллам выражался в 65 000 рублей ассигнациями в год. Кроме того, муллы получали бесплатно кибитку или избу с отоплением и стол.

Таким образом, в Букеевской Орде обнищание масс вызывалось не только внешними причинами — захватом казахских земель царской администрацией и старшиной Уральского войска, — огромную роль в этом обнищании играли внутренние причины. Это были узурпация общинных земель собственной знатью и многочисленные, не поддающиеся точному учету, поборы.

ТОРГОВЛЯ В БУКЕЕВСКОЙ ОРДЕ

Поборы и захват общинных земель усиливали классовую дифференциацию. Большую роль в этом процессе сыграло и развитие торговли в Букеевской Орде. Торговля концентрировалась в ряде пунктов. По Узенской линии с казахами вели мену старшины Уральского войска, главным образом, в Глининском форпосте. Близ Астрахани существовал так называемый Калмыцкий базар, где казахи выменивали по преимуществу хивинские хлопчатобумажные ткани, которые они для зимы предпочитали русским, как более толстые. В мочагах, близ Астрахани по Каспийскому морю, с казахами вели торговлю армяне и татары, выезжавшие сюда из Астрахани. При Эльтонском озере вели торговлю саратовские и камышинские купцы. Казахи ездили на ярмарку в удельное село Чентарлу, Саратовской губернии, где выменивали в значительном количестве хлеб, по преимуществу пшеницу и просо. Мена велась и по кордонам — Чижинскому, Деркульскому и Кушумскому.

С 30-х годов центром торговли в Букеевской Орде становится резиденция Жангира — Ханская ставка. Развитие этого поселка интенсивно пошло вперед после 1833 г., когда здесь была учреждена ярмарка. К моменту смерти Жангира здесь было 89 домов и 400 душ населения, не считая астраханских и уральских казаков, которых было 125 человек. Торговый характер Ханской ставки ярко вырисовывается хотя бы из того, что из 89 домов в 46 были лавки, в 19 — торговые склады. Товары, которые в Ставке и других пунктах, перечисленных выше, променивались казахам, по словам сенатора Энгеля, сбывались им «всегда по высоким ценам и с довольно отяготительными условиями».

Значительную роль в этой торговле играли мелкий торговец и нередко просто прилинейные жители. Крупная роль в мене с казахами мелочника не могла не быть разорительной для казахов. Но проникал сюда и крупный торговый капитал, используя нищету казахов, порождаемую колониальной и феодальной эксплоатацией в Орде и которую приносили частые стихийные бедствия — жут и бураны. Деятельность некоторых торговцев нам известна. Так, например, купеческий сын Антон Алексеев во время тяжелых зим 1815 и 1816 гг. перевозил хлеб с Волги в Нарын-пески и продавал его казахам, а «бедным, по словам султана Шигая, и не имеющим у себя по степному обыкновению наличных денег, верил в долг на значительные суммы». Это был обычный прием крупного купеческого капитала, ставивший в зависимость от него казаха-скотовода.

Помимо русских, татарских и армянских купцов в роли перекупщиков выступали и казахи. Богатые казахи—баи скупали хлеб на ярмарках и везли его в глубь степи или выменивали на купленные товары скот в аулах, затем эти гурты скота гнали на ярмарки и базары Букеевской Орды и здесь выменивали его на промышленные товары, хлеб, чай, табак и т. д. Следует отметить, что баи вели не только меновую торговлю, но и продавали скот на деньги: как перекупщикам, деньги им были нужны. Помимо скота казахи променивали кожи, меха, кошмы и т. п.

УГЛУБЛЕНИЕ РАССЛОЕНИЯ КАЗАХСКОЙ ОБЩИНЫ

Выделение с развитием обмена из среды самих казахов перекупщиков, свидетельствует о том, что колониальный обмен не вел к всеобщей пауперизации казахской общины, а содействовал ее расслоению. Наряду со знатью

«белой кости», знатью по происхождению, а также старых представителей знати «черной кости», батыров и биев, — рождалась новая знать — знать денежного мешка, баи.

Эти крупные изменения в экономике Букеевской Орды не могли, конечно, не отразиться и на социальной структуре казахского общества. Обострились классовые различия в самой общине, а вместе с тем происходило разложение патриархально-родовых форм быта, выражавшееся в объединении в кочевые ячейки аулов, принадлежащих к разным «родам» и образовании новых «родов»: толенгутского, ходжинского и султанского. Правда, толенгутский и султанский роды образовались едва ли ранее 50-х годов XIX в., но самый факт такого объединения, особенно рода толенгут, свидетельствует, что в сознании казахов представление о «роде» как объединении кровных родственников в середине XIX в. значительно побледнело. Исчезал целый ряд пережитков родового быта в области брака — казах Букеевской Орды брал себе жену из того же рода, к которому принадлежал сам; уран, когда-то боевой родовой клич, превратился в название рода. Но ни в чем не проявлялось так ярко разложение общины, как в экспроприации общинной земли, закреплении ее в частную собственность не только султанов, но и старшин.

Ослабление форм патриархально-родового быта облегчало борьбу крестьян против собственной знати не только «белой», но и «черной кости». Мы видели уже на примере движения батыра Срыма, каким огромным тормозом стоял патриархально-родовой быт на пути развертывания крестьянской войны, которая в Букеевской Орде могла принять более яркие и четкие формы.

Следует отметить, что ломка старых форм быта в 20—30-х годах XIX в. встречала различное отношение и среди представителей господствующего класса, даже среди султанской его части. Жангир-хан окружал себя преданными ему султанами, мало обращая внимания на старшинство. В результате ряд старших султанов оказался обойденным или неудовлетворенным при распределении земли и должностей в Орде.

ДВИЖЕНИЕ КАИП-ГАЛИЯ

К таким султанам принадлежал Каип-Галий, сын хана Ишима, убитого Срымом. С его именем связано первое крупное выступление в Букеевской Орде. Зима 1826/27 г. была исключительно тяжелой. От буранов и морозов

погибло огромное количество скота. Большое число голов скота было задержано русскими в Саратовской губернии. В результате этих бедствий, естественно, возросло недовольство широких трудящихся масс в Орде. Недовольством масс и воспользовался Каип-Галий для того, чтобы организовать переход казахов обратно за Урал.

Из кругов, близких к султану, в Орде стали распространяться слухи, что хан Жангир собирается заставить казахов служить в казачьих войсках, наравне с калмыками и башкирами нести службу в иррегулярных частях. Говорили также, что казахи, прожившие в Букеевской Орде 25 лет, будут переселяться на правый берег Волги и превращаться в крепостное состояние.

Какие цели преследовала группировка Каип-Галия, распространяя эти явно провокационные слухи? Основная цель заключалась в том, чтобы оторвать казахов Букеевской Орды от хана Жангира, добиться переселения их в зауральские степи и там, опираясь на Хиву, провозгласить Каип-Галия ханом Младшей Орды. Каип-Галий преследовал даже не сословные, а узко династические цели. Достичь этих целей он рассчитывал путем использования глубокого недовольства трудящихся масс Букеевской Орды феодально-колониальным гнетом.

В марте 1827 г. началось массовое движение казахов за Урал. Переход продолжался до апреля. Принятыми царской администрацией мерами переход был задержан, однако, все же около 1800 кибиток перекочевало за Урал, — за большие взятки ряд комендантов крепостей Нижнеуральской линии и командиры отдельных отрядов позволяли казахам пройти через укрепленную пограничную линию; все эти лица впоследствии были преданы суду и многие из них устранены от занимаемых должностей.

Массовый переход казахов за Урал оказался неожиданностью для царской администрации. Помимо репрессивных мер против организаторов и участников перехода (около 195 казахов было арестовано и предано суду Пограничной комиссии; подавляющее большинство из них было в 1828 г. отпущено обратно в Орду) правительство занялось выяснением причин перехода. По этому вопросу был запрошен хан Жангир; специальное следствие производил председатель Пограничной комиссии Генс. Оба они дали совершенно извращенную картину причин недовольства в Букеевской Орде: причину возмущения казахов они усмотрели лишь в агитации враждебных хану «неблагонамеренных» лиц. Однако

Генс все же отметил, что успех враждебной хану агитации был обусловлен тем, что хан удалил от дел управления старших султанов и старшин и окружил себя молодыми султанами. Помимо привлечения к управлению Ордой старших султанов и старшин Генс считал необходимым для предотвращения волнений в дальнейшем разделить Букеевскую Орду на урочища без учета родовых связей, а также прекратить всякие связи между Букеевской и Младшей Ордой.

Результатом ревизии Генса явилось обращение военного губернатора Эссена к хану, в котором Эссен указал Жангиру на необходимость привлекать к совету казахских старшин, а с муллами и ахунами советоваться только по духовным делам. В то же время Эссен указал хану на ряд его злоупотреблений, которые могли вызвать озлобление казахов. В результате этого письма хан учредил в своей ставке Совет, в который был включен ряд наиболее почетных старшин. Некоторые из молодых султанов были отстранены от дел. Однако учреждение «ханских советников» не изменило системы управления Ордой: выбранные старшины должны были жить при ставке хана, оторвались от своих общин и вскоре были превращены ханом в простых сборщиков податей.

Не были смягчены и земельные ограничения. Правда, сенатор Энгель, проводивший ревизию Букеевской Орды в 1827 г., в своем отчете указал на необходимость расширения кочевий казахов в камышах по берегу Каспийского моря и между Узенями. Однако вопрос о прикаспийских землях упирался в право собственности помещиков на эту землю.

Не облегчив земельного положения казахов, ревизия Энгеля, однако, помогла местной администрации выявить «неблагонамеренных» лиц. Среди них оказался и султан Каип-Галий. По предложению Генса Каип-Галий, как султан, виновный в ослушании хану, не явившийся по приказу последнего к сенатору Энгелю, и в то же время как лицо, заподозренное в агитации среди казахов за переход на степную сторону, — был арестован и предан суду Пограничной комиссии. Однако последняя оставила Каип-Галия лишь «в подозрении»; по просьбе Жангира султан был возвращен в Букеевскую Орду, на поруки хана.

Между тем в Орде назревал новый подъем народного движения. Это и понятно, — ни одна из причин, вызвавших движение казахов в 1827 г., не была устранена. Более того,

положение изменилось к худшему. Генс в ноябре 1828 г. доносил генералу Эссену: до его сведения дошло, «что какие-то два человека взяли на откуп земли, принадлежащие графине Безбородко на берегу Каспийского моря и требуют за позволение на них зимовать за каждую лошадь по 50 коп., а за барана по 25 коп. и сверх того с каждой кибитки по 25 рублей». «Это, — прибавлял Генс, — заставило бедных киргиз откочевать от моря для приискания других зимовых мест и, избегая платежа сей неумеренной подати, подвергнуть себя опасности лишиться всего имущества». Насилия и произвол старшины Уральского войска отмечались выше. Генс советовал понизить плату за землю, которую казахи арендовали у помещиков, предоставить под кочевья земли по Узеням и Камыш-Самарским озерам и прекратить иски к казахам за потравы сена на русских землях в зиму 1827/28 г. Но ничего сделано не было.

В феврале 1829 г. многие аулы Орды снова пришли в движение, стремясь прорваться за Урал. Во главе этих аулов опять оказался султан Каип-Галий. В Букеевскую Орду были направлены вооруженные отряды, чтобы остановить движение казахов. Жангир доносил в Оренбург, что Каип-Галий призывал казахов отложиться от хана, что всех, кто противился ему, он «принуждал к этому силою, отгоняя скот и отдавая на разграбление имущество». Но хан преувеличивал значение Каип-Галия в подготовке нового движения казахов за Урал. Старшины показали атаману Уральского войска, Бородину, что причиной нового движения казахов послужили «несносные поборы и притеснения со стороны хана». Поборы брались по нескольку раз в год без всякого соответствия с положением налогоплательщика. Казахи в принудительном порядке привлекались к постройке домов для султанов и старшин, группирующихся около хана. Старшины жаловались на стеснения в кочевьях, а также на то, что «они теперь доведены до такого унизительного положения, что берут у киргиз жен и девок султаны и старшины при хане находящиеся». Наконец, жалобы касались захватов у казахов земель Уральским войском и русскими помещиками. В этих условиях движение развивалось и без принудительных мер Каип-Галия.

Восстание приняло настолько широкий и враждебный хану характер, что Жангир должен был бежать из Орды и скрыться в г. Камышин. Однако движение было обессилено в самом начале султаном Каип-Галием. При встрече отряда Бородина Каип-Галий после переговоров с атаманом сам

ушел к уральцам и был ими арестован. Что побудило Каип-Галия сделать этот шаг, — остается неизвестным. Очевидно, Бородин дал какие-то обещания султану, которые побудили его сдаться на милость русской администрации.

Движение 1829 г., как и движение 1827 г., окончилось безрезультатно. Этим кончается движение султана Каип-Галия в Букеевской Орде. В 1830 г. он бежал из Оренбургской тюрьмы, и дальнейшая его деятельность протекала в Западной части Младшей Орды (см. ниже).

В Букеевской Орде классовые противоречия, вызванные ускоренным процессом феодализации, а также и поземельными отношениями между казахами и русскими, оставались неразрешенными. Правда, в середине 30-х годов уральские пикеты с Малого Узеня временно были сняты, но зато нисколько не уменьшились земельные захваты хана Жангира. Что касается сбора зякета, то он в 30-х годах, как уже отмечалось выше, получил наиболее разорительные для казахов формы. Вот почему новый подъем движения народных масс в Букеевской Орде принял не столько антиколониальный, сколько антифеодальный характер. Этот новый подъем движения связан с именем старшины рода Берш, Исетая Тайманова.

ВОССТАНИЕ ИСЕТАЯ ТАЙМАНОВА

В движении Исетая Тайманова с исключительной для Казахстана первой половины XIX в. рельефностью проявился характер крестьянской войны. Причины движения народных масс ясно выражены в одной из жалоб, которую подали старшины, примкнувшие к Исетаю Тайманову, в Пограничную комиссию: «Поставленный над нами хан Джангир Букеев судит нас несправделиво и нисколько не сообразно с правилами нашей религии. Султаны, бии и другие исполнители ханской власти всюду нас притесняют безвинно, мучают побоями, своевольно отнимают у нас собственность нашу. Жаловаться же на них — значит наводить на себя видимое бедствие и совершенное разорение». Характерно, что старшины в этом письме просили записать их в число служилых людей Уральского войска, обязывались служить «лошадьми, запасами, верблюдами, а в случае надобности и своими жизнями», лишь бы избавиться от притеснений собственной знати, группирующейся вокруг хана Жангира. Мы видели выше, как пугала казахов служба в иррегулярных войсках царского правительства, и пугала, конечно, вполне основа-

тельно. Теперь эта служба представлялась для них выходом из бедствий, в которые они были ввергнуты собственной знатью.

Не менее важно отметить, что среди притеснителей народа упоминаются не только султаны и ходжи, но и бии, т. е. представители знати «черной кости». Это показывает, что в Букеевской Орде, где процесс разложения патриархально-родовых форм быта в связи с упадком кочевого скотоводства и переходом на оседлые и полуоседлые формы хозяйства зашел значительно дальше, чем в Младшей Орде, движение масс освобождалось от путающих и задерживающих влияний патриархально-родового быта и могло выступить как борьба трудящихся казахов против знати «белой» и «черной кости», группирующейся вокруг хана, т. е. принять формы крестьянской войны.

Тот же характер движения отразился в агитации ближайшего сподвижника Исетая Тайманова, старшины и поэта Мухамбета Утемисова, и в песнях участника восстания, акына Шерниаза. Песни Мухамбета Утемисова и Шерниаза, сохранившиеся в казахском фольклоре до наших дней (см. главу XV), призывали казахов к борьбе против всех притеснителей народа, в том числе и против биев, примкнувших к хану Жангиру. Эти песни имели огромное агитационное значение. Ярко выраженная в них ненависть ко всем притеснителям народа мобилизовала народные массы и немало содействовала тому, что движение Исетая Тайманова получило такие небывалые в истории освободительных движений Казахстана черты крестьянской войны.

Движение началось в 1836 г., но широко развернулось лишь в 1837 г. Классовый крестьянский характер движения Исетая ярко проявился не только в жалобах его губернатору и агитации Мухамбета Утемисова, но и в развернувшейся борьбе, направленной против феодальной знати. Громились и разорялись аулы ее представителей, сжигались дома, которые эта знать построила себе в Орде, отбиралась земля, которая была захвачена у казахских общин, — все это черты, типичные для крестьянской войны. Так поступали и русские крестьяне в своих классовых боях против российского дворянства.

Казахская знать в панике бежала в Ханскую ставку, охраняемую толенгутами хана и уральскими казаками. Исетай Тайманов осадил ставку и разорил ее окрестности. В то же время он начал переписку с царской администрацией и искал через ее посредство примирения с ханом. Но прав был рус-

ский полковник Геке, когда он доносил Пограничной комиссии, что эти переговоры Исетая были не более как тактический шаг. Исетай не мог рассчитывать на успешное завершение борьбы в Букеевской Орде, со всех сторон окруженной русскими укреплениями, в условиях активной поддержки хана вооруженными силами царизма. Ему надо было нейтрализовать действия царской администрации, убедить ее в возможности мирного разрешения конфликта с ханом, чтобы выиграть время до зимы, а тогда по льду прорваться со своими сторонниками в Зауральские степи. В летние месяцы переправиться через Урал, охраняемый русскими крепостями и редутами, было трудно. В аулах Исетая все было готово к откочевке за Урал.

Однако царская администрация разгадала цель переговоров Исетая с ханом — слишком ясно в движении Исетая выступили черты крестьянской войны. В Букеевскую Орду на помощь хану были направлены русские отряды под командой полковника Геке. Столкновение между войсками Исетая и Геке произошло при урочище Тас-Тюбе. Исетай был разбит, но не сдался. С огромными потерями он со своими сторонниками пробился через укрепленную линию и ушел в Зауральские степи. Преследуемый отрядами султана-правителя Западной части Орды, Баймухамбета Айчувакова, и русских казаков, Исетай Тайманов, в стычках с ними потеряв жену и сына, ушел в глубь степи, в район песков Барсуки. Там он нашел приют в аулах отделения Назар рода Шекты.

Положение Исетая стало исключительно сложным. С запада ему грозили отряды Баймухамбета Айчувакова. На юго-востоке он вошел в соприкосновение с Хивой. Барсуки — район, где политическое влияние Хивы чувствовалось исключительно сильно. Трудности положения Исетая усугублялись тем, что он был здесь оторван от своей первоначальной базы, от своих аулов. Тем самым он попадал в зависимость от старшин рода Шекты, где влияние патриархально-родового быта было значительно и где развернуть массовое движение казахов без поддержки старшин было невозможно. В то же время Исетай Тайманов попал здесь в сферу влияния султана Каип-Галия, связь с которым значительно запутала те ясные цели, которые преследовало движение Исетая в Букеевской Орде.

Мы знаем, что в 1830 г. Каип-Галий бежал из Оренбургской тюрьмы в Западную часть Младшей Орды. Его деятельность в Букеевской Орде, два ареста, бегство из

тюрьмы — все это создавало Каип-Галию известную популярность, вокруг него начали объединяться старшины, не признавшие над собой власти султанов-правителей. Так, к нему примкнули батыр Котебар, известный еще своей борьбой в годы движения Срыма, и батыр Достан, оба рода Шекты; его сторонниками являлись Жусуп Куланов, старшина отделения Назар Шектинского рода, Союн-Кара, старшина многочисленного рода Адай, кочевавшего за Эмбой; примкнул к нему Жусуп Срымов, старшина рода Байбакты, сын Срыма. Все они признали Каип-Галия ханом. Однако уже с лета 1831 г. они порвали с ним связи и искали сближения с царской администрацией.

Вероятно, две причины вызвали быстрый отход этих влиятельных старшин от Каип-Галия. Первой были его тесные связи с султаном-правителем Чин-Гали Урмановым, которого казахи ненавидели, — это был один из наиболее хищных представителей фамилии хана Нур-Али. Он не только, как и другие султаны-правители, собирал в свою пользу зякет и другие поборы, не только организовывал против казахов, не желавших ему покориться, карательные экспедиции, но довел казахов до того, что они, по словам Союн-Кара, не могли иметь в Орде дорогих шуб, хороших лошадей и красивых верблюдов, так как все это Чин-Гали отбирал в свою пользу. Тесные связи Каип-Галия с этим султаном должны были оттолкнуть от него казахов, особенно те аулы, которые вели борьбу с султанами-правителями. За связь с Каип-Галием и за служебные злоупотребления Чин-Гали был смещен с должности султана-правителя и сослан в апреле 1831 г. в Уфу. Ко времени восстания 1836—1838 гг. он был выслан в Букеевскую Орду на поруки хану Жангиру и принимал активное участие в борьбе против Исетая Тайманова. Султаном-правителем Средней части Орды был назначен Баймухамбет Айчуваков, преданный агент царского правительства, но в то же время тактичный и хитрый политик, умевший без нужды не обострять отношений и лаской и обходительностью примирять с собой своих противников. Смена Чин-Гали Урманова и деятельность в Орде Баймухамбета Айчувакова были второй причиной поворота к примирению с царской Россией ряда старшин.

Но была и еще одна причина. Ее с достаточной ясностью высказал Союн-Кара. Перечисляя насилия Чин-Гали Урманова в своем письме Пограничной комиссии, он говорил, что его насилия побудили адаевцев отдалиться от России, но это не облегчило их положения, так как Хива, усиливая

свою власть над адаевцами, использовала эту власть для угнетения народа. Агрессия Хивы при хане Алла-кули в сторону казахов не прекращалась; всякое ослабление казахских племен, феодальную борьбу между отдельными представителями знати хивинское правительство использовало для усиления своего влияния. Адаевцы, кочевавшие на границе Туркмении, не менее чем казахи, кочевавшие в районе Сыр-дарьи, чувствовали давление Хивы.

Но далеко не все старшины прекратили борьбу с агентами царизма после ссылки Чин-Гали в Уфу. Большинство старшин рода Адай в связи с прекращением Союн-Кара борьбы против России обратилось к Алла-кули с жалобой на «измену» Союн-Кара. Хан послал в аулы адаевцев вооруженный отряд из хивинцев и туркмен. Аулы Союн-Кара были разграблены, а он сам должен был бежать в пределы Западной части Орды и отдаться под покровительство султана Баймухамбета.

Каип-Галий оказался на стороне Хивы и с момента бегства Союн-Кара его влияние среди адаевцев возросло. В 1836 г. он был вызван в Хиву. Алла-кули намеревался, по данным русских документов, провозгласить его ханом казахов родов Шекты, Адай, Кете и Шомекли-Табын, однако воздержался от этого шага. Султан возвратился в Орду весной 1837 г. в качестве правителя этих родов, но его попытка собрать зякет в пользу хивинского хана окончилась неудачно.

Когда в Барсуках появились отряды Исетая Тайманова, они попали в сферу влияния вассала Хивы, султана Каип-Галия. С другой стороны, сам Каип-Галий стремился использовать движение Исетая для укрепления собственного положения в Орде. Он провозгласил себя ханом казахов Западной части Орды и воззваниями, угрозами и через устную агитацию Исетая Тайманова стремился сплотить вокруг себя казахские общины. Но при этом он не порывал своей зависимости от Хивы. В результате союза с Каип-Галием движение Исетая Тайманова потеряло свой антифеодальный характер.

В то же время сохранившиеся воззвания Исетая 1838 г. позволяют говорить о том, что борьбу против царской России он развертывал как вассал Алла-кули. В своем письме биям из родов Серкеш и Тлеу он писал: «как вы не думаете брать ныне участия в общем мусульманском деле. Теперь вторично пишем вам, чтоб вы, по получении этой бумаги, немедленно собрав своих молодцов вместе с аулами

своими перекочевали по направлению к Уилу. Вам должно знать, что теперь наступило время исполнить это предписание, последовавшее по повелению хорезмского падишаха». Эта программа газавата, священной войны против «неверных» под руководством и при господстве хорезмского падишаха, т. е. хивинского хана, очень далека от задач крестьянской войны. О борьбе Исетая против местной знати ничего неизвестно.

Выступление Исетая вместе с местной знатью, естественно, должно было носить в первую очередь антиколониальный характер. Опыт борьбы с ханом Жангиром должен был убедить Исетая, что эта борьба никогда не может успешно закончиться, пока на границе Орды господствуют царские власти. Едва ли можно сомневаться, что в дальнейшем развитии борьбы произошло бы размежевание классовых сил и в Младшей Орде, как это намечалось в движении батыра Срыма. Но Исетай погиб в самом начале борьбы.

Центром движения в 1838 г. становится река Киил при ее впадения в Уил. Сюда стягивались отряды казахов, склонившихся на сторону Каип-Галия. Сам Исетай и Мухамбет Утемисов разъезжали по Орде, агитируя за откочевку от границ России и присоединение к Каип-Галию. Агитация Исетая имела большой успех. Значительное число аулов, несмотря на контрмеры, принятые Баймухамбетом Айчуваковым, потянулось к Уилу. Положение султана-правителя пошатнулось, и он просил оренбургскую администрацию прислать к нему в помощь отряд казаков в 500 человек. Можно с большой долей достоверности думать, что успех агитации Исетая был обусловлен не авторитетом в Орде Каип-Галия и не желанием казахов переменить господство царской России на протекторат Хивы, а той популярностью, которой Исетай пользовался в Младшей Орде и которую он завоевал своей борьбой против хана Жангира и его окружения.

В начале июля 1838 г. в Орду был направлен сводный отряд полковника Геке, который должен был соединиться в степи с двумя сотнями русских казаков, находившихся при султане-правителе. Отряд вышел из Оренбурга 6 июля. 11 июля он остановился на реке Ак-Булак. 12 июля отряд Геке столкнулся с отрядом Исетая Тайманова. В отряде Исетая находилось около 500 джигитов. В происшедшем сражении пало около 80 казахов, в том числе был убит Исетай Тайманов.

После смерти Исетая отряды Каип-Галия быстро рассеялись, а сам султан бежал в Хиву. Крупной политической роли он в дальнейшем не играл.

Причины поражения Исетая были те же, что и причины поражения Срыма. Правда, здесь с большей силой проявилось размежевание классовых сил в общине, но основное — стихийность движения, отсутствие связи с революционной борьбой рабочего класса — оставалось. Движение Исетая разбилось о союз султанской знати и царизма. Вторично в крупном масштабе было показано, что освобождение трудящихся масс неразрывно связано с низвержением самодержавия в России, т. е. невозможно без связи с общей революционной борьбой в России. Изменение внешнеполитической ориентации приносило вместо одного гнета другой — худший, безысходный, так как ориентация на Хиву лишь консервировала прежние формы хозяйства, в то время как господство царизма эти формы, правда, мучительно и медленно, но разлагало. Это очень ярко проявилось в рассматриваемое время в хозяйственном развитии Букеевской Орды, а впоследствии, начиная с 60-х годов XIX в., — и в хозяйстве других Казахских Орд.

ГЛАВА XIII

ДВИЖЕНИЕ КЕНИСАРЫ КАСИМОВА

АГРЕССИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В 20-х ГОДАХ XIX в.

Наступление царизма в Казахстане развивалось в 20-х годах XIX в. одновременно с агрессией среднеазиатских ханств в южных районах казахских кочевий и в условиях господства Китая в восточной части Казахских степей. Границы Хивинского ханства при хане Алла-кули (1826—1844 гг.) подходили к Сыр-дарье, и господство Хивы над сыр-дарьинскими казахами сохранялось. Более того, ханом Ширгазы еще при жизни Мухаммед-Рахима была сделана попытка перевести Младшую Орду в вассальную зависимость от хивинского хана.

В 1825 г. хан, получивший от оренбургской администрации отпуск в степь, в Оренбург не вернулся. Он откочевал от границ России к Аральскому морю и здесь завязал, во-первых, сношения с батырами рода Шекты, близко связанными вассальными отношениями с Хивой, и затем послал своего сына Идигу и султана Мендиара в Хиву, где они были радушно приняты Мухаммед-Рахимом. В 1826 г. Ширгазы

сам отправился в Хиву и завязал тесные родственные отношения с новым хивинским ханом Алла-кули. Последний признал Ширгазы ханом Младшей Орды, вассальным от хивинского хана. Одновременно с возвращением в Младшую Орду Ширгазы туда же были посланы от хивинского хана и сборщики зякета. Следует также отметить, что местопребыванием Ширгазы хивинский хан определил кочевья рода Табын, т. е. район, расположенный в непосредственной близости от линии. Действительно, кочевья хана находились верстах в 60-ти от Ильинской крепости, в районе верхнего течения реки Илека.

Но Ширгазы был признан ханом лишь незначительной частью аулов рода Табын и старшин рода Шекты, вассалов Хивы. Слишком непопулярен был Ширгазы в Орде, и его попытка сохранить за собой звание хана путем подчинения Хиве не пользовалась сочувствием народа — она несла с собой вассальные отношения не менее тяжелые, чем подданство царизму. Уже в 1828 г. Ширгазы должен был искать сближения с царской администрацией. Он дважды, в 1828 и в 1829 гг., обращался с письмами в Пограничную комиссию, оправдывая свой отъезд в Орду то стремлением, якобы, прекратить набеги на линию, то стремлением добиться безопасного пути через степь хивинским и бухарским караванам. Пограничная комиссия не ответила ни на одно письмо бывшего хана. Тогда хан и султан Идига начали вести агитацию в Орде за откочевку аулов в сторону хивинских владений, запугивая казахов русскими карательными отрядами. Но и эта агитация успеха не имела. Царская администрация, пренебрегая ханом Ширгазы, вела активную переписку с султанами и старшинами, без труда опровергая измышления хана. После 1833 г. Ширгазы остался кочевать в степи, верстах в ста от пограничной линии, изредка выпрашивая подачки от русской администрации. В 1845 г. он умер. Его семье царское правительство установило пенсию в размере 100 рублей серебром в год.

Таким образом, попытка части султанов распространить протекторат Хивы на приуральских казахов ни к чему не привела. Но это совсем не означало, что правительство Хивы отказалось от распространения своего господства на всю Младшую Орду. В начале 30-х годов аулы рода Адай, кочевавшие за Эмбой, вблизи Туркмении, должны были признать подданство Хиве. С казахов, кочевавших в районе Сыр-дарьи, Алла-кули продолжал взимать зякет. Эти вассальные отношения части казахских владений к Хиве, а

также активное вмешательство хивинского правительства в освободительную борьбу, — вмешательство, конечно, в своих собственных целях, — вызвали ряд крупных дипломатических столкновений между царским и хивинским правительствами и послужили одной из причин завоевательных походов царизма против Хивы.

Следовательно, считать движение хана Ширгазы освободительным нельзя. Это была борьба за сохранение ханских привилегий при поддержке и путем фактического подданства Хиве.

Помимо агрессии Хивы серьезной угрозой для казахов являлась завоевательная политика кокандских ханов. После захвата в 1808 г. Ташкента ханом Алимом этот район экономически и политически оказался подчиненным Коканду. Положение трудящихся масс казахов с утверждением в южной части современного Казахстана господства Коканда значительно ухудшилось. Помимо поборов собственной знати в лице султанов, биев, ходж и т. д., казахи испытывали гнет и со стороны завоевателей — кокандских беков. Южная часть Казахстана была покрыта сетью кокандских крепостей. Линия этих крепостей, тянущаяся от Ташкента до современного Алма-Ата, отрезала казахов от горных джайляу (летовок) и тем самым ставила многочисленные аулы, кочевавшие в этом районе, в полную зависимость от гарнизонов крепостей. Крепости не только ограничивали районы кочевок казахов, но и являлись опорными пунктами деятельности сборщиков податей кокандского хана и торговцев-ростовщиков. Деятельность этих торговцев не ограничивалась стенами крепостей, — она проникала в глубь степи, где кокандское правительство в различных пунктах устраивало базары для скупки сырья и сбыта предметов ремесла кокандских городов.

Но не только политическими и экономическими мерами стремилось Кокандское ханство укрепить свое господство над трудящимися массами казахов. Большую роль играло и идеологическое воздействие. Через посредство мулл, постройку мечетей и медресе в Казахстане усиленно насаждался мюридизм с его проповедью беспрекословного послушания старцам и наставникам. В Южном Казахстане мюридизм в 20—30-х годах XIX в. сыграл иную роль, чем в 20—50-х годах на Северном Кавказе, где он принял характер широкого антиколониального движения против завоевательной политики российского царизма. В Казахстане мюридизм распространялся ферганскими ишанами, и их

проповедь беспрекословного послушания была проповедью послушания кокандскому хану.

Местная казахская знать быстро учла выгоды для себя союза с кокандскими властями. Она открыто переходила на сторону завоевателей и, пользуясь поддержкой кокандских гарнизонов, совершала бесконечные насилия над трудящимися казахами. Здесь складывалась система феодально-колониального гнета, аналогичная той, которая определилась в пограничных с Россией районах еще во второй половине XVIII в. Этот гнет вызывал перекочевки отдельных групп казахов в районы, удаленные от кокандской линии укреплений, отдельные разрозненные восстания, которые быстро подавлялись при той предательской роли, которую здесь играла казахская знать.

ПОЛОЖЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СТАРШЕЙ ОРДЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Общины восточных районов Старшей Орды сохраняли вассальные отношения к Китаю. Здесь в 20-х годах существовало большое число отдельных феодальных владений, принадлежавших потомкам султана Аблая. Главным султаном считался Аблай Адилев, внук знаменитого в Средней Орде Аблая. Здесь находились наиболее развитые в хозяйственном отношении общины. Преобладающей отраслью хозяйства было скотоводство, но помимо него широко было развито и земледелие, особенно в районе реки Или. Значительным источником дохода султанов и биев этих районов был сбор пошлин с караванов, направляющихся по путям, которые шли в Коканд и Кульджу. Существовал и местный торг в долине Куранкай. «На сию равнину, — рассказывает Зибберштейн, побывавший здесь в 1824 г., — в августе месяце каждого года приходят китайские отряды из города Кульджи для собирания с киргизских волостей в подать лошадей, и в сие время киргизы и самые наши торговцы, если только они случатся, производят мену товаров с китайцами». Был открыт для казахов торг в Кульдже, но он был крайне стеснен. Проникали туда и русские купцы под вымышленными именами подданных кокандского хана, так как русским въезд в Кульджу был закрыт. Баранов можно было сдавать только в казну, частным лицам покупать пригоняемый в Кульджу скот было запрещено. Влияние и значение султанов в значительной мере определялись поддержкой их китайским двором.

Один из султанов, Сюк Аблайханов, находившийся в номинальном подданстве России, в 1824 г. приехал в Омск. Местная администрация воспользовалась этим посещением, чтобы добиться у султана согласия на открытие в его волостях внешних округов, наподобие тех, к организации которых царская администрация приступила в Средней Орде. Но в Петербурге не решились на организацию в Старшей Орде внешних округов, опасаясь осложнений с Китаем. Однако правительство решило закрепить подданство Сюка Аблайханова посылкой в его владения вооруженных отрядов; при этом преследовалась и та цель, «чтобы постепенно приучать китайцев видеть действия нашего правительства в отношении к Старшей Орде и увеличивать влияние России на оную, приближая тем введение там порядка управления, сообразно устава о киргизах». С 20-х годов действительно начинает возрастать влияние царского правительства на дела Старшей Орды, и если говорить о реальном, а не номинальном подданстве отдельных владельцев этой Орды царскому правительству, — то начало его нужно отнести к 20-м годам XIX в.

Но не только русское правительство стремилось укрепить свое влияние в Старшей Орде, — к тому же стремился и кокандский хан. Еще в 1824 г. к Аблаю Адилеву являлись посланцы кокандского хана, склонявшие его отложиться от Китая и принять подданство Коканда. Это посольство окончилось безрезультатно, но господство Коканда все же постепенно продвигалось на восток, вытесняя отсюда китайское влияние.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕШНИХ ОКРУГОВ В СРЕДНЕЙ ОРДЕ

Такова была обстановка в южных районах Казахстана, когда царское правительство начало развертывать наступление на кочевья Младшей и Средней Орд. В Средней Орде это наступление развернулось, как мы уже знаем, в форме организации внешних округов на основе «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. Округа открывались постепенно, все дальше проникая в глубь кочевий Средней Орды. В 1824 г. была закончена организация только двух округов: Кокчетавского и Каркаралинского. В 1831 г. был открыт Аягузский округ, к востоку от реки Ишима; в 1832 г. организованы округа Баян-Аульский и Акмолинский, в верховьях Ишима, и впоследствии — округ Куш-Мурунский, смежно с Оренбургской губернией, и Кокпетинский — на

границе с Китаем. К 1838 г. все кочевья Средней Орды были охвачены новым административным устройством.

Среди правящей знати Средней Орды организация внешних округов встретила различное отношение. Одни подчинились этой реформе, по существу ликвидировавшей самостоятельность Орды, и устроились в окружных приказах на положении старших султанов, председателей этих приказов. Другие откочевали в Коканд; среди них была влиятельнейшая в Орде фамилия султанов Касимовых. Немногие примкнули к султану Саржану, который делал попытки в 1823—1824 гг. поднять вооруженное восстание против царизма. В 1832 г. Саржан бежал в пределы Кокандского ханства и отсюда при поддержке ташкентского кушбеги Хаджимбия делал попытки помешать организации внешних округов в южной части Средней Орды; эти районы кокандское правительство рассматривало как входящие в состав Кокандского ханства; на той же точке зрения стоял и Саржан.

Другие, как султан Губайдулла, намеревались восстановить ханскую власть с помощью Китая. В 1824 г. китайский отряд под командой Хэбей-амбаня проник до урочища Баян-аула, чтобы от имени китайского правительства возвести султана Губайдуллу в ханы Средней Орды. Однако русский отряд перехватил Губайдуллу и вынудил его отказаться от китайского предложения. Царское правительство не придавало большого значения притязаниям Губайдуллы на звание хана. Оно в августе 1824 г. даже предписало омской администрации, во избежание каких-либо осложнений с Китаем, не препятствовать признанию Китаем Губайдуллы ханом и советовало только заметить «с кротостью сему султану несовместимость сего его поступка с обязанностями российского верноподданного». Губайдулле были даже направлены богатые подарки. Впрочем, впоследствии царское правительство арестовало Губайдуллу и выслало его из Орды.

Тактика царского правительства состояла в том, чтобы ненужными репрессиями не усилить сопротивления султанов проведению в жизнь Устава 1822 г. Широкого развития ни движение Саржана ни движение Губайдуллы не получило, но все же без вооруженного подавления отдельных очагов восстания проведение в жизнь Устава не обошлось; местами организация внешних округов принимала характер настоящего завоевания.

МЛАДШАЯ ОРДА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Менее удачной для царизма оказалась реформа 1824 г. в Младшей Орде. Власть султанов-правителей распространялась лишь на районы, прилегавшие к пограничной укрепленной линии. Безопасность прилинейных русских поселений также обеспечена не была. Набеги на линию продолжались.

Реформа 1824 г. потребовала поправок уже в 1831 г. В этом году, по предложению председателя Пограничной комиссии Генса, кочевья, прилегавшие к линии, фактически были изъяты из ведения родовых старшин, и управление прилинейным районом было построено по чисто территориальному признаку, совершенно не считавшемуся с исторически сложившимся общинным делением казахов. Это было ударом по «родовой» организации казахских общин. Прилинейный район от Гурьева-городка до Звериноголовской крепости был разделен на 32 части — дистанции; во главе каждой дистанции поставлены назначенные оренбургским военным губернатором дистанционные начальники из старшин и султанов, которым были подчинены так называемые местные старшины. Дистанционные начальники в свою очередь подчинялись султанам-правителям. Местным старшинам были подчинены все казахи «без исключения и различия родов, отделений и званий», кочующие при линии. Все, кто оказывал сопротивление новым начальникам, подлежали выселению из прилинейного района. Никакой султан или старшина, кроме дистанционного начальника и султана-правителя, не мог вмешиваться в распоряжения местного старшины. Функции последнего были чисто полицейского характера. Реформа 1831 г. сводилась к введению на всем протяжении линии своеобразного полицейского кордона, укомплектованного из самих же казахов. В результате нападения на пограничную линию резко сократились.

Значительно труднее было бороться с нападениями аулов, кочевавших в районах, удаленных от линии, не только потому, что эти аулы были недосягаемы для царских отрядов, но и потому, что их нападения инспирировались и поддерживались хивинским правительством. Мысль о том, что подчинить степь не удастся, пока существует Хивинское ханство, становится в 30-х годах все более популярной в русских правительственных кругах. Нападения совершались в районе Каспийского моря, где им подвергались главным образом рыбопромышленники, и на караван-

ных путях вокруг Аральского моря. В районе Каспийского моря особенно прославились своими нападениями казахи рода Адай. Для борьбы с ними в 1834 г. при заливе Кайдак было основано русское укрепление Ново-Александровское. Место было выбрано неудачно как в климатическом отношении, так и по своей отдаленности от кочевий адаевцев. Поэтому Ново-Александровское в 1840 г. было перенесено на полуостров Мангышлак, к мысу Тюб-Караган.

Но это еще не решало вопроса о ликвидации влияния Хивы на казахов. В степи попрежнему сталкивались интересы феодалов Хивы и российского царизма. В 1839 г. был решен поход генерала В. А. Перовского для завоевания Хивы. Предлогом к походу был отказ хивинского хана Алла-кули в выдаче русских пленных; впрочем, постановление специального комитета, обсуждавшего этот вопрос, предписывало Перовскому поход совершить, если даже Алла-кули и выдал бы русских пленных. Это был первый крупный прыжок царизма в XIX в., направленный на захват Средней Азии. Завоевание Хивы отдало бы во власть царизма все кочевья Младшей Орды.

Поход 1839—1840 гг. окончился катастрофой: жестокие морозы и глубокие снега не позволили Перовскому преодолеть даже Усть-Урт, и весной 1840 г. экспедиционный корпус с огромными потерями вернулся на линию. Окружить цепью укреплений казахские кочевья царскому правительству в начале 40-х годов не удалось.

В пределах доступных для царского правительства кочевий был проведен за рассматриваемый период (30—40-е годы XIX в.) ряд крупных мероприятий, тяжело отозвавшихся на политическом и хозяйственном быте казахов. Особенно тяжелым для казахов явилось устройство в 1835 г. так называемой Новой линии укреплений, которая тянулась почти прямой линией между крепостями Троицкой и Орской и отрезала у казахов огромное пространство земли — 10 100 кв. верст. Богатый пастбищами и водой, этот район был одним из лучших в Младшей Орде. Захваченную землю предполагалось заселить русскими казаками. До заселения казахам разрешалось здесь кочевать, но за плату, размер которой зависел от пространства, занятого кочевьями. При практиковавшемся тогда подсчете трудно сказать, сколько кибиток кочевало в этом районе: в 1844 г. правительство насчитало около 6300 кибиток.

Стеснение кочевий не ограничилось одним взиманием платы: казахам стали запрещать кочевье и устройство

зимовок ближе 15-верстной полосы земли, отведенной под станицы на Новой линии, не разрешали селиться аулами более 5—10 кибиток, совсем были изъяты урочища внутри линии, занятые русскими поселениями. Этот район пограничной линии становится очагом антиколониальной борьбы казахского народа.

Меньшее значение для хозяйства казахов имело введение в 1837 г. так называемого кибиточного сбора — по 1 руб. 50 коп. с кибитки. До 1837 г. казахи не облагались регулярной податью. Правда, с 1806 г. взимался билетный сбор с казахов-«байгушей», переходивших для найма на работу за линию (по 50 коп. в месяц); существовали поборы при перегоне скота на зимовку на «внутреннюю сторону». Эти сборы касались лишь определенных категорий казахов, но не были всеобщей податью. Однако учесть число кибиток правительство не могло, а султаны-правители в деле учета допускали немало злоупотреблений; собрать же кибиточную подать с казахов, кочующих вдали от границы, вообще было невозможно. Поэтому в первый год была собрана ничтожная сумма — около 23 000 рублей. Но введение кибиточного сбора означало переход царского правительства к регулярному обложению казахов.

В области экономических мероприятий царского правительства необходимо также указать на борьбу с развитием у казахов земледелия. В правительственных кругах держались убеждения, что Казахстан полезен для России только как поставщик шерсти, кожи, сала и т. д., что развитие в Казахстане земледелия противоречит поэтому колониальным интересам России.

Практически эта точка зрения проводилась в жизнь по преимуществу в кочевьях Младшей Орды; ограничения земледелия почти не коснулись Средней Орды. Это зависело главным образом от позиций, которые занимала местная администрация. Горячим сторонником взгляда на Казахстан как на рынок животноводческого сырья был оренбургский военный губернатор В. Перовский. Дело доходило до того, что принудительно уничтожались землянки казахов, переходивших на оседлость, уничтожались засеянные поля. Страдала по преимуществу казахская беднота, так как кочевники-скотоводы переходили на оседлость и прибегали к земледелию обычно в случае крайней нужды и разорения.

Все перечисленные мероприятия царских властей свидетельствовали об усилении колониального нажима на казахов

как в области политической, так и хозяйственной. Но рост колониального гнета не означал отмирания той системы феодально-колониальной эксплоатации, которая отмечалась в предыдущих главах (см. главы X, XI), однако эта система претерпела некоторые изменения.

Носителями ее в общинах Средней и Младшей Орд явились старшие султаны, султаны-правители, волостные старшины. Власть, которой они располагали при поддержке царской администрации в степи, широко ими использовалась для хищнической эксплоатации трудящихся казахов. Это должна была признать и правительственная комиссия, обследовавшая состояние Средней Орды в 1865 г.: «Все султаны по местному управлению степью назначаются правительством, а не избираются народом, а потому, зная, что служба их бессрочная и смена зависит от начальства, все смотрели на места как на источник дохода, и позволяли себе вопиющие злоупотребления».

Бесчисленные злоупотребления творились при сборе кибиточной подати, когда вся ее тяжесть перекладывалась на враждебные или просто неугодные султанам-правителям и старшим султанам аулы. Султаны произвольно производили аресты и освобождали арестованных лишь после получения выкупа или прямо прибегали к открытому грабежу. В одной из жалоб казахи писали: «одним словом старший султан наш не оставил в покое ни табунов скотины, ни проса в мешках; ни просьбам, ни слезам нашим не внимает, а потому мы приехали со слезами умолять освободить нас от его управления».

К вымогательствам прибавлялись земельные захваты султанов, присваивавших себе пользование лучшими пастбищами. Аулы трудящихся казахов оттеснялись в бесплодные пески. Султаны-правители в Младшей Орде, старшие султаны и волостные старшины в Средней были официально признанными представителями власти со стороны царского правительства, являлись по существу агентами царизма в Ордах, и возмущение против них, естественно, переходило в возмущение против царизма.

Таким образом, как в Младшей, так и в Средней Орде создавались условия для нового подъема антиколониального движения. Но обстановка для успешного развертывания борьбы в Младшей и Средней Ордах была неодинакова. После того как к 1838 г. закончилась организация внешних округов, во все окружные приказы были введены отряды русских войск, царская администрация укрепляется в глу-

бине кочевий Средней Орды. В то же время значительная часть кочевий Младшей Орды, удаленная от пограничной линии, попрежнему оставалась малодоступной для воздействия царской администрации. Это обстоятельство объясняет, почему движение Кенисары Касимова, зародившись в кочевьях Средней Орды, могло развернуться только в пределах Младшей Орды.

ВОССТАНИЕ КЕНИСАРЫ КАСИМОВА

Движение Кенисары явилось крупнейшим антиколониальным национально-освободительным движением в Казахстане. В то же время в нем с исключительной ясностью проявились и особенности этих движений, их ограниченность. Поэтому на деятельности Кенисары необходимо остановиться подробнее.

Кенисары Касимов был внуком хана Аблая и горячим почитателем своего деда. Властолюбивый, энергичный, одаренный недюжинным умом, большими организаторскими способностями и непреклонной волей, он сумел поднять антиколониальное движение на большую высоту, придать ему широкий размах, но не вывел и не мог вывести это движение за ограниченные рамки интересов старой феодальной аристократии чингизидов.

К введению внешних округов султаны Аблаевы отнеслись крайне враждебно, тем более, что при распределении должностей старших султанов они были обойдены. Султан Касим со своими сыновьями, как мы уже отмечали, откочевал в пределы Кокандского ханства. Но в 1837 г. Касимовы снова появились в пределах Средней Орды: причиной их откочевки за границы Кокандского ханства явилось убийство ташкентским Бегляр-бегом брата Касима, султана Саржана. Аблаевы остановились на своих старых кочевках в пределах гор Улу-тау, Кши-тау, по реке Джиланчику и Киинды-Тургаю. Здесь кочевали аулы рода Кипчак, в котором Касим был владетелем до его эмиграции в Кокандское ханство.

Касимовы вернулись сюда, непримиримо настроенные к царским властям, отнявшим у них власть и почетное положение в Орде. Кенисары уже в ноябре 1837 г. произвел первое вооруженное нападение на отряд казаков Актавского укрепления, провожавший через степи вышедший из Петропавловской крепости караван. Против Кенисары были посланы отряды войск из состава Сибирского корпуса,

которые разорили аулы не только приверженцев Кенисары, но и совершенно мирных казахов. Одновременно с посылкой отрядов генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков обратился с просьбой к оренбургскому военному губернатору Перовскому послать отряды на реку Тургай, куда, как предполагал Горчаков, откочует Кенисары. Но Перовский ограничился лишь предложением султану-правителю восточной части Младшей Орды принять меры против Кенисары.

До осени 1838 г. о повторных нападениях Кенисары ничего не известно. Но в это время есаулы Кенисары разъезжали по Орде и всюду призывали народ к восстанию. Вокруг султана сгруппировалось до 5000 вооруженных джигитов, главным образом поколения Аргын и части поколения Кипчак. Кадры ближайших помощников и своей гвардии Кенисары вербовал из толенгутов деда и отца.

Осенью 1838 г. Кенисары напал на Акмолинский приказ и выжег его. Это вызвало ответные репрессии со стороны западносибирского генерал-губернатора. Не только аулы казахов в районе Улу-тау были разгромлены, но в степь в различных направлениях были посланы карательные отряды, которые всюду разоряли казахские аулы, не разбирая правых и виноватых.

Кенисары со своими сторонниками должен был откочевать в район рек Тургаев, считавшихся в ведении оренбургского губернатора. Здесь, в восточной части Младшей Орды, Кенисары нашел подготовленную почву для дальнейшего развертывания движения. Целый ряд общин родов Шомекей, Тама, Табын, Торткара, чьи кочевья были захвачены постройкой Новоилецкой и Новой линий, сгруппировались в восточной части Оренбургской губернии. Здесь под руководством Жоламана Тиленши готовились нападения на русскую укрепленную линию. Кенисары стремился обеспечить себе поддержку и казахов Средней Орды, кочующих поблизости от границ Оренбургской губернии. Он действовал различными методами — и принуждением и уступками. Так, он возвратил бию рода Аргын Шегеню Мусину отбарантованных у него лошадей. Но бий Мусин был одним из крупнейших старшин Средней Орды. Там, где Кенисары имел дело с более слабыми старшинами, он действовал силой, отгоняя скот и громя их аулы.

К весне 1839 г. влияние Кенисары возросло настолько, что под его контролем оказались все торговые пути, идущие от Сибирской линии и Троицка в Ташкент. Это давало

дополнительные источники доходов Кенисары — с караванов он взимал пошлины — и возможность причинять значительный вред торговле России со Средней Азией. Стеснения торговли, слухи о том, что Кенисары группирует вокруг себя казахов для открытия весной военных действий против линии, побудили Перовского предупредить Кенисары, и весной 1839 г. он выслал на Тургай против султана отряд войск под командой войскового старшины Лебедева. Отряд Лебедева разгромил аулы дяди Кенисары, султана Абдуллы Аблаева, но ввиду изнурения войск вынужден был вернуться на линию. В это время Кенисары совместно с джигитами старшины Жоламана появился вблизи линии и разгромил здесь несколько аулов казахов, не желавших присоединиться к нему. Особенно пострадал ряд аулов рода Кипчак, которые Кенисары рассматривал как изменников делу своих соплеменников. Между тем отрядом под командой полковника Горского, высланным с Сибирской линии, на Тургае были разгромлены аулы самого Кенисары и отогнан весь его скот. В июне отряд вторично разгромил аулы казахов, приверженцев восставшего султана. Кроме этого, в течение лета были совершены еще две экспедиции против Кенисары. Попытки султана бороться с царскими отрядами и отбить обратно отнятый скот не увенчались успехом. Аулы, примкнувшие к Кенисары, должны были откочевать в глубь степи, в Кара-кумы. Здесь сосредоточилось огромное количество скота, пастбищ нехватало, начался падеж скота от голода. Большое количество аулов отложилось от Кенисары; осталось у него не более 1000 сторонников.

В начале 1840 г. сибирским отрядом были подвергнуты разгрому те аулы кипчаков, которые являлись сторонниками восставшего султана. Было угнано 20 000 баранов, 1611 верблюдов, 857 лошадей, 349 коров, разрушено 503 юрты. Эти жестокости против кипчаков осуждал даже оренбургский губернатор, который считал, что такие меры могут только содействовать дальнейшему развитию восстания. Между Горчаковым и Перовским началась длительная враждебная переписка.

Непрекращавшиеся карательные экспедиции в степь вынудили Кенисары и его отца Касима летом 1840 г. вновь откочевать в пределы Кокандского ханства. За этот период Кенисары поддерживал связи с ханом Хивы, Алла-кули.

Но Кенисары не удалось найти поддержку и в Хиве. Слухи о готовящемся новом походе России на Хиву и истощение хивинских войск за лето 1840 г. побудили правительство

Хивы искать сближения с царским правительством. Из Хивы в Россию были возвращены 416 русских пленных, чего добивалось царское правительство. Когда к Алла-кули явились представители Кенисары с просьбой разрешить ему с его приверженцами прикочевать в пределы Хивинского ханства, Алла-кули ответил, что находится в мирных отношениях с Россией и может разрешить Кенисары кочевать в пределах Хивы только в том случае, если он прекратит враждебные действия против России.

С другой стороны, кушбеги, владевший Ташкентом на правах вассала кокандского хана, стремился использовать Кенисары как заслон от набегов кочевников севера на владения Ташкента. Поэтому кушбеги пригласил Кенисары поселиться на северо-западных границах Ташкентской области, обещая построить ему крепость и снабдить оружием для борьбы с Россией. Но Кенисары стремился совсем не к тому, чтобы стать орудием в руках ташкентского бека, а к укреплению своего господства на границе с Ташкентом. Он разгромил и здесь ряд аулов казахов, кочевавших в пределах Ташкентской области, не желавших признать его власть.

Убедившись, что в султанах Аблаевых он не найдет послушных вассалов, кушбеги решил уничтожить их. Неожиданно напав на кочевья Касима, отряд, посланный кокандским беком, убил отца Кенисары. При этом набеге, кроме Касима, погибла семья Кенисары: две его жены, сын и дочь, а также ряд султанов и старшин, кочевавших вместе с Касимом. Кенисары спасся только потому, что его в этот момент не было в аулах Касима.

Кенисары откочевал к Кара-кумам, где находились аулы родов Шекты и Торткара. Старшины этих общин допустили Кенисары кочевать вместе с ними при условии, что он прекратит враждебные действия против России. Сам Кенисары в этот период целиком был поглощен мыслью борьбы с Кокандом, стремясь отомстить за гибель своей семьи и отца. Вопрос о борьбе с Россией летом 1840 г. отошел для него на второй план. Но он не прекратил борьбы за объединение вокруг себя казахских общин. Попрежнему казахские аулы, не желавшие присоединиться к нему, громились толенгутами Кенисары.

Неудачная попытка опереться на среднеазиатские ханства, настроение значительной части старшин, не желавших обострять отношения с царской администрацией — к этой категории относились старшины тех общин, которые имели кочевья близ русской границы, — недостаток пастбищ и

массовая гибель скота, вызванные принудительной и добровольной откочевкой массы общин от линии, — все это толкало Кенисары на примирение с царскими властями. В январе 1841 г. Кенисары начал переговоры с царской администрацией о примирении и прощении его.

Губернатор Перовский охотно откликнулся на эти попытки Кенисары, несмотря на то, что управляющий родом Аргын, султан Ахмед Жантюрин предупреждал, что Кенисары хочет только выиграть время, сплотить вокруг себя колеблющихся старшин, чтобы впоследствии с новой силой развернуть борьбу с Россией. Сомнения Ахмеда Жантюрина разделял и председатель Пограничной комиссии Генс. Перовский считал, что восстание Кенисары явилось реакцией на карательные экспедиции, практиковавшиеся против казахов западносибирским генерал-губернатором.

Сам Кенисары с изумительным тактом в своих письмах на имя Перовского и Генса поддерживал эту мысль оренбургского губернатора. Он соглашался покориться царскому правительству, прекратить борьбу, но требовал, чтобы в Орду были возвращены его пленные родственники. Несмотря на противодействие Горчакова, Перовский выхлопотал Кенисары амнистию, и его родственники были освобождены. Но вскоре, летом того же 1841 г., обнаружилось, что сомнения султана Ахмеда и генерала Генса в искренности Кенисары были основательны.

Обеспечив себе тыл со стороны русской границы, примирив с собою старшин, кочевавших вблизи линии, которые теперь получили возможность возвратиться на старые кочевья, Кенисары начал борьбу с Кокандом. Момент им был выбран удачно. Положение в Ташкенте было неустойчиво. В начавшейся борьбе между Бухарой и Кокандом Кенисары выступил как союзник Бухары. В октябре четырехтысячный отряд Кенисары осадил Сузак, но взять крепость не мог. Посол царского правительства в Бухару Бутенев доносил 2 февраля 1842 г., что есаулы Кенисары явились в Бухару. По словам есаулов, Кенисары обещал эмиру вооруженную помощь против Ташкента. Они открыто говорили о вражде Кенисары к России и обещали помощь султана эмиру в случае его войны с Россией. «Я полагаю, — писал Бутенев, — что он [Кенисары] может сблизиться с эмиром с тою целью, дабы в случае новых каких-либо неудачных покушений против России найти пристанище в Бухарии».

Одновременно с этим сообщением были получены также сведения о возобновлении нападений приверженцев Кенисары на аулы сибирских казахов. Сам Кенисары в начале 1842 г. кочевал вдали от линии на реке Сары-су и был совершенно недосягаем для оренбургской администрации.

Получив все эти неприятные для себя сведения, Перовский, ручавшийся перед царским правительством за верность Кенисары, направил к нему ряд писем, требуя прекращения враждебных действий против Коканда и нападений на сибирских казахов. Кенисары в ответном письме объяснял нападение на владения кокандского хана местью за своих убитых родственников и тем, что он стремился «выручить находившиеся там роды с целью употребить их на службу государя». В других своих письмах Кенисары просил оренбургского губернатора уничтожить наблюдательные посты на Ала-тау и Кши-тау, где находились его зимние и летние кочевки, попрежнему резко выступая против сибирской администрации и обвиняя ее в массовых разорениях казахских аулов.

Эти обвинения были справедливы. Горчаков совсем не отказался от посылки карательных отрядов в степь и теперь, в 1842 г., требовал от Перовского новых нападений на казахские аулы в целях уничтожения Кенисары и его сообщников «в самом гнездилище их». Перовский не согласился на предложение Горчакова. «Решительного заключения о виновности султана произвести не могу, — писал он западносибирскому генерал-губернатору, — так как между кайсаками Оренбургского ведомства он никаких возмущений не производит, сведения же, сообщенные Вами, основаны только на показании нескольких кайсаков, едва ли могут служить уликами».

Но факты, сообщаемые Горчаковым, были верны: одновременно были получены и другие сведения из степи о том, что Кенисары вошел в сношения с бухарским эмиром, намерен отложиться от России и принять бухарское подданство, что подтверждало и донесение Бутенева из Бухары. Все эти сведения заставили министерство иностранных дел сильно усомниться в верности Кенисары. Оно потребовало, чтобы в Оренбурге был задержан заложник от Кенисары. Перовский задержал дядю Кенисары, султана Карабая, приехавшего с письмом от своего племянника. В том же 1842 г. Перовский был отозван из Оренбурга и военным губернатором был назначен генерал Обручев.

Задержание в Оренбурге султана Карабая, занятие сибирским отрядом урочища Улу-тау, об очищении которого просил Кенисары, наконец, совершенно явственно обнаружившееся стремление царского правительства оставить в тени Кенисары, не поручать ему в Орде никакой ответственной должности, — вызвали новые нападения султана на непримкнувшие к нему аулы, но теперь эти нападения направлялись не только против казахов Сибирской области, но и против аулов Средней части Младшей Орды. Отряды Кенисары появились между Илеком и Уралом. Одновременно бежавшие из плена русские показывали в Пограничной комиссии, что в Орде держатся упорные слухи о стремлении Кенисары перейти в бухарское подданство. Донося обо всем этом в Петербург, Горчаков настаивал на возвращении к прежней политике карательных отрядов с целью предупредить выступление казахов, запугать колеблющиеся аулы.

В сентябре генералу Обручеву было сообщено распоряжение Николая I принять меры к прекращению движения Кенисары. «На первый раз предложите ему, — писал граф Воронцов-Дашков Обручеву, — оставаться на тех местах, которые будут отведены Оренбургской Пограничной комиссией, а при этом объявить султану, что в случае неисполнения этого, султан Карабай как заложник будет подвергнут тюремному заключению, а сам султан будет объявлен бунтовщиком». Обручев обратился к Кенисары с требованием прикочевать к линии, угрожая в противном случае объявить его явным мятежником. Но Кенисары к линии не прикочевал и запретил казахам уплачивать покибиточный сбор России.

Генерал Обручев после совещания с Горчаковым решил направить в степь вооруженный отряд, с правом действовать как в пределах Западносибирской, так и Оренбургской губерний. Но отправка отряда была задержана восстанием государственных крестьян в Челябинском уезде. Карательный отряд против Кенисары под командой войскового старшины Лебедева выступил из Орской крепости только 5 июня 1843 г., имея задание двигаться к озеру Ак-куль, где соединиться с сибирским отрядом, но в дальнейших совместных действиях не переходить рек Сырдарьи и Чу во избежание столкновений с хивинцами и кокандцами.

Дойдя до реки Иргиз, Лебедев встретил Кенисары, двигавшегося по направлению к линии. Кенисары заявил

Лебедеву, что он прибыл сюда по распоряжению правительства, и просил указать ему место для постоянных кочевок. Лебедев приостановил дальнейшее движение отряда и запросил оренбургского губернатора, как ему поступить. Лебедеву было приказано враждебных действий против Кенисары не открывать, но с отрядом остаться в степи под предлогом прикрытия геодезических работ. Пограничная комиссия, уверенная в искренности Кенисары, решила отвести ему места для кочевок по южному склону Мугоджарских гор.

Старшина рода Аргын предупреждал Лебедева, что движение Кенисары — хитрость, что доверять ему не следует, что он идет без аулов, только с вооруженными джигитами. Он далее указал, что Кенисары не перестает взимать с казахов Оренбургского ведомства зякет, что казахи стекаются к нему, что он, наконец, не перестает силой воздействовать на тех, кто оставался в стороне от его движения, как, например, на часть кипчаков, на казахов рода Жаппас и др.

С другой стороны, наблюдалось резко враждебное отношение казахов к царскому отряду. Достать провожатых было почти невозможно, отряду ничего не продавали, тех, кто поддерживал русских, называли кафирами (неверными) и объявляли под своеобразным бойкотом, прогоняли от себя, «отказывая в чашке кумыса».

Вскоре обнаружились действительные намерения Кенисары. Он явился в район, смежный с линией, чтобы силой заставить подчиниться себе кочующие здесь общины. 6 июля правитель Средней части Младшей Орды Арслан Жантюрин донес Пограничной комиссии, что отряды Кенисары разгромили аулы рода Тилеу, оставшиеся верными правительству. Тогда с разрешения правительства генерал Обручев организовал и направил в степь крупные вооруженные силы в числе 1800 человек при четырех орудиях под командой полковника Бизянова. К ним были присоединены отряды султанов-правителей Средней и Западной частей Младшей Орды. Отряд Лебедева должен был присоединиться к Бизянову.

Чтобы усыпить бдительность султана, генерал Обручев обратился к нему с воззванием прекратить борьбу. «Служите верно царю, исполняйте в точности все полученные распоряжения начальства, без ведома оного не переменяйте мест ваших и этим только докажете совершенную преданность вашу правительству и тогда всем будете довольны».

Но в то же время Пограничная комиссия объявляла Кенисары мятежником и грозила всем, кто будет поддерживать его, суровыми наказаниями. Все это было известно Кенисары и дало ему возможность упрекать царскую администрацию в двуличности. Посланцу губернатора Кенисары сказал: «как можно итти к линии, когда оттуда выступает войско и сделано нападение на брата».

4 августа отряд Бизянова совместно с вооруженными силами султанов-правителей направился в степь, имея задание истреблять «хищные толпы султана Кенисары». За голову Кенисары была объявлена награда в 3000 рублей. 7 сентября Бизянов при урочище Карсанбаши настиг отряды Кенисары, но за истощением лошадей не мог преследовать отступавшего султана. В дальнейшем стычки с отрядами Кенисары произошли 9 и 10 сентября, но в результате удалось только захватить баранов, принадлежавших приверженцам султана. За полным истощением отряд Бизянова должен был вернуться на линию, не достигнув никаких результатов. Безрезультатны были и действия султанов-правителей. Кенисары господствовал в степи, собирая с казахов зякет, взимая штрафы с тех, кто не хотел добровольно присоединиться к нему, останавливал в степи караваны. Влияние его распространялось на район рек Тургаев и Сыр-дарьи.

В 1844 г. борьба с Кенисары продолжалась. В то же время царское правительство стремилось укрепить свое влияние в степи путем новой реформы управления казахами Младшей Орды. Это повело к изданию «Положения» 14 июня 1844 г.

Выше отмечалось, что управление прилинейными казахскими аулами в 1831 г. было поручено особым, назначаемым оренбургской администрацией, местным старшинам. По Положению 1844 г. все аульные начальники, не только в пограничной полосе, но и внутри Орды, должны были назначаться царской администрацией. Второе крупное изменение, которого предполагалось добиться путем введения нового положения, касалось организации суда. Казахи, обвиненные в измене, бармте, разбоях, захвате русских или возмущении своих соплеменников, подлежали военному суду. За крупные уголовные преступления, к которым был причислен и самовольный переход за линию, казахи подлежали уголовной ответственности в Пограничной комиссии по русским законам. Лишь разбор мелких гражданских исков (ниже 50 рублей) и маловажных преступлений (лег-

кие увечья, кража на сумму ниже 20 рублей) был оставлен суду биев, и то под надзором «местного начальства». По таким преступлениям было разрешено разбирать дела по «народным своим обычаям», но приговор биев мог быть обжалован в Пограничную комиссию. Для разбора дел между казахами и прилинейными жителями были назначены шесть попечителей из русских чиновников.

Наряду с этим Положение 1844 г. предусматривало ряд культурных мероприятий: обязательную прививку оспы, организацию школы для детей казахов в Оренбурге. Но из прививки оспы на деле ничего не вышло, так как число фельдшеров было ничтожно; что касается школы, то она была организована в Оренбурге, но туда попадали дети только казахской знати, из числа безусловно преданных царскому правительству султанов и старшин. Отбор кандидатов был настолько тщательный, что окончательно список принятых детей утверждался оренбургским губернатором.

Положение 1844 г. не удалось полностью провести в жизнь: его осуществление встретило упорное сопротивление со стороны казахов.

Что касается кампании 1844 г. против Кенисары, то она для царского правительства кончилась провалом. План борьбы состоял в том, чтобы действия против султана начать тремя отрядами — со стороны гор Улу-тау, Орска и Тобола. Все три отряда должны были соединиться на реке Тургае. Это был план концентрического наступления на отряды Кенисары с трех сторон. Отряд из Орска под командой уже известного нам Лебедева выступил 5 мая. Подготовка его выступления встретила огромные трудности — нельзя было найти провожатых. Принудительно завербованные байгуши забраковывались, а джигиты дезертировали. На реке Иргизе были обнаружены свежие следы кочевок Кенисары. Оставив обоз под вооруженным прикрытием, Лебедев быстро двинулся на преследование Кенисары, стремясь отрезать ему путь отступления на Каракумы, рассчитывая, что со стороны Тургая султану перережет путь отступления сибирский отряд, который должен был двинуться по плану с Улу-тау. Однако разведка не обнаружила сибирских войск даже вблизи Улу-тау.

Окружить Кенисары не удалось. Он быстро отступал, меняя лошадей. Единственное, что мог сделать Лебедев, это догнать отступавшие аулы бия рода Табын, Байкадама. Аулы были разгромлены. Потеряв следы Кенисары, не имея сведений о движении сибирского отряда, Лебедев решил

отступить к Орской крепости. Но экспедиция Лебедева все же нанесла значительный удар авторитету Кенисары в степи и ослабила его.

Однако Кенисары быстро оправился. В июле неожиданно для оренбургской администрации он появился около Константиновского укрепления на Новой линии и разгромил аулы родов Кипчак и Жаппас, остававшиеся верными царскому правительству. За этим нападением последовал ряд других партизанских набегов как на русские поселения, так и на аулы прилинейных казахов.

После этих набегов Лебедев был отрешен от должности и отдан под суд. Начальником экспедиционного отряда был назначен полковник Дуниковский. Под его командой отряд опять направился в глубь степи. Продвижение отряда происходило очень медленно. Во-первых, Дуниковский шел вместе с обозом, всей массой отряда, что задерживало движение. Во-вторых, нехватало проводников. Не только «простые» казахи, но даже султаны крайне неохотно помогали Дуниковскому в его движении по степи. Между тем отряды Кенисары группировались вокруг войск Дуниковского. О всех передвижениях русского отряда Кенисары был прекрасно осведомлен. В ночь с 20 на 21 июля Кенисары напал на преданных России султанов, сопровождавших отряд Дуниковского, и вырезал всех, оставив в живых, но ранеными только 20 человек. Этот случай резко уронил в Орде авторитет царской администрации, не сумевшей охранить преданных ей султанов от гибели.

Дальнейшие действия Дуниковского были крайне вялы, и Кенисары получил полную возможность действовать в тылу русского отряда. В августе его отряды вновь появились близ Новой линии. Здесь Кенисары сжег станицу Елизаветинскую и форштадт Екатерининской крепости, но самую крепость взять не мог. Успехи Кенисары и недоверие к русским силам быстро увеличивали влияние султана. К нему массами присоединились казахи родов Шомекей, Торткара и даже Жагалбайлы, который до августа 1844 г. держался нейтрально.

Движение в степь дополнительных отрядов не дало никаких результатов. Кенисары с исключительной быстротой откочевал к югу в район Эмбы. Русские отряды должны были вернуться на линию. Конец года прошел в партизанских набегах приверженных Кенисары отрядов на прилинейных казахов, которые оставались верными царскому

правительству. Так бесславно для царской администрации окончилась кампания 1844 г.

В начале 1845 г. Кенисары резко изменил свою тактику и сделал новую попытку добиться примирения с царскими властями. Причиной этого была не слабость Кенисары — его авторитет в конце 1844 и в 1845 г. был, как никогда, высок не только в Орде, но и в среднеазиатских ханствах. Хивинский хан присылал ему дружеские письма с целью заручиться его помощью в той борьбе, которая в это время происходила между Хивой и Бухарой. Кенисары радушно принимал послов, но помощи не оказывал.

Причины изменения тактики Кенисары к России документально неизвестны. Надо полагать, что Кенисары сделал попытку использовать неудачи царских войск в 1844 г., чтобы добиться от царского правительства ряда уступок — прежде всего в политической области; ему нужно было признание царизмом отдельного казахского ханства, не подданного России, а лишь союзного с Российской империей. В связи с вопросом об организации казахского ханства стоял вопрос и об очищении царскими отрядами занятых казахских кочевий.

Кенисары требовал возвращения кочевий его деда Аблая.

Царское правительство, учитывая безрезультатность семилетней борьбы с Кенисары, пошло на примирение с ним. Предложения Кенисары о переговорах, о размене пленными были приняты, и в феврале 1845 г. в аулы Кенисары было направлено посольство во главе с попечителем по киргизским делам Долговым. Несколько позже, еще до возвращения Долгова, было отправлено второе посольство во главе с офицером генерального штаба Герном, которому было поручено отвести плененную сибирским отрядом в один из набегов жену Кенисары в его аул.

То и другое посольство окончились крайне неудачно для царского правительства. Кенисары не только не удалось привести к присяге на верность, но султан даже не захотел принять ни Долгова ни Герна. Причина заключалась в том, что Кенисары из привезенных Долговым писем понял, что его надежды на уступчивость царских властей неосновательны. Вопрос о возврате ему кочевий не получил разрешения. Принести присягу на верность царскому правительству, т. е. признать себя подданным России, Кенисары решительно отказался.

Разгром сибирским отрядом под командой есаула Рыбина в том же 1845 г. аулов найманов и жагалбайлинцев еще более мог усилить недоверие Кенисары и ускорить срыв переговоров.

По докладу оренбургского губернатора правительство решило осуществить давно возникавшую мысль: возвести укрепления в глубине степи. Они позволили бы нанести решительный удар восстанию. В июне 1845 г. в степь направились русские отряды для создания двух укреплений. Коммуникационные линии этих отрядов с русской границей должны были охранять отряды султанов-правителей. В июле было заложено первое укрепление на реке Иргизе, при урочище Жар-мала, названное Уральским. Впоследствии, в 1869 г., оно было переименовано в город Иргиз. Второе укрепление, названное Оренбургским, было создано на реке Тургай, против брода Джарык-уткуль. Впоследствии оно было переименовано в город Тургай. В 1847 г. у устья Сыр-дарьи было создано укрепление Раимовское, переименованное в 1851 г. в Аральское.

С постройкой Иргиза и Тургая русские укрепления оказались в центре кочевий Кенисары. Его положение стало критическим. Необходимо было обеспечить аулам своих приверженцев новые кочевья. Еще до постройки укреплений Кенисары обращался к хивинскому хану с просьбой предоставить ему кочевья по левому берегу Сыр-дарьи. Хан на просьбу султана согласился, но при перекочевке надо было стать под зависимость Хивы, что не совпадало с планами Кенисары. Но и на Тургае оставаться было невозможно, ввиду соседства русских укреплений.

Осенью 1845 г. против Кенисары были двинуты отряды султанов-правителей. Кенисары должен был откочевать из Тургайских степей в район Сары-су и Чу. Одновременно он начал через своих есаулов усиленную агитацию среди казахов, призывая их присоединиться к нему. Он обещал отдать им земли, отвоеванные у кокандского хана. В то же время он обещал разрушить новые русские укрепления. Через своих лазутчиков царское правительство знало, что многие джигиты откликнулись на призыв Кенисары и примкнули к нему. Кенисары действительно начал войну с Кокандом, и ему удалось захватить три кокандских крепости по Сыр-дарье: Джулек, Яны-курган и Турсунбай. Он осадил Ак-Мечеть. Но здесь в отряды Кенисары перекинулась «кокандская болезнь» — холера. Кенисары снял осаду и удалился на реку Сары-су. Эпидемия долго не прекращалась.

Теряя своих ближайших сторонников, покинутый многими аулами, Кенисары начал движение на восток, тревожимый кокандцами и киргизами. В 1846 г. он удалился в пределы Китая, к озеру Кок-куль. Но и теперь он не покидал мысли о борьбе с Кокандом.

В 1847 г. он двинулся против киргизов, кочевавших у озера Иссык-куль, подчиненных Коканду, и начал против них беспощадную борьбу, физически уничтожая целые аулы. Эта борьба против киргизов получила ожесточенные формы отчасти потому, что киргизская знать, манапы активно поддерживали кокандское правительство. Но киргизам удалось окружить Кенисары в одном из ущелий Алатау. Его джигиты были перебиты, сам он был захвачен в плен и предан мучительной казни.

ЗНАЧЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ КЕНИСАРЫ

Из очерка восстания Кенисары видно, что оно носило ярко выраженный антиколониальный, национально-освободительный характер. Если в первый период в деятельности Кенисары еще проглядывают черты, характерные для движения Каип-Галия — отложиться от России ценою подданства Хиве, — то в 40-х годах движение Кенисары было направлено на создание казахского ханства, свободного от подданства своим сильным соседям. Он не шел ни на подданство России, ни на подданство среднеазиатским ханствам. Он писал в 1845 г. оренбургскому губернатору: «если я сделавшись подданным вашим буду поступать противно запрещений всевышнего, то страшусь его гнева и стыжусь мусульманских правителей». В то же время он отказался откочевать осенью 1845 г. в наиболее критический для него момент в пределы Хивы, потому что это могло быть куплено только ценой подчинения Хиве. Он в 1844 г. разгромил аулы рода Жаппас за то, что они уплатили зякет кокандскому хану. Он подвергал разгрому пограничные аулы, остававшиеся верными царскому правительству. Все подобные факты Кенисары в своих письмах квалифицировал как измену.

Следовательно, ошибочно было бы рассматривать движение Кенисары как направленное только против российского царизма. Казахам грозила двойная агрессия: и со стороны царской России и со стороны среднеазиатских ханств, прежде всего Коканда. Борьба Кенисары и была направлена как против царизма, так и против Кокандского

ханства, и только путем такой борьбы на два фронта Кенисары мог стремиться к достижению цели всей его жизни — созданию независимого казахского ханства.

Итак, движение Кенисары носило наиболее последовательный антиколониальный характер из всех движений XIX в. Но трудящиеся массы страдали под двойным гнетом — колониальным и феодальным. В казахском обществе были внутренние противоречия. Напомним их: противоречие между казахской знатью и трудящимися массами и противоречие внутриклассовое — между знатью «белой» и «черной кости». Как отразилось движение Кенисары на этих противоречиях казахского общества?

Кенисары неоднократно подчеркивал, что хочет «итти по следам своего деда». Боевым кличем кенисаринцев было «Аблай». Сам себя он называл «ханом непобедимой Орды». Как и хан Аблай, Кенисары боролся с пережитками «родовой» демократии, которая, естественно, вылилась в борьбу с политическими притязаниями старшин, так как именно старшины и представляли эту демократию. Власть старшин в общинах Кенисары заменял властью своих есаулов, которых он назначал сам и которые на месте правили деспотически. Те же есаулы использовались им для отдельных поручений: дипломатических переговоров и сбора податей.

Борьба со старшинами не исключала соглашений между ними и султаном. Не всегда Кенисары мог вооруженной силой сломить сопротивление родовой знати и подчинить ее своей воле. С наиболее влиятельными биями он искал сближения дипломатическим путем. Выше были отмечены его переговоры с бием рода Аргын Шегенем Мусиным. Той же тактики он придерживался и в отношении бия Жан-Хожи.

Тех старшин, которые подчинялись ему, он охотно принимал к себе и делал есаулами. Среди наиболее приближенных к Кенисары есаулов встречаются имена не только султанов, но и старшин: Кенджу, Джина-батыра, бия Союры, батыра Бассы и др. Но и простым казахам не был закрыт доступ в есаулы. Герн писал: «за отличие в действиях первая награда есть выдача казенного оружия, в коем порядок соблюдается следующий: после обыкновенного древка или укрюка выдается пика с наконечником; потом большой прямой нож... потом кривая сабля; далее жалуют есаулом и выдаются разные уже наружные отличия, состоящие из полотняных и бархатных лоскутков,

пришиваемых на плечи и на грудь; у почетных людей ножны сабель в чехлах из красного сукна».

Военная организация Кенисары была построена на началах строгой централизации. Ядро его вооруженных сил составляли толенгуты, многие из которых являлись потомками толенгутов его деда Аблая. Среди них были не только казахи, но и калмыки и башкиры и даже русские, например, солдат Белышев. Но русских было немного. Толенгуты постоянно кочевали вместе с Кенисары и могли немедленно выставить не менее 500 джигитов; они составляли гвардию султана, из среды их черпались кадры для руководства аульными ополчениями, сражавшимися под значками Кенисары. Дисциплина была чрезвычайно твердой.

Суд был сосредоточен в руках есаулов. Своих приближенных Кенисары судил сам, и судил, «не взирая на лица». Окружающие повиновались ему беспрекословно. Обычным наказанием был удар саблей по голове, наносимый палачом, почему многие приближенные Кенисары ходили с рубцами на голове. Есаул, получивший удар палача, лишался своей должности, но он ее мог возвратить себе новыми подвигами. Нередко применял Кенисары и смертную казнь. Смертью карались не только измена, но и самоуправство. Так, он велел казнить одного есаула за то, что он самовольно, без разрешения султана, стал собирать зякет.

Централизация власти и некоторая демократизация режима, выразившаяся в смягчении всяких сословных и родовых преград для достижения власти, вполне объясняется той ожесточенной борьбой, которую вел Кенисары в течение десяти лет за независимость казахского ханства. Но эта борьба совсем не затрагивала основ феодальной экономики в тех ее формах, в каких она выкристаллизовывалась в казахском обществе. Прежде всего распоряжение кочевьями находилось целиком в руках Кенисары. На это имеются весьма многочисленные указания в источниках. Никто никогда не знал, где он будет кочевать дальше. Кенисары снимался со своими аулами и перекочевывал на новое место. Остальные аулы располагались в его окружении. Герн указывает при этом одну подробность. Он пишет, что скот у казахов, приверженных Кенисары, находился в весьма плохом состоянии, чему поверить можно, учитывая тесноту пастбищ. «Но, — прибавляет Герн, — у Кенисары скот в

лучшем чем у других состоянии, так как при кочевках его аулы всегда занимают лучшие пастбища».

Аулы Кенисары были бедны: «достояние приверженцев Кенисары самое бедное; кибитки и одежда их хуже чем у наших байгушей: все богатство их заключается прежде всего в скоте». Мы видели, как слабо было развито ремесло в казахских аулах, многое необходимое из одежды они выменивали, но от русских меновых пунктов сторонники Кенисары были отрезаны, враждебные отношения были и со среднеазиатскими ханствами. Кроме того, при обмене с Бухарой и Хивой Кенисары требовал, чтобы прежде всего выменивали оружие и порох. Естественно, что многого из обихода в аулах Кенисары нехватало.

Те феодальные повинности, которые существовали у казахов, Кенисары сохранял, причем всякая «добровольность» приношений была отброшена. Прежде всего взимался зякет, не только скотом, но и оружием. С земледельцев, игинчей, которых в то время в районе Сыр-дарьи было довольно много, взимался ушр ($^1/_{10}$ часть урожая). Взимались многочисленные штрафы за нарушение распоряжений Кенисары. Зякет казахи платили, как неоднократно указывается в источниках, «не из усердия, а из страха». Недовольство принудительным взиманием зякета несомненно существовало, и это недовольство враждебные Кенисары султаны и старшины умели использовать в своих целях. Так, тяжелые поборы султана вызвали в родах Жаппас и Кипчак возмущение; старшины этих родов обратились через султанов-правителей в Пограничную комиссию с просьбой расправиться с Кенисары. В ноябре 1844 г. жаппасцы, во главе с бием Жангабилом, перерезали сборщиков зякета, посланных Кенисары. Были и другие возмущения, вызванные сбором зякета. Но Кенисары продолжал его взимать непреклонно.

Что касается военной добычи, полученной во время разгрома непокорных аулов, то она по обычаю делилась между всеми участниками набега с обязательным выделением доли султану. Часть же ее шла на взаимные расчеты по бармтам. Таким образом, распоряжение кочевками, сбор феодальных повинностей оставались. Собранные средства шли на укрепление ханства Кенисары с его феодальной классовой организацией общества. Значительная часть средств расходовалась на содержание толенгутов султана. Значит, движение Кенисары являлось движением национально-освободительным, антиколониальным, но оно совершенно не

затрагивало основ сложившейся экономики и классовой структуры казахского общества и в этом смысле не ставило своей задачей облегчить положение трудящихся масс.

ГЛАВА XIV

КАЗАХСТАН в 50—60-х годах XIX в.

В 50—60-х годах XIX в. произошел ряд весьма крупных изменений в политической жизни казахского общества и с достаточной ясностью определились новые явления в хозяйственной жизни и социальных отношениях, зародыши которых были заложены еще в конце XVIII — начале XIX в. Изменения в хозяйственной жизни были тесно связаны с изменениями в политической области. На последних изменениях мы прежде всего и остановимся.

КАЗАХИ ПОД ВЛАСТЬЮ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Господство Хивы к середине XIX в. распространялось на казахов родов Шомекей, Шекты, Торткара, кочевья которых находились близ Аральского моря и низовьев Сырдарьи, и Адай, кочевавших в районе Усть-Урта. Общины Старшей Орды, южные районы Средней и часть перечисленных родов Младшей Орды, кочевавшие в районе среднего течения Сыр-дарьи, были подчинены Коканду. Господство Коканда на востоке простиралось до реки Лепса (впадает в озеро Балхаш). Как со стороны хивинского, так и кокандского ханов казахи подвергались бесчисленным вымогательствам и насилиям. В случае малейшего сопротивления завоевателям разграблялись целые аулы, а население их уводилось в плен; детей часто убивали. В этих грабежах принимали участие и казахские султаны, за деньги, землю и почетные звания продававшиеся хивинскому и кокандскому ханам. В 1847 г. султаны Илекей и Жангазы совместно с хивинцами разграбили кочевавшие по Сырдарье аулы шектинцев, угнали скот, увели в плен женщин и мужчин, а 30 детей живыми бросили в реку. Подобным же грабежам подвергались и торткаринцы и шомекеевцы. Один из очевидцев писал в 1848 г.: «С каждым днем увеличивается разорение наших киргизов... байгуши разграблены нынче три раза; те из них, которые имели верблюдов,

откочевали... а пешие и нагие устроили себе помещение из камыша и питаются теперь рыбою, а ежели бы в Сыр-дарье не было рыбы, то в нынешнем году померли бы все киргизы».

Не меньшим грабежам казахи подвергались и со стороны Коканда. Казахи Средней Орды, прикочевавшие к Степной и Троицкой крепостям, распродавали своих детей в рабство, так как были совершенно разорены «во время кочевания на Сыр-дарье» кокандцами. Особенно неистовствовал Якуб-бек, будущий правитель Кашгара, который в середине XIX в. был начальником крепости Ак-Мечеть.

Помимо грабежей казахов разоряли и поборы. Так, с казахов, кочующих в районе Сыр-дарьи, кокандским правительством взималось с кибитки в год 6 баранов, 24 мешка угля, 4 воловьих вьюка саксаула (основной вид топлива в районе Сыр-дарьи) и 1000 снопов камыша. Игинчи платили треть урожая. На казахах лежали и барщинные работы. Каждая кибитка должна была высылать одного человека на своем содержании для возделывания пашен кокандских беков, шесть раз в год производить очистку конюшен и хлевов в кокандских крепостях. Кроме того, на казахах лежала воинская повинность: каждый способный носить оружие должен был служить в кокандском войске на своем иждивении до конца того или иного похода.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ПОХОДЫ 50-х годов

В 50-х годах XIX в. господство Коканда и Хивы из южных районов Казахстана начало вытесняться русским завоеванием, связанным с походами против среднеазиатских ханств. Мы выше отмечали, что первый поход в Хиву 1839—1840 гг. окончился неудачей. Далее отмечалось, что в связи с борьбой против Кенисары царское правительство заложило в 1845 г. в глубине степи два укрепления — Уральское и Оренбургское и в 1847 г. — укрепление Раимское. Но это было только началом прочного закрепления царизма в глубине степи.

Перовский, назначенный вторично в Оренбург в 1851 г. на должность оренбургского и самарского генерал-губернатора, возобновил наступление на оседлые области Средней Азии. В 1852 г. был направлен отряд Бларамберга против главного укрепления на Сыр-дарье, кокандской крепости Ак-Мечети. Но Бларамберг взять крепость не мог. Он отступил и на обратном пути разрушил две неболь-

шие кокандские крепости — Кумыш-курган и Чим-курган. Весной 1853 г. против Ак-Мечети выступил во главе крупного отряда сам Перовский. После двадцатидневной осады Ак-Мечеть была взята штурмом. Еще при движении к Ак-Мечети из укрепления Аральского Перовский заложил три форта: № 1 (ныне город Казалинск), № 2 (в устье протока Сыр-дарьи Караузяка) и № 3, вскоре упраздненный. На месте разрушенной Ак-Мечети было создано русское укрепление, названное фортом Перовским (ныне Кзыл-Орда). Крепость Джулек, расположенная в 150 верстах к югу от Перовска, также была разрушена русскими отрядами. Ближайшей к русским укреплениям крепостью Коканда теперь стал Туркестан.

Значительная часть степи по течению Сыр-дарьи оказалась, таким образом, под контролем русских властей. Все укрепления по Сыр-дарье были в административном и военном отношении объединены в так называемую Сыр-дарьинскую линию под управлением начальника этой линии. Казахское же население района было оставлено в ведении министерства иностранных дел, для чего был назначен особый чиновник, подчиненный командующему линией. С созданием Сыр-дарьинской линии кочевья казахов между Сыр-дарьей и Уралом оказались в окружении русских укреплений. Граница Российской империи была перенесена на Сыр-дарью.

В 40-х годах XIX в. началось продвижение русских укреплений на юг, в кочевья Старшей Орды, и со стороны Западной Сибири. Как выше отмечалось, организация внешних округов была закончена в 1838 г. К этому времени казахи Средней Орды оказались в окружении русских укреплений и под фактическим управлением царской администрации, так как султаны, заседавшие в окружных приказах, были марионетками в руках царской администрации.

В Старшей Орде, кочевья которой простирались к югу от реки Каратал, господство Китая постепенно вытеснялось господством Коканда. Поэтому в своем продвижении к югу, к реке Или и в Заилийский край, царские власти опять, как и в районе Сыр-дарьи, столкнулись с укреплениями Коканда.

В 1845 г. старшины Старшей Орды вновь обратились к царскому правительству с просьбой о подданстве. Теперь, когда продвижение царских властей в кочевьях Старшей Орды уже не грозило осложнениями с Китаем, эта просьба была удовлетворена. Но фактически подданными царского пра-

вительства аулы Старшей Орды становились лишь по мере того, как в крае создавались русские укрепления и вооруженные силы Коканда оттеснялись на запад.

С 1846 г. закладкой у Семиреченского Ала-тау крепости Копал началась военная колонизация Семиречья. Движение в Заилийский край продолжалось, и в 1854 г. была окончена постройка укрепления Верного (ныне Алма-Ата), которое и стало одним из опорных пунктов для дальнейшего наступления на области Средней Азии. Этим движением преследовалась стратегическая цель: сомкнуть цепь укреплений со стороны Сыр-дарьи и Семиречья. К 1862 г. русские войска приблизились к Аулие-Ата (ныне Джамбул) со стороны Семиречья и к Туркестану со стороны Ак-Мечети.

Позиции царизма и в районе Каспийского моря были укреплены еще в 40-х годах путем переноса укрепления из залива Кайдак на Тюб-Караганский мыс Мангышлакского полуострова. В 1862 г. было основано укрепление на Эмбе.

Но господство российского царизма не приносило облегчения народным массам. Завоевания царизма сводились для казахов к смене одной зависимости другой, нередко не менее тяжелой. Гнет царизма выражался в прежних формах колониального грабежа, поборов, которые особенно возросли в середине XIX в. в связи с конфискацией или принудительной скупкой скота во время среднеазиатских походов. Увеличивались и подати. Так, ясак, который платили казахи «внешних округов» — по 1 барану со ста, — в 1854 г. был увеличен до 1 барана с 60 голов.

Указание Энгельса в его письме Марксу в 1851 г., что: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» [1], — может быть понято не с точки зрения облегчения царизмом участи народных масс Казахстана — и для казахов царская Россия оставалась «тюрьмой народов», — а с точки зрения постепенного влияния более передовой экономики России на хозяйство казахов.

ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Основной формой хозяйства казахов оставалось кочевое скотоводство. Не изменился и состав стад: разводили по-прежнему лошадей, овец, верблюдов и в меньшей степени крупный рогатый скот и коз. Очень крупное изменение в хозяйстве казахов заключалось в дальнейшем и значитель-

[1] Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXI, стр. 211.

ном расширении земледелия. Развитие земледелия было усилено кокандской агрессией и захватом земель русской военной колонизацией в связи с созданием Сыр-дарьинской линии. В памяти народа сохранились воспоминания о земельных захватах кокандцев, нашедших свое отражение в стихах Джамбула:

«Много ханов ты знала, степь моя,
Море слез пролила ты, степь моя,
На плечах своих пронес мой народ
Суровых законов гнет.
Врывалась коканов волчья орда,
С пастбищ наши сгоняли стада»...

После 1862 г., когда были отменены стеснения к переходу казахов, кочующих в степи, захваченной царизмом, к земледелию, последнее быстро начало распространяться и в приуральских степях. Земли казахам, переходящим на оседлость, выделялись не в собственность, а в пользование. Лишь султанам в областях Средней Орды было разрешено приобретать землю в собственность, по 30 десятин на душу.

Кроме военной колонизации казахских земель царизмом и Кокандом, переход казахов к земледелию был вызван также массовыми захватами земель местной казахской знатью. Генерал-губернатор А. А. Катенин в своем отчете об управлении Оренбургской губернией в 1863 г. писал: «Немало стесняет киргизов в средствах существования и то обстоятельство, что влиятельные между ними захватывают нередко в пользование свое к ущербу бедняков, значительные участки лучшей земли». Иной раз эти захваты принимали весьма крупные размеры. Так, известно, что один старшина, Балхожа Жамгурин, захватил в свое исключительное пользование земли, достаточные для кочевки 270 кибиток. В северо-западных районах Младшей Орды от Урала до Тургаев развивалось земледелие без искусственной системы орошения. Здесь преобладало переложное земледелие: землю запахивали 3—5 лет сряду, потом забрасывали и переходили на новый участок.

В районе Тургаев и Сыр-дарьи применялась поливка пашни. Система орошения была весьма примитивна. Из реки вода отводилась на поля по канавам, часто без водоподъемных сооружений. Там, где водоподъемные приспособления применялись, они были весьма просты. Применялся так называемый кул-кауги, т. е. ведерко, привязанное к длинному шесту (подобие «журавля» русских колодцев). Этим

ведерком зачерпывалась вода из особых колодцев, куда она отводилась из реки путем арыков, и шла по системе канав на пашню.

Другой способ подъема воды — так называемый атпа — лоток, привязанный к одному концу шеста. При раскачивании шеста вода с помощью этого лотка вычерпывалась из колодца. Наиболее совершенный вид водоподъемных сооружений — это чигирь, водочерпательное колесо, с помощью которого вода перекачивалась в канавы. Чигирь приводился в действие силой животных. В районе Сыр-дарьи использовались также земли, заливаемые во время половодий реки.

О количестве засеваемой площади имеются весьма приблизительные данные. В северо-западных неполивных районах Казахстана засевалось около 15 000 десятин. В районе Сыр-дарьи и Тургаев засевалось около 110 000 десятин. Сеяли по преимуществу просо и пшеницу, в меньшей степени ячмень и овес. В районе Сыр-дарьи, кроме того, довольно широкое распространение получило разведение арбузов и дынь.

В Средней Орде, наоборот, были значительны посевы овса. Но на землях, занятых общинами Средней Орды, земледелие вообще было развито более слабо, чем в Младшей Орде: в 1863 г. здесь из общего числа казахского населения занималось земледелием всего около 0,6%. Наиболее земледелие было развито в Акмолинском округе, где число земледельцев составляло около 1,3% казахского населения, наименее — в Кокчетавском (0,1% земледельцев-казахов). Заселение Семиречья русскими казаками (крестьянская колонизация до 70-х годов совершенно не была развита) также не подняло земледелия в крае. Казаки предпочитали заниматься торговлей, сдачей в аренду казахам земли, отнятой у них же, извозным промыслом, скотоводством. Из общего числа русских казаков в Семиречье занималось земледелием лишь 9%.

В отличие от начала XIX в., теперь земледелием занимались не только казахи-бедняки, но и богачи (баи). Бедняки засевали по 5—6 пудов пшеницы и от 1 до 2-х пудов проса — таких земледельцев из казахов было около 50%; богачи засевали 120—180 пудов пшеницы и ячменя и до 30 пудов проса, — таких было по подсчетам царской администрации около 16% игинчей. Остальные засевали от 30 до 60 пудов ячменя и пшеницы и до 10 пудов проса.

Земельные стеснения заставляли казахов переходить к новым, более интенсивным формам скотоводства — к стойловому скотоводству, правда, лишь на зимнее время. С этим были связаны развитие сенокошения и заготовки сена на зиму. Поэтому и жуты, хотя и были еще грозным явлением, не несли за собой поголовной гибели скота.

Виды ремесла не изменились по сравнению с XVIII в. (см. главу VIII). Но в организации промыслов произошли заметные перемены. Происходило, правда, в весьма ограниченных размерах, отделение ремесла от сельского хозяйства. Ремеслом, как промыслом, занимались бедные казахи: они шили шубы, сапоги, изготовляли деревянные остовы для юрт, выполняли кузнечные работы и т. п. Определенной платы за работу не было; за шитье сапог платили 50 коп. — 1 руб. Иногда расплачивались баранами. Так, за шитье шубы платили два барана. Но в общем платили кто сколько хотел — никакими условиями оплаты работа не оговаривалась. Сколько-нибудь заметного развития ремесло не получило.

О слабом развитии ремесла свидетельствует тот факт, что ремесленные продукты казахов почти не попадали в товарный обмен: источники указывают лишь на кошмы да на армячину, но и они в ценностном выражении составляли небольшую часть обмениваемых казахами продуктов. В казахскую степь из России и среднеазиатских ханств шли разнообразные продукты обрабатывающей промышленности, по преимуществу ткани и металлоизделия. Многие ремесленники в то же время не порывали и со скотоводством. Вот почему следует считать, что заметного развития процесс отделения ремесла от сельского хозяйства не получил, значит, и основы для развития товарного производства в Казахстане почти не существовало, — хозяйство сохраняло в основном натуральный характер.

Это подтверждается и тем, что денежное обращение среди казахов широкого распространения не получило. Правда, казахи начинали принимать русские ассигнации, но они шли на уплату налогов; эквивалентом служил по преимуществу трехгодовалый баран. Местами в Средней Орде, как и в начале XIX в., в качестве эквивалента выступал годовалый баран.

Этому положению не противоречит то обстоятельство, что за 50—60-е годы торговля в Казахстане заметно оживилась: вывоз из казахской степи на Оренбургскую линию возрос с 967 823 рублей в 1853 г. до 2 535 623 рублей в

1862 г. и на Сибирскую линию — с 1 778 439 рублей в 1857 г. до 2 799 359 рублей в 1861 г. В степь усиленно проникал русский торговый и ростовщический капитал. Бухарские купцы из Казахстана постепенно вытеснялись, хотя в районе Сыр-дарьи они еще продолжали играть крупную роль.

Правительство стремилось облегчить русскому купеческому капиталу проникновение в степь: в 1865 и 1866 гг. был отменен ряд торговых пошлин с товаров, привозимых из Средней Азии и от казахов; в 1868 г. была упразднена Оренбургская таможенная линия, а вместе с ней — и пошлина с привозимых из степи товаров.

И ранее, еще в XVIII в., агенты купцов, обычно татарские приказчики, проникали в глубину степи, но в основном деятельность торгового капитала сосредоточивалась на линии и выражалась в неэквивалентном обмене. Лишь в Букеевской Орде в начале XIX в. этот капитал крепко утвердился в глубине казахских кочевий. Теперь, в середине XIX в., аналогичное положение сложилось как в Младшей, так и Средней Ордах.

Но деятельность в степи купеческо-ростовщического капитала, в лице русских и среднеазиатских купцов и казахских баев, скорее консервировала, а не революционизировала способ производства. Указание Маркса, что русская торговля «оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства» [1], вполне может быть отнесено к Казахстану 50—60-х годов XIX в. Это положение стало изменяться лишь с развитием в России промышленного капитала, превращавшего периферии в рынок сбыта и сырья российской промышленности. Но этот процесс не может быть отнесен ко времени ранее конца 60-х годов. (Он будет освещен во втором томе настоящего пособия.) Чтобы объяснить кажущееся противоречие между развитием обмена и сохранением натуральной основы производства, нужно рассмотреть социальные отношения казахского общества в середине XIX в.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАЗАХОВ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

В качестве основного поставщика товаров на рынок выступали казахские богачи — баи, которые, помимо самостоятельной торговли скотом и продуктами скотоводства и земледелия, вели посредническую торговлю: вывозили в

[1] Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 234.

Среднюю Азию русские товары и оттуда в Россию — товары среднеазиатских ханств, но при этом часто пользовались не собственными капиталами, а капиталами русских купцов. Самостоятельная торговля, посреднические операции, ростовщичество создавали почву для того, чтобы в Казахстане начинала создаваться новая знать — знать денежного мешка, связанная с развитием товарного обращения.

Нередко феодальная знать, которая свое богатство строила на базе внеэкономического принуждения, наряду с прежними формами эксплоатации начинала также широко прибегать к ростовщичеству. Интересна в этом отношении деятельность султана-правителя Восточной части Младшей Орды Ахмеда Жантюрина, который, по словам председателя оренбургской Пограничной комиссии Ладыженского, близко знавшего Жантюрина, — «занимаясь сам торговлей, с готовностию предлагал свои деньги, конечно, не без значительных для себя выгод, каждому киргизу, желавшему заняться каким-нибудь промыслом».

Нельзя сказать, что ростовщические операции были явлением совершенно новым в экономике Казахстана; подобные явления наблюдались еще и в XVIII в., но тогда они не были типичны для казахской знати. Новое заключалось в том, что теперь, в середине XIX в., богатство выделяло людей в особую общественную группу на основе проникновения в Казахстан товарно-денежных отношений.

Богачи — старое явление в казахском обществе, связанное с разложением первобытно-общинного строя. Имущественное неравенство перерастало в дальнейшем в классовую противоположность: на основе концентрации богатства в его натуральной форме (скот), узурпации распоряжения общинной землей, захвата общественных должностей богач превращался в представителя знати «черной кости», старшину-бия. Его господствующее положение покоилось на натуральных формах хозяйства и внеэкономическом принуждении.

Теперь наряду с этим появились богачи, не принадлежавшие к наследственной родовой знати, обладатели богатства не только в натуральной, но и в денежной форме. Если говорить о байстве как классе, производственное положение которого было связано с проникновением в Казахстан денежных отношений, то более или менее заметной и влиятельной эта группа становится лишь в середине XIX в.

Но при этом следует помнить одно, чрезвычайно важное положение: деятельность баев в качестве ростовщиков и купцов не изменяла производственной основы казахского общества — производство оставалось натуральным и не становилось товарным. Трудящиеся казахи вели в основном натуральное хозяйство, но часть их продукта труда через посредство родовых старшин, которые его присваивали внеэкономическим путем, попадала в товарный оборот. Казах уплачивал зякет, ушр, делал обязательные подарки, отдавал кун, участвовал в уплате аипа (штрафа), возвращал с процентами ссуженный ему баем в минуту нужды скот — все эти продукты уже в руках бая превращались в товар, но они не были произведены как товар. Даже подать, которую казахи должны были платить царскому правительству, старшинами (они же теперь часто выступали и как баи) превращалась в товар.

Источники определенно говорят, что бóльшая часть кибиточной подати, которая уплачивалась, как мы знаем, в размере 1 рубля 50 коп. с кибитки, теперь, в 50-х и 60-х годах, вносилась в казну в денежной форме. Однако казахи вносили ее своим старшинам в натуральной форме — скотом. Старшины же продавали собранный скот, в казну вносили подать деньгами и при этом наживались.

В кругах оренбургской администрации знали о спекуляции старшин скотом, собираемым в кибиточную подать, однако с этим явлением не боролись, чтобы не было «обидно для самих старшин, которые должны будут лишиться существенного вознаграждения за свои труды по должности местных старшин».

Казахская беднота была занята и на отработках в хозяйстве старшин и баев. Она пасла скот казахской знати. Но эти отработки нельзя отождествлять с капиталистическим наймом. Работу бедняк получал в качестве «милости» от своего богатого сородича. Определенной платы не существовало. Бай не нанимал работника, а оказывал «помощь» своему обедневшему родственнику — джатаку. Это кабальная форма отработок, а не капиталистический наем.

Отработки увеличились в связи с уничтожением в 1859 г. рабства в Казахстане. Это мероприятие царского правительства следует расценивать как прогрессивное, потому что оно уничтожало одну из наиболее архаических форм эксплоатации. Но оно же создавало дополнительные стимулы у знати к закрепощению бедноты.

В земледельческих районах развивалось половничество. Казахи-игинчи для поливки земель нуждались в скоте — чигири, как мы знаем, приводились в движение животной силой. Но у бедноты скота не было. Она должна была или пользоваться кул-кауги и атпа (см. выше), требовавшими колоссальной затраты труда, или ставить чигири, но тогда она должна была брать скот у баев. Последние этот скот предоставляли, но игинчи за пользование им должны были часть урожая — до половины — отдавать баю.

Наконец, казахская знать в целях обогащения в широких размерах использовала патриархально-родовые формы быта. Выше неоднократно отмечалось, что по мере выделения из общины знати «черной кости», которая в классовом отношении все более и более сливалась с аристократией «белой кости» — чингизидами, — формы патриархально-родового быта превращались из средства охраны общины в средство закрепления господства знати «черной кости». В связи с этим изменялось и содержание адата.

Как мы уже знаем, так называемые «законы Тауке» не были простой кодификацией адата, а отразили процесс углубления феодальных отношений. Процесс приспособления адата к развивающейся феодальной экономике продолжался и в дальнейшем. Выше отмечалось, как изменялся в начале XIX в. характер бармты, которая во многих случаях начинала принимать формы феодальных войн. Как протекал самый процесс изменения содержания адата, источники не дают возможности проследить. Но результаты этого процесса к середине XIX в. оказались разительными.

Остановимся на ряде старых институтов, происхождение которых, несомненно, уходит в глубокую древность, когда в Казахстане существовали первобытно-общинные отношения: на куне, аипе и бармте.

Кун, как мы знаем, цена крови. Убийца мог избежать кровной мести со стороны родственников убитого, уплатив кун. В середине XIX в. обычай уплаты куна в Казахстане сохранялся, но теперь он превратился не в средство возмещения за убийство, а в средство наживы казахской знати. Этот обычай разорял целые аулы. Нередко наблюдалось такое явление: казахи, раненные в результате взаимных вооруженных набегов, добивались не врагами, а своими же бармтовщиками, чтобы иметь предлог для требования уплаты куна. В происходящих стычках на территории аула нарочно давили под копытами лошадей мальчиков. Все это с целью получить кун.

Кун должны были получать ближайшие сородичи убитого, но по обычаю получатели куна обязаны были делиться с бием, который разбирал дело, с муллами, которые будут молиться за убитого, с есаулами, которые собирали кун, и со всеми родными убитого. В результате из 1000 баранов, которые обычно уплачивались в качестве куна за убийство «простого» казаха, семье убитого оставалось 50—150 баранов — остальные получали бии и «сородичи» убитого.

Если ответчик не был в состоянии выплатить кун, платеж раскладывался на его родственников и даже на целое отделение. Богачу ничего не стоило уплатить свою долю, но бедняк в результате уплаты куна, часто за чужое преступление, совершенно разорялся. Разорение, которое нес теперь беднякам этот старый обычай, было подмечено даже царской администрацией. Один из чиновников оренбургской Пограничной комиссии (Лазаревский) в своей докладной записке оренбургскому губернатору писал: «В ином роде в один год взыскивают 2, 3, 4 куна, значит на кибитку приходится 2, 3, 4 барана, и это должен заплатить часто бедняк, которому есть нечего, нечем детей кормить. Таких бедняков в степи и на линии очень много и год от году становится больше».

Аип — это штраф за кражу. В середине XIX в. аип равнялся трем тогузам (т. е. $3 \times 9 = 27$ голов скота). Тогузы взыскивались так: первый тогуз (т. е. 9 голов) — тем же скотом, покража которого была произведена, второй тогуз — менее ценным скотом, третий тогуз — еще менее ценным. Например, за покражу лошади платилось: 9 лошадей, 9 голов рогатого скота и 9 баранов. Тогузы теперь шли исключительно в распоряжение султанов и биев, которые разбирали дело. В условиях круговой поруки при уплате штрафа АИП в значительной части ложился на бедняков. Это вело к еще большему их обнищанию. Зато обогащались бии и султаны.

В развитии бармты также обнаруживались новые черты. По мере продвижения русских укрепленных линий в глубь степи все менее оставалось места для развития феодальных войн; если в начале XIX в. знать прикрывала бармтой феодальные войны, то теперь, в середине XIX в., султаны и управляющие родами бии не организовывали бармты, но только не препятствовали отдельным аулам ее производить. За это аул, совершивший бармту, должен был значительную часть отбарантованного скота отдать султану или бию.

Так использовались казахской знатью старые родовые институты для личного обогащения.

Продукты, концентрировавшиеся в руках баев и знати «черной кости» в результате всех описанных явлений, и поступали в обмен.

Земельные захваты царизма, его стремление к уничтожению политической независимости казахских владений, расположенных на границе со среднеазиатскими ханствами, продолжающиеся насилия над казахским населением, презрительное отношение завоевателей к отсталой народности, — все это создавало предпосылки для подъема антиколониального движения казахов. Но освободительное движение в Казахстане порождала в то же время и агрессия Хивы и Коканда на южных границах Казахстана.

Остановимся на национально-освободительных движениях в Казахстане, вызванных этой двойной агрессией.

ВОССТАНИЕ 1857 г. В СТАРШЕЙ ОРДЕ

Довольно крупное восстание вспыхнуло в Старшей Орде против Коканда. Наместник хана Худояра в Ташкенте бек Мирза-Ахмат беспощадно угнетал казахов. Собирая недоимки с общин Старшей Орды, он продавал малолетних детей казахов в рабство узбекам. В 1857 г. казахи восстали и начали собираться близ Аулие-Ата. Мирза-Ахмат разбил казахов и послал войска к Пишпеку (ныне Фрунзе) — второму очагу восстания казахов. Но войска бека были наголову разбиты восставшими. Одновременно вспыхнуло восстание близ Чимкента, где сборщик податей был схвачен восставшими, и объединенные силы казахов двинулись к Аулие-Ата, где заперся Мирза-Ахмат. Аулие-Ата был осажден и бек вынужден был просить у хана Худояра помощи против восставших. Лишь после прибытия ханских войск казахи вынуждены были снять осаду Аулие-Ата. Их отряды рассеялись по степи. Несколько старшин было захвачено в плен и казнено.

Против господства среднеазиатских ханов было первоначально направлено и движение Жан-Хожи.

ДВИЖЕНИЕ ЖАН-ХОЖИ

Жан-Хожа был старшиною рода Шекты отделения Кишкине. Выдвинулся он еще в 30-х годах XIX в. своей борьбой с Хивой, всячески препятствуя укреплению в рай-

оне Сыр-дарьи султанов, потомков Каипа, которые здесь, после гибели в России Арынгазы, выступали как агентура хивинского хана. От преследований хивинцев ему пришлось откочевать в Кара-кумы. Отсюда он нанес два крупных поражения Хиве: наголову разбил хивинский отряд и в 1835 г. взял и сжег хивинскую крепость Баба-джан. Противник укрепления господства хивинского хана над сыр-дарьинскими казахами, Жан-Хожа выступил и против подчинения казахов Коканду. Этим объясняется и помощь, оказанная им Кенисары в конце 30-х годов в борьбе с Кокандом.

В 40-х годах между Кенисары и Жан-Хожей произошел резкий разрыв. В области внутриордынских отношений Жан-Хожа был противником султанской власти. Он писал генерал-губернатору Обручеву: «Милостивым повелением отделите народ киргизский — родственников моих, и отдайте мне, а равно не приказывайте вмешиваться ни одному из султанов в дела». Этим письмом Жан-Хожа стремился только предотвратить вмешательство царской администрации в фактически сложившиеся в районе Сыр-дарьи отношения — здесь хозяином положения был Жан-Хожа; он управлял казахами, не допуская никакого вмешательства султанов. Деятельность Жан-Хожи вырисовывается как борьба за независимость казахских общин от среднеазиатских ханств и в то же время — против собственной знати— султанов.

Не менее замечательна его хозяйственная деятельность. Выше отмечалось, что большое число казахов в районе Сыр-дарьи занималось земледелием. Сохранились сведения, что Жан-Хожа много заботился о создании искусственной оросительной системы, следил за строительством плотин и прорытием каналов. Но здесь он выступал как представитель феодальной знати «черной кости»: постройку системы искусственного орошения он соединял с личным обогащением, взыскивая с казахов-земледельцев ушр. Значительной частью своего богатства он был обязан созданию оросительной системы. Так обстояло дело до середины 40-х годов.

В 1845 г. были заложены, как мы знаем, первые русские укрепления и началась военная колонизация районов, близких к Сыр-дарье. Ранее Жан-Хожа не сталкивался с русскими, вследствие отдаленности от русской пограничной линии. И после того как русские укрепления появились в районах кочевий, подчиненных Жан-Хоже, враждебных

выступлений его против русских не было. Жан-Хожа смотрел на русских как на союзников в его борьбе против Коканда и Хивы. Совместные выступления Жан-Хожи с русскими отрядами были направлены против Коканда. Он не препятствовал постройке в 1847 г. Раимского укрепления. Он помог коменданту этого укрепления подполковнику Ерофееву взять кокандскую крепость Джанкала. Он, далее, предупредил генерал-губернатора Обручева о сношениях султанов Жангазы и Ир-Мухаммеда Кассимова, известного больше под именем Илекея, с Хивой и о назначении Хивой Илекея ханом сыр-дарьинских казахов; он ответил отказом на письмо Илекея, предложившего ему принять подданство Хиве и платить зякет хивинскому хану. Он постоянно оставался верен себе — и в борьбе с попытками Хивы и Коканда подчинить себе сыр-дарьинских казахов, и в своей ненависти к султанам.

Царская администрация охотно поддерживала Жан-Хожу в его борьбе с Кокандом и Хивой, в его стремлении не дать укрепиться господству среднеазиатских ханов над казахами и, учитывая огромное влияние бия на народ, осыпала его наградами. Когда хивинцы в 1848 г. напали на казахов, кочевавших в районе Раимского укрепления, и начали опустошать край, они были отогнаны силами Жан-Хожи при содействии гарнизона Раима.

Казахи, подчиненные Коканду, охотно переходили под управление Жан-Хожи, который освобождал их от уплаты поборов в пользу Коканда. Кокандские власти стремились ослабить Жан-Хожу, натравливая одни казахские общины на другие. В 1850 г. кокандские отряды совместно с казахскими султанами, подчиненными Коканду, напали на владения Жан-Хожи и угнали около 50 000 голов скота. В следующем году нападения повторились, и казахи снова потеряли огромное количество скота.

Тогда Жан-Хожа опять при поддержке раимского гарнизона выступил против кокандцев, разгромил их, взял укрепление Кош-Курган и до пределов Ак-Мечети освободил казахов от власти Коканда.

Все эти столкновения могли оправдывать в глазах Жан-Хожи его союз с царскими властями. Но Жан-Хожа стремился в то же время к независимости своих владений, и, следовательно, рано или поздно должно было произойти столкновение его и с царской администрацией.

Первоначально предшественник Перовского оренбургский губернатор Обручев не вмешивался во внутреннее

управление сыр-дарьинскими казахами; но вскоре после окончания постройки Раимского укрепления Обручев сделал попытку включить и Сыр-дарьинскую область в общую систему управления казахами Младшей Орды и предложил Жан-Хоже подчиниться султану-правителю Средней части Младшей Орды Арслану Жантюрину. Правда, оренбургский губернатор скоро осознал свою ошибку и уже в 1849 г. предложил султану-правителю не вмешиваться в дела казахов, подчиненных Жан-Хоже. Но недоверие к царским властям было посеяно. До разрыва между Жан-Хожею и царской администрацией дело пока не дошло, но отношения оставались натянутыми.

С приходом к власти Перовского, в 1851 г., отношения с Жан-Хожею быстро стали приближаться к разрыву. Предлогом послужило то, что Жан-Хожа, стремясь к независимости казахов, под различными предлогами оттягивал принесение присяги на чин есаула, что не мешало ему, как мы видели выше, оказывать крупные услуги царскому правительству. Перовский категорически потребовал от Жан-Хожи присяги. Тот отказался. Тогда Перовский устранил его от управления сыр-дарьинскими казахами и настоял на снятии с бия чина есаула, пожалованного ему ранее царским правительством.

В том же 1851 г. явился на Сыр-дарью султан Илекей. В 40-х годах он был назначен хивинским правительством ханом сыр-дарьинских казахов, но так обирал местные аулы, что хивинский хан должен был его вызвать в Хиву и задержать. Ему грозила смертная казнь. Но он бежал. Вот на этого-то Илекея и стал опираться Перовский. Он назначил его управляющим рода Шомекей, кочевавшего в районе Сыр-дарьи, и потребовал от хивинского правительства освобождения из плена семьи Илекея. Хивинский хан отказал, но затем неожиданно освободил семью султана. Как выяснилось впоследствии, неожиданная милость хивинского хана объяснялась тем, что Илекей вновь вошел в сношения с Хивой, конечно, тайно от царской администрации.

Положение казахов в районе Сыр-дарьи стало тяжелым. Они подвергались поборам со стороны Илекея и со стороны начальника казахов, проживавшего в форте № 1, на обязанности которого лежал разбор тяжб между сыр-дарьинскими казахами.

Жан-Хожа кочевал в Кара-кумах, не предпринимая враждебных действий против царской администрации. Он просто не рассчитывал на успех таких действий, после

того как к Сыр-дарье были стянуты крупные русские вооруженные силы.

К Жан-Хоже неоднократно обращались окрестные казахи и призывали восстать против царизма. После долгих колебаний он в 1856 г. согласился. Было условлено напасть на форт № 1, но этот план был раскрыт царской администрацией. Один из организаторов восстания, Бик-Мурза, находившийся на русской службе, неожиданно умер. Среди казахов распространился слух, что он отравлен. Выступление было отложено. В том же 1856 г. произошло столкновение между Жан-Хожею и султаном-правителем Арсланом Жантюрином, который потребовал у бия уплаты кибиточной подати. Жан-Хожа отказал на том основании, что он ее платил сыр-дарьинскому начальству. Тогда Арслан начал собирать отряд для нападения на аулы Жан-Хожи. Последний решил откочевать из Кара-кумов за Сыр-дарью, к Куван-дарье. Гонения султана-правителя окончательно сделали Жан-Хожу врагом России. Он возглавил восстание казахов.

Последним толчком к началу восстания послужили насилия над казахами переводчика Ахметова. К Жан-Хоже примкнул и один из местных султанов, Бура. Восстание началось в декабре 1856 г. массовыми нападениями на Сыр-дарьинскую линию. К концу декабря форт № 1 был окружен восставшими казахами. В составе отрядов Жан-Хожи находились по преимуществу земледельцы (игинчи) и беднота, не имевшая совсем лошадей. Время было упущено. Предшествующие нападения заставили русское командование привести крепости в оборонительное положение. Против восставших казахов из Ак-Мечети выступил с крупным отрядом командующий Сыр-дарьинской линией генерал-майор Фитингоф. Одновременно выступил из форта и занимавший его гарнизон.

Столкновение с отрядами Жан-Хожи произошло у урочища Арык-балык. Жан-Хожа был разбит. Он отступил, преследуемый царскими войсками, до устья Яны-дарьи. У казахов карательным отрядом было отбито огромное количество скота — по официальным сведениям 21 365 голов, на самом же деле значительно больше — казахи почти лишились своего скота. Часть из них совсем ушла в хивинские пределы.

Все же восстание Жан-Хожи заставило царское правительство ближе присмотреться к злоупотреблениям своих агентов. Поборы были несколько уменьшены.

Сам Жан-Хожа должен был со своими немногими оставшимися приверженцами кочевать между Куван и Яныдарьей. Его казахи продолжали производить мелкую бармту, отчасти потому, что других источников существования у них не было, отчасти под влиянием султана Бура, выдававшего себя за сторонника Жан-Хожи. Эта мелкая бармта дала повод к организации против Жан-Хожи нового карательного отряда. Карательная экспедиция была поручена султану Илекею, старому врагу Жан-Хожи. Бура-султан изменил Жан-Хоже. Он повидался с Илекеем, присягнул на верность России и сосватал за Илекея свою дочь. Жан-Хожа был предоставлен своим собственным силам. Его аул был окружен при урочище Бос-узяк.

Казахи не решились напасть на юрту Жан-Хожи, которого они чтили как святого, но угнали его лошадей. Жан-Хожа, надев кольчугу, вышел из юрты и, видя, что сопротивление бесполезно, спокойно сел на камень в ожидании смерти. Пуля, попавшая в него, положила конец его жизни. Аулы Жан-Хожи были снова разграблены, и казахи, совершенно обнищавшие, умиравшие с голоду, тянулись к русским крепостям в поисках пропитания.

ДВИЖЕНИЕ ИСЕТА КОТИБАРОВА

Одновременно с описанными событиями в районе Сырдарьи нарастало движение под руководством батыра рода Шекты Исета Котибарова, кочевавшего в верховьях Эмбы. Исет Котибаров выступал против царизма еще в годы движения Кенисары. Но его участие выразилось лишь в партизанских набегах на караваны и русские поселения, которые, к тому же очень рано, к 1842 г., прекратились, и Исет стал искать сближения с царской администрацией. После того как Кенисары вынужден был в 1845 г. откочевать из района реки Тургай на восток, Исет еще настойчивее стремился сблизиться с царскими властями и просил о закреплении за его владениями кочевий в районе Мугоджарских гор и верховьев реки Эмбы. Но султан-правитель Средней части Младшей Орды Арслан Жантюрин решительно воспротивился удовлетворению просьбы Исета. Он считал его ненадежным человеком, не только потому, что Исет был замешан в движении Кенисары, но и потому, что он находился в тесных сношениях с хивинским ханом.

Действительно, в противоположность Жан-Хоже Исет Котибаров не являлся решительным противником признания

господства Хивы; хивинские сборщики зякета были нередкими гостями в его аулах. Арслан считал полезным для того, чтобы обезвредить для царского правительства Исета, отделить его кочевья от пределов Хивинского ханства и предоставить для его аулов район нижнего течения Эмбы, где Исет находился бы под непосредственным контролем царской администрации. Исету в его просьбе было отказано.

Отказ наносил значительный вред хозяйству его аулов. К этому прибавилось раздражение, вызванное отказом выдать ему золотую медаль, пожалованную русским правительством, пока Исет не докажет на деле своей преданности.

В результате Исет усилил связи с хивинским правительством, которое в свою очередь призывало биев рода Шекты повиноваться Исету. Но открыто против царских властей Исет не выступал до 1852 г.

В этом году, с одной стороны, под влиянием Хивы, а с другой, вследствие разорения подчиненных ему аулов, вызванного сбором верблюдов царской администрацией для экспедиции против Ак-Мечети, Исет выступил против России. После взятия Ак-Мечети Перовский в 1853 г. направил против Исета карательную экспедицию, которая без всякого результата вернулась обратно. В следующем году экспедиция была повторена, но с теми же результатами. Правда, Исет обещал явиться в Оренбург и покориться царской администрации, но своего обещания не выполнил.

В 1855 г. против Исета была снаряжена крупная экспедиция казахов во главе с Арсланом Жантюрином. Но эта экспедиция окончилась катастрофой. Исет окружил ставку султана-правителя; казахи, пришедшие с султаном, ненавидевшие Арслана за его поборы, не оказали сопротивления. Исет позволил им бежать, а султана-правителя и нескольких его приближенных старшин и султанов изрубил в куски в палатке Арслана.

Казнь Арслана побудила Перовского выслать против Исета крупный отряд под командой полковника Кузминского. Исет, заранее предупрежденный о движении этого отряда, отправил свои аулы на Усть-Урт и в пески Барсуки, а сам во главе своих джигитов начал партизанскую войну против войск Кузминского, нападая на русские транспорты, прерывая коммуникационные линии. Эта тактика Исета заставила Кузминского раздробить свой отряд на

мелкие команды, которые только разоряли казахские аулы, не разбирая «правых» и «виноватых». Исет же был неуловимым — ему всегда оставался открытым путь на Усть-Урт. Результатом экспедиции Кузминского явилось огромное количество отогнанного у казахов скота, который и был продан на линии в возмещение расходов по экспедиции. Кроме того, несколько сторонников Исета было расстреляно, другие сосланы в Сибирь.

Успешнее для царизма оказались экспедиции в 1856 и 1857 гг. подполковника Плотникова, который не раздроблял своих сил, а двинул их на Усть-Урт. Исет должен был отступить, но захватить его Плотников все же не мог: Исет на пути своего отступления заваливал колодцы, которые местами были большой глубины, и тем самым крайне задерживал движение отряда Плотникова. Кроме того, энергичные действия против Исета Плотников не мог развернуть и потому, что на нем лежала обязанность охранять ученую экспедицию Северцева, направленную на изучение Усть-Урта и рек Эмбы и Сыр-дарьи.

В 1857 г. Перовского на посту генерал-губернатора сменил Катенин. Пятилетняя борьба с Исетом, которая не дала никаких результатов, заставила Катенина попытаться ликвидировать движение путем предоставления амнистии всем, кто добровольно сложит оружие. Эта мера имела успех. В 1858 г. капитулировал и сам Исет. Летом 1858 г. он оказался в крайне невыгодном военном положении: Усть-Урт был занят русским отрядом; в степи находился крупный отряд, сопровождавший Катенина в его инспекторской поездке по степи; наконец, в сторону Средней Азии двигался крупный отряд, сопровождавший посольство Игнатьева в Хиву и Бухару. Последние два отряда не действовали непосредственно против Исета, но он оказался со всех сторон окруженным русскими вооруженными силами.

Это обстоятельство, а также очевидная невозможность добиться успеха в борьбе с царскими отрядами заставили Исета явиться к Игнатьеву и просить его об амнистии. Игнатьев, чтобы обезоружить Исета, прибегнул к хитрости: радушно принял его, угостил по азиатскому обычаю и, как кунака, просил прекратить враждебные действия против России. Амнистия Исету была дана, и его активные выступления против царизма прекратились.

Однако не все сторонники Исета капитулировали вместе с ним. Один из его ближайших сподвижников, Азберген,

ушел с частью рода Шекты в пределы Хивы и стал платить зякет хивинскому хану. Азберген был сделан бием всех подчиненных Хиве казахов. Но тяжелые поборы Хивы очень скоро, уже в 1858 г., создали обратную тягу казахов в пределы завоеванных царскими войсками степей.

Движение Жан-Хожи и Исета Котибарова были последними в 50-х годах крупными выступлениями казахов. Правда, в Коканде жил и стремился поднять казахов на дальнейшую борьбу сын султана Кенисары Садык, но и он не мог остановить превращение всего Казахстана в царскую колонию и в плацдарм для завоевания среднеазиатских ханств.

ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ

После относительного замедления продвижения царизма в Среднюю Азию во второй половине 50-х годов, завоевание Коканда и Бухары развернулось в 60-х годах с огромной быстротой. Временная задержка была вызвана соперничеством Англии.

Еще хивинский поход Перовского 1839—1840 гг. послужил причиной острого беспокойства английского правительства. Ошибочно было бы думать, что это беспокойство вызывалось только опасением за индийские колонии Великобритании. Англия занимала не оборонительные позиции — английская буржуазия в течение первой половины XIX в. делала попытки экономически и политически укрепиться в среднеазиатских ханствах. В Бухаре и Хиве столкнулись интересы российского царизма и британского капитализма. Захват Сыр-дарьи и дальнейшее продвижение царизма к Туркестану означали поражение английского капитализма в областях Средней Азии. По мере углубления русских войск в направлении к Афганистану начинали возрастать и опасения за индийские владения.

Борьба за политическое и экономическое господство в Средней Азии послужила одной из причин Крымской кампании 1853—1855 гг., в которой царская Россия, благодаря своей технической, экономической и политической отсталости, потерпела решительное поражение. Но в годы Крымской войны продвижение в Среднюю Азию лишь задержалось, но не приостановилось; вспомним, что в 1854 г. был построен г. Верный (Алма-Ата).

Точно так же и поражение в Крымской кампании не остановило продвижение царизма. В 1860 г. были взяты ко-

кандские крепости Токмак и Пишпек со стороны Сибири. В 1861 г. была занята крепость Яны-курган со стороны Сыр-дарьи.

В 1863 г. сближение с Пруссией значительно усилило внешнеполитические позиции царизма, и завоевание среднеазиатских ханств начало развертываться быстрыми темпами. Не случайно, что в 1864 г. были взяты Аулие-Ата и Туркестан и создана новая Кокандская укрепленная линия.

Осенью того же года пала крупнейшая кокандская крепость Чимкент. В следующем году в руки русских перешел Ташкент. В том же 1865 г. была образована Туркестанская область, в которую были включены завоеванные районы Средней Азии. В течение 1866 г. были завоеваны Ходжент и Ура-Тюбе, в мае 1868 г. — Самарканд. В результате бухарский эмир по договору 23 июня 1868 г. должен был уступить России Самаркандское, Каттакурганское, Пенджакентское и Ургутское бегства. Коканд оставался формально независимым до взятия его русскими войсками в 1875 г., но уже с 60-х годов царские власти были фактическими хозяевами ханства.

Среднеазиатские походы 60-х годов повели к включению всех областей Казахстана в состав Российской империи. Лишь среди казахов, кочевавших к югу от Аральского моря и за Эмбой, по преимуществу рода Адай, еще пользовалось известным влиянием правительство Хивы. В то же время завоевание Средней Азии окружало Казахстан системой русских крепостей, и Казахстан надолго превратился в колонию российского царизма.

Это изменившееся политическое положение позволило царизму разрешить и проблему административного управления Казахстаном, причем эта проблема была разрешена в реакционном направлении на основе укрепления чиновничьего и военно-оккупационного аппарата.

РЕФОРМА 21 ОКТЯБРЯ 1868 г.

Наиболее яркое выражение политика правительства в области административно-военного укрепления царизма в Казахстане нашла в реформе 1868 г. Но эта реформа подготовлялась рядом более мелких, сравнительно с законом 1868 г., изменений в управлении Казахстаном.

Так, в 1859 г. управление степью было передано из министерства иностранных дел в министерство внутренних

дел. Несколько ранее, в 1847 г., «дистанционное» устройство было распространено на всю Младшую Орду, чем был сделан шаг в сторону уничтожения прежнего, исторически сложившегося, «родового» деления Орды и внедрения деления территориального. В Средней Орде в 1854 г. также была проведена административная реформа. Из области «Сибирских киргиз» была выделена Семипалатинская область. Казахи, кочевавшие в пределах России, которые до того подчинялись и пограничному начальству, и управлению Сибирского войска, и губернским правлениям, были подчинены губернатору Семипалатинской области. В их кочевьях были также введены приказы, с той разницей по сравнению с Уставом 1822 г., что во главе приказов ставился русский чиновник, а султаны назначались на должности их помощников. Управление казахами, кочевавшими за Иртышом, было оставлено на прежних основаниях.

Реформа 1868 г. имела исключительно крупное значение в истории Казахстана. Проведение реформы официально обосновывалось необходимостью дать всем казахам как Оренбургскую, так и Сибирского ведомства единообразную систему управления, которая устранила бы «разрозненность и бессвязность начал в управлении одним и тем же племенем» и соответствовала бы более «видам правительства».

Подготовка ее была начата еще в начале 60-х годов в комиссии под председательством Буткова. Разработка проекта велась чисто канцелярским путем в отрыве от общественного мнения и втайне от казахов. Проект, выработанный комиссией Буткова, был передан на рассмотрение оренбургского губернатора Безака и вместе с его замечаниями поступил в новую комиссию под председательством Гирса. Комиссия Гирса выезжала в Казахстан с заданием на месте познакомиться с обычаями казахов, так что слухи о готовящейся перемене проникали в среду казахов и создавали тревожное настроение. Результатом всех этих работ и явилось «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-сибирского генерал-губернаторств» от 21 октября 1868 г.

Новый закон заключался в следующем. Все казахские земли, включая земли Уральского и Сибирского казачьего войска, были разделены на четыре области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую, из которых две первые передавались в главное управление Оренбургскому, а две последние — Западно-сибирскому генерал-губернаторам. Области делились на уезды во главе с уезд-

ным начальником, назначаемым из русских чиновников, уезды на волости и волости на аулы. Волости и аулы образовывались по территориальному признаку из расчета 1000—2000 кибиток на волость и 120—200 кибиток на аул.

Во главе волостей должны были стоять выборные от казахов волостные управители, а во главе аулов — также выборные аульные старшины. Те и другие получали содержание из специально собираемых для этого с общин средств. Суд по крупным уголовным делам должен был находиться в ведении военного суда (измена, восстание и агитация за восстание, убийство должностных лиц и некоторые другие преступления) и областного суда, который судил казахов за убийство, грабеж, бармту, нападение на караваны — по общим уголовным законам империи. Мелкие уголовные преступления и взаимные иски и тяжбы казахов были оставлены суду биев, которые должны были выбираться вместе с волостными управителями сроком на три года. Крупные иски (свыше 300 рублей), а также иски между казахами разных волостей разбирались съездами биев. Все выборные лица утверждались русской администрацией и могли быть ею устранены от должности. Таково было в основных чертах административное и судебное устройство в степи по Положению 1868 г.

Тот же закон касался и других сторон жизни казахов. Закон 1868 г. всю землю казахов объявлял государственной собственностью, которая передавалась казахским общинам лишь в пользование. Такое решение земельного вопроса создавало юридическую основу для последующей массовой экспроприации казахской земли на вполне «законном» основании.

В области налогового обложения была оставлена кибиточная подать, но увеличена с 1 рубля 50 коп. с кибитки до 3 рублей, причем 3 рубля были лишь единицей раскладки, а не фактически взимаемой податью. Порядок исчисления размеров подати был следующий: число кибиток волости помножалось на 3 и получалась общая сумма кибиточного сбора, следуемого с данной волости. Эта сумма волостными съездами выборных раскладывалась на аулы в зависимости от их зажиточности. Внутри же аула сумма раскладывалась между хозяевами кибиток по благосостоянию каждого. В принципе все это было хорошо: тот, кто богаче, должен был больше и платить, а бедняк мог быть совсем освобожден от подати. Но в жизни получалось не так: волостные власти, баи и старшины в аулах, пользуясь

своим влиянием и силой, главную тяжесть подати перелагали именно на бедноту. Порядок, предусмотренный Положением для исчисления кибиточной подати, открывал дорогу бесчисленным злоупотреблениям.

Билетный сбор с лиц, уходящих на заработки, установленный еще в 1806 г., был заменен паспортным сбором, причем паспорта на право отлучиться из волости выдавались только «благонадежным» казахам.

Наконец, Положение 1868 г. вносило крупные изменения и в социальные отношения казахского общества. Все казахи, в том числе и султаны, в правовом отношении причислялись к «сельским обывателям», т. е. к крестьянам. Переход в другое сословие мог быть осуществлен лишь на «основании общих законов». Значит, если султаны и крупные бии хотели подняться до положения дворянства, они могли это сделать лишь через службу.

Таким образом, реформа 1868 г. порывала с прежней политикой поддержки султанов. Недоверие к султанам значительно возросло еще после движения Кенисары. По мере же укрепления русской администрации в глубине степи и усиления мощи старшин-баев султаны становились ненужной для царизма группой.

Среди правящих кругов, особенно военных, еще задолго до реформы 1868 г. стала популярной мысль об ошибочности прежней политики, ориентировавшейся на поддержку в степи султанов. Эта точка зрения нашла отражение и в исследовательской литературе: ею пронизана историческая часть работы подполковника Красовского «Область Сибирских киргизов».

Реформа 1859 г., уничтожившая в Казахстане рабство, уничтожила и толенгутизм. Этим самым из рук султанов вырывалась самая возможность организации вооруженных дружин. Реформа 1868 г. уничтожила и их привилегированное положение в Орде. Наследственность званий уничтожалась.

Естественно, что Положение 1868 г. должно было встретить резкое сопротивление не только народа, который теперь терял последние остатки своей независимости, но и со стороны султанов и влиятельных биев, звание которых давно уже стало наследственным. Лишь крупные баи, не принадлежавшие к кругам наследственной «родовой» знати, да немногие из старшин оказали поддержку царизму в осуществлении Положения 1868 г., вплоть до участия в подавлении народного восстания.

ВОССТАНИЕ 1869—1870 гг.

Движение в степи началось с первых же шагов проведения в жизнь нового Положения. Уже в январе 1869 г. комиссии, посланные в степь для организации уездов и волостей, встретили резкое сопротивление казахов.

Особенно острые формы движение начало приобретать в границах проектируемой Уральской области. В движение были втянуты казахи родов Табын, Ысык. Среди руководителей упоминаются имена старшин Алимжана, Жанвелета. Главным руководителем в организации сопротивления был мулла Ихлас. Комиссии задерживались вооруженными отрядами казахов, письма генерал-губернатора в ряде мест были изрезаны кинжалами, а самим комиссиям казахи предлагали вернуться обратно. К старшинам, которые сопровождали русские отряды, казахи относились с глубокой ненавистью, называя их изменниками. По донесению русских чиновников общим требованием казахов было: не иметь в степи русских начальников.

Движение быстро распространялось по Уральской области и к марту приняло характер всеобщего восстания. Центром восстания стал район реки Уила. Организации сил восстания царские власти сразу помешать не могли. Прежде всего они натолкнулись на пассивное сопротивление казахов пограничной полосы и Внутренней Орды. Для посылки отрядов в степь нужны были перевозочные средства; помощь, оказанная баями, была недостаточна. Трудно было нанять проводников. Приходилось нанимать подводы у линейных жителей; цены на подводы неимоверно возросли. Султаны Внутренней Орды, правда, пожертвовали 400 верблюдов да богатые казаки крепостей предоставили 70 верблюдов. Но такое количество верблюдов было совершенно недостаточно. Задержал организацию карательных экспедиций и недостаток войск на линии, так как большое количество вооруженных сил было переведено в Туркестанскую область в связи со среднеазиатскими походами.

Генерал-губернатор сделал попытку привлечь к проведению Положения в степи представителей казахской знати и мусульманского духовенства, чтобы парализовать влияние татарских мулл. Но эта попытка не дала никаких результатов, несмотря на то, что лица, к которым обратилась царская администрация — старшина Баедиль Кекин и один ишан селения Стерлибаш, — и выступили как агенты царизма.

Только к маю 1869 г. оренбургская администрация могла двинуть в степь два вооруженных отряда. Отряд Штемпеля был 6 мая двинут к урочищу Казыбек. При озере Джаман-сай этот отряд подвергся нападению 20 000 казахов. В течение семи дней отряд Штемпеля отбивался от нападавших казахов. Существенный урон казахи отряду причинить не могли: вооружены они были очень плохо. Достаточно сказать, что для того, чтобы изготовить себе пики, казахи разобрали ярмарочные строения, сооруженные на урочище Казыбек. Но продовольствие отряда было частично исчерпано, частично потеряно в столкновении с казахами, и Штемпель в начале июня должен был вернуться в Калмыковскую крепость на Нижнем Урале.

Другой отряд возглавлялся гражданским чиновником Юрковским. Он выступил в степь из Уральска в середине мая. Но при известиях о нападении казахов на отряд Штемпеля Юрковский струсил и кружными, безопасными путями отступил в Илецкий городок. Оттуда, бросив отряд, уехал в Оренбург и должен был подать в отставку.

Неудача двух экспедиций еще более подняла дух восставших. Положение царской администрации в Уральской области к июню сделалось тем более серьезным, что в движение казахов активно вмешалось хивинское правительство. Призыв Хивы к отказу от принятия нового Положения нашел отклик, главным образом, среди казахов, кочевавших между Эмбой и Усть-Уртом, а также к северу от Аральского моря. Эти кочевья были тесно связаны с хивинским ханством экономически: из Хивы казахи получали необходимые им ткани, хлеб, металлические изделия (ввозившиеся в Хиву из России) и сбывали в Хиву скот и продукты своего скотоводческого хозяйства.

Стремление Хивинского ханства сводилось к тому, чтобы закрепить в этих районах Казахстана свое господство, которое, естественно, кончилось бы вместе с введением здесь Положения. Следовательно, вопрос стоял не о независимости этих районов, а о выборе подданства. Хан требовал уплаты зякета, грозил разорением тем, кто примет новое устройство степи, и призывал к вооруженной борьбе против России. Он не ограничился одними призывами: в степь был двинут крупный хивинский отряд в 6000 человек при 4 орудиях. Одновременно хивинский хан Сеид-Мухаммед-Рахим стремился привлечь на свою сторону влиятельных старшин, особенно рода Адай, кочевавшего к югу от Эмбы, и в первую очередь бия Бай-Мухаммед Маяева, пользовав-

шегося огромным влиянием среди адаевцев. Но эти попытки не дали серьезных результатов. Бий Маяев остался верным царскому правительству, а массы адаевцев остались безучастными к призыву Сеид-Мухаммеда.

Никаких изменений в жизни казахов района Мангышлакского приставства царское правительство в 1869 г. не проводило — введение Положения было здесь отложено до 1870 г.

Примкнули к Хиве и активно поддержали хивинское правительство сын Исета Котибарова Назар и его прежний сподвижник бий Азберген, о деятельности которого в 50-х годах мы уже упоминали. Сам Исет Котибаров весной 1869 г. колебался, не примыкая ни к той ни к другой стороне, хотя и находился в тесных сношениях с хивинским ханом и даже выдал ему двух русских пленных. Хивинский отряд не дошел даже до Эмбы; лишенный поддержки адаевцев, он не мог найти массовой опоры среди казахов и должен был отступить в Кунград.

Между тем царская администрация в лице военного губернатора Уральской области генерала Веревкина стянула к Нижнему Уралу значительные силы. Был разработан план борьбы с восстанием, который сводился к движению трех русских отрядов к Уилу и к занятию этого центра восстания крупными силами русских войск. К началу июля район Уила был занят царскими отрядами.

Это имело решающее значение для дальнейшего развития восстания в Уральской области. Восставшие были окружены. Единственным направлением, куда могли бы отступать казахские повстанцы, было южное, так как во всех других направлениях они столкнулись бы с русскими укреплениями. Но на юге казахов ждали безводные и бескормные места. Поэтому занятие Уила привело к быстрому прекращению движения в Уральской области.

Что касается Тургайской области, то здесь крупных выступлений казахов в 1869 г. не произошло. Но и здесь образовывались отдельные отряды, пытавшиеся вооруженной борьбой помешать введению Положения. Опыт организации уездов в Уральской области заставил оренбургскую администрацию подкреплять комиссии, отправляемые в Тургайскую область, крупными вооруженными силами. Кроме того, против повстанцев был направлен ряд отрядов, помимо комиссий. Начинавшееся восстание в Тургайской области было этими отрядами быстро подавлено.

Наибольшее беспокойство в рядах царской администрации вызывали позиции Исета Котибарова, который стоял во главе наиболее многочисленного рода Шекты. Однако опасения оказались напрасными. Исет Котибаров явился к военному губернатору и был назначен младшим помощником начальника Илецкого уезда.

После июля 1869 г. движение протеста против нового Положения продолжалось лишь в пограничных с Хивой районах. На Усть-Урт после занятия Уила ушло одно отделение рода Шекты и отделение Шомешли-табынцев. В августе среди них появился хивинский отряд во главе с Азбергеном и кара-калпаком Бала-Ирназаром вместе с хивинским зякетчи (сборщиком зякета). Цель прихода отряда заключалась в приведении названных отделений в подданство хивинскому хану и в сборе зякета.

Но в основном Сеид-Мухаммед, повидимому, убедившись в бессилии Азбергена, осенью 1869 г. стал ориентироваться на казахских султанов. Среди них особенно были близки хану султан Арсланов и сын Кенисары султан Садык, который из Коканда ушел в Хиву. От имени Сеид-Мухаммеда среди казахов было распространено воззвание, призывавшее казахов к уплате зякета и вооруженной борьбе с Россией. Другое аналогичное воззвание было написано татарскими муллами. Воззвания распространялись, главным образом, среди адаевцев. Часть казахов различных родов, кочевавших в Гурьевском уезде, в числе 7000 кибиток, ушла во главе с Арслановым в пределы Хивинского ханства. Арсланов просил Сеид-Мухаммеда принять этих казахов в хивинское подданство, отвести им кочевья и избавить на три года от платежа зякета.

Генерал-губернатор Крыжановский велел предупредить ушедших казахов, что если они не вернутся, то их кочевья будут отданы другим родам. Угроза оказала свое действие: 2000 кибиток отделения Шомешли-Табын откочевали обратно в пределы степи, находившейся под контролем царских властей.

После того как движение в Тургайской и Уральской областях было подавлено и в основном закончена организация уездов и волостей, царские власти приступили к проведению в жизнь Положения и в Мангышлакском приставстве, т. е. в районах кочевий рода Адай. Но при первых же попытках организации волостей в марте 1870 г. среди адаевцев вспыхнуло небывалое по силе массовое народное движение. Во главе его встали принадлежавшие к кругам

мелких представителей родовой знати, Азберген, а также Иса Толебаев и Кара-Мурат Жундыбаев. Сильнейший и влиятельнейший бий рода Адай Маяев был убит восставшими как изменник. Отряд пристава Рукина, высланный против Иса Толебаева, был наголову разбит. К восставшим присоединились многочисленные байгуши, работавшие на каспийских рыбных промыслах.

Русские отряды должны были укрыться в форт Александровский на Мангышлаке. Восставшие осадили форт. Несмотря на сильный оружейный и артиллерийский огонь, казахи, в противоположность их прежним нападениям на русские крепости, когда достаточно было нескольких орудийных выстрелов, чтобы рассеять их отряды, смело штурмовали форт. 8 апреля командование форта было вынуждено оставить нижнее укрепление. Положение осажденных становилось критическим, тем более что и продовольствие и, главное, снаряды были на исходе. Но 9 апреля морем к Александровскому форту прибыли вспомогательные войска, и осаждавшие должны были снять осаду. Но борьба продолжалась в глубине степи. С большим трудом царским отрядам удалось подавить восстание.

Восстание адаевцев было подлинно народной освободительной борьбой. Но оно носило стихийный характер; оно было сильно как движение, направленное против царизма, но свою программу внутреннего устройства степи восставшие наметить не могли, как при всяком стихийном крестьянском восстании. В этом, а не только в решающем перевесе сил на стороне царизма, была причина быстрой ликвидации движения среди адаевцев, хотя отголоски борьбы 1870 г. еще давали себя знать и в 1871 г.

Движение казахов 1869—1870 гг. очень важно не только как крупный эпизод борьбы казахского народа за свою независимость. Борьба, вызванная ликвидацией последних остатков независимости казахов, обнаружила с достаточной четкостью две черты: казахи должны были выступить не только против царизма, но и против собственной знати; особенно ярко эта черта в движении адаевцев появилась в убийстве бия Маяева. Эта знать или переходила вместе с баями на сторону царизма, но таких представителей родовой наследственной знати было немного, или шла на подчинение Хиве, т. е. освободительную борьбу казахского народа направляла в русло замены одного подданства другим, но таким, которое сохраняло старые порядки и, следовательно, гарантировало этой знати сохра-

нение ее политических и экономических привилегий. Таких старшин и султанов в 1869—1870 гг. было большинство.

Знать, примкнувшая к движению народных масс, ничего другого, кроме подданства Хиве и восстановления ханской власти, выставить не могла. Повсюду в Орде начали провозглашаться ханы. На их именах нет нужды останавливаться. В таких стремлениях казахской знати была своя закономерность. Ее общественное положение было связано с архаическими формами патриархально-родового быта, ее идеалы были не в будущем, а в прошлом казахского народа. Лишь ничтожная часть старшин, мелких и маловлиятельных, боролась за независимость Казахстана вместе с народными массами.

В то же время восстание 1869—1870 гг. еще раз подтвердило невозможность для казахов собственными силами сбросить господство царизма. Тем самым эта борьба еще раз и с неизмеримо большей ясностью, чем предшествующие восстания, показала, что антиколониальная, национально-освободительная борьба казахского народа может быть успешна лишь как часть революционного движения в России. В этом — основной урок восстания 1869—1870 гг.

Отсюда еще нельзя делать вывод, что победа буржуазно-демократической революции в России принесла бы освобождение от национально-колониального гнета. Ленин еще в 1916 г. указывал, что «при капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т. е. ввести социализм».[1] С исключительной ясностью правильность этого указания Ленина подтвердила история казахского народа в период господства буржуазного Временного правительства. Условия освобождения казахского народа лежали не в его национальной замкнутости, а в союзе с русским пролетариатом в борьбе за социализм, равно как развитие революционного движения в дальнейшем показало, что победа революции в России невозможна без поддержки борьбы русского народа со стороны угнетенных народностей колоний.

Но рассмотрение этих вопросов выходит за хронологические рамки настоящего тома; они будут подробно рассмотрены во втором томе настоящей работы.

---

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 245; подчеркнуто Лениным

ГЛАВА XV

ИЗ ПРОШЛОГО КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Исследование прошлого культуры казахского народа является самым отсталым участком исторического изучения Казахстана; даже на первой стадии научного исследования — собирании материала — сделано сравнительно немного. Поэтому дать систематический очерк истории культуры казахов пока невозможно. Можно лишь изложить отдельные страницы этого прошлого. Но даже такое изложение представляет большой интерес: оно позволяет разрушить ложь великодержавных историков о казахском народе как народе «диком», не имевшем или почти не имевшем своей собственной культуры.

На самом деле культура казахского народа уходит в глубокое прошлое Казахстана. Ее корни скрываются в народном творчестве племен, кочевавших в степях Казахстана задолго до того, как эти племена консолидировались в особую казахскую народность. Она выросла из кочевого быта этих племен и, как всякая культура, рожденная народом, глубоко оптимистична по своему содержанию.

Являясь в своей основе культурой самобытной в указанном смысле, она, разумеется, испытала на себе влияние смежных культур — иранской, китайской, арабской, а с конца XVIII в. — русской. Эти влияния обогатили, но не уничтожили самобытного, народного содержания казахской культуры.

В настоящей главе мы остановимся лишь на описании отдельных явлений казахской культуры, как они выявились в жизни уже сформировавшегося казахского общества, т. е. начиная с XVI в., лишь в отдельных случаях касаясь вопроса культурных влияний и более ранних явлений культурной жизни Казахстана.

ВЕРОВАНИЯ КАЗАХОВ

Древней религией казахов являлся шаманизм, выражавшийся в преклонении перед силами природы. Это был культ тенгри (неба). В идее неба человек преклонялся перед непонятными ему силами природы, от которых он зависел и которые обоготворял. В почитании неба выражалось почитание мира вообще и его явлений: солнца, луны, земли.

Культ тенгри по существу являлся дуалистичным. В этой идее выражалось преклонение перед небом-материей и

небом-божеством. Как полагает Ч. Валиханов, дуализм культа тенгри объясняется влиянием зороастризма Ирана. Но сомнительна связь с зороастризмом поклонения огню. Почитание огня могло явиться пережитком древних верований; такое почитание встречается и там, где влияние зороастризма допустить невозможно, например, у русских крестьян в Сибири. Огню (авлие) казахами приписывалось очистительное значение. При уходе с кочевок казахи проходили между двух огней. Невеста при вступлении в новую для нее семью должна была поклониться огню в доме жениха. В огонь строго запрещалось плевать. Некоторые из болезней считали проявлением гнева огня.

Шаманизм казахов выражался не только в обоготворении явлений природы, но и в почитании предков. Силы природы господствуют над человеком от его рождения до смерти. Умирая же, человек сам становится духом (арвахом) и в свою очередь оказывает влияние на судьбу живых людей. Сильные люди после смерти становились могущественными духами — Чингис-хан, например, после его смерти почитался как бог. Арвахам приносились жертвы, к ним обращались с молитвами. Могила сородича считалась священным местом.

Сношения с арвахами лучше всего мог вести шаман. По верованиям казахов шаманы — это «люди, покровительствуемые небом и духами». Своих шаманов казахи называли боксы.

Проникновение мусульманства в среду тюркских племен Казахстана не уничтожило древних верований казахов. Распространение новой религии, причудливо переплетавшейся с древними верованиями, приводило не к уничтожению шаманизма, а к созданию своеобразного двоеверия.

Ислам в степи Казахстана начал проникать еще в X в. (см. главу III), но широкое распространение получил не ранее XIV в., во время золотоордынского хана Узбека.

Казахи исповедывали мусульманство суннитского толка. В доколониальный период истории казахов, начиная с XVI в., пропагандистами ислама являлись муллы, проникавшие в степь из Бухары и Хивы, казахские ходжи и мусульманские купцы. Но ни муллы ни ходжи в Казахстане не были многочисленной группой. Религиозным центром для Казахстана являлась Бухара — прямые указания на это имеются в русских источниках XVIII в.; вероятно, так оно было и раньше, в более отдаленный период истории казахов. Влияние ислама проникало, главным образом, в среду казах-

ской знати; народные массы пропагандой ислама были захвачены в меньшей степени.

Но правоверие казахов в глазах мусульман оседлых районов Средней Азии подвергалось сомнению. Интересные сведения в этом отношении сообщает автор XVI в. Рузбехан. Он пишет: «Сами казахи со своими ханами и султанами считают себя верующими — читают коран, отправляют богослужение, отдают своих детей в школу, постятся, без брака мужчины и женщины в общение не входят. Все это показывает, что они ислам признали своей религией и приняли все его положения».

Но наряду с этим Рузбехан указывает и признаки отступления от ислама. «Известно, — пишет он, — что среди казахов все еще держатся некоторые признаки неверия, например, сохранилось идолоподобное изображение, которому они поклоняются, что несовместимо с мусульманством... Кроме поклонения идолам у казахов имеются и другие признаки неверия: они в Бухаре, Самарканде и других мусульманских странах захватывают мусульман в плен и продают их в рабство... Весною, когда бывает готов первый кумыс, они наливают его в сосуд и, прежде чем пить его, обращают лицо свое к солнцу и немного кумыса брызгают в сторону востока; при восходе солнца делают ему земной поклон в благодарность за то, что оно выращивает кормовые травы, которыми питаются домашние животные и дают кумыс».

Приговор Рузбехана суров: он прямо называет казахов идолопоклонниками и вероотступниками.

В конце XVIII в. царское правительство, учитывая важность религиозной пропаганды для усиления влияния царизма в Казахстане, сделало попытку взять дело религиозной пропаганды в свои руки. По проекту 1787 г. барона Игельстрома было решено открыть для детей казахской знати в пограничных районах школы и построить мечети. Учителями в эти школы предполагалось назначать мулл, окончивших Казанскую, так называемую «нормальную» школу. Предполагалось издать и специальную литературу для этих школ с татарским и русским текстами. Действительно, несколько таких школ было построено, но дело заглохло уже к началу XIX в., во-первых, потому, что казахская знать неохотно посылала своих детей, и, во-вторых, потому, что школы не удалось обеспечить достаточно благонадежными в глазах царизма муллами.

По признанию биографа барона Игельстрома, школы пришлось закрыть, «потому что для преподавания приходилось пользоваться услугами казанских мулл... а казанские муллы всегда отличались наибольшим мусульманским фанатизмом; им удалось, в известной степени, развить такой же фанатизм и среди киргизов, которые раньше далеко не были религиозными фанатиками».

Пропаганда осталась в руках бухарских и татарских мулл. Эта пропаганда в XIX в. велась в так называемых «татарских» школах. Такие школы создавались муллами в аулах, где дети казахов обучались грамоте за небольшую плату на текстах корана. Чтобы нейтрализовать деятельность этих мулл, царское правительство назначало в степь так называемых указных мулл, но последние, по признанию русской администрации, не пользовались никаким влиянием среди казахов.

В крупных административных центрах с 40-х годов XIX в. были организованы так называемые русско-киргизские училища, главным образом, для подготовки низших административных кадров из среды казахского населения. Для детей казахской знати был открыт доступ в кадетские корпуса: Неплюевский в Оренбурге и Омский.

Пропаганда ислама, несомненно, имела успех среди казахской знати, но народные массы были равнодушными мусульманами. Они наряду с исламом придерживались по-прежнему древнего шаманизма и чаще обращались к своим шаманам, чем к муллам. Принадлежность народных масс к исламу выражалась лишь в выполнении внешней обрядности, притом с значительными отступлениями от догмы: не есть свиного и другого почитаемого нечистым мяса, совершать намаз, причем неаккуратно и т. д.

Пережитки первобытных верований сохранялись и в XIX в. Любопытен рассказ доктора Большого, попавшего в плен к казахам при поражении в 1803 г. каравана Я. Гавердовского. Его, раненного, вез за седлом хозяин. Он два раза в пути стаскивал Большого на землю и, громко выкрикивая непонятные для доктора слова, с свирепым видом размахивал перед горлом больного ножом. Большой, немало, конечно, напуганный, совсем приготовился к смерти. Только позже, познакомившись с обычаями казахов, Большой понял, что намерения у его хозяина были самые добрые: он просто стремился напугать дух болезни, чтобы заставить его скорее покинуть раненого пленника.

Ислам попрежнему оставался больше религией знати, чем народных масс. Директор оренбургской таможни Величко рассказывает, что когда царское правительство в конце XVIII в. построило в степи близ укрепленной линии мечети, казахи в ответ на призыв к посещению мечети уезжали в степь. В то же время известен ряд случаев фанатичной привязанности к исламу представителей казахской знати. Так, известно, что Срым был захвачен в плен султаном Ишимом во время молитвы. Он не прервал молитвы, хотя ему угрожала смертельная опасность. Все обращения и письма Кенисары пропитаны воинствующим исламизмом.

Что касается христианской миссионерской пропаганды в степи, то первые известия о ней относятся к началу XIX в., когда в степи вели пропаганду жившие в пограничных городах шотландские миссионеры. Русские миссионеры свою деятельность у казахов развернули лишь к середине XIX в. Но пропаганда ни тех ни других не имела успеха.

НАРОДНАЯ УСТНАЯ ПОЭЗИЯ ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Обратимся теперь к народному устному творчеству. Устное творчество казахов исключительно богато. Предание считает родоначальником казахской поэзии легендарного Асанкайгы, жившего якобы при хане Жанибеке (вторая половина XV в.). Интересно, что песни, приписываемые Асанкайгы, носят изобличительный характер и направлены против «төре» — знати «белой кости»; в этом несомненный демократизм песен. Так, в одной из песен Асанкайгы, обращаясь к хану, говорит: «От кумыса, румяный, потеешь, опьянел ты, самодовольный хан. Ты умеешь только ханствовать, но защищать народ от насильников ты не желаешь. Ханы, ханский строй — вот кто жиреет, становится румяным за счет страдающего, измученного народа».

Песни и сказания передавались устно сказителями-акынами. Одни акыны служили феодализирующейся знати — восхваления своим покровителям они вплетали в текст песни; другие — народные певцы — тем же путем отражали чаяния и надежды народных масс. Нередко поэтому в одном и том же сказании переплетаются идеалы различных классов.

Устное народное творчество казахов многообразно. В нем следует различать следующие виды:

Героический эпос — к нему относятся сказания об Идыге, Кобланды, Ер-Таргыне, Ер-Саине.

Лирические бытовые поэмы — сказания Кыз Жибек, Козы-Корпеш, Баян Слу, Айман-Шолпан.

Исторические песни, например, сказания, относящиеся к страшному бедствию казахского народа 1723 г. — Актабан-шубранды, песни о Кенисары, о Бекете.

Малые формы устной поэзии — среди них свадебные, лирические бытовые песни.

Сказки, легенды, пословицы, загадки.

Песни — состязания певцов, «айтыс».

К древним образцам устного народного творчества относится героический эпос, возникновение которого уходит в далекое прошлое казахского народа.

Характерной чертой казахского героического эпоса является то, что он историчен по своей основе. Его героями нередко являются исторические лица, и он отражает часто исторические события, переплетенные, конечно, с легендой. Типичен в этом отношении джир (сказание) об Идыге.

Идыге, или Едигей, — историческая личность; это известный военачальник Золотой Орды конца XIV — начала XV в. Идыге (Едигея) знают как восточные хроники, так и русские летописи. Джир об Идыге сложен, вероятно, в первой половине XV в. Существует несколько редакций этого джира. В нем рассказывается о рождении Идыге от легендарного святого Баба Токты и сказочной девушки — пери, о молодости Идыге, когда герой джира работал пастухом и сделался известным хану Золотой Орды Тохтамышу мудрым решением ряда трудных споров. Тохтамыш приблизил к себе Идыге. Но мудрость и популярность Идыге начинают пугать хана. Жена Тохтамыша предупредила своего мужа, что Идыге возвысится над ним. «Этого наемника предназначение вашего предназначения выше», — сказала она мужу. Хан убеждается в справедливости слов жены и по ее совету решает убить Идыге, который спасается и бежит за Волгу.

Старец Суп-Джирау, призванный ханом, предупреждает Тохтамыша:

«Воротится он (Идыге) назад — держи его при себе. Держи его при себе и сруби ему голову.

Если же он благополучно уйдет и переправится через Волгу, то этот враг не останется без того, чтобы тебя не взял».

Посланные за Идыге девять богатырей не могли заставить его вернуться.

В степи Идыге отнимает у сказочного Алпа (великана) похищенную дочь Сатемир-хана (Тимура) и возвращается с нею к ее отцу. Она становится женой Идыге. У них рождается сын, названный Хан-Нурадином. Тринадцать лет Идыге жил в мире, пока одно оскорбление, нанесенное Нурадину, не напомнило ему о необходимости мести Тохтамышу. С войском Сатемир-хана Идыге направляется в Ногайский поход, но войско гибнет во время трудного пути. Вдвоем с сыном Идыге приблизился к ставке Тохтамыша. Хан вспомнил пророчество старого Суп-Джирау и, не приняв боя, бежал. Идыге отправил преследовать его Нурадина. Нурадин убил Тохтамыша, но на обратном пути в ставку отца неизвестный ему предсказывает, что он, Нурадин, и его отец погибнут от сына Тохтамыша Кадыр-Берды-султана. Через несколько лет пророчество исполнилось, и «Кадыр-Берды воцарился над своим народом».

Таково вкратце содержание этого древнего и одного из наиболее популярных сказаний казахского народа. Поэма в своем сюжетном построении сохранилась полностью, но ряд поэтических мест утерян; они заменены в записанных редакциях кратким прозаическим повествованием.

Сказание об Идыге в различных редакциях известно не только у казахов, но и у других тюркских народностей.

Не так ясна, как в сказании об Идыге, историческая основа героической поэмы о Кобланды-батыре.

Поэма о Кобланды, так же как и об Идыге, начинается рассказом о рождении батыра от престарелых родителей, далее повествуется о детстве Кобланды и его женитьбе на девушке Кортки, в которой олицетворяется идеал мудрой, любящей женщины, неоднократно своими советами оказывавшей помощь Кобланды. Далее в поэме рассказывается о походе Кобланды во главе кара-кипчаков против города «Казан» и о битвах с богатырем Казаном. После похода на Казан Кобланды возвращается в степь. Во время сна его захватывает в плен калмыцкий батыр Кобыкты. Аулы Кобланды во время его плена были разграблены калмыцким ханом Алчагиром; родители, жена и сестра батыра также были уведены в плен. Из плена Кобланды выручает полюбившая его дочь Кобыкты, Карлыга. В образе Карлыги поэма рисует страстную, беззаветно любящую женщину, которая ради любимого человека отказывается от отца, брата, рвет родовые связи.

Историческая основа поэмы — борьба кипчаков с Казанским ханством. Неясна исторически личность Казана,

Кобыкты и Алчагира, как и самого Кобланды. В поэме много строк, наполненных глубокой любовью к своей родине, беззаветной преданностью к своему народу.

«О бесценная Карлыга.
Кобланды ей сказал, вскочив:—
Будет речь моя недолга,
Я не буду красноречив:
Топчет недруг мои луга,
Разоряет кипчакский род».

Кобланды едет к городу, где был заключен его отец и все кипчаки. В борьбе с калмыкским ханом он побеждает грозного Алчагира и освобождает из плена свой народ.

Возникновение поэмы следует отнести, повидимому, к XV — началу XVI в.

Сказания об Идыге и Кобланды относятся к сказаниям о старших богатырях. К той же категории относится и поэма об Ер-Таргыне. Характерная черта этого вида героических сказаний — преобладание социальных мотивов над личными в деятельности героев, где все определяется волей и интересами коллектива. Личные побуждения и склонности старших богатырей не играют в развитии действия сколько-нибудь заметной роли. Старшие богатыри — воплощение мощи и величия своего рода.

Иной характер носят сказания о младших богатырях. В них больше личного, действия героев нередко определяются их индивидуальными склонностями и интересами.

Типичной поэмой этого рода является сказание об Ер-Саине. Первые подвиги Ер-Саина связаны с защитой интересов его отца Боз-Моная, а затем с сватовством и женитьбой на красавице Аю-Бикеш.

В борьбе с калмыками он проявляет не всегда разумную отвагу и в результате гибнет. Его едет разыскивать Аю-Бикеш. Разыскав тело мужа, она натирает его чудесной медвежьей мазью, и Ер-Саин оживает. Лишь после этого он приобретает в поэме черты, характерные для старших богатырей.

В сказании об Ер-Саине много лирических мотивов. Плач по Ер-Саину его жены Аю-Бикеш полон лиризма и скорби:

«Супруг мой, любимый мой.
Знатным был и счастливым ты,
Мужем ты справедливым был,
Воином не ленивым был —
Без тебя как я стану жить».

Но героический эпос отражает и черты социального быта казахов. В той же поэме Ер-Саин рассказывается о возмущении рабов против отца Ер-Саина, Боз-Моная:

«За рабом он вызывает раба:
«Э, собаки, рабы, голытьба.
На колу околеть вам судьба».
Вышел тут один из рабов,
Поднял бай свою плеть воловью,
Алой кровью окрасилась плеть.
Посмотрел Боз-Монай и не рад—
Окружили его уже
Девяносто тех чабанов
И посыпались их удары, как град,
На испуганного Боз-Моная».

Социальные мотивы звучат в поэме о бедняке Камбаре, которого полюбила дочь богача Азимбая Назым, но Камбар отвергает любовь Назым. Он ей говорит:

«Я не раз слышал,
Я знаю, что вы презираете
Нас, бедняков,
Оскорбляете нашу честь,
Я не успокоюсь,
Пока не отомщу вам».

Впрочем, любовь примиряет Камбара с Назым.

Иными настроениями проникнут бытовой эпос — в нем преобладают лирические, любовные мотивы. В трогательной поэме о Корпеш и Баян рассказывается о любви джигита Корпеш к девушке Баян, сговоренных еще с детства, но разлученных волей отца Баян, Карабая. Когда Корпеш подрос, он, по обычаю казахов, отправился в степь на поиски своей нареченной невесты. Он проникает в ее аул под видом пастуха. Баян любит его, но Корпеш гибнет от руки джигита Кадара, за которого сговорил Карабай свою дочь.

Узнав о смерти жениха, Баян убивает Кадара, спускается в могилу возлюбленного и там бросается на кинжал.

Друзья Кадара похоронили его между могилами Корпеш и Баян. Цветы, распустившиеся на могилах влюбленных, тянулись друг к другу, вечно разъединенные шиповником, выросшим на могиле Кадара.

Поэма воспевает любовь как свободное чувство, она полна проникновенной скорби о судьбе молодых возлюбленных, разлученных родовыми обычаями, признававшими за отцом неограниченное право над жизнью девушки.

Поэма о Корпеш и Баян — своеобразный казахский вариант вечно юных мотивов сказания о Ромео и Джульетте.

Так же печально, как любовь Корпеш и Баян, оканчивается любовь девушки Кыз Жибек в поэме одноименного названия.

Сказание о Кыз Жибек принадлежит к древнейшим образцам бытового лирического эпоса. Сюжет поэмы построен на теме любви девушки Кыз Жибек к джигиту Толегену. Отец Толегена не соглашается на этот брак. Толеген вопреки воле отца отправляется к своей возлюбленной, но в степи его предательски убивает отвергнутый Кыз Жибек мстительный и жестокий Бекежан. Кыз Жибек, узнав о смерти Толегена, всю силу своей любви переносит на младшего его брата Сансызбая. В любви к Сансызбаю Кыз Жибек сохраняет свою любовь к Толегену: таков древний закон так называемого левирата — Сансызбай должен унаследовать невесту своего погибшего брата. Этот древний обычай, ограничивающий право вдовы на свободный выбор себе нового мужа, идеализируется в поэме. Все действия и чувства Кыз Жибек подчинены этому закону, являвшемуся нередко источником неисчислимых страданий для казахской женщины.

Любовь Кыз Жибек к Толегену — это идеальная любовь и преданность женщины, все сознание которой подчинено древнему родовому обычаю. В поэме Кыз Жибек не возникает конфликта между свободным чувством любви и теми рамками, которые ставили этому чувству родовые обычаи, как это имеет место в поэме Корпеш и Баян.

Образы поэмы навеяны картинами казахской природы. Акын Каршыха говорит Толегену:

«Но какая-то боль когтит
Сердце твое, джигит,
Словно с гор ползущий ледник
Холоден стал твой лик;
Словно снег идет с бровей
Меркнет день от грусти твоей
Ты осенней травой поник».

Не менее образно описание в поэме Кыз Жибек:

«Она тростинки стройней,
Стремительней кер-марала.
В ногах ее рвенье стрел,
Слетающих с тетивы,
Им лень коснуться травы.
Вокруг ее головы
Воздух, казалось, горел».

Интересно также отметить сказание о раскрытии преступления Бекежана. Раненный Бекежаном и брошенный им в песках, умирающий Толеген обращается с просьбой к летящим над ним гусям рассказать родным об его гибели. Бекежан устраивает «той». Во время пира над Бекежаном появляются озаренные зарницей шесть гусей. Испуганный Бекежан кричит:

«Лучше б не иметь мне глаз,
Режет уши гогочущий ваш рассказ.
Почему вас тогда не убил я сразу
Шесть гусей, толегеновы алты-каз».

Изобличенный своими же словами, Бекежан гибнет от рук братьев Кыз Жибек. Этот мотив повторяется и в европейской поэзии (ср. Ивиковы журавли).

К древнейшим видам казахского устного творчества относятся обрядовые песни. Заслуживает большого внимания мысль авторов интересной статьи о казахском народном творчестве, Соболева и Ауэзова, что героические сказания казахского народа выросли из обрядовых песен. Во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что элементы обрядовых песен в казахском героическом эпосе многочисленны и играют в нем весьма крупную роль.

Большое количество песен связано с обрядом свадьбы. У казахов существовало многоженство, но за женщину уплачивался калым, и тяжесть калыма делала многоженство доступным лишь для богатых. Сговор между родителями нередко происходил в малолетство их детей. Согласия на брак ни со стороны юноши ни со стороны девушки не требовалось — вопрос решался родителями. Не все жены занимали в семье одинаковое положение — первая жена, байбиче, являлась хозяйкой дома, на ней лежало все хозяйство. В случае дурного обращения с ней мужа она могла уйти с согласия своих родных к себе в аул. Остальные жены этого права не имели: их положение приближалось к положению наложниц. Несмотря на приниженное положение женщин в семье, все же оно было лучше, чем у многих других мусульманских народов. Гаремов у казахов не было, женщина не носила паранджи, она пользовалась в быту известной свободой. Это находилось, несомненно, в связи с тем, что роль женщины у казахов в хозяйстве, как мы знаем, была велика. Кроме того, женщины владели своим имуществом: при выдаче дочери замуж родители давали девушке приданое, которое оставалось в собственности женщины на все время замужества.

Но продажа женщины, подчиненное положение в семье — налагали следы печали на свадебные песни казахов.

Среди свадебных песен существует несколько видов, это — «жар-жар» (друг-супруг), «синсу» (плач невесты) и «бет-ашар» (показ лица невесты).

Песня «жар-жар» пелась в ауле невесты. В этой песне, имевшей постоянные, установленные музыкальные формы и текст, девушке объявлялось о сватовстве и ожидавшей ее новой жизни в ауле жениха, которого она часто до того и не знала.

В песнях «синсу» или «кыз-танысу» девушка прощалась с родной семьей и аулом.

Обычай запрещал браки между однородцами (до седьмого предка), и обычно аул жениха кочевал вдали от аула невесты. Песни «кыз-танысу» в противоположность «жар-жар» не имели установившегося текста. Их содержание глубоко индивидуально; обычно эти песни слагала сама невеста совместно со своими близкими подругами. Именно в этих песнях нашло отражение тяжелое положение казахской женщины.

В одной «кыз-танысу» девушка, выдаваемая замуж, пела:

...«Напрасно растила родная меня,—
За немилого, бедной, итти мне силком.
Будто в грудь ты мне выстрелил, милый отец.
За табун меня продал ты, милый отец».

Песни «бет-ашар», по-русски «раскрытие лица», пелись в ауле жениха, когда туда прибывала невеста.

«Бет-ашар» всегда содержит длинные перечисления наставлений молодой женщине, которым она должна следовать в новом для нее ауле. «Бет-ашар» пел кто-либо из аула жениха. Женщина должна была стоять во время исполнения молча, с закрытым лицом, и слушать наставления певца.

«Языком, невестушка, не болтай,
Даром сплетен, невестушка, не пускай,
Стариков, невестушка, уважай,
И дорогу, невестушка, им давай» — и т. д.

Песнями сопровождался свадебный пир, песнями провожали молодую новобрачную в аул родственников ее мужа, песнями встречали молодоженов в ауле мужа. При женитьбе обычно происходило выделение имущества женившемуся сыну, но это чаще практиковалось у богатых, чем у бедных.

Лирические бытовые песни также распадаются на несколько видов. К ним относятся «костасу» (песни прощания), «естирту» (печальное известие), «жоктау» (плач по умершим), «кониль-айту» (песни утешения).

«Костасу» слагалась по различным поводам жизни: слагали, умирая, родители, прощаясь с детьми; при прощании с родиной; певец, умирая, слагал «костасу», прощаясь с песнью. «Костасу» возникла в глубокой древности, но форма ее сохранялась в казахском быту до последнего времени.

Многочисленную группу бытовых лирических песен составляют «естирту» — печальное известие, — сохранившиеся у казахов до последнего времени. Это песни известия о смерти близкого человека. Певец осторожно, иносказательно подходит к печальной вести:

«Лебедь уплыл, отражаясь в озерной красе.
Взвившийся сокол на скалах заоблачных сел.
Сын твой — не заблудился. Он скрылся в те страны, куда
В некое время уйдут неминуемо все».

«Жоктау» — песни плача — обычно также связаны со смертью близкого человека.

Когда человек умирал, тело умершего обмывалось, одевалось в лучшее платье или пеленалось в холстину и с плачем женщин и пением похоронных песен зарывалось в землю. Над могилами насыпали курганы или ставили особые надгробные сооружения, сложенные из камня, — мазары. Иногда ставили памятники (см. ниже). После похорон у кибитки семьи покойного ставился в знак траура черный значок, около которого собирались женщины и пели похоронные песни (улек).

У казахов до революции сохранялся обычай оплакивать покойного в течение года, когда по умершему устраивались торжественные поминки.

Многие из «жоктау» относятся к глубокой древности, некоторые из них являются плачем по погибшему герою и восхваляют доблесть и подвиги народного богатыря.

Немногие «жоктау» посвящены плачу по ушедшей юности; к таким песням относится популярная народная песня «Жирме бес» (двадцать пять). Припев этой песни «Двадцать пять лет, вы не вернетесь ко мне!» — отражает ее содержание.

Религиозные праздники, например, праздник курбан, также сопровождались народными играми и песнями.

Особую разновидность обрядовых песен составляют заклинания боксы.

«Развернись, подползи ко мне
По решетке кибитки, змей.
Ты, медянка, поди ко мне,
Под кибиткой шипеть не смей.
Ездишь ты на шести змеях,
Гад длинный в шесть саженей.
Две змеи у тебя — два кнута,
Ты любого духа сильней —
Так согни же болезнь в дугу,
Вокруг нее свои кольца обвей».

Интересны народные сказки. Среди казахских сказок также различается несколько видов: фантастические, бытовые, детские и сказки о животных.

В этом виде народного творчества более ясно, чем в других, выступают культурные влияния других народностей. В казахских сказках заметно влияние восточных циклов «Тысячи и одной ночи», «Сказок попугая». Влияние фантастики русского фольклора особенно ярко сказывается в сказках о животных.

Но заимствованные мотивы творчески переработаны в казахских сказках, и в новых вариантах заимствованные сюжеты отражают общественный быт и воззрения казахского общества.

Находчивость, смелость, предприимчивость побеждают в казахских сказках злобу, силу, жадность. Мальчик сирота, «ни разу в жизни до сыта не наедавшийся», разрешает трудную задачу — рассказывает хану историю, в которой не было ни слова правды. Хан по уговору должен был выдать сироте обещанное золото, отдать за него свою дочь, «а сам, не снеся досады, слег и умер через три дня».

Славившаяся своим умом Карашаш обезоруживает хана, давшего ее мужу неразрешимое повеление: чтобы сорок баранов оягнились за зиму. Когда хан весной явился к юрте Жирешне, мужа Карашаш, она ответила хану, что муж ее «убежал рожать в степь». Хан рассвирепел. «Чем же ты поражен, великий хан, — как ни в чем не бывало молвила Карашаш. — Разве тебе неизвестно, что в стране, которой управляет мудрый, случаются и не такие чудеса. Не твои ли сорок баранов собираются оягниться со дня на день». С этой поры хан оставил в покое Жирешне и Карашаш.

Метки и мудры пословицы казахского народа:

«Язык — острее клинка.

Печаль — море: утонешь и пропадешь; риск — лодка: сядешь и переплывешь.

Разрозненные гуси — добыча для сплоченных ворон.

Не радуйся, что пришел ходжа, он наложит на тебя налог» и др.

УСТНАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА (XVIII—XIX вв.)

Подчинение Казахстана России не уничтожило прежних жанров народного творчества. Остались и героические сказания, и исторические песни, и пословицы и т. д. Однако крупнейшие политические и экономические изменения в жизни казахского народа, естественно, изменили содержание народных песен; в то же время создавались новые виды народного словесного творчества. Отметим наиболее крупные из этих изменений.

Содержанием героического эпоса и исторического сказания становится борьба с царскими колонизаторами. Характерно в этом отношении сказание о Бекете. Бекет — историческая личность. Он был другом и ближайшим сподвижником Исета Котибарова, одним из участников убийства султана-правителя Арслана Жантюрина. Вследствие предательства одного из биев, Шерниаза, Бекет захватывается в плен царским правительством и отправляется в ссылку в Сибирь. Но его жена переодевается торговцем-татарином; это позволило ей свидеться с Бекетом в пути. Она передает мужу кинжал. При помощи кинжала Бекет сбивает кандалы и бежит в степь. Предатель Шерниаз гибнет от руки Бекета. Таково вкратце содержание поэмы, сложенной неизвестным акыном. Она полна ненависти не только к царским колонизаторам, но и к собственной знати. Акын верно схватил существо гнета, давившего народ, ту систему феодально-колониального угнетения, характеристика которой дана выше.

«Знамя предков я нес впереди,
И, заступник от ханских обид,
Стал батыр Бекет знаменит,
И любил батыра народ...
. . . . . .
Я недолго народу служил —
Тридцати трех от роду лет
Во вражий попал я стан».

Целый ряд песен связан с движением Кенисары. Некоторые из них принадлежат акынам, имена которых сохранились. Таковы песни Насынбая, участника движения Кенисары. Поэма Насынбая «Кенисары-Науразбай», в противоположность «Бекету», направлена лишь против колониального гнета царизма. Насынбай, горячий поклонник Кенисары, выход из бесправного положения видит в восстановлении в Казахстане прежнего ханского строя.

«Лишь ушел от нас наш Кене
День наш горестный наступил,
Без хозяев-ханов народ
В одиночестве загрустил...
При великом хане Кене
Были мы сильны и грозны.
Налетали на вражий стан
Наши доблестные сыны,
Словно горный снежный буран
Окружали кольцом стальным
Под воинственный наш уран».

После гибели Кенисары Насынбай должен был скрываться от преследований царских войск.

К той же плеяде поэтов, что Насынбай, принадлежит Досхожа-бий. Но поэзия его менее непримирима к царизму, чем поэзия Насынбая, — он ближе к «придворным поэтам», чем Насынбай.

Другое изменение в содержании эпоса связано с социально-экономическими сдвигами в казахском обществе, с тем возрастанием общественной роли баев, которое было вызвано развитием в Казахстане товарно-денежных отношений (см. главу XIV). Любопытна в этом отношении бытовая лирическая поэма Айман-Шолпан, составленная едва ли раньше 30-х годов XIX в.: в ней действующими лицами выступают известные батыры конца XVIII в. Котибар и Аристан; в то же время в ней воспевается малолетний сын Котибара Исет, что едва ли могло случиться, если бы к моменту сложения поэмы в той редакции, как она дошла до нас, Исет Котибаров не успел проявить себя как отважный батыр. Содержание поэмы — борьба бая Мамана и батыра Котибара.

Маман, с которым по богатству «равняться не мог целый род», был приглашен шомекеевцами на поминки одного джигита. Шомекеевцы воздвигли золоченую юрту для почетного гостя

«За богатство Маману высокая честь воздана.
Его свита почетная — биев окрестных полна...»

Шатер предоставили Маману. Но вот приехал знаменитый батыр рода Шекты, Котибар. Он отказывается войти в войлочную юрту и требует от Мамана уступки ему золоченой. Но Маман издевается над Котибаром:

«Возражает Маман: «Разве есть у него хоть пятак.
Бродит этот шекти по степи, как голодный ишак».

Тогда Котибар грозит Маману, что он разорит его аул, а дочь бая Айман прокатит на голой спине нара (верблюда), что для женщины являлось высшим оскорблением. Свою угрозу Котибар осуществляет, и лишь ум и находчивость Айман приводят в конце концов к примирению Котибара с Маманом. Все симпатии автора поэмы на стороне прошлого — его герой не богач Маман, а сумасбродный, кичливый, но храбрый Котибар и его брат, великодушный батыр Аристан.

Борьба с царским самодержавием породила и новый вид поэзии: революционно-освободительную. Крупнейшим представителем этого вида поэзии является Махамбет Утемисов, бывший, как мы знаем, ближайшим сподвижником Исетая Тайманова.

Поэзия Махамбета Утемисова (1804—1845 гг.) в основном направлена против собственных угнетателей, эксплоататорской верхушки казахского общества.

«Дуб высокий в степи растет,
Кто листочки его сочтет.
Легкий ветер колышет их,
Корни дуба земля бережет,
Если ханы уйти не хотят, —
Их заставит уйти народ».

В песне, обращенной к султану Баймухамеду, поэт говорит:

«Ханов я хотел, тебе подобных
Биев толстобрюхих — обезглавить,
Их орать верблюдом заставляя...
Заселить хотел моим народом
Берег Волги, что богат лугами,
И заполнить поселенья эти
Конскими без счета табунами...»

Ненависть к ханам у поэта непримирима:

«Враг заклятый другом стать не может,
Из полы не сделаешь халата...»

Последователем и учеником Махамбета Утемисова был акын Шерниаз, участник восстания Исетая, пламенный пропагандист и агитатор в годы восстания.

Поражение ряда крупнейших крестьянских и национально-освободительных движений середины XIX в., окружение казахов сетью укреплений царской России, продажность собственной знати, хищническая эксплоатация трудового населения байством, — все это вместе взятое породило в казахской поэзии новое пессимистическое направление.

К представителям поэзии так называемой «эпохи скорби» относится акын Шортамбай. Его творчество направлено против новой знати — байства.

«Жадный бай бедняка обложил
Податями и кровь сосет,
И велит теленка его
Взять татарину на учет.
Трудно, трудно жить бедняку —
Он кругом по пояс в долгу».

Чувствует Шортамбай и те тяжелые для казахов последствия, которые несло с собой проникновение царского чиновничьего аппарата в степь:

«Всюду сети ставят враги,
Нет свободы — куда ни взгляни.
О, злосчастный, бедный народ,
О, злосчастные наши дни.
Чуть поссорятся двое, уже
За перо берутся они
И ссылаются на закон
И, тягаясь, терпят урон
От чиновничьей западни».

Другим представителем того же направления является Мурат-акын (1843—1906 гг.). Мурат-акын ясно видит гнет, проистекавший из военной колонизации страны и от байства.

«Степи отобрал солдатский штык —
Царь в карман нам руку засунул,
А когда отнял у нас Яик,
То и вовсе за ворот схватил».

Он скорбит о прошлом и изобличает настоящее:

«Самых знатных батыров сыны
Стад своих лишены,
Сборища идут без них! — Купец
Стал великим ханом всей страны».

К шестидесятым годам XIX в. относится начало творчества величайшего акына казахского народа Джамбула Джабаева (родился в 1846 г.), но на его творчестве не будем здесь останавливаться — оно будет подробно рассмотрено во втором томе «Очерков».

Мы ограничимся рассмотренными видами казахского устного народного творчества. Из других видов наибольший интерес представляют «айтыз» — песни-состязания и «кюи» — легенды, в которых после краткого устного вступления содержание песни передается в музыкальной форме — игрой на домбре, сыбызге или кобызе.

Перечисленными видами устной поэзии не исчерпывается ее многообразие. Были акыны — идеологи и апологеты знати. Были песни, проникнутые религиозным содержанием, навеянные исламом. Эти последние были связаны с интересами господствующей верхушки казахского общества и мало характерны для подлинно народной устной поэзии.

ПРИКЛАДНОЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАЗАХОВ

Большой интерес представляет также прикладное искусство Казахстана. Характер казахского прикладного искусства — его материал, его стиль определялись условиями кочевого быта, что, конечно, не исключало ряда культурных влияний и заимствований. Для основной массы предметов прикладного искусства материалом служила шерсть. Сюда относится производство ковров, кошем для украшения стен юрты, войлочные занавески для дверей, покрывала для сундуков, узорчатые войлочные мешки, так называемые бау (см. ниже). Все эти предметы производились женщинами. Обработка металла, резьба по дереву и камню, производство ювелирных изделий лежали на мужчинах.

Производство из шерсти в основном сводилось к выработке кошем. Художественная обработка кошем велась различным путем. Наиболее простой способ — вваливание узора. По полуготовому войлоку выкладывался из окрашенной шерсти нужный рисунок, который при дальнейшей обработке оказывался вваленным в кошму. Такие кошмы назывались текемет. Это был наиболее простой и быстрый способ получения художественной кошмы.

Другой способ сводился к аппликации. Узор вырезался из материи и затем нашивался на кошму (так называемый туз-кигиз).

Художественные кошмы получались также путем инкрустации из кошем, которая сводилась к сшиванию рисунка из кусков кошем, окрашенных в различные цвета. Такая инкрустация обычно нашивалась на кошменную тонкую подкладку. Эти кошмы назывались сырмак или сырдак. Контуры рисунка часто прошивались тесьмой, которая придавала рисунку резко выраженные очертания.

Кроме того, применялась вышивка кошем. Вышивка применялась и на материях — на подолах женских рубах и других предметах одежды, покрывалах и т. д. Вышивка делалась и на коже. В собрании Эрмитажа в Ленинграде хранится кожаный киргизский халат, покрытый художественной вышивкой. Среди деревьев вышиты изображения всадников, диких животных и птиц. Это киргизский халат середины XIX в., но при близости киргизского и казахского искусства более чем вероятны подобные же изделия и у казахов.

Близко к этому способу получения рисунка стоит прошивание кошем продольными разноцветными стежками, которое давало сравнительно однообразный рисунок спирали и меандра.

Помимо производства кошменных ковров в Казахстане довольно широкое распространение получили и тканые ковры, причем как нитки утка, так и основы, а равно и нити ворса применялись шерстяные. Лишь в восточных районах Казахстана применялись нити бумажные и шелковые, но и в этом случае нити ворса обычно делались шерстяными.

Нередко путем тканья делались полосы, стягивающие основу юрты и придававшие внутренности ее живописный красочный вид (так называемые бау).

Для завешивания входа в юрту иногда употреблялись цыновки, сделанные из сухих стеблей чия. Эти стебли переплетались в определенном порядке разноцветными нитями и после связывания их в цыновку давали полотнище с цветным узором.

Из цветов применялись черная расцветка, розовая, кирпично-красная, серовато-синяя, серо-зеленая, оранжевая и желтая. Основной чертой стиля казахских кошменных и ковровых изделий является следующее: между фоном и орнаментом по площади сохраняется равновесие, но в то же время окраска фона используется как элемент орнамента. Такое сочетание фона и орнамента придает ковровому изделию впечатление богатства и разнообразия ри-

сунка, несмотря на сравнительно бедную гамму красок: редко в одном и том же ковровом изделии используется больше четырех тонов. При этом рисунок располагается симметрично, обычно по вертикальной, а не горизонтальной оси.

Что касается мотивов орнамента, то они довольно многообразны. Их можно свести к пяти основным типам.

Орнаменты геометрические. К ним относится мотив «уш-куль» — мотив треугольника в трех цветах, «торт-куль», т. е. четырехугольник в четырех тонах, «жеты-куль» — семиугольник и т. д. Мотив круга реже применяется в казахском орнаменте.

Орнаменты растительные, например, «жапрак-куль» — мотив листочка, мотив ветви — «бустак», «селеу бас» — головка селеу (название растения), «бульдурган» — мотив ягоды.

Орнаменты космогонические, например, «жулдуз-куль», т. е. мотив звезды, «ай-муйыз» — изображение рога луны. Встречаются мотивы созвездий, например, «уркер-куль» — узор «плеяды».

Орнаменты животного происхождения, например, «кошкар-муйыз» — мотив бараньего рога, «боры-кулак» — ушки волка, «кус-тумсык» — клюв птицы и др.

Орнаменты пятой группы являются схематическими изображениями домашних предметов. Основным мотивом является так называемый бараний рог, далее идут фигурки животных типа собаки, птиц, цветы, растения. При этом рисунок крайне схематичен, и это часто затрудняет понимание тематической основы, а следовательно, и происхождение орнамента. Показаниям производителей ковровых изделий можно доверять далеко не всегда, так как эти показания обычно исходят из чисто внешнего сходства рисунка того или иного орнамента с окружающими предметами. Так, иногда мотив называется «кармак» (крючок), «ала-курт» (пестрый червяк), «кус-кек» (птичье небо), «оркеш» (горб) и т. д., где название орнамента исходит, очевидно, из внешних признаков сходства.

Трудность чтения казахского орнамента может быть иллюстрирована одним примером. Весьма распространенный мотив орнамента, так называемый бараний рог, имеющий вид спирали, напоминает спираль бараньего рога. Вероятно, этот мотив действительно продиктован в казахском орнаменте бараньим рогом. Но сравнение казахского орнамента с орнаментом персидских ковров позволяет сблизить этот

мотив с схематизированным изображением птиц в иранском орнаменте. Влияние мотивов иранского искусства действительно прослеживается в казахском орнаменте. Оно могло сюда проникнуть через посредство среднеазиатских ханств, как заимствования из Ирана или как форма орнамента, сохранившегося от искусства старинного иранского населения Средней Азии, но не в мотиве «бараньего рога», а в так называемом растительном орнаменте. В восточных районах Казахстана несомненно влияние китайского искусства.

Но было бы глубокой ошибкой, исходя из факта подобных заимствований, отрицать народный, местный характер казахского орнамента. Нельзя не согласиться с замечаниями знатока среднеазиатских ковровых изделий С. Дудина, когда он пишет, что «все эти позаимствования тонут, так сказать, в массе собственного, оригинально проработанного материала, составляющего, несомненно, исконное достояние рассматриваемых народностей».

Несомненно также, что многие мотивы уходят в глубокую древность и первоначально имели магический характер: это узоры-заклинания, узоры-талисманы. К таким мотивам относится украшение ковра восьмигранными розетками, разделенными пересекающимися под прямым углом линиями на четыре части, в каждой из которых помещено схематизированное изображение животного. К таким изображениям относится, например, лапа беркута, верблюжий след, стилизованное изображение степного пейзажа и др. Подобные мотивы повторяются и в искусстве других среднеазиатских народностей и в искусстве Монголии.

Сходство многих мотивов следует объяснить не заимствованием, а сходством производственных условий и примитивностью представлений, сводящих реальность явлений к схематичной примитивности их изображений. Многие из этих мотивов уходят своим происхождением в далекий доказахский период родового строя на территории Казахстана. Задача искусствоведов Казахстана — более детально выяснить происхождение отдельных мотивов казахского орнамента.

Орнамент встречается не только на ковровых изделиях, но и на керамических, а также на камне и металле.

Резьба на камне в основном применялась на могильных памятниках. Материалом служил обычно белый известковый камень, из которого примитивными орудиями вытесывался четырехугольный столб, достигающий в высоту до

двух метров. Стороны этого столба покрывались резьбой, производившейся посредством выбивания на камне долотом рисунка. Резьба носит плоский характер. Орнамент исключительно богат и разнообразен. Композиция рисунка порой отличается высоким совершенством.

Как правило, плоский рельефный узор раскрашивался в разнообразные тона.

Широкое распространение у казахов имела резьба по дереву. Делались резные сундуки, кровати, изголовья к ним, створки дверей юрты, резные столики. Резьба применялась для украшений луки седел, музыкальных инструментов. Как и резьба по камню, резьба по дереву нередко раскрашивалась. Широкое распространение имела и резьба по кости, в которой орнамент значительно проще, чем в резьбе по дереву и по камню: преобладающими являются простейшие геометрические фигуры. Резьба по кости носила нередко ажурный характер. Костяные пластинки набивались на кровати, столики, музыкальные инструменты, подставки для кумыса и т. д.

Номенклатура художественных изделий по металлу очень богата. Производили женские украшения — серьги, кольца, браслеты, застежки, нагрудники; различные украшения для сбруи верховой лошади; наконечники ремней, мужские пояса. Орнамент женских украшений составлялся обычно из простых геометрических фигур — прямых линий, треугольников, кружков, спиралей и т. д., которые симметрично накладывались на поверхность украшаемого предмета. Резьба по металлу в производстве женских украшений применялась мало, но она являлась основным способом украшений конской сбруи.

Памятников собственно изобразительного искусства казахов сохранилось очень немного. Остановимся лишь на относительно хорошо обследованной росписи ряда мазаров (мавзолеев), расположенных в южных районах Казахстана — близ Джамбула и Мерке. Эти мазары и их роспись обследованы и сфотографированы экспедицией под руководством А. Н. Бернштама в 1936 г. Два мазара построены в середине XIX в., вероятно, в 60-х годах, третий построен в 1903 г.

Остановимся на описании первых двух — мазаре Джантая и Ак-тепе. По архитектуре они схожи. Оба имеют вид квадрата, покрытого параболоидным куполом на парусах. Общая высота мазара Джантая — 6,5 метра. Наличие параболоидного купола придает внутренности мазара вид

внутренности юрты. Содержание росписи обоих мазаров связано с древними анимистическими представлениями казахов. По этим, еще домусульманским верованиям душа человека продолжает за гробом свое существование и должна быть снабжена всем необходимым, что требовалось человеку при его жизни.

В росписях мазаров встречаются, помимо предметов домашнего обихода (сапоги, орнаментированные войлоки, кожаные фляги и т. д.), изображения вооружения: круглый щит, плеть, сабля, боевой топор. Встречаются также изображения предметов, употреблявшихся для ловли лошадей из табунов.

В мазаре Ак-тепе, кроме этих изображений, верх купола украшен орнаментированным кругом — очевидно, подражание кошме, которой задергивалось отверстие в юрте в холодное время, когда очаг переставал топиться; края стен в том месте, где стены соприкасаются с куполом, украшены двумя орнаментированными поясами; от нижнего края верхнего пояса спускается богатая бахрома. Рисунок поясов воспроизводит орнамент казахских ковровых изделий. Несомненно, что эти пояса — подражание тем тканым полосам (бау), которые стягивали деревянный каркас юрты. Под нижним поясом изображены сцены из охоты и военного быта казахов: охотника на горных козлов, охотника, бросающего в зверя боевой топор, и т. д. Из батальных сцен одна изображает перестрелку двух всадников; другая — отряд из четырех человек, один из которых изображен падающим с лошади.

Аналогично украшение мазара Джантая, по преданию, богатого бая; но в мазаре Джантая батальные сцены заменены изображением картин мирного быта. На одной стене изображено девять жеребят, привязанных к длинному аркану, и приближающийся к ним мужчина с чайником и арканом в руках. На другой стене изображена перекочевка — движущийся караван. Рисунок примитивен, перспектива отсутствует. Предметы изображаются рядами, одинакового размера, они никогда не заслоняют друг друга, фигуры обычно, но не всегда, изображаются в профиль. Нередко, особенно в изображении животных, наблюдается непропорциональное удлинение ног и шеи. Изображения даны в красках, но цвет рисунка часто не соответствует естественной окраске, например, лошади, собаки нарисованы синей краской, козлы — зеленой.

Вход в мазар Ак-тепе украшен высоким деревом. В мазаре Джантая деревья изображены в парусных нишах. Этот мотив объясняется существовавшим у казахов поверьем: могила, на которой вырастало дерево, считалась особо почитаемой.

Архитектура мазаров — единственный памятник казахской архитектуры — уходит своими формами к архитектурным памятникам Средней Азии. Сюжеты изображений взяты из кочевой жизни. Орнамент росписей аналогичен орнаменту казахских ковровых изделий и казахской вышивки.

Что касается скульптуры, то эта отрасль искусства у казахов до наших дней остается совершенно неисследованной. Отрывочные упоминания о наличии у казахов скульптурных изображений идолов, которым, якобы, поклонялись казахи, — сомнительны. Всего вероятнее, что скульптурные изображения, балбалы, находимые в Казахстане, — изображения убитых врагов, которые ставились на могилах воинов и возникновение которых относится еще к древнейшему, домусульманскому прошлому племен Казахстана.

Крайне слабое развитие изобразительного искусства у казахов не случайно. Это явилось следствием влияния мусульманства, запрещавшего, как известно, изображения людей и предметов.

НАЧАЛО ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Крупнейшим фактом в культуре Казахстана середины XIX в. является развитие письменной литературы. Наиболее видные представители казахской письменной литературы получили образование в так называемых русско-киргизских школах: Ибрай Алтынсарин (1841—1889 гг.), Шангирей (1850—1921 гг.) и, наконец, величайший поэт казахского народа, казахский Пушкин, как его нередко называют, Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.). Но творчество этих поэтов падает в основном на последние десятилетия XIX в., и поэтому оно будет освещено во втором томе настоящей книги. Здесь же отметим лишь, что творчество такого великана казахской поэзии, каким был Абай Кунанбаев, не сможет быть понято, если не будет отмечен факт проникновения русской культуры в степи Казахстана.

В Казахстан проникал не только русский царизм с его аппаратом угнетения, но медленно, отрывочно, нередко пройдя ряд рогаток, проникала и русская культура. Отдельные пред-

ставители казахов знакомились с образцами русской литературы — частично через школу, как тщательно ни подбирались литературные образцы в школьном преподавании, частью через политических ссыльных, а больше — научившись русскому языку — путем самообразования. Абай Кунанбаев знал не только русскую литературу (часть произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Толстого он перевел на казахский язык), но и литературу западноевропейскую и восточную. Это позволило ему вывести казахскую литературу из национальной замкнутости, обогатить ее новыми мотивами и новыми литературными формами.

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

С проникновением в казахское общество русских культурных влияний связано и творчество первого ученого-казаха, Чокана Валиханова, внука последнего хана Средней Орды, Вали Аблайханова. Чокан Валиханов родился в 1835 или в 1837 г. (точно год рождения не известен). В 1847 г. он поступил в Сибирский кадетский корпус в г. Омске — одно из лучших в то время средних учебных заведений Сибири. В корпусе большое внимание уделялось преподаванию исторических и географических дисциплин.

То, что не мог дать кадетский корпус, восполнялось чтением. Чокан увлекался чтением путешественников XVIII в. — Палласа, Н. Рычкова и др. В переводах он любил читать и английскую литературу — Диккенса, Теккерея. Из русских писателей кадеты читали Пушкина, Гоголя, Лермонтова.

В корпусе Чокан пробыл пять лет и был выпущен на год раньше своих товарищей — администрация корпуса нашла «неудобным» оставлять Чокана в корпусе на последний год, когда читались специальные военные дисциплины, как «инородца».

Несомненно, что в годы пребывания в корпусе у Чокана пробудился интерес к географическим и историческим исследованиям. В 1858—1859 гг. он получил ответственную командировку в Кашгар. Проник он туда под именем Алима, сына одного киргизского купца, приезжавшего в Семипалатинск лет 20 назад и затем уехавшего в Саратов. Поездка прошла для Чокана благополучно — он собрал исключительно ценные исторические и географические сведения о Кашгаре.

В 1860 г. Чокан получил командировку в Петербург и был прикомандирован к Азиатскому комитету. Здесь же он, правда нерегулярно, слушал лекции известного историка Костомарова. В Петербурге Чокан значительно подорвал свое здоровье; у него начал развиваться туберкулез.

Из Петербурга Чокан возвратился в Омск и в 1865 г. имел намерение принять участие в экспедиции генерала Черняева против Ташкента. Те насилия, которым подвергалось казахское население от царских войск, потрясли Чокана. Он покинул экспедицию и возвратился в аул своего отца. В том же году он женился на дочери одного из султанов. Прогрессировавшая болезнь очень скоро, в 1866 г., свела Чокана в могилу. Он был похоронен в степи.

Главные научные работы Чокана Валиханова связаны с его поездкой в Кашгар. Это: «О состоянии Алтышаара или шести восточных городов провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг.», «Очерки Джунгарии».

Большой научный интерес представляет выписка из отчета Чокана о поездке в Кашгар. Эта работа обнаруживает в Чокане талантливого исследователя.

Работы Валиханова по истории Восточного Туркестана являются классическими исследованиями этого края и до сих пор не потеряли своей научной ценности.

Крупное место в работах Ч. Валиханова занимают очерки по истории и этнографии казахов. Исключительно ценными являются такие работы, как «Аблай», «Киргизское родословие». Его исследования: «Следы шаманства у киргизов», «Заметка о шаманстве (тенкри)» являются важнейшим источником для изучения древних верований казахов.

Новатором явился Ч. Валиханов и в области изучения казахского фольклора и быта. Сюда относятся такие его работы, не потерявшие своего значения до наших дней, как «Идыге», «Предания и легенды Большой Киргиз-Кайсацкой орды» и др.

Валиханов — первый ученый из казахов — исключительно яркое явление в культурной жизни Казахстана. Он, действительно, являлся представителем передовой науки своего времени и проложил новые пути в изучении Востока. Творчество Валиханова принадлежит не только казахской, но и мировой, общечеловеческой культуре.

В своих работах Чокан Валиханов выступает как крупный исследователь, историк, географ, этнограф и выдающийся знаток казахского народного творчества.

Интерес и любовь Чокана Валиханова к русской культуре, его служба в качестве офицера породили настороженное отношение к нему. Валиханова обвиняли чуть ли не в руссификаторстве. Такое обвинение глубоко несправедливо. Ч. Валиханов любил свой народ. Он говорил своему однокурснику Г. Н. Потанину: «Когда русские бьют киргизов, я восстаю против русских; когда французы бьют русских, сердце мое на стороне русских». Тот же Потанин в своих воспоминаниях рассказывает, как Ч. Валиханов неоднократно говорил, что прежде всего он любит свой казахский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество. Что слова Чокана были искренни, — показывает его разрыв с Черняевым во время экспедиции 1865 г. к Ташкенту.

Эта любовь к народу отразилась и на социальных взглядах Ч. Валиханова. Он довольно ясно сознавал противоположность интересов народных масс и казахской знати. В своей «Записке о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства» он писал: «На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают, большею частью, враждебны интересам массы, большинства». Очень ясно Валиханов сознавал и связь казахской знати с царскими колонизаторами. В другом месте той же «Записки» Чокан писал: «Почетные киргизцы — не чиновники были на все согласны, ибо для них, для будущих кандидатов на все эти должности, того и нужно было, чтобы степные власти не мешали друг другу эксплоатировать простой народ».

Любовь к народу заставляла Ч. Валиханова резко реагировать на аристократическое пренебрежение к народным массам, в том числе и к русским. Характерен в этом отношении рассказ Г. Потанина: «Однажды на майском параде стоявший около него (Ч. Валиханова) какой-то молодой князь, которого толкнул какой-то серый кафтан, сказал: «Что это не почистят публику!» Чокан быстро заметил ему: «А вы читали, как Разин чистил публику?»

Не об обрусении казахского народа думал Валиханов, — он лишь хотел ввести в культуру своего народа то лучшее, что он сам воспринял в русской культуре.

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин», [1] — писал тов. Сталин в 1920 г.

Иначе относились к казахскому народу лучшие представители русской интеллигенции. Сосланный солдатом в Орск Шевченко в составе экспедиции Бутакова в 1848 г. побывал в районе Аральского моря. В 1850 г. он был сослан в Новопетровский форт. Шевченко оставил много зарисовок не только природы Казахстана, но и быта казахского народа. В своих рисунках Шевченко отразил быт казахской бедноты. Вот полунагой мальчик в войлочной шляпе играет с котенком. На другом рисунке изображен казах-бедняк верхом на коне. Нищету казахских народных масс Шевченко отразил и в своих стихах:

«Погуляйте у киргизов
На степном раздолье.
Хоть они бедуют лихо,
Но зато на воле».

Понимал Шевченко, что и казахскому народу царизм несет неволю:

«Здесь спокон века и доныне
От нас таился край пустынной;
А мы нашли таки его
И в нем уже твердыни строим,
А скоро и могил нароем,
Всего наделаем, всего».

Хищную политику российского царизма, которая в середине XIX в. далеко еще не проявилась полностью, — земельные захваты получили широкое развитие позже, в конце XIX — начале XX в., — разоблачал Герцен в «Колоколе». В связи с восстанием Исета Котибарова «Колокол» писал: «Жаль, что она (Аугсбургская газета. — *М. В.*) не сообщила страшной истории, почему Исет Кутебаров

[1] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 81—82.

откочевал к Хиве. Со времен ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузмина и майора Дерышева».

Известно, какое большое влияние на Абая оказало общение в Семипалатинске с сосланными петрашевцами. Именно это общение воспитало в Абае любовь к русской культуре. То же самое следует отметить о Ч. Валиханове. Общение с политическим ссыльным Дуровым в Омске помогло ему познакомиться с прогрессивной революционной Россией.

Там же, в Омске, Ч. Валиханов столкнулся с рядом талантливых преподавателей. Русский язык и словесность он слушал у Н. Костелецкого, большого поклонника Гоголя и Белинского. Историю преподавал Гонсевский, учившийся в закрытом впоследствии царским правительством Виленском университете. Гонсевский подробно познакомил своих слушателей с историей буржуазной французской революции, он следил за новой исторической литературой и умел привить своим слушателям интерес к историческим вопросам.

Несомненно, талантливые люди, имена которых до нас не дошли, встречались и в среде преподавателей русско-киргизских школ, которые царское правительство основывало для подготовки низших административных кадров из среды казахского населения. Несомненно, через официальную систему образования пробивались нелегально и прогрессивные тенденции, как это имело место и в русских народных школах.

Знакомство с русским языком через тесное общение с русским населением и знакомство с русской письменностью в школах открывало для казахов возможность знакомства с русской литературой и путем чтения.

Не нужно переоценивать эти влияния: они проникали в сравнительно небольшой слой казахского народа, по преимуществу в среду казахской знати. Несмотря на это, значение такого влияния в жизни казахского народа было велико. Через общение с русской культурой создавалась своя казахская интеллигенция. Не все представители этой зарождающейся интеллигенции близко стояли к трудящимся массам. Классовая принадлежность значительной части казахской интеллигенции создавала условия для формирования в Казахстане буржуазно-националистических кадров.

Сравнительно немногие представители казахской интел-

лигенции возвысились над ограниченными интересами своего класса. Но эти немногие, такие, как Абай Кунанбаев, Валиханов, верно разглядели за официальной чиновничьей Россией другую Россию — Пушкина, Толстого, Россию революционную.

И если лучшие представители передовой русской культуры умели близко подойти к пониманию нужд и жизни казахского народа, то лучшие представители зарождающейся казахской интеллигенции правильно поняли великое общечеловеческое значение русской культуры, любили эту культуру и стремились передать ее казахскому народу.

Как ни незначительно было в середине XIX в. влияние русской культуры на жизнь народных масс казахов, — в этом влиянии скрывались первые ростки культурного сближения казахского и русского народов.

ХРОНОЛОГИЯ

11 в. до н. э. Первые сведения об усунях и канглы
55 г. до н. э. Начало движения гуннов в районы современного Казахстана
Начало IV в. н. э. Покорение усуньских земель сяньбийцами
558 г. Образование Тюркского каганата
588 г. Распад Тюркского каганата на Западный и Восточный
30-ые годы VII в. Образование 10 «стрел» в Западном каганате
704 г. Убийство последнего кагана Сина. Переход господства к тюргешам
Начало VIII в. Завоевание Средней Азии арабами
751 г. Победа арабов над китайскими войсками на р. Таласе
40—50 гг. VIII в. — 840 г. Уйгурское ханство
874—999 г. Господство Саманидов в Средней Азии
X в. Начало распространения ислама среди тюркских племен
999 г. Установление господства Караханидов в Средней Азии
1102 г. Победа сельджукского султана Синджара над Кадыр-ханом. Упадок государства Караханидов
1141 г. Поражение Синджара в борьбе с кара-китаями. Установление господства кара-китаев в южных районах Казахстана и в Средней Азии
1209 г. Появление в Семиречье найманов
1212 г. Упадок господства кара-китаев
1219 г. — 1221 г. Завоевание Средней Азии Чингиз-ханом
1312—1340 г. Правление в Золотой Орде Узбека
1370—1405 г. Правление Тимура
1380—1395 г. Правление Тохтамыша
1395 г. Разрушение Сарая-Берке Тимуром
Середина XIV в. Образование Моголистана
Конец XIV в. Образование Ногайской Орды
Начало XV в. Образование Узбекского Союза
1428—1468 г. Правление в Узбекском Союзе хана Абулхаира
Ок. 1465 г. Образование особого владения казахских султанов Жанибека и Гирея в районе р. Чу
1509—1510 г. Поход узбекских ханов в Казахские степи
1510 г. Гибель Мухаммед Шейбани хана под Мервом
Между 1518—1523 г. Смерть хана Касима
1525—1526 г. Восстание казахов против Тагира
50-ые годы XVI в. Возрождение Казахского союза при хане Хакк-Назаре
1560 г. Поражение Хакк-Назара в Моголистане. Перенесение центра Казахских владений на запад
1557—1598 г. Правление в Средней Азии Абдуллы II

1579—1582 г. Борьба казахов с Баба султаном
1580 г. Смерть Хакк-Назара
1580—1582 г. Правление Шигая
1582—1598 г. Правление Тевеккеля
1598 г. Завоевание Тевеккелем Ташкента, Туркестана и ряда других городов Средней Азии
Конец XVI в.—XVII в. Образование трех Казахских Орд
1618 г. Переселение торгоутов к низовьям Урала
1628 г. Убийство хана Турсуна. Объединение казахских владений
Между 1628—1643 г. Смерть хана Ишима
С 30-х годов XVII в. Усиление борьбы между казахами и Ойротским союзом (Джунгарией)
С 1684 г. Укрепление ойротов в Семиречье
1680—1718 г. Правление Тауке
1698—1727 г. Правление в Джунгарии Цеван Рабтана
1716 г. Основание Омска
1718 г. Просьба о подданстве хана Тауке правительству Петра I
1723 г. Разгром казахов джунгарами
1727—1746 г. Правление в Джунгарии Голдан Церена
1730 г. Обращение хана Абулхаира с просьбой о принятии в русское подданство
1731—1732 г. «Комиссия» А. И. Тевкелева к хану Абулхаиру
1735 г. Основание Оренбурга (Орска). Начало военной колонизации западного Казахстана
1738 г. Попытки Абулхаира учредить в Башкирии ханом его сына Хожа Ахмета
1740 г. Попытка Абулхаира занять престол в Хиве
1740 г. Завоевание Бухары и Хивы шахом Надиром
1741 г. Правление Нур-Али в Хиве
1741—1742 г. Разгром Джунгарией Средней Орды. Средняя Орда под протекторатом Джунгарии
1744 г. Учреждение Оренбургской губернии
1746—1756 г. Правление Каипа в Хиве
1748 г. Убийство хана Абулхаира
1748—1786 г. Правление хана Нур-Али в Малой Орде
1751 г. Смерть султана Барака
1755 г. Восстание в Башкирии. Попытки башкир соединиться с казахами для совместной борьбы с царизмом
1756 г. Запрещение перекочевок казахов на «внутреннюю сторону»
1758 г. Разгром Китаем Джунгарии
1771 г. Бегство калмыков из России
1771—1781 г. Правление Аблая в Средней Орде как хана
1774—1775 г. Массовое участие казахов в движении Пугачева
1781—1819 г. Правление хана Вали
1783—1797 г. Движение батыра Срыма
1786 г. Упразднение ханской власти в Младшей Орде
1789 г. Смерть хана Каипа
1791 г. Восстановление ханской власти в Младшей Орде
1797 г. Убийство хана Ишима
1797 г. Учреждение Ханского совета
1797—1805 г. Правление Айчувака в Малой Орде
1798 г. Подчинение Старшей Орды ташкентскому владельцу Юнус ходже
1801 г. Указ Павла I об учреждении Букеевской Орды

1802 г. Смерть батыра Срыма
1804—1845 г. Махамбет Утемисов
1805—1809 г. Правление Жан Торе в Малой Орде
1806—1816 г. Движение султана Каратая
1806—1825 г. Правление в Хиве Мухаммед Рахима
1808 г. Занятие Ташкента ханом Коканда Алимом. Закрепление власти Коканда над Старшей Ордой
1811 г. Основание Ново-илецкой линии
1812 г. Утверждение Ширгазы ханом Младшей Орды и Букея ханом Букеевской Орды
1815—1821 г. Борьба Арынгазы с агрессией Хивинского ханства
1815 г. Утверждение султана Букея Баракова вторым ханом Средней Орды
1814 г. Захват Кокандом Туркестана
1817 г. Основание Кокандом Ак-Мечети
1819 г. Уход части казахов Букеевской Орды обратно за Урал
1821 г. Задержание Арынгазы в России
1821 г. Восстание в Старшей Орде против Коканда
1822 г. Признание родом Шекты подданства Хиве
1822 г. Начало движения Тиленши
1822 г. «Устав о сибирских киргизцах». Упразднение ханской власти в Средней Орде
1824 г. Упразднение ханской власти в Младшей Орде. Раздел Младшей Орды на три части
1824 г. Начало подданства Старшей Орды России
1824—1838 г. Открытие внешних округов в Средней Орде
1824—1845 г. Ханство Джангира в Букеевской Орде
1827 и 1829 г. Движение казахов Букеевской Орды под руководством султана Каип-Галия
1831 г. Учреждение «пограничных дистанций» в Младшей Орде
1835 г. Основание так называемой Новой линии
1835/37—1866 г. Ч. Ч. Валиханов
1836—1838 г. Восстание Исетая Тайманова
1837 г. Введение кибиточного сбора
1837—1847 г. Восстание Кенисары Касимова
1839—1840 г. Первый Хивинский поход Перовского
1840 г. Основание укрепления Ново-Александровского на Мангышлаке
1844 г. Новое «положение» об управлении Младшей Ордой
1845 г. Основание Оренбургского и Уральского укреплений
1845 г. Принятие Старшей Ордой русского подданства
1845—1904 г. Абай Кунанбаев
1846 г. Рождение Джамбула Джабаева
1846 г. Начало организации русско-киргизских школ
1847 г. Распространение дистанционной системы управления на всю Младшую Орду
1845—1850 г. Борьба Жан Хожи с агрессией Хивы и Коканда
1852—1858 г. Движение Исета Котибарова
1853 г. Взятие русскими войсками Ак-Мечети
1854 г. Образование Сыр-дарьинской линии
1854 г. Основание укрепления Верного
1856 г. Восстание Жан Хожи против России
1857 г. Восстание в Старшей Орде против Коканда
1860 г. Взятие русскими войсками Токмака и Пишпека
1862 г. Отмена стеснений к переходу казахов к земледелию

1864 г. Взятие русскими войсками Аулие-Ата, Туркестана и Чимкента
1865 г. Падение Ташкента
1868 г. Упразднение Оренбургской таможенной линии
1868 г. 21 окт. «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского ген.-губернаторств»
1869 г. Восстание в Тургайской и Уральской областях
1870 г. Восстание на Мангышлакском полуострове

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. Классики марксизма-ленинизма [1]

Маркс К., Вынужденная эмиграция, Сочинения, т. IX, стр. 278—279.
Его же, К критике политической экономии, Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 7.
Его же, Формы, предшествующие капиталистическому производству, журнал «Пролетарская Революция», 1939, № 3.
Его же, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 215—232; т. VI, стр. 169—171; т. VII, стр. 200—209.
Его же, Капитал, т. I, Сочинения, т. XVII, стр. 260.
Маркс К. и *Энгельс Ф.*, Переписка, Сочинения, т. XXI, стр. 488—497, 501; т. XXVI, стр. 41—43.
Энгельс Ф., Англия и Россия в Афганистане, Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 132—138.
Его же, Анти-Дюринг, Сочинения, т. XIV, стр. 183—184.
Его же, Внешняя политика русского царизма, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 3—40.
Его же, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Сочинения, т. XVI, ч. I.
Его же, Россия в Средней Азии, Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 363—367.
Его же, Успехи России на Дальнем Востоке, Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 372.
Его же, К истории древних германцев, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 346—351.
Его же, Марка, Сочинения, т. XV, стр. 627—645.
Ленин В., Аграрный вопрос в России к концу XIX в., Сочинения, т. XII, стр. 225—226.
Его же, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов, Сочинения, т. XI, стр. 360.
Его же, Значение переселенческого дела, Сочинения, т. XVI, стр. 373—377.
Его же, Развитие капитализма в России, Сочинения, т. III, стр. 139—141 и 437—441.
Его же, Национально-колониальный вопрос, Партиздат, М. 1933.
Его же, Роль сословий и классов в освободительном движении, Сочинения, т. XVI, стр. 575—577.
Сталин И., Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1939.

---

[1] Здесь мы приводим главнейшие высказывания классиков марксизма-ленинизма, относящиеся к казахам и быту кочевых народов, а также ряд высказываний, непосредственно не относящихся к кочевому обществу, но имеющих большое методологическое значение для изучения общественного строя и освободительных движений как оседлых, так и кочевых народов.

Его же, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Партиздат, 1933.
ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, Партиздат, 1936, стр. 215—216.
Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР.
Сталин И., Жданов А., Киров С., Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР, сб. «К изучению истории».
Ленинский сборник XXX.
История ВКП(б), Краткий курс, стр. 119, 246, 251—252.

II. Источники

Обзор источников дан во введении. Характер источников носят сочинения Рычкова П. И. и Рычкова Н. П., а также Палласа, Георги, Фалька и Бичурина, поэтому их работы мы в указателе литературы не приводим.

III. Литература

Глава I

Кастанье И., Древности Киргизской степи и Оренб. края, «Труды Оренб. Учен. Арх. ком.», Оренб. 1910, в. XXII.
Бартольд В., История культурной жизни Туркестана, Л. 1927.
Грязнов М., Пазырыкский курган, Л. 1937.
Его же, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, сб. «Казахи», Л. 1927.
Его же, Казахстанский очаг бронзовой культуры, сб. «Казахи», Л. 1930.
Бернштам А. и *Кричевский Е.*, К вопросу о закономерности в развитии архаической формации, «Изв. ГАИМК», 1932, т. XIII, в. III.
Граков Б., Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Казиздат 1930.
Рыков П., Очерки по истории Нижнего Поволжья, Саратов, 1936.
Его же, Die chvalynsk. Kultur der Bronsezeit an der Untern Wolga, Pokrovsk 1928.
Эйхвальд Э., О чудских копях, «Труды Вост. отд. Арх. общ.», ч. III.
Баженов, Средняя Азия в древний период, Ташкент 1937.
Воеводский М., Грязнов М., Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, «Вестник древней истории», 1938, № 2.
Тереножкин А., К историко-археологическому изучению Казахстана и Средней Азии, «Вестник древней истории», 1938, № 1.
Его же, Археологические разведки по р. Чу в 1929 г., «Проблемы истории докапит. обществ», 1935, № 5—6.
Толстов С., Основные вопросы древнейшей истории Средней Азии, «Вестник древней истории», 1938, № 1.
Марущенко А., У истоков культуры, Следы протонеолитических стоянок в Кара-кумах, «Туркменоведение», 1931, № 7—9.
Руденко С., К палеоантропологии Южного Алтая, сб. «Казахи», Л. 1930.
Krivtsov-Grakov O., «Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la region du haut Tobol»; Eurasia Septentrionalis Antiqua, IV.
Chavannes Ed., Documents sur les Tou-Kine (turcs) occidentaux. SPB. 1903.

Главы II и III

Бартольд В., Очерк истории Семиречья, «Памятная книжка Семиреч. статист. комитета», 1898, вып. 2, г. Верный.
Его же, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб. 1900, ч. 1 и 2.
Его же, История Туркестана, Ташкент 1923.
Его же, История культурной жизни Туркестана, Л. 1927.
Его же, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, «Записки Вост. отд. Арх. общ.», 1893, т. VIII, в. 1—2.
Его же, История турецко-монгольских народов, Ташкент 1928.
Его же, Отчет о поездке в Туркестан с научной целью 1893—1894 гг., СПб. 1897.
Его же, Туркмения, Л. 1929.
Его же, Улуг-бек и его время, Петроград 1918.
Его же, Худуд-ал-алем, Рукопись Туманского (Введение), Л. 1930.
Бернштам А., Социально-экономический строй древнетурецкого обва VI—VIII вв. (Тезисы кандидатской диссертации), Л. 1935.
Его же, Древности Таласской долины (печатается).
Его же, Археологические работы в Казахстане и Киргизии, «Вестник древней истории», 1939, № 4.
Его же, К истории топографии Чуйской долины, там же, 1940, № 2.
Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, СПб. 1884, т. I; т. II (печатается).
Греков Б. и *Якубовский А.*, Золотая Орда, Л. 1937.
Якубовский А., Развалины Ургенча, Л. 1930.
Его же, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории народов СССР, изд. Ин-та ист. Ак. Наук, 1933, в. III.
Его же, К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Серая Берке. «Изв. ГАИМК», т. VIII.
Его же, Столица Золотой Орды — Сарай Берке, Л. 1932.
Чулошников А., Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, Оренбург 1924, ч. I.
Лерх П., Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб. 1870.
Толстов С., Генезис феодализма в скотоводческих обществах, «Изв. ГАИМК», 1934, в. 103.
Его же, Основные вопросы древней истории Средней Азии, «Вестник древней истории», 1938, № 1.
Его же, К истории древне-тюркской социальной терминологии, «Вестник древней истории», 1938, № 1.
Его же, Восстание Абруя, «Историч. записки» № 2.
Аристов Н., Печенеги, половцы и тюрки до нашествия татар, Киев 1884.
Бронников Н., Кангюй канглы или кан и юечжи, «Записки Моск. арх. инст.», Москва 1914, т. XXXV.
Березин И., Внутреннее устройство Золотой Орды, журнал МНПр., ч. XVIII, 1850.
Веселовский Н., Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего, СПб. 1877.
Вамбери Г., Das Türkenvolk, Лейпциг 1885.
Григорьев В., История монголов от древнейших времен до Тамерлана, СПб. 1834.
Ohsson, Histoire des Mongols depuis Tchinguis-Khan jusqu'à Timour

Beg ou Tamerlan, 1834—5 г. (первый том переведен на русский язык: К. Д'Оссон, История монголов, Иркутск 1937, т. I).
Радлов В., К вопросу об уйгурах, Приложение к XXII тому «Записок Ак. Наук», СПб. 1896.
Его же, Сибирские древности, СПб. 1894, т. I; СПб. 1902, т. II.
Его же, Aus Sibirien, Лейпциг 1884.
Его же, Предварительный отчет о результатах снаряженной Ак. Наук экспедиции для археологического исследования р. Орхона, СПб. 1892.
Ошанин Л., Некоторые дополнительные данные о гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен, Ташкент 1928.
Иностранцев К., Хунну и гунны, Л. 1926.
Horworth H., History of the Mongols, London 1876.

Глава IV

Аристов Н., Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов, «Живая старина», 1894, в. III—IV.
Его же, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», 1896, в. III—IV.
Бартольд В., Очерк истории Семиречья, «Памятная книжка Семиреч. статист. комитета», 1898, в. 2.
Его же, Отчет о командировке в Туркестан, «Записки Вост. отд. имп. Арх. общ.», СПб. 1904, т. XV, в. II—III.
Его же, История культурной жизни Туркестана, Л. 1927.
Его же, Историч. изучение Востока в Европе и России, Л. 1925.
Валиханов Ч. Ч., Киргизское родословие, Сочинения, СПб. 1904.
Его же, Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой Орды, там же.
Его же, Вооружение киргизов в древние времена и их военные доспехи, там же.
Вельяминов-Зернов В. В., Исследование о касимовских царях и царевичах, СПб. 1864, ч. II.
Румянцев П. П., Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб. 1910.
Чулошников А., Вопрос о происхождении киргизской (казахской) народности в историч. науке и народные казахские предания как источник дальнейшего его освещения, «Труды об-ва изучения Киргизского края», Оренб. 1924, в. V.
Его же, Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, Оренб. 1924, ч. I.
Вяткин М., К истории образования Казахского государства, «Большевик Казахстана» 1941, № 2.
Иванов П. П., Очерк истории кара-калпаков, Материалы по истории кара-калпаков, М. — Л. 1935.

Глава V

Вельяминов-Зернов В. В., Исследование о касимовских царях и царевичах, СПб. 1864, ч. II.
Катанаев Г. Е., Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII—XVIII вв. «Записки Зап.-Сиб. отд. РГО», 1893, кн. XIV, в. I.

Чулошников А. П., Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, Оренб. 1924, ч. I.
Его же, Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв., Материалы по истории народов СССР, Л. 1933, в. III.
Валиханов Ч. Ч., Записка о судебной реформе киргиз Сибирского ведомства, Сочинения, СПб. 1904.
Гурлянд, Степное законодательство с древнейших времен по XVII ст., «Изв. общ. арх., ист. и этногр. при Казанск. ун-те», Казань, 1904, т. XX.
Макшеев А., Географические сведения книги Большого чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае, «Записки РГО» по отд. этнографии, СПб. 1880, т. VI.

Глава VI

Витевский В. Н., И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань 1897.
Добросмыслов А. И., Тургайская область, «Изв. Оренб. отд. РГО», в. 15.
Крафт И. И., Принятие киргизами русского подданства, «Из киргизской старины», Оренб. 1905.
Левшин А., Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей СПб. 1832, ч. I, II и III.
Лобысевич Ф. И., Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении, СПб. 1900. (Имеются сведения и о позднейшей истории казахов до средины XIX в.)
Попов Н., Татищев и его время, М. 1861.
Румянцев П. П., Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб. 1910.
Лебедев В., Из истории завоевания Казахстана царской Россией (1730—1732), «Борьба классов», 1936, № 10.

Глава VII

Бартольд В. В., История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л. 1925.
Вельяминов-Зернов В. В., Историч. известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией, Уфа 1853, т. I; Уфа 1855, т. II.
Витевский В. Н., И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань 1897.
Добросмыслов А. И., Тургайская область, «Изв. Оренб. отд. РГО», в. 16.
Левшин А., Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей, СПб. 1832, ч. I, и II и III.
Вяткин М., К истории распада Казахского союза, Материалы по истории Казахской ССР, М.—Л. 1941, т. II, ч. 2 (печатается).

Глава VIII

Валиханов Ч. Ч., Аблай, Сочинения, СПб. 1904.
Его же, Черновые заметки к статье «Аблай», там же.
Его же, Черновой набросок о грамотах китайских императоров, там же.

Вельяминов-Зернов В. В., Историч. известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией, Уфа 1855, т. II.
Григорьев В. В., Русская политика в отношении Средней Азии, Сб. госуд. знаний под ред. В. П. Безобразова, СПб., 1874, т. I.
Добросмыслов А. И., Тургайская область, «Изв. Оренб. отд. РГО», в. 16.
Левшин А., Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей, СПб. 1832., ч. I и II.
Румянцев П. П., Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб. 1910.
Вяткин М., Казахское общество в XVIII в. «Известия КФАН», серия историч., 1940, в. I.

Глава IX

Дмитриев-Мамонов А. И., Пугачевщина в Сибири, М. 1898.
Дубровин, Пугачев и его сообщники, СПб. 1884, т. 1 и 2.
Пушкин А. С., История Пугачевского бунта, изд. Ак. Наук, 1914, т. XI, ч. I и II.
Рычков П. И., Летопись (Осада Оренбурга), Приложения к т. XI Сочинений А. С. Пушкина, изд. Ак. Наук, 1914.
Рязанов А. Ф., Пугачевское восстание и хан Малой Орды Нур-Али, «Советская Киргизия», 1924, № 8—9.
Его же, Отголоски Пугачевского восстания в киргиз-кайсацкой Малой Орде, «Советская Киргизия», 1925, № 1.
Чулошников А. П., Казах-киргизская кочевая Орда и Пугачевщина, «Новый Восток», 1929, № 25.

Глава X

Добросмыслов А. И., Тургайская область, «Изв. Оренб. отд. РГО», в. 16.
Левшин А., Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей СПб. 1832, ч. II.
Рязанов А. Ф., Батыр Сырым Датов, «Советская Киргизия», 1924, № 10.
Его же, Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838), Кзыл-Орда 1926.
Терентьев М., История завоевания Средней Азии, СПб. 1906, т. I.
Вяткин М., Политич. кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII — начале XIX в., Материалы по истории Казахской ССР, М. — Л. 1940, т. IV.

Глава XI

Васильев В., Путешествие доктора Эверсмана в Бухару, «Труды Оренб. Учен. Арх. ком.», Оренб. 1905, в. XIV.
Добромыслов А. И., Тургайская область, «Изв. Оренб. отд. РГО», в. 17.
Зобнин Д. К., К вопросу о невольниках, рабах и толенгутах в Киргизской степи, «Памятная книжка» Семипал. обл. на 1902 г.
Левшин А., Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей, СПб., 1832, ч. I и II.
Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820. Paris 1826.
Погорельский И. и *Батраков В.*, Экономика кочевого аула Киргизстана, М. 1930.

Румянцев П. П., Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб. 1910.
Рязанов А. Ф., Султан Каратай Нуралиев, «Советский Казахстан», 1925, № 7—8.
Его же, Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838), Кзыл-Орда 1926, также в «Трудах об-ва изучения Казахстана», 1926, т. VII, ч. I.
Севастьянов С. Н., События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839—40, «Труды Оренб. Учен. Арх. ком.», Оренб. 1907, в. XVI.
Сейдалин, султан, О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая, «Записки Оренб. отд. РГО», 1870, в. I.
Самоквасов Д., Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава 1876 (данные относятся и к более раннему времени).
Бларамберг И., Военно-статистическое обозрение киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской Малой Орды Оренб. ведомства, Военно-статист. обзор Росс. империи, 1848, т. XIV, ч. 3.
Иванов П. П., Казахи и Кокандское ханство, «Записки Инст. Вост. Ак. Наук», 1939, т. VII.
Его же, Архив хивинских ханов, Л. 1939.
Вяткин М., Политич. кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII — начале XIX в., Материалы по истории Казахской ССР, М.—Л. 1940, т. IV.

Глава XII

Алектров А. Е., Очерки Внутрен. Киргиз. Орды, «Изв. Оренб. отд. РГО», Оренб. 1893, в. II; 1894, в. III.
Бларамберг И., Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды Оренб. ведомства, Военно-статист. обзор Росс. империи, 1848, т. XIV, ч. 3.
Ханыков Я. В., Очерк состояния Внутренней Киргизской Орды в 1841 г., «Записки РГО», СПб. 1847, кн. II.
Харузин А., Киргизы Букеевской Орды, в. I, М. 1889; в II, М. 1891.
Рязанов А., Восстание Исетая Тайманова (1896—1898), «Труды об-ва изучения Казахстана», Кзыл-Орда 1927, т. VIII, в. 4.
Сербаринов Г., Исетай Тайманов, «Труды об-ва изучения Киргизского края», 1924, т. V, в. 2.
Шахматов В., Земельные отношения во Внутренней (Букеевской) Орде в начале XIX в. «Известия КФАН», серия историч., вып. № 1, Алма-Ата, 1940.
Якунин А., Восстание Исатая Тайманова, «Исторический журнал», 1940, № 10.

Глава XIII

Добросмыслов А. И., Тургайская область, «Изв. Оренб. отд. РГО», в. 17—18.
Терентьев М., История завоевания Средней Азии, СПб. 1906, т. I.
Данилевский, Описание Хивинского ханства, Записки РГО, СПб. 1851, кн. V.
И (льинский) А., Кенисара и Науразбай, «Туркестанская газета», 1901, № 21.
Коншин И., Материалы для истории Степного края, «Записки Семипал. п/о Зап.-Сиб. отд. РГО», Семипалат. 1903, в. I.

Середа Н., Бунт киргизского султана Кенисары Касимова, «Вестник Европы», 1870, кн. VIII, IX; 1871, кн. VIII.
Смирнов Е., Султаны Кенисары и Садык, Ташкент 1889.
Черняев М., Султаны Кенисары и Садык, «Русский Вестник», 1889, кн. VIII.
Четыре месяца в Киргизской степи, «Журнал Воен.-уч. зав.», 1849, т. XXVII, №№ 310, 311, 312.
Стеблин-Каменская М. И., К истории движения Кенисары Касимова, «Ист. записки» № 13 (печатается).

Глава XIV

Добромыслов А. И., Тургайская область, «Изв. Оренб. отд. РГО», в. 19.
Красовский М., Область сибирских киргизов, СПб., 1868.
Крафт И. И., Уничтожение рабства в Киргизской степи, «Из кир-гиз. старины», Оренб. 1905.
Мейер Л., Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб. 1865. (Имеются краткие сведения и о более ранней истории казахов, начиная с XVI в.)
Небольсин П. И., Очерки торговли России со Средней Азией, «Записки РГО», 1855, кн. X.
Румянцев П. П., Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб. 1910.
Рязанов А. Ф., Прошлое Кзыл-Орды, «Советская Киргизия», 1925, № 5—6.
Сейдалин, султан, О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая, «Записки Оренб. отд. РГО», 1870, в. I.
Терентьев М., История завоевания Средней Азии, СПб, 1906, т. II.
Гродеков Н. К., Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области, Ташкент 1889, т. I. (Имеются данные и о более ранних юридических обычаях казахов.)
Крафт И. И., Судебная часть в Туркестанском крае и Степной области, Оренб. 1898. (Имеются сведения о юридическом быте и в более раннее время.)
Леонтьев А., Обычное право киргиз, «Юрид. Вестник», 1890, № 5—6.
Аничков И., Киргизский батырь Джанходжа Нурмухаммедов, «Изв. общ. арх., ист. и этногр. при Казанск. ун-те», 1894, т. XII, в. 3.
Рассказ о батыре Джанходже Нурмухаммедове, с пред. Н. Катанова, там же.
Веселовский Н., Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, СПб. 1894.
Иванов Н., Исторические миниатюры, «Труды Оренб. Учен. Арх. ком», 1911, в. XXIII.
Лобысевич, Ф., Киргизская степь Оренб. ведомства, М. 1891.
Рязанов А., Набеги хивинцев и туркмен на Киргизскую степь в 1848 г., «Труды об-ва изучения Киргизского края», 1924, т. V, в. 2.
Его же, Прошлое Кзыл-Орды, «Советская Киргизия», 1925, № 5—6.
Середа Н., Из истории волнений в Оренб. крае, «Русская мысль», 1891, №№ 7, 8, 10; 1892, № 8.
Тетеревников А. Н., Очерк внутр. торговли Киргиз. степи, СПб. 1867.
Юдин П., Адаевский бунт на полуострове Мангышлаке в 1870 г., «Русская Старина», 1894, кн. VII.

Юзефович, О быте киргизов Тургайской обл., «Русский Вестник», 1880, кн. IV.
Иванов П. П., Архив хивинских ханов, Л. 1940.
Шахматов Ф. и *Якунин А.,* Восстания в Казахстане 50 гг. XIX в. «Известия КФАН», серия историческая, № 1, Алма-Ата, 1940.
Наливкин П., Краткая история Кокандского ханства (О восстаниях казахов Старшей Орды против Коканда), Казань 1886.

Глава XV

Валиханов Ч. Ч., Следы шаманства у киргизов, Сочинения, СПб. 1904.
Его же, Тенкри, там же.
Левшин А., Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей, СПб. 1832, ч. III.
Аничков И., Памятники киргизского народного творчества, «Ученые записки Казанск. ун-та», 1936, кн. IV.
Бобаджанов, Заметки киргиза о киргизах, «Северная Пчела», 1861, № 4.
Васильев А., Образцы киргизской народной словесности, Оренб. 1898, в. I.
Песни киргиз-казахов, ГИЗ, М. — Л. 1932.
Потанин Г., В юрте последнего киргизского царевича, «Русское Богатство», 1896, № 8.
Радлов В., Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, СПб. 1870, ч. III (текст на казахском языке).
Сейдалин Т. и *Джантюрин С.,* Образцы киргизской поэзии, «Записки Оренб. отд. РГО», 1875, в. III.
«Песни степей», Л. 1940.
Ауэзов М. и *Соболев Л.,* Эпос и фольклор казахского народа, «Литературный Критик», 1939, кн. X—XI; 1940, кн. I.
Чепелев В., Об искусстве казахского народа (орнаментика), «Искусство», 1936, № 4.
Тереножкин А., Казахская фреска XIX в., «Искусство», 1938, № 2.
«Народный казахский орнамент», «Искусство», 1936.
Шнейдер Е., Казахская орнаментика, с б. «Казахи», Л. 1927.
Дудин, Киргизский орнамент, «Восток», 1925, кн. 5.
Карутц Р., Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке, перевод Е. Петри, СПб., изд. А. Ф. Девриена, год не указан.
Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. А. Боголюбовым, СПб. 1908, в. I и II.

IV. Библиографические указатели

Алектров А., Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах, Казань 1900.
Вознесенская Е., Пиотровский А., Матерьялы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и Среднеазиатских республик, «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран», Л. 1927.
Виткинд Н., Библиография Средней Азии, М. 1929.
Матерьялы для библиографии по истории Казахской ССР под ред. А. Ф. Якунина, изд. КФАН (печатается).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Введение. Обзор литературы и источников 5

Глава I. **Доклассовое общество на территории Казахстана**

Периодизация истории Казахстана 20
Палеолит в Казахстане 21
Микролит и неолит 22
Андроновская культура 23
Карасукская культура 26
Культура Алтая (VII в. до н. э. — I в. н. э.) 28
Отражение культуры Алтая в захоронениях Восточного Казахстана 30
Культура Западного Казахстана 32
Племена Южного Казахстана 32
Культура Семиречья 36

Глава II. **Племенные государства на территории Казахстана**

Гунны, усуни, канглы 40
Сянбийцы и юебань 42
Согдийская колонизация 43
Тюркский каганат 44
Тюргеши и карлуки 48
Уйгуры 50
Монархия саманидов 52
Кимаки 53
Огузы 53

Глава III. **Казахстан в эпоху формирования феодальных отношений (XI—XV вв.)**

Караханиды 54
Развитие феодальных отношений 55
Кара-китаи 56
Монголы 58
Тюркская кочевая община в период монгольских завоеваний . 62
Золотая Орда 65
Семиречье при джагатаях 70
Моголистан 71
Монархия Тимура 72
Узбеки 74
Ногайская Орда 75
Моголистан при тимуридах 75

Глава IV. **Древнейшие сведения о казахах и образование трех Орд**

Образование Казахского союза 76
Вопрос о времени возникновения казахской народности 78
Социально-экономические и политические условия обособления казахской народности 81
Политическая история казахов в первой половине XVI в. 87
Казахский союз во второй половине XVI в. 90
Сношения с Москвой 92
Сношения с Бухарой 92
Образование Казахских Орд 97

Глава V. **Казахский союз в XVII — начале XVIII в.**

Ойротский союз 102
Борьба с калмыками 104
Социально-экономический строй казахов в доколониальный период 108
«Законы Тауке» 116

Глава VI. **Начало российского подданства казахов**

Годы «великого бедствия» 120
Принятие российского подданства 123
Комиссия А. И. Тевкелева 1731—1732 гг. 124

Глава VII. **Казахстан при хане Абулхаире**

Первые колониальные мероприятия царизма 132
Хива и казахи в 40-х годах 141
Новое наступление джунгарского хун-тайчжи. Средняя Орда под протекторатом Джунгарии 142
Попытки Абулхаира восстановить единство Казахского союза . 145
Колониальная политика И. И. Неплюева 146
Разрыв Абулхаира с И. И. Неплюевым 148
«Комиссия» А. И. Тевкелева 1748 г. и убийство хана Абулхаира 150
Распад ханства Абулхаира 152

Глава VIII. **Младшая и Средняя Орды в 50—70-х годах XVIII в.**

Хозяйство казахов в XVIII в. 155
Международное положение Младшей Орды 158
Упадок ханской власти в Младшей Орде 162
Вопрос о перекочевке на «внутреннюю сторону» 163
Вопрос о бежавших кулах 166
Влияние стеснения кочевий и задержки рабов на народное хозяйство 167
Хан Нур-Али и царская администрация 168
Бегство калмыков из России 172
Средняя Орда и Джунгария 172
Отношения Аблая с Китаем и царским правительством 175
Расцвет могущества Аблая 178

Глава IX. Казахи и движение Пугачева

Причины движения Пугачева 180
Пугачев и знать «белой кости» 182
Казахские народные массы и движение Пугачева 184
Роль казахов в движении Пугачева 189
Движение «Невидимки» 192

Глава X. Движение батыра Срыма Датова

Феодально-колониальная система эксплоатации 194
Биографические сведения о батыре Срыме 196
Социальная база и руководство движением Срыма 197
«Реформа» барона Игельстрома 199
Восстановление власти хана в Орде 200
Новый подъем движения Срыма 201
Связь Срыма с феодалами поколения Алим-улы и упадок движения 203
Жут 1795—1796 гг. и убийство хана Ишима 206
Последняя попытка Срыма добиться ликвидации ханской власти . 208
Причины поражения и значение движения Срыма 210

Глава XI. Казахские Орды в первой четверти XIX в.

Политический и хозяйственный кризис в Младшей Орде в начале XIX в. 212
Образование «Внутренней Орды» 217
«Обет» 1803 г. 217
Движение султана Каратая 218
Султан Арынгазы 222
Движение Жоламана Тиленши 226
Хан Ширгазы и царское правительство 230
Хозяйственный упадок и политический кризис в Средней Орде . 231
Внешнее положение ханства Вали 234
Утверждение султана Букея вторым ханом Средней Орды . . . 235
Старшая Орда в конце XVIII — начале XIX в. 236
Устав 1822 г. 238
Ликвидация ханской власти в Младшей Орде 240

Глава XII. Внутренняя Орда и восстание Исетая Тайманова

Первые годы существования Внутренней Орды 242
Земельный вопрос во Внутренней Орде 244
Назначение Букея ханом 246
Букеевская Орда при султане Шигае 246
Углубление феодальных отношений в Букеевской Орде при хане Жангире 247
Торговля в Букеевской Орде 251
Углубление расслоения казахской общины 252
Движение Каип-Галия 253
Восстание Исетая Тайманова 257

Глава XIII. Движение Кенисары Касимова

Агрессия среднеазиатских ханств в 20-х годах XIX в. 263
Положение восточной части Старшей Орды во второй четверти XIX в. 266
Организация внешних округов в Средней Орде 267
Младшая Орда во второй четверти XIX в. 269
Восстание Кенисары Касимова 273
Значение движения Кенисары 286

Глава XIV. Казахстан в 50—60-х годах XIX в.

Казахи под властью среднеазиатских ханств в середине XIX в. 290
Среднеазиатские походы 50-х годов 291
Хозяйство казахов в середине XIX в. 293
Социальные отношения казахов в середине XIX в. 297
Восстание 1857 г. в Старшей Орде 302
Движение Жан-Хожи 302
Движение Исета Котибарова 307
Завоевание среднеазиатских ханств 310
Реформа 21 октября 1868 г. 311
Восстание 1869 — 1870 гг. 315

Глава XV. Из прошлого культуры казахского народа

Верования казахов 321
Народная устная поэзия доколониального периода 325
Устная народная поэзия колониального периода (XVIII—XIX вв.) 335
Прикладное и изобразительное искусство казахов 339
Начало письменной литературы 345
Ч. Ч. Валиханов 346
Хронология 352
Библиографический указатель 356

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

Редактор *П. П. Иванов*
Тираж 20000. Подписано к печати 27/V 1941. М. 56263. Печ. л. 23. Авт. л. 22. Типогр. зн. в 1 печ. листе 48.000. Зак. № 950.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

1988.W7

6 р. 25 к.

24899

194|к
244б.-1)

[illegible] г.